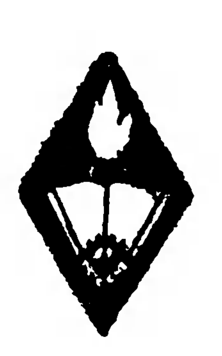
ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

В двух томах

●

Под общей редакцией
С. Д. СКАЗКИНА

●

Допущено
Министерством
высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебника
для студентов
университетов,
обучающихся
по специальности
«История»

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ИЗДАНИЕ 2-е, ПЕРЕРАБОТАННОЕ

Редакционная коллегия:
А. Д. ЛЮБЛИНСКАЯ, Ю. М. САПРЫКИН, М. М. СМИРИН, А. Н. ЧИСТОЗВОНОВ, Т. С. ОСИПОВА, В. Л. РОМАНОВА

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1977

Рецензент: кафедра истории средних веков Воронежского ордена Ленина государственного университета им. Ленинского комсомола

И 90 История средних веков (в двух томах), т. II. Учебник. Под ред. С. Д. Сказкина и др. Изд. 2-е, перераб. М., «Высш. школа», 1977.

836 с.

Второй том содержит материал о последнем периоде западного средневековья от великих географических открытий на рубеже XV—XVI вв. до Вестфальского мира (1648). В нем излагается история отдельных стран за указанный период, а также общие проблемы: возникновение капитализма, формирование международных отношений, развитие науки.

И $\frac{10603-420}{001(01)-77}$ 13—77 9(М)1

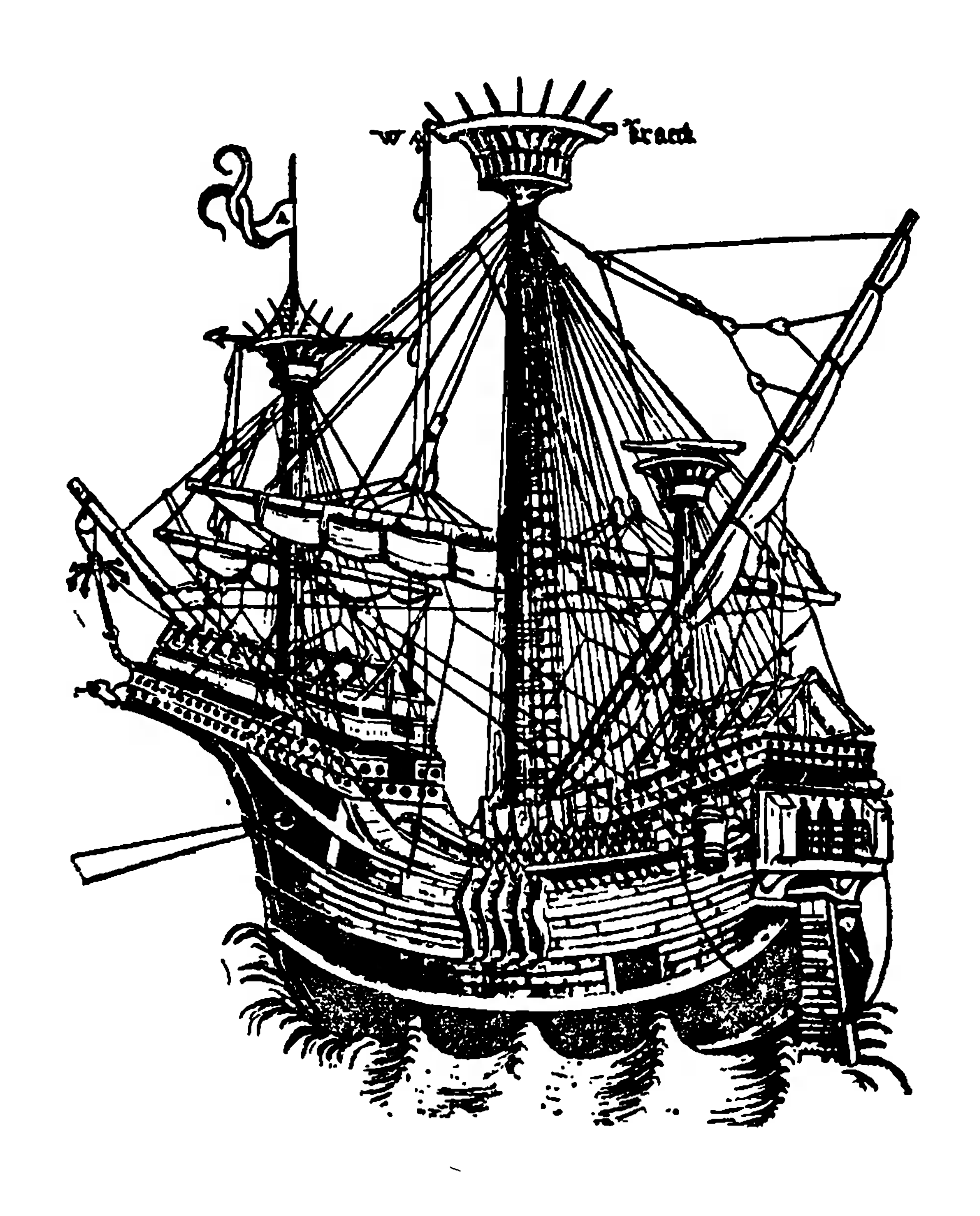
ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том учебника «История средних веков» для исторических факультетов государственных университетов охватывает последний период западноевропейского средневековья — от великих географических открытий на рубеже XV—XVI вв. до Вестфальского мира 1648 г. — время, когда в большинстве стран Западной и Центральной Европы происходил процесс разложения феодального строя и зарождались капиталистические отношения. Важнейшими событиями этого периода были: разложение феодальной собственности и феодальных производственных отношений как в сфере поземельных отношений, так и в области городского ремесла, процесс первоначального накопления, связанный с массовой экспроприацией непосредственных производителей, прежде всего крестьянства и зарождением мировой колониальной системы; процесс возникновения и развития прогрессивных для того времени капиталистических форм производства, обмена и распределения — капиталистической мануфактуры в промышленности, буржуазного фермерского хозяйства в деревне, торгово-банковских компаний капиталистического типа и т. п. Качественные изменения, происходившие в экономике, сопровождались ломкой ранее существовавшей социальной структуры феодального общества, обострением социально-политических и классовых конфликтов, охватывавших все сферы общественной жизни. Высшей формой классовой борьбы этой эпохи были буржуазные революции мануфактурного периода.

От ранее издававшихся учебников по истории средних веков предлагаемый вниманию читателей том отличается известными структурными изменениями. История Германии от начала XVI в. до Тридцатилетней войны дана в одной главе, разделенной на две части: 1) эпоха Реформации и Великой крестьянской войны; 2) Германия во второй половине XVI и в начале XVII в. Тридцатилетняя война рассматривается не как явление внутригерманской истории, а как событие общеевропейского характера,

обусловленное всем ходом развития международных отношений в XVI и в начале XVII в., которым посвящена особая глава. В главе о географических открытиях дается лишь материал, который относится к западноевропейским странам. Исходя из наличия отдельного учебника для университетов по истории южных и западных славян, авторы второго тома учебника, так же как и первого, не останавливались специально на внутренней истории славянских стран. История этих стран рассматривается лишь в их связях с другими европейскими странами и народами и в плане международных отношений в Европе.

Как и первый том учебника, его второй том представляет собой коллективный труд, в написании которого приняли участие научные сотрудники сектора истории средних веков Института всеобщей истории Академии наук СССР, Ленинградского отделения Института истории СССР, Академии наук СССР, профессора и преподаватели кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и ряда вузов, а также сотрудники других научных учреждений. Состав авторского коллектива указан в оглавлении.

Позднее средневековье XVI - середина XVII вв.

Глава 23

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Третий период истории средних веков охватывает полтора столетия — с начала XVI до середины XVII в. В Европе в это время продолжал в основном господствовать феодализм и класс феодалов сохранял свое политическое главенство. Вместе с тем позднее средневековье характеризуется все ускоряющимся темпом развития производительных сил, зарождением и вызреванием капиталистического уклада в недрах разлагающегося феодального общества. «Экономическая структура капиталистического общества, — писал Маркс, — выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого» [1]. Зачатки капиталистического производства появились в крупных торгово-промышленных городах Италии и Нидерландов в XIV—XV вв., но «начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию» [2].

Не во всех европейских странах в равной мере происходили эти процессы. В некоторых из них капиталистическое развитие не имело заметных успехов, а рост товарно-денежных отношений и внешнеторговых связей использовало главным образом дворянство в целях своего обогащения путем возврата к наиболее грубым формам феодальной эксплуатации крестьянства — барщине и крепостничеству (Венгрия, Германия после поражения Крестьянской войны 1525 г., Чехия после разгрома освободительного движения).

В Италии в XVI—XVII вв. раннекапиталистические отношения постепенно приходили в упадок вследствие изменения структуры внешнего рынка, закрепившейся политической и экономической раздробленности страны, которая стала объектом захватнической политики крупных абсолютистских монархий. В Испании и Португалии, осуществивших большие колониальные захваты в XVI в., происходил процесс первоначального накопления и в некоторых отраслях стали возникать капиталистические мануфактуры. Однако дальнейшее прогрессивное экономическое развитие этих стран было подавлено восторжествовавшей феодальной реакцией.

Иначе шло развитие таких государств, как Англия, Нидерланды, Франция. В этих странах происходило разложение феодальных производственных отношений, развивался процесс первоначального на-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 727.
[2] *Там же*, с. 728.

копления, зарождения капиталистического уклада. В сфере социальной возникали два новых класса общества — буржуазия и предпролетариат. Появление на исторической арене новых классов сопровождалось возникновением новых прогрессивных форм идеологии, которые нанесли удар феодальному мировоззрению и господству официальной идеологии католицизма.

Изменения произошли в политической надстройке общества. В период позднего средневековья в ряде европейских стран появилась новая форма политического господства класса феодалов — абсолютная (неограниченная) монархия. Третий период истории средних веков ознаменовался также первыми актами буржуазной революции в Европе: Реформацией и Крестьянской войной 1525 г. в Германии и Нидерландской революцией.

Развитие производительных сил в промышленности к началу XVI в.

События, связанные с зарождением и развитием капитализма в Европе, имели всемирно-историческое значение. Возникновение капиталистического уклада было обусловлено развитием производительных сил. «Для того, чтобы капиталистическое отношение вообще возникло, необходима в качестве предпосылки определенная историческая ступень и форма общественного производства. В рамках прежнего способа производства должны развиться средства сообщения, средства производства и потребности, которые выходят за пределы старых производственных отношений и вынуждают их превратиться в капиталистическое отношение» [1].

Производство постоянно находится в состоянии изменения, при этом изменяются в первую очередь орудия труда. В этом отношении к началу XVI в. благодаря труду непосредственных производителей — ремесленников и крестьян — были достигнуты значительные успехи. Ранее всего это сказалось в промышленности, которая в средние века имела ремесленный характер.

Использование водяного колеса в качестве двигателя было известно еще античности. Но в период раннего средневековья было распространено нижнебойное колесо, устанавливавшееся прямо в потоке воды. Лишь начиная с XIII в. стало применяться верхнебойное, или наливное, колесо, приводимое в движение силой падающей на него сверху струи воды. Коэффициент полезного действия такого колеса был значительно выше. Это позволяло устанавливать водяное колесо уже не на самой реке, а на небольших отводных каналах. Применялось оно в самых различных отраслях производства: в мукомольном деле, сукноделии, горнорудном и металлургическом, бумажном производствах — и с XVI в. заняло господствующее положение.

Значительно усовершенствовалась техника металлургического производства. Наряду с кричным горном, в котором выплавлялось в тестообразном виде железо (шлаки и другие примеси удалялись из него последующей проковкой), с XIV в. научились создавать, сначала небольшие, доменные печи. К середине XV в. размеры этих печей

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), 1933, с. 175.

сильно возросли. В домнах производился уже новый продукт — расплавленный до жидкого состояния чугун. Часть его шла на отливку разных изделий, другая могла переделываться на разные сорта стали в кричных горнах (кричный передел). Ручные меха заменяются механическими, движимыми водяными колесами. На основе применения ступенчатого вала были сконструированы дробильные машины для размельчения руды и механические молоты для ковки металла. Широко распространились в XVI в. также волочильные и прокатные механизмы. Объем выплавки чугуна и стали в Европе сильно возрос, что способствовало усовершенствованию инструментов и других орудий во всех отраслях производства. Для холодной обработки металла использовались простейшие виды токарных, сверлильных и шлифовальных станков.

Различные простейшие механизмы — водоотливные насосы, подъемники и т. п. — начали применяться в горнорудной промышленности. Благодаря этому стало возможным добывать полезные ископаемые в подземных шахтах более глубокого залегания, чем раньше, что привело к изменениям в горном деле. Вместо примитивных ям и ручного вычерпывания воды появились горизонтальные и наклонные выработки с самостоятельным выходом на поверхность земли (штольни), а на ряде разработок — вертикальные стволы — шахты, от которых в разные стороны расходились штреки, где велась разработка горнорудных пластов. Успехи металлургии способствовали быстрому развитию огнестрельного оружия, как стрелкового, так и артиллерии. Первое было представлено пистолетами, аркебузами, в XVI—XVII вв. — мушкетами; второе — серией специализированных пушек и мортир, использовавшихся на поле боя, при осаде или обороне крепостей, на морских судах. Но все они имели еще внутри гладкие, а не нарезные стволы. Поэтому прицельность и дальнобойность их были относительно невелики. Изменились и доспехи воинов. Они стали делаться из тонких пластинок закаленной стали и таких форм, которые способствовали рикошетированию пуль и осколков бомб. Изменились тактика и стратегия. Крепости стали строиться гораздо более прочными, по инженерным расчетам, что обеспечивало ведение фланкирующего и кинжального огня по штурмующим вражеским войскам. В целом в военном деле совершался подлинный переворот

В текстильном производстве примитивные вертикальные ткацкие станки повсеместно уступили место более совершенным и более производительным горизонтальным станкам. Употребление одной сукновальной мельницы (с XII в.) заменяло 24 работника; применение широкого ткацкого станка с двумя рабочими повысило производительность труда в 3—4 раза, а самопрялки — в 3—5 раз. Был усовершенствован технологический процесс окраски тканей, внедрены новые красители.

Известные с XII в. механические часы конструктивно совершенствовались, и в конце XV в. были созданы портативные карманные часы с пружиной — первый известный тогда автоматический механизм. С изобретением книгопечатания появилось полиграфическое производство. Большие успехи были достигнуты в морском судостроении

и технике мореплавания (см. гл. 24), что создало условия для великих географических открытий XV—XVII вв. Последствия этих открытий сыграли выдающуюся роль в экономической и социальной жизни Европы.

С развитием орудий труда, техники и технологии производства совершенствовались навыки и квалификация самих производителей. Значительно усилилось общественное разделение труда. Появилось множество новых ремесел и профессий, углубилась специализация ремесленников и инструментов.

Если в ранний период развития сукноделия один суконодел выполнял большинство операций, связанных с выработкой сукна, то в XIV в., например, во Флоренции изготовляли и отделывали сукна несколько ремесленников узкой специализации (чесальщики, мойщики, прядильщики, ткачи, валяльщики, ворсовщики, красильщики, складывальщики и др.). Такое же положение существовало и в других отраслях текстильного производства. Сильно возросла специализация среди ремесленников, занимавшихся обработкой металлов. Рост общественного разделения труда означал большое увеличение его производительности, а следовательно, и общего объема производства различных изделий.

Развитие производительных сил в сельском хозяйстве

Развитие производительных сил, орудий производства в сельском хозяйстве шло медленнее, чем в ремесле. Сам характер сельскохозяйственных работ при существовавшем тогда уровне техники не создавал таких возможностей для роста разделения труда и его производительности, как в промышленности. Сильно тормозила развитие производительных сил в деревне феодальная эксплуатация крестьянства. Однако известный прогресс имелся и здесь.

Выражался он прежде всего во все более расширявшемся объеме производства сельскохозяйственных продуктов, в росте урожайности и расширении посевных площадей. К началу XVI в. большая часть запустевших земель была вновь распахана или использовалась под луга и пастбища. Для увеличения культурных площадей стали прибегать во все возраставших масштабах к осушению болот, озер и заливаемых морем низин, что требовало уже инженерных расчетов.

Совершенствовались методы обработки почвы. Наряду с господствовавшей трехпольной системой севооборота местами появилось многополье и травосеяние по пару. Все чаще применялись удобрения почвы, для чего кроме навоза употребляли торф, дерн, всякого рода отбросы, вывозившиеся из городов.

Интенсификация сельского хозяйства была вызвана тем, что рост городов и городского населения повлек за собой повышение спроса на хлеб и продовольствие. Развитие ремесленного производства повысило также спрос на сельскохозяйственное сырье — шерсть, кожу, коноплю, лен и другие технические культуры.

Значительное развитие к началу XVI в. получили животноводство, садоводство, огородничество, виноградарство и связанное с ним виноделие. Улучшилась сортность плодовых деревьев и злаков, породность и продуктивность скота. В отдельных областях стали практиковать

стойловый откорм скота (Фландрия, местами в Германии и Англии).

Возрастала специализация отдельных районов и областей, производивших определенные сельскохозяйственные продукты. Возникли районы торгового земледелия. Так, Голландия специализировалась на разведении молочного скота (и в большом количестве экспортировала сыр и масло), Рейнская область в Германии — на виноградарстве и производстве определенного сорта вин, Валенсия и Гранада в Испании — на производстве шелка-сырца, Кастилия — на разведении тонкорунных овец-мериносов и сбыте шерсти и т. д.

Земледельческие орудия мало изменились. Создавались в основном не новые образцы, а лишь улучшались и усовершенствовались прежние, традиционные орудия и инструменты: косы, серпы, бороны, плуги, которые становились более легкими, удобными в обращении, изготовлялись из более качественных сортов стали. С середины XV в. сначала во Фландрии, а позднее в Англии стал распространяться одноручный легкий плуг, влекомый одной-двумя лошадьми, управляемыми одним человеком (вместо 4—6 лошадей, 2—3 человек, требовавшихся для обычного тяжелого плуга).

В целом накопившиеся количественные изменения в агрикультуре и сельскохозяйственной технике создавали материальные предпосылки для зарождения капитализма и в деревне. Но подлинному перевороту в агрикультуре и орудиях труда препятствовали феодальные порядки, сковывавшие развитие производительных сил. Создание и укрепление новых, буржуазных производственных отношений должно было стать исходным пунктом последующего революционизирования орудий труда и агрикультуры.

Развитие товарного производства

Рост производительных сил сказался на развитии товарного производства, товарно-денежных и рыночных отношений. Элементы товарного производства и обмен известны были и в период раннего средневековья, но тогда, в условиях преобладания натуральных форм хозяйства, они имели подчиненное значение. Иную картину представлял собой поздний период феодализма. В XV в. товарно-денежные отношения проникли во все хозяйственные сферы феодального общества. С каждым годом городское ремесло производило всё больше товаров. Увеличилось количество городов и численность их населения, а также богатство, сила и значение горожан.

Глубоко проникли товарно-денежные отношения и в экономику деревни. С ростом городов и городского населения, с возникновением районов торгового земледелия возрастал обмен между городом и деревней. Сельские побочные промыслы успешно конкурировали с городским ремеслом. Денежная форма феодальной ренты (с многообразием видов, присущим периоду разложения феодализма) стала господствующей в передовых странах Западной Европы.

Поскольку крестьянин должен был платить феодалу в качестве ренты деньги, он становился продавцом продуктов, что расширяло рыночные связи. Возрастала хозяйственная самостоятельность крестьянина, а также его заинтересованность в повышении произ-

водительности своего труда. Одновременно домениальное хозяйство все больше сходило на нет, а феодал выступал на рынке главным образом в роли покупателя товаров, а не продавца.

Рыночные связи умножились, расширились и перешагнули местные и национальные рамки, что в совокупности с быстрым ростом морского судоходства и великими географическими открытиями конца XV—XVI вв., с развитием капиталистических отношений создавало базу для складывания мирового рынка.

Углубление общественного разделения труда в ряде ведущих отраслей промышленного производства (текстильного, горно-металлургического и др.) и в сельском хозяйстве, где также появились разные промыслы и ремесла, перерастало рамки мелкого товарного производства и феодального производства в целом.

В том же направлении действовала и эволюция самого простого товарного производства, по отношению к которому капиталистическое производство является высшей, но одновременно и качественно отличной формой. Простое товарное производство, как и капиталистическое, основано на производстве товаров для продажи их на рынке. Как и капиталистическому производству, ему присуща частная собственность на средства производства (хотя и в более мелком масштабе). Развитие товарного производства усиливало имущественное расслоение мелких товаропроизводителей. Поэтому мелкое товарное производство (городское и сельское ремесло, мелкое крестьянское хозяйство) при наличии определенных условий, в обстановке разложения феодальных отношений создавало предпосылки для развития отношений капиталистических, вместе с купеческим и ростовщическим капиталом выступало в качестве исходного пункта и питательной среды для возникающего капитализма.

Законы экономического развития диктовали необходимость перехода от мелкого производства к крупному: от разделения труда между цехами и мелкими мастерскими к разделению труда внутри крупной мастерской, от мелкой собственности самостоятельных товаропроизводителей к крупной капиталистической собственности, от местных и национальных рынков к мировому рынку, от простого товарного производства к капиталистическому укладу. Но этому мешали существовавшие формы производства и обмена. «Городской труд, — писал Маркс, — сам создал такие средства производства, для которых цехи стали настолько же стеснительными, насколько прежние отношения земельной собственности стеснительны для усовершенствованного земледелия...» [1].

В городских ремесленных цехах технологические регламентации, ограничение размеров производства, запрещение употреблять технические новинки (например, самопрялки, сукновальные мельницы и др.), сохранение внеэкономическими методами монополии на производство тех или иных видов изделий сковывали рост крупного производства, тем более что купцы и разбогатевшие внецеховые ре-

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 500.

месленники не могли найти в достаточном количестве рабочих. Мелкие производители города и деревни были еще соединены со своими средствами производства и цеховым принуждением в городах, феодальной зависимостью — в деревнях, удерживались насильственно в рамках феодальных форм производства.

В деревне раздробленность земельных участков, принудительные севообороты препятствовали внедрению интенсивных методов ведения хозяйства, укрупнению его размеров.

Развитие рыночных связей также встречало на своем пути многочисленные препоны. Феодальный строй, характерные для него мелкое производство и местнический городской протекционизм ограничивали емкость внутреннего рынка, задерживали развитие товарного обращения.

Вследствие этого образование капиталистических отношений в ходе разложения мелкого товарного производства при господстве феодализма совершалось медленно, черепашьими темпами и это не соответствовало торговым потребностям «нового мирового рынка, созданного великими открытиями конца XV века»[1].

Процесс первоначального накопления

Историческая необходимость первоначального накопления определялась теми чертами, которые отличали капиталистический способ производства и капиталистическую систему эксплуатации от феодального способа производства и феодальной системы эксплуатации.

Собственнику земли — феодалу — для получения феодальной ренты необходим владеющий собственными орудиями труда и наделенный им землей крестьянин, по отношению к которому феодал использует силу внеэкономического принуждения.

Капиталистический способ производства зиждется на эксплуатации лишенных средств производства и средств существования наемных рабочих — пролетариев — классом капиталистов, сосредоточившим в своих руках денежные богатства и средства производства. Капиталист в отличие от феодала не может купить или продать наемного рабочего. Но тот, чтобы не умереть с голоду, вынужден продавать свою рабочую силу капиталисту, который как собственник средств производства присваивает без оплаты прибавочный труд эксплуатируемого им наемного рабочего.

«Исторической предпосылкой возникновения капитала, — писал В. И. Ленин, — является, во-1-х, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще и, во-2-х, наличность «свободного» в двояком смысле рабочего, свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйного рабочего, рабочего-«пролетария», которому нечем существовать, кроме как продажей рабочей силы»[2].

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 759.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 26, с. 64.

Исторические предпосылки капиталистического способа производства были значительно ускорены в процессе так называемого первоначального накопления, явившегося не результатом, а исходным пунктом капиталистического способа производства. «От накопления капитала на базисе капитализма следует отличать так называемое первоначальное накопление: насильственное отделение работника от средств производства, изгнание крестьян с земли, кражу общинных земель, систему колоний и государственных долгов, покровительственных пошлин и т. д.»[1].

В то же время история развития общества показывает, что все элементы, из которых складывалось первоначальное накопление, исторически распределялись более или менее последовательно между различными странами: Испанией, Португалией, Нидерландами, Англией, Францией, а вовсе не выступали в каком-то строго обязательном единстве. Однако основу этого процесса повсеместно составляла экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, т. е. обезземеливание крестьянина. В наиболее завершенном виде оно проходило в Англии, и именно на ее примере Маркс показал мучительный для народных масс процесс первоначального накопления, процесс рождения капитализма.

Главной формой экспроприации крестьянства в XVI—XVII вв. в Англии были захваты феодалами всех рангов общинных земель, сгон крестьян с их участков, снос целых деревень. Дворяне обносили изгородями («огораживали») захваченные земельные комплексы, а потом либо заводили на них собственные хозяйства буржуазного типа, либо сдавали в аренду фермерам и буржуазным предпринимателям, а то и превращали в развлекательные резиденции.

Насильственная экспроприация крестьян имела место и в других странах. Во Франции в XVI—XVII вв. крестьян разоряли тяжелые государственные налоги, ростовщическая кабала и прямой грабеж сеньоров, их управителей, откупщиков и сборщиков налогов. В наиболее экономически развитых провинциях Нидерландов зажиточные крестьяне, скупавшие землю богатые горожане и дворяне к середине XVI в. уже обезземелили значительную массу крестьян посредством ростовщической кабалы и прямого насилия.

Одновременно с этим шла экспроприация мелких городских и сельских ремесленников, которых купцы-скупщики и ростовщики опутывали сетью непосильных «долгов». Цеховые мастера многих отраслей уже в XV в. объединились в замкнутые корпорации, закрыв фактически подмастерьям доступ в свою среду и превращая постепенно последних в наемных рабочих. Феодальное государство давило разорявшихся мелких ремесленников непомерными налогами. В результате уже в XVI в. в таких странах, как Нидерланды, Англия, Франция, Испания, многие мелкие ремесленники либо совершенно разорились, либо потеряли свою самостоятельность и фактически получали заработную плату, притом нищенскую, от эксплуатировавших их богачей, часть которых выделилась из среды самих ремесленников.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 65—66.

Осуществлялось все это с применением жесточайшего насилия. Феодальные государства подавляли сопротивление экспроприируемых масс с помощью войск, свирепых судебных расправ, тюрем и виселиц. Поскольку нарождавшееся капиталистическое производство не могло сразу поглотить всю массу экспроприированных, а последние еще не привыкли к новой, казарменной дисциплине наемного труда на мануфактурах, повсюду развивалось бродяжничество. С целью его пресечения начиная с XVI в. в Англии, Испании, Нидерландах, во Франции издавались жестокие законы против бродяг, т. е. экспроприированных, лишенных орудий труда, крова и средств существования крестьян и ремесленников. Эти законы предписывали бить бродяг кнутом, отдавать в специально устроенные работные дома, где они гибли от голода и непосильного труда, ссылать на каторгу, на галеры и даже казнить. Маркс охарактеризовал эти законы как «кровавое законодательство». «Отцы теперешнего рабочего класса, — писал он, — были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их превратили в бродяг и пауперов» [1].

Подобными методами создавалась резервная армия рабочих, необходимая для развития капиталистического производства, а в руках кучки богачей сосредоточивались крупные денежные суммы, необходимые для приобретения средств производства и покупки рабочей силы, в избытке появившейся на рынке труда.

Уже в предшествующие столетия богатые горожане, купцы и ростовщики накопили значительные денежные суммы. Теперь, в XVI—XVII вв., массовое ограбление крестьян и ремесленников открывало перед богачами еще более широкие возможности. Почти столь же широкие возможности открывал и грабеж вновь открытых земель, превращенных в колонии. Первыми, кто сильно нажился на этом, были испанские и португальские конкистадоры и купцы. Они расхищали природные богатства открытых стран, свирепо эксплуатировали их население и истребляли его, наживали огромные средства на колониальной торговле, которая часто представляла собой лишь несколько завуалированную разновидность грабежа.

Вслед за испанцами и португальцами в колонии двинулись голландские и английские купцы, которые создали целую систему хищнической эксплуатации колоний (см. гл. 24). «Сокровища, добытые за пределами Европы посредством прямого грабежа, порабощения туземцев, убийств, — писал Маркс, — притекали в метрополию и тут превращались в капитал» [2].

Нарождающаяся буржуазия сильно наживалась и на государственных долгах, которые Маркс считал одним из самых мощных рычагов первоначального накопления. Такую роль они играли как в феодально-абсолютистских монархиях XVI—XVII вв., так и позже, когда в Европе появились первые буржуазные государства (республика Соединенных провинций, Англия). Государство постоянно нуждалось в деньгах для ведения войн, содержания армии и чиновников и т. д. Налоговых поступлений, как бы они ни были велики, никог-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 744.
[2] *Там же*, с. 763.

да не хватало. Поэтому государство часто занимало деньги у ростовщиков и купцов, выплачивая по займам высокие проценты. И займы, и проценты по ним оплачивались в итоге за счет налогового ограбления народных масс. Государственный долг был одновременно и источником обогащения буржуазии, и одним из способов экспроприации мелких производителей.

Арсенал методов первоначального накопления дополняла система протекционизма. Сущность ее заключалась в том, что европейские государства — Франция, Англия, Нидерланды и др. — в XVI—XVII вв. стали вводить высокие пошлины на ввозимые готовые изделия, запрещать вывоз сырья и продовольствия, давать купцам и предпринимателям денежные субсидии, премии и всевозможные льготы. Делалось это в интересах самого феодального государства, которое нуждалось в развитии ряда отраслей производства (в первую очередь связанных со снабжением армии); оно, кроме того, получало значительные доходы в виде таможенных сборов. Но главные выгоды из подобной системы извлекала буржуазия, получившая возможность удерживать на внутреннем рынке высокие цены на товары своего производства, снижать цены на сырье и продовольствие и тем самым увеличивать свои прибыли за счет мелких крестьян и наемных рабочих.

Обогащению буржуазии и обнищанию народных масс способствовала и так называемая революция цен, охватившая сначала Испанию и Португалию, а затем Францию, Англию, Нидерланды и почти все другие страны Европы в XVI в. под влиянием ввоза большого количества драгоценных металлов — золота и серебра, добытых дешевым трудом рабов в колониях (см. гл. 28).

В ходе первоначального накопления, главным образом насильственным путем, создавалась отличная от феодальной буржуазная собственность, крупная собственность капиталистов на денежные богатства и средства производства при одновременном превращении больших масс населения в продавцов своей рабочей силы.

Отделение непосредственных производителей от средств производства и сосредоточение последних, а также денежных богатств в руках капиталистов неизмеримо расширяли емкость внутреннего рынка. Массы вчерашних крестьян и ремесленников теперь выступали как потребители товаров и продавцы рабочей силы. Возрос спрос на средства производства со стороны предпринимателей.

С открытием новых стран и возникновением колониальной системы торговля приобрела мировой характер. Складывался мировой капиталистический рынок. Это событие имело огромное общеисторическое значение. Судьбы буржуазного развития той или иной страны в решающей мере зависели от того, господствующее или подчиненное место на мировом рынке она занимала.

Капиталистическая мануфактура

Первоначальное накопление и складывание капиталистического уклада не были отделены четко хронологически друг от друга, нередко эти процессы шли и одновременно, оказывая воздействие друг на друга.

Первой стадией развития капиталистического производства в промышленности была капиталистическая простая кооперация. Это такая форма производства, при которой купец или капиталист эксплуатировал более или менее значительную группу наемных рабочих, одновременно занятых на производстве и выполняющих однородную работу. Уже она давала значительный рост производительности труда и снижение стоимости продукции. Последующее развитие капиталистического производства привело к возникновению мануфактуры, господствовавшей в Западной Европе с середины XVI в. до последней трети XVIII в. (так называемый мануфактурный период капитализма). Эту стадию в развернутой ее форме прошли лишь самые развитые страны Европы — Англия, Нидерланды, Франция.

Мануфактура — капиталистическое предприятие. Владельцем его является купец-капиталист или капиталист-предприниматель, а работают в нем либо фактически низведенные до уровня рабочих-надомников псевдосамостоятельные мелкие ремесленники, либо наемные рабочие. Хотя появление мануфактуры знаменовало собой переход от индивидуального мелкого к крупному производству, она базировалась еще на ремесленной ручной технике, но уже на разделении труда внутри мастерской.

Зарождалась мануфактура прежде всего в таких отраслях, в которых развитие орудий производства или степень разделения труда создавали условия для перехода к крупному производству: в горнорудной и металлургической промышленности, судостроении и текстильном производстве. В горнорудной и металлургической промышленности, в судостроении предприниматели шли по пути создания крупных централизованных предприятий мануфактурного типа или временно кооперировали отдельные предприятия мелкого масштаба с последующим их слиянием, расширением и переоборудованием. В текстильном производстве, как правило, крупные капиталистические предприятия появлялись на базе рассеянной и смешанной мануфактуры.

Организаторами первых мануфактур чаще всего выступали купцы, ростовщики, внецеховые ремесленники, реже — отдельные разбогатевшие цеховые мастера. Ремесленные цехи и продолжавшие существовать средневековые купеческие корпорации, ставшие теперь уже тормозом для дальнейшего развития промышленности и торговли, чинили всяческие препятствия развивавшейся капиталистической мануфактуре в стенах городов. Поэтому базой развития последней послужило не цеховое ремесло, а сельские побочные промыслы или такие ремесла, которые не были организованы в цехи.

Сначала купец, ростовщик или мелкий мастер-предприниматель, пользуясь отдаленностью мелких ремесленников от рынков сбыта и сырья или их материальными затруднениями, выступали в качестве продавцов сырья и скупщиков произведенных ремесленниками готовых изделий. Ремесленники стали отделяться от рынка сбыта, скупщик же постепенно подчинял их себе, устанавливал цены на покупаемые изделия, все сильнее опутывал свои жертвы долгами, начинал доставлять им в кредит сырье и инструменты, а кончал тем,

что из скупщика превращался уже в раздатчика-предпринимателя, фактически выплачивая ранее самостоятельным производителям заработную плату. Затем он вмешивался в процесс производства, подчинял себе большое число сельских ремесленников одной или различных узких специальностей и превращался в купца-мануфактуриста. «Сосредоточение значительного числа рабочих под командой одного и того же капитала, — писал Маркс, — образует естественный исходный пункт как кооперации вообще, так и мануфактуры»[1]. Такой тип мануфактуры создавался преимущественно купеческим капиталом, а называлась она рассеянной, так как эксплуатируемые капиталистом пролетаризированные мелкие производители работали еще у себя на дому, а не в общей мастерской.

Но был и другой путь образования мануфактуры. Купец, разбогатевший самостоятельный ремесленник или, реже, цеховой мастер создавал большую мастерскую, сам закупал необходимое оборудование, инструменты и сырье и эксплуатировал наемных рабочих, трудившихся под одной крышей, в одной мастерской. Он же сбывал и произведенную в мастерской продукцию. Такой тип мануфактуры, называвшейся централизованной, создавался обычно промышленными предпринимателями.

Первый путь развития с прямым подчинением производства купцу был более распространенным, но это был консервативный путь. Скупщик-предприниматель присваивал прибавочный труд эксплуатировавшихся им пролетаризированных, внешне самостоятельных производителей на основе старого способа производства, то, что Маркс называл формальным подчинением труда капиталу. Это был переходный, зачаточный тип капиталистического производства. Он базировался на присвоении капиталистом прибавочной стоимости за счет увеличения продолжительности рабочего дня (абсолютная прибавочная стоимость). Такие формы производства либо постепенно отмирали, либо развивались в более высокие формы — мануфактуру, где прибавочная стоимость производилась уже за счет повышения производительности труда (относительная прибавочная стоимость).

Второй путь, при котором производитель превращался в купца и предпринимателя, был, по характеристике Маркса, «действительно революционизирующим путем». Он открывал наибольшие возможности развития перед складывавшимся крупным капиталистическим производством, олицетворяя реальное подчинение труда капиталу (т. е. собственно капиталистическое производство).

На практике оба пути развития капиталистической мануфактуры сосуществовали, переплетались и порождали множество смешанных форм мануфактурных предприятий, сочетавших те или иные их черты в той или иной пропорции. Например, мануфактурист-суконодел раздавал ремесленникам-надомникам шерсть и пряжу для прядения и тканья, а первичную обработку шерсти, окраску и отделку готовых сукон производил в собственной мастерской с помо-

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 372.

щью наемных рабочих. По сравнению с цеховым и мелким самостоятельным производством городских и сельских ремесленников капиталистическая мануфактура во всех ее формах, а особенно централизованная, была большим шагом вперед.

Мануфактура зиждилась на ручном труде и на ремесленной технике. Отсюда и ее название: от латинского manus — рука и factura — изделие. В мануфактуре разделение ручного труда достигло своего предела. Каждый рабочий производил лишь небольшое число операций или даже одну из них. Благодаря этому рабочий становился виртуозом своей операции, а инструмент его приобретал такую степень специализации, что это вплотную подводило к созданию исполнительного механизма машины.

Очень показателен в этом отношении пример роста производительности труда на основе его детального разделения в игольном производстве. В мануфактуре с 10 работниками ежедневная выработка на одного рабочего достигала 4,8 тыс. иголок. В то же время один ремесленник, осуществлявший сам все операции по производству иглы, не смог бы сделать и 20 иголок в день.

Легко себе представить, что это означало в масштабе всего мануфактурного производства в целом, а также понять, что сулила конкуренция с мануфактурой мелким ремесленникам, которые продолжали работать в этой отрасли прежними методами.

Вместе с тем мануфактура являлась капиталистическим предприятием, владелец которого был одержим лишь одной целью — получить побольше прибыли. Рабочие мануфактур подвергались самой бесчеловечной эксплуатации. Предприниматели не только повышали интенсивность труда, увеличивали продолжительность рабочего дня и снижали заработную плату, но и широко применяли, используя «кровавое законодательство», принудительный труд бродяг на своих предприятиях, устанавливали для рабочих жесткий казарменный распорядок жизни.

Необходимо, однако, отметить, что мануфактура не охватывала и не могла охватить полностью общественное производство. «Она выделялась, — по словам Маркса, — как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы» [1].

Капиталистическая мануфактура существовала в феодальном окружении. Она зачастую подвергалась преследованиям со стороны цехов, местами же — ограблению со стороны дворянского государства, как, например в Испании, где постепенно и заглохла. Зато в Англии, Нидерландах и Франции капиталистическая мануфактура крепла и приобретала все большее значение.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве

Насильственная экспроприация крестьян ускорялась в XVI в. в некоторых странах (Англия, Германия, Нидерланды) конфискацией (секуляризацией) и распродажей церковных и монастырских земель в ходе реформирования католической церкви (реформация).

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 381.

Реформация привела к большим перемещениям земельной собственности и изменениям самого характера аграрных отношений.

В деревне в XVI—XVII вв., как и в городе, возникали капиталистические отношения. Но в деревне развитие орудий труда, общественного разделения труда и разложение феодальных производственных отношений совершались замедленным темпом. Поэтому и развитие капиталистических отношений здесь шло медленнее, чем в городе. Наиболее завершенные и четкие формы этот процесс получил в Англии, где экспроприация крестьян была проведена в самой решительной и жестокой форме.

Согнав со своих земель крестьян — феодальных держателей, английские дворяне, а также буржуа, скупившие значительную часть монастырских земель, сосредоточили в своих руках большие владения. Часть их превращалась в пастбища для разведения овец, другая — в крупные хозяйства с применением в широких масштабах труда наемных сельскохозяйственных рабочих-батраков.

Большую же часть земли ее новые собственники сдавали крестьянам или реже городским буржуа в аренду, плата за которую значительно превышала размер ренты, уплачиваемой прежним держателем на феодальном праве — крестьянином. Первоначальной формой такой аренды была издольщина (metayage), распространенная в ряде европейских стран (Англия, Франция, Италия, Германия, Нидерланды). Сущность издольщины заключалась в том, что земельный собственник давал арендатору землю, а зачастую семена и инвентарь. Порой издольщик сам, целиком или частично, обеспечивал свое хозяйство семенами, а также живым и мертвым инвентарем. Он обрабатывал землю сам (если участок был невелик) или прибегал к наемному труду и после сбора урожая обусловленную в договоре часть его отдавал собственнику земли, а остальной частью распоряжался по своему усмотрению. Наиболее часто встречавшейся формой издольщины была испольщина, при которой владелец земли и арендатор несли равные доли расходов по ведению хозяйства и поровну делили полученные доходы.

При издольщине земельная рента выступает уже не в чистом виде, так как земельный собственник авансировал арендатору какую-то часть капитала. По своей экономической структуре издольщина была промежуточной, полуфеодальной формой ренты, и ее дальнейшая эволюция зависела от общего хода экономического развития той или иной страны. Если хозяйство развивалось по капиталистическому пути, издольщина трансформировалась постепенно в капиталистическую форму аренды. И наоборот, если верх одерживала феодальная реакция, издольщина превращалась в кабалу, поглощавшую не только весь прибавочный труд арендатора, но порой и часть его необходимого продукта.

В Англии, где все больше утверждался капиталистический уклад, издольщина быстро уступила место чистой форме капиталистического предпринимательства в сельском хозяйстве — фермерству. Предприниматель-фермер арендовал на определенный срок большой участок земли, уплачивая землевладельцу установленную арендную

плату. Он приобретал инвентарь, семена и сам оплачивал наемную рабочую силу. Для этого требовались значительные денежные средства. В противоположность феодально зависимому крестьянину фермер не имел владельческих прав па арендованную им землю. За пользование ею он уплачивал собственнику земли ренту, которая в отличие от феодальной ренты представляла собою часть прибавочной стоимости, созданной сельскохозяйственными рабочими сверх средней нормы прибыли на капитал.

Так в английском сельском хозяйстве создавалось капиталистическое производство, существовавшее наряду с капиталистической мануфактурой в промышленности. В то же время в Англии феодальная собственность на землю и феодальная эксплуатация крестьянства продолжали существовать, и в достаточно большом объеме, а вместе с ними — феодальное дворянство как господствующий класс и класс феодально эксплуатируемого крестьянства.

В Нидерландах капиталистическое фермерское хозяйство в XVI в. также достигло известного развития. Значительное распространение получила и издольщина.

Во Франции капиталистические формы в сельском хозяйстве утверждались гораздо медленнее, чем в Англии и Нидерландах. В Южной Франции наряду с исконной цензивой развивалась преимущественно испольщина, в северных районах страны — капиталистическое фермерское хозяйство.

Иначе складывались отношения в сельском хозяйстве Восточной Германии, Венгрии, Чехии, некоторых стран Юго-Восточной Европы. Здесь капиталистические начала в сельском хозяйстве не получили развития. Ниже был и уровень товарно-денежных отношений в деревне. Феодальное дворянство в этих странах оказалось более сильным, чем социальные элементы общества, олицетворявшие прогрессивные тенденции. В Германии это определилось после неудачи Крестьянской войны 1525 г., в Чехии — после разгрома гусизма. Поражение прогрессивных сил в этих странах было использовано реакционными феодалами для установления безграничного произвола, принявшего форму «второго издания крепостничества», тенденция к которому проявилась еще в конце XV в.

Возросший спрос нарождавшегося капиталистического производства таких стран Европы, как Англия, Нидерланды и др., на продовольствие и сельскохозяйственное сырье уже не мог покрываться за счет их собственных ресурсов. С возникновением мировой торговли и мирового рынка эти страны стали ввозить продукты и сырье из Восточной Германии и Польши, где оптовыми продавцами выступали не крестьяне и купцы, а феодалы-помещики. С целью получения товарного хлеба феодалы указанных стран отбирали у крестьян, плативших ранее денежную ренту, земельные участки и общинные земли и превращали их в барскую запашку, которая обрабатывалась на условиях барщины вновь закрепощенными крестьянами. Имея в виду такой ход аграрного развития в Восточной Германии, Ф. Энгельс писал: «Капиталистический период возвестил в деревне

о своем пришествии как период крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян»[1].

Формирование класса буржуазии

По мере утверждения в недрах феодального общества капиталистического уклада формируются и два новых общественных класса: буржуазия и пролетариат. Термин «буржуазия» происходит от французского слова bourgeoisie, которым в средние века назывались жители города (бурга), т. е. средневековые горожане. Однако в процессе исторического развития значение этого термина изменилось; он стал применяться не к средневековым горожанам (буржуа, бюргерам), а к тому классу, который, владея денежными богатствами и средствами производства, эксплуатировал наемный труд.

Первые элементы класса буржуазии возникли в сословии средневековых горожан. Именно их союз с королевской властью помог последней одержать победу над реакционными силами феодально-сепаратистской аристократии и создать крепкие национальные централизованные государства в Англии, Франции и в других европейских странах. В ходе этой борьбы города потеряли свои вольности и привилегии, но буржуазия как класс образующегося капиталистического общества продолжала богатеть и усиливаться в известной мере под покровительством абсолютной монархии.

Буржуазия сформировалась не в результате простой эволюции средневекового бюргерства, ее основу составили различные социальные слои: накопившие деньги средневековые горожане (купцы, ростовщики, отдельные цеховые мастера), выходцы из городских мелких, преимущественно внецеховых ремесленников, деревенские кустари и даже бывшие наемные рабочие. «Без сомнения, — писал Маркс, — некоторые мелкие цеховые мастера и еще большее количество самостоятельных мелких ремесленников и даже наемных рабочих превратились в мелких капиталистов, а потом, постепенно расширяя эксплуатацию наемного труда и соответственно усиливая накопление капитала, в капиталистов sans phrase [без оговорок]»[2]. В состав буржуазии вливалась и формирующаяся буржуазная интеллигенция — юристы, лица свободных профессий, идеологически обосновывавшие притязания крепнувшей буржуазии. Из буржуазии обычно рекрутировались представители чиновной бюрократии (это особенно типично для Франции XVI—XVII вв.).

Наконец, в состав буржуазии, по преимуществу деревенской, переходила зажиточная прослойка крестьянства, превращавшаяся в капиталистических фермеров. Сближался с буржуазией и тот слой дворянства, который приобщался к капиталистическим формам ведения сельского хозяйства. Больше всего это явление было распространено в Англии, где земельные владения значительной части нового дворянства представляли собой в XVII в., по существу, уже не феодальную, а буржуазную собственность.

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 341.
[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 759.

Итак, формировавшийся в недрах феодального общества класс буржуазии качественно отличался от средневекового сословия горожан, бюргерства. Бюргерство было органическим элементом феодального общества. Нарождавшийся класс буржуазии выступал носителем новых, прогрессивных для того времени капиталистических производственных отношений, и ему исторически предназначалась роль гегемона в грядущих буржуазных революциях. И наоборот, остатки средневекового бюргерства и городского патрициата, закосневшие в своей средневековой сословной исключительности, превращались в реакционную силу, вместе с феодальным дворянством преграждавшую путь прогрессивному развитию общества.

Начало формирования класса пролетариата

Выше уже говорилось о жестоких варварских способах осуществления массовой экспроприации мелких самостоятельных производителей, крестьян и ремесленников, составивших впоследствии армию наемного труда — ядро нарождавшегося пролетариата. Пролетариат прошел долгий путь развития и стал классом не сразу: о пролетариате как классе можно говорить лишь с момента появления фабричного производства.

Масса экспроприированных мелких самостоятельных товаропроизводителей, пройдя путь бродяжничества, постепенно вливалась в капиталистически организованные отрасли промышленности и сельского хозяйства, вовлекалась в производительную деятельность. В тех же странах, где процесс первоначального накопления не сопровождался соответствующим по масштабу развитием капитализма (Испания, Португалия, Италия), значительная часть экспроприированных мелких товаропроизводителей из поколения в поколение влачила существование деклассированных пауперов. В мануфактурный период развития капитализма удельный вес мануфактуры в общественном производстве оставался сравнительно небольшим, она еще не порвала пут, связывавших ее с формами производства, унаследованными от средневековья. К их числу относится связь мануфактуры, особенно рассеянной, с надомничеством, а также сохранение мануфактурными рабочими земельных участков. Господство ручного труда подразумевало сравнительно высокую производственную квалификацию мануфактурных рабочих, «иерархию рабочих сил, которой соответствует шкала заработных плат» [1].

Эти моменты разъединяюще влияли на массу мануфактурных рабочих. Мануфактурный пролетариат еще очень далек от обладания тем классовым сознанием, которое свойственно «выварившемуся в фабричном котле» пролетарию. Тем более это относилось к сельским батракам, обреченным самими условиями труда на еще большую забитость, темноту и разобщенность. Именно поэтому пролетариат мануфактурного периода называют обычно предпролетариатом. Одним из путей его формирования было разложение средневековых форм ремесленного цехового производства и средневекового сословия горожан. Замкнутые корпорации цеховых мастеров в XVI—XVII вв.

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 362.

повсеместно низвели цеховых подмастерьев до положения, близкого к положению пролетариев. Часть цеховых мастеров разорилась под влиянием конкуренции мануфактур. Разорилась и известная прослойка других выходцев из среды бюргерства, выбитая происшедшим переворотом из привычной колеи экономической жизни средневекового города.

Все эти группы — обедневшие цеховые мастера, подмастерья и экспроприированные крестьяне, приближавшиеся к пролетариям, но не достигшие еще положения пролетариата в собственном смысле этого слова, — вместе с мануфактурными рабочими составляли в целом те низшие слои городского населения, которые именовались плебсом. Характеризуя социальный состав городской плебейской оппозиции в Германской империи накануне Крестьянской войны 1525 г., Энгельс писал: «Она соединяла в себе разложившиеся составные части старого феодального и цехового общества с еще не развившимся, едва пробивавшимся наружу пролетарским элементом зарождающегося современного буржуазного общества»[1].

В экономически более развитых странах (Нидерланды, Англия), где капиталистическое мануфактурное производство было в XVI в. распространено шире, «зарождающийся пролетарский элемент» в лице работников мануфактур был значительно сильнее, чем в Германской империи.

Предпролетариат, состоявший из наемных рабочих мануфактур и выброшенных с насиженных мест крестьян, которые добывали себе в городах пропитание поденной работой, не требовавшей принадлежности к цехам, составлял наиболее революционную часть плебейской оппозиции.

Тем не менее неоднородность состава городского плебса влияла на характер его социальных выступлений, делала их неустойчивыми. Разорившиеся мелкие цеховые мастера и бюргеры, связанные своими сословными и корпоративными привилегиями с феодально-корпоративным городским строем, нередко увлекали за собой цеховых подмастерьев, приближавшихся к предпролетариату, но еще мечтавших достигнуть привилегированного положения мастера цеха. В таких случаях в ходе восстаний эти слои выдвигали реакционные требования: восстановление монополии городского цехового ремесла, запрет сельских побочных промыслов, сохранение феодальных сеньориальных прав города по отношению к прилегающей сельской округе и т. п.

В течение XVII—XVIII вв. предпролетариат получил дальнейшее развитие, но все же он не мог еще играть роль руководящей силы в ранних буржуазных революциях.

Возникновение классов буржуазии и пролетариата неизбежно влекло за собой зарождение новых форм классовых противоречий, чуждых феодальному обществу в его классической форме, — классового антагонизма между пролетариатом и буржуазией. Но «резкий антагонизм между буржуазией и народом возникает, естественно,

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 355.

лишь с того момента, как только буржуазия перестает противостоять дворянству и духовенству в качестве третьего сословия» [1], т. е. практически после свершения буржуазной революции.

Великое значение появления пролетариата заключалось в том, что в его лице зародился могильщик самой буржуазии, историческая миссия которого — уничтожение всякой эксплуатации человека человеком и построение коммунистического общества.

Новые формы идеологии

Вместе с формированием классов буржуазии и пролетариата развивались формы идеологии, отражавшие потребности этих новых классов общества. Оба класса были еще незрелы, связаны многими нитями с феодальным обществом, с его господствующей формой идеологии — религиозной доктриной католицизма и носителем ее — католической церковью. Поэтому и новые формы идеологии, отражавшие интересы нарождавшейся буржуазии, чаще всего приобретали в то время религиозную окраску.

Большую роль в борьбе с господствующей феодальной идеологией сыграли гуманизм и Возрождение (см. т. 1, гл. 22). Реформационное движение(названное так потому, что в ходе его на первый план выдвигалось требование реформы католической церкви и культа) прямо облекалось в идеологическую форму религиозных вероучений — лютеранства, цвинглианства и кальвинизма. Два первых течения дали идеологическое оружие широкому общественному движению прогрессивных слоев в Германской империи и Швейцарии в XVI в. Кальвинизм, в котором на первый план выдвигался буржуазный характер Реформации, стал идеологией самой смелой части тогдашней буржуазии, знаменем нидерландской буржуазной революции XVI в. и английской XVII в.

Смутные социальные чаяния нарождавшегося пролетариата, выступавшего самостоятельно в широких общественных движениях изучаемого периода, также принимали религиозную форму — анабаптизма или близких к нему радикальных течений. Эти течения примыкали к народной Реформации, идеологи которой, например Томас Мюнцер, выдвигали такие требования, как низвержение путем народного восстания феодального строя, социальное равенство всех людей, установление «общности имуществ». При этом идеологи народной Реформации не ограничивались абстрактным изложением своих идей, а связывали их с интересами угнетенных слоев феодального общества — городского плебса и крестьянства.

Требования социального равенства и создания идеального общества будущего нашли свое отражение в «Утопии» выдающегося английского гуманиста Томаса Мора и «Городе Солнца» итальянского мыслителя и борца Томмазо Кампанеллы. Идеи этих мыслителей гениально предвосхищали некоторые черты будущего коммунистического общества. Но такие примитивные, уравнительные коммунистические мечтания, как подчеркивал В. И. Ленин, «превратились в социалистическую борьбу миллионов людей только тогда, когда на-

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 28, с. 321.

учный социализм Маркса связал преобразовательные стремления с борьбой определенного класса»[1].

Абсолютная монархия XVI—XVII вв.

Процессы, происходившие внутри феодального общества, отразились на соотношении классовых сил, содержании и формах классовой борьбы, что сказалось и на характере политической надстройки — феодальном государстве. Изменение форм феодальной зависимости в деревне изменило отношения дворян и крестьянства. Поскольку феодальная собственность на землю продолжала существовать, крестьянин оставался в феодальной зависимости от дворянина. Он платил ему ренту, а церкви десятину, судился по ряду дел в суде сеньора, нес мелкие натуральные повинности, был сословно неполноправен.

Но феодально зависимые крестьяне XVI—XVII вв. отличались от типичного средневекового крепостного: они были преимущественно лично свободными во Франции, Англии, Нидерландах, Скандинавских странах. Подавляющее большинство крестьян платили ренту своим сеньорам в денежной или смешанной форме. В связи с этим возросла хозяйственная самостоятельность крестьян-товаропроизводителей. Следует отметить, что выгодами, вытекавшими из происходивших перемен, пользовалась в основном зажиточная верхушка крестьянства. Для большинства же крестьян, попадавших в долговую кабалу к ростовщикам и сельским мироедам из-за необходимости уплатить в срок все налоги и повинности, новое положение вещей означало лишь рост тягот и неминуемое разорение. Поэтому в XVI—XVII вв. отмечается резкое обострение противоречий в деревне.

Именилось и положение дворянства. Его доходы от феодальной ренты неуклонно падали. Попытки хозяйничать в своих имениях и конкурировать с капиталистическим фермером обычно кончались крахом, если феодалы сами не прибегали к капиталистическим методам ведения хозяйства, подобно представителям «нового дворянства» в Англии. Росло могущество королевской власти. Опираясь на помощь городов и развивавшейся буржуазии, она вела успешную борьбу с сепаратизмом феодальной аристократии.

Следствием указанных изменений было, с одной стороны, усиление натиска феодалов на крестьянство в форме произвольного увеличения ренты и других повинностей, а то и открытого разбоя; с другой — острая борьба внутри самого класса феодалов между его различными группировками за власть и методы решения вопроса о формах эксплуатации крестьянства и характере государственного устройства. С этим мы встретимся при изучении таких событий, как Реформация в Германии, так называемые религиозные войны во Франции, восстание коммунерос в Испании.

Классовые противоречия приобрели особую окраску и остроту с началом борьбы буржуазии против феодалов. В сложившихся условиях политическая надстройка феодального общества, созданная для

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 45.

сохранения господства класса феодалов, должна была изменить свои формы, приспособиться к новым задачам.

В тех странах, где капиталистическое развитие имело наибольшие успехи (в первую очередь в Англии и во Франции), возникает абсолютная (неограниченная) монархия, сыгравшая на первых этапах своего существования прогрессивную роль. *«...Абсолютная монархия,* — писал Маркс, — возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой» [1].

Несмотря на то, что королевский абсолютизм играл на противоречиях между дворянством и буржуазией и опирался то на дворянство, то на буржуазию, он оставался формой диктатуры дворянского класса в изменившихся исторических условиях. Известная самостоятельность действий королевской власти отражала лишь специфику расстановки классовых сил, а также взаимоотношения между господствующим классом и политической надстройкой. Характеризуя эту особенность абсолютизма, Энгельс писал: «В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая держит в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга...» [2].

Отличительной чертой абсолютизма как формы государственного устройства является нераздельная принадлежность верховной власти в стране монарху — королю, царю, императору. Он издает законы, назначает чиновников, устанавливает налоги и самовольно расходует собранные деньги. Абсолютный монарх опирался на постоянную армию, полицию, огромный централизованный бюрократический аппарат. Поэтому абсолютизм есть самовластие чиновников и полиции и бесправие народа. В тех европейских странах, в которых установился абсолютизм, достигший своего расцвета в XVI—XVII вв., даже унаследованные от средневековья сословно-представительные учреждения (Генеральные штаты во Франции, парламент в Англии и т. д.) либо становятся послушным орудием абсолютного монарха, либо вообще перестают созываться.

Классовой базой абсолютизма было феодальное дворянство. Его интересы прежде всего защищал абсолютизм. Но само дворянство в этот период видоизменилось. Феодальная аристократия, сопротивлявшаяся установлению абсолютизма, частично была истреблена, частично превратилась в аристократию придворную, дав себя купить пенсиями, подачками и доходными синекурами.

Главной опорой королевского абсолютизма были мелкие и средние дворяне, составлявшие ядро его армии. Абсолютная монархия

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 306.
[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.*, т. 21, с. 172.

значительно увеличила налоги, главная тяжесть которых падала на плечи народных масс. Часть налоговых поступлений монарх распределял среди дворянства в форме жалованья, пенсий и наград. В ряде стран абсолютная монархия добилась уничтожения самостоятельности церкви, увеличив свою власть и получив одновременно возможность распоряжаться частью или всеми церковными землями. Абсолютная монархия железом и кровью подавляла все попытки борьбы угнетенных классов и сословий, что было главной ее задачей и для чего она располагала неизмеримо бо́льшими средствами, чем феодальное государство предшествующего периода.

Вопрос об отношении абсолютизма XVI—XVII вв. к буржуазии является не вопросом о его классовой сущности, а вопросом о его политике по отношению к новому возвышавшемуся классу. Абсолютная монархия опиралась на поднимавшуюся буржуазию в борьбе против феодальной аристократии, за объединение страны и уничтожение феодальных смут. Она использовала развитие мануфактуры, особенно в отраслях, обслуживавших потребности армии, для укрепления вооруженных сил феодального государства. Росту финансов абсолютизма способствовали и значительные дополнительные доходы, которые он путем налогообложения извлекал из развития промышленности и торговли. Система постоянных налогов, собираемых без помощи сословно-представительных учреждений, укрепила положение абсолютизма. Все это в целом делало абсолютизм очень действенной формой надстройки, использовавшей буржуазное развитие в своих интересах и для сохранения позиций господствующего класса феодалов.

Важным инструментом в руках абсолютизма и одновременно средством использовать буржуазию в качестве противовеса дворянству служила бюрократия, которая комплектовалась главным образом из представителей буржуазии и была тесно связана с ней. «Бюрократия, — писал Ленин, — была первым политическим орудием буржуазии против феодалов, вообще против представителей «стародворянского» уклада, первым выступлением на арену политического господства не породистых землевладельцев, а разночинцев, «мещанства»...[1]. Поскольку на первых порах буржуазия была полезной абсолютизму как в политической, так и в экономической областях, он покровительствовал ей. Внутри государства монархи в XVI и XVII вв. поощряли мануфактуры и торговлю выдачей ссуд, протекционизмом, уничтожением стеснительных внутренних пошлин и сборов, унификацией монетного дела и системы мер и весов и т. п. На международной арене они защищали интересы национальной буржуазии, проводя политику меркантилизма и торговых войн.

Абсолютная монархия XVI—XVII вв. могла использовать буржуазию в своих целях потому, что сама буржуазия нуждалась на этом этапе своего развития в поддержке сильного государства и готова была служить ему. В своей политической борьбе с дворянством она не преследовала еще цели ниспровержения феодального строя,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 439.

а добивалась отдельных уступок, способствовавших ее возвышению и обогащению: снижения налогов, обложения налогами дворянства и духовенства, пресечения феодальной реакции и феодального сепаратизма и т. д. Буржуазия поддерживала королевский абсолютизм, поскольку он использовал аппарат насилия для проведения экспроприации непосредственных производителей, издавал кровавые законы против экспроприированных, давал ей наживаться на государственных займах, откупах налогов, протекционизме. Делалось все это за счет ограбления народных масс и прежде всего крестьянства.

В своей классической форме в описываемый период абсолютная монархия сложилась во Франции и Англии. В Испании, Швеции и других государствах как структура абсолютной монархии, так и политика абсолютизма отличались своеобразием.

В некоторых европейских государствах в XVI—XVII вв. установился режим феодальной реакции. В сфере экономической это находило выражение в возврате к крепостничеству; в сфере политической — в ослаблении государственной централизации и королевской власти, в торжестве феодальной раздробленности и анархии в их худшем виде. В худшем потому, что народы этих стран в условиях существования по соседству с ними мощных абсолютистских государств становились объектом грабежа со стороны последних. Такая линия экономического и политического развития восторжествовала в Польше, Германской империи, странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Здесь начавшие развиваться капиталистические отношения и их носительница — буржуазия — были задушены силами феодальной реакции, оказавшейся более могущественной в это время. В Пруссии, Австрии и других странах впоследствии сложился абсолютизм, но в специфических формах, в период, выходящий за хронологические рамки изучаемой эпохи.

Возникновение наций

Третий период феодализма характеризуется еще одной особенностью. К этому времени на основе растущих экономических связей, постепенного формирования капиталистического уклада большинство стран Западной Европы сплачиваются территориально, происходит складывание общего для каждой страны языка, общей культуры, что создает условия для возникновения наций. Укрепление централизованных государств способствовало этому процессу. Совпадение по времени процесса национальной консолидации и политической централизации в таких странах, как Франция и Англия (без Ирландии), привело к образованию там таких государств, в которых абсолютное большинство населения принадлежало к одной нации, а представители других наций или народностей не составляли сколько-нибудь значительных групп.

Иной была обстановка в Восточной Европе. Здесь капитализм либо не развивался совсем, либо существовали его зачаточные формы, а исторические условия жизни народов, населявших эти территории, привели к созданию централизованных государств, населенных несколькими или многими народностями. Так, например, в Австрийской Габсбургской монархии XVI—XVII вв. формировавшая-

ся австрийская нация уже в то время претендовала на господствующую роль, угнетала другие народы (чехов, венгров) и препятствовала их прогрессивному национальному развитию.

В изучаемый период процесс образования наций еще не завершается. Это уже задача последующего периода, когда «национальное государство есть правило и «норма» капитализма, пестрое в национальном отношении государство — отсталость или исключение»[1].

Первые акты буржуазной революции в Европе

Временный союз буржуазии с абсолютизмом и относительно мирное существование капиталистического уклада в недрах феодального общества не были долговечны. Наступил момент, когда развитие капиталистического уклада, а с ним и класса буржуазии начинало угрожать существованию феодального строя. Тогда абсолютизм, опираясь на реакционное феодальное дворянство, коренным образом изменяет свою политику. Он становится преградой на пути дальнейшего развития торговли и промышленности, начинает использовать силы феодальной реакции для подавления и ограбления буржуазии. Конфликт охватывает все сферы жизни общества: экономическую, социальную, политическую, идеологическую. В этих условиях буржуазия, на заре буржуазной революции выступавшая как передовой класс, берет на себя руководство антифеодальной борьбой городского плебса и феодально эксплуатируемого крестьянства — совершается буржуазная революция. Крестьянство и городской плебс, заинтересованные в уничтожении феодализма, составляли главную движущую силу ранних буржуазных революций. Их целью было ниспровержение феодального строя и феодальных производственных отношений, создание новых, буржуазных производственных отношений и буржуазных форм государства.

Первой неудавшейся попыткой буржуазной революции в рамках рассматриваемого периода была Реформация и Крестьянская война в Германии. Нидерландская буржуазная революция 1566—1609 гг., принявшая форму войны за независимость от испанского владычества, была успешной. Ее результатом явилось образование первой в Европе буржуазной республики Соединенных провинций (Голландия). Но эта и последующие буржуазные революции, несмотря на их прогрессивное значение, были революциями большинства в интересах меньшинства. Они не устранили эксплуатацию, а лишь заменили господство феодалов господством буржуазии.

Капиталистическая система хозяйства создает условия для неизмеримо большего роста производительных сил и производительности труда, чем феодальная. Но капитализм зиждется на жестокой эксплуатации народных масс кучкой капиталистов. На этой базе развивается основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения, между трудом и капиталом, между пролетариатом и буржуазией. Таковы главные процессы, лежавшие в основе третьего периода средневековья.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 263.

Глава 24

ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

Причины великих географических открытий

Великие географические открытия были следствием развития производительных сил феодального общества, роста товарно-денежных отношений, разлагающих систему феодальных производственных отношений, роста торговых связей европейских стран со странами Востока.

С развитием товарно-денежных отношений деньги приобретают огромное значение, они становятся средством удовлетворения все возрастающих потребностей и главным видом богатства.

Ненасытная жажда золота усиливалась под влиянием роста торговли, требовавшей большого количества звонкой монеты; много денег уходило за пределы Европы в уплату за восточные товары, ввоз которых неуклонно возрастал. В результате все острее чувствовался недостаток благородных металлов. В Европе возможностей для удовлетворения жажды золота не было, зато за ее пределами, по представлениям европейцев, таились неисчерпаемые богатства.

Богатейшей страной европейцам казалась Африка, откуда через средиземноморские города купцы привозили в Европу золото, добываемое в Сенегале и в бассейне Нигера. Здесь, на территории Сенегала, Мали, Верхней Вольты, Нигерии, с VII по XV в. образовалось несколько богатых государств — Гана, Мали, Сонгаи. Города этих стран, в особенности Тимбукту на Нигере — крупный центр исламской культуры, вели со Средиземноморьем через Сахару оживленную торговлю, в которой вывоз золотого песка занимал большое место. В рассказах купцов золотые запасы Африки принимали фантастические масштабы.

Китай, Индия, Индо-Китай, Индонезия считались сказочно богатыми и нередко именовались «Индиями». Это название в ряде случаев относилось вообще к неведомым заморским странам и далеко не всегда обозначало реальную Индию, откуда Европа действительно получала шелк, пряности и т. п. Все эти смутные представления сыграли немалую роль в географических открытиях XV и XVI вв., ибо они побудили мореходов к настойчивым попыткам добраться до воображаемых и действительно существующих стран.

В поиски за африканским золотом устремились в XV в. португальские моряки. Они полагали, что золото в Африке добывалось на отмелях больших рек, впадающих в Атлантический океан, в частности в устье одной из них недалеко от мыса Бохадор. Казалось поэтому вполне возможным добраться до Золотой реки, следуя по морю вдоль западного побережья Африки.

В XIV—XV вв. в Португалии были развиты торговля и мореходство. Этому способствовали связи португальцев с богатым и предприимчивым арабским купечеством, начавшиеся еще в XII в. Португальцы ознакомились с арабской математикой, географией и картографией, что оказалось особенно важным для дальнейших морских предприятий. Они стали строить каравеллы, новые мореходные суда, легкие на волне, способные плыть против ветра и более быстроходные, нежели итальянские средиземноморские нефы.

Деятельное участие в португальской морской торговле приняли многочисленные купцы и моряки, переселившиеся в Португалию из Италии, в первую очередь из Генуи, поскольку в XV в. из-за турецких завоеваний генуэзским купцам восточную торговлю пришлось вести через Александрию, где, как и во всем Восточном Средиземноморье, господствующее положение занимали венецианцы. Сокращение торговли и мореходства заставило генуэзских купцов и моряков искать счастья на чужой стороне. Следует отметить, что Колумб и Каботто (Кабот) были выходцами из Генуи.

К поискам и захвату заморских земель побуждали Португалию, а также Испанию причины внутреннего характера: реконкиста в этих странах закончилась, и большая часть воинственного и бедного дворянства, жаждавшего наживы и военных авантюр, осталась без дела. Что же касается Африки, то экспедиции на этот богатый и неведомый континент диктовались еще и военными соображениями, так как мавры с северо-западного Африканского побережья продолжали пиратские налеты на испанские и португальские корабли, а порой и на прибрежные города Пиренейского полуострова.

В 1415 г. португальцы взяли на североафриканском берегу Сеуту, важный пункт на торговых путях, по которым, в частности, шло золото к Средиземному морю. Овладение Сеутой принято считать началом португальской колониальной экспансии. Португальские купцы и купцы-эмигранты из других стран стали снаряжать морские экспедиции, имевшие целью разыскать заморское золото. Этим предприятиям с большой выгодой для себя покровительствовал брат португальского короля, принц Генрих, прозванный историками XIX в. «Мореплавателем».

Торговые компании португальцев получали с помощью Генриха монополию торговли во вновь открываемых областях и быстро наживались. Самой выгодной «торговлей» оказались грабеж местного населения и работорговля, именно это заставляло португальцев все дальше продвигаться вдоль Африканского побережья. За тридцать лет они достигли западной оконечности Африки. Нет никаких данных о том, что португальцы преследовали с самого начала цель отыскать морской путь в Индию. Такую цель они могли поставить перед собой только после того, как вошли в Гвинейский залив, где Африканское побережье круто уходит на восток, т. е. около 1460 г.

Продвижению вдоль западного берега Южной Африки, к югу от Гвинейского залива, препятствовали сильные встречные течения. Чтобы избежать их, мореплаватель Бартоломей Диас в 1486 г., достигнув тропика Козерога, отошел от берега далеко в море, прямо

на юг, и, сделав большую дугу, вышел к южной оконечности Африки. Убедившись, что дальше берег имеет северо-восточное направление и что ему действительно удалось обогнуть материк, Диас на обратном пути обогнул мыс Доброй Надежды, назвав его именно так, и в декабре 1487 г. после 16-месячного плавания вернулся в Лиссабон. Задача пройти часть пути в Индию, от мыса Доброй Надежды до Мадагаскара, была решена в 1498 г.

Открытие Америки

Одновременно с продвижением вдоль западных берегов Африки начинаются, вероятно при участии итальянских моряков, плавания португальцев далеко в открытый океан — на юго-запад и запад. В 20-х годах XV в. португальцы утвердились на островах Мадейра, в начале 30-х годов — на Азорах, а в 1456 г. дошли до островов Зеленого Мыса.

Переплыть Атлантический океан и открыть земли Западного полушария удалось в 1492 г. Христофору Колумбу. Многие факты биографии Колумба, а также его географические представления нельзя считать твердо установленными. Теперь общепризнано, что Колумб — итальянец, родившийся в 1451 г. под Генуей в семье ткача. Систематического образования он не получил. В 1474—1475 гг. плавал в Восточное Средиземноморье. Около 1476 г. попал в Португалию, вероятно, как агент одного из генуэзских торговых домов, в следующем году посетил Англию, а с 1479—1481 гг. жил на Мадейре и на соседнем острове Порту-Санту, где женился на дочери моряка, от которого осталось много морских карт, дневников, заметок.

В 1483 г. начались переговоры Колумба с Португалией о снаряжении большой морской экспедиции. Португальское правительство отказало Колумбу, очевидно, потому, что оно едва ли могло заинтересоваться новой авантюрой в момент, когда открытие пути к вполне реальной богатейшей Индии было столь близким к осуществлению. Потерпев неудачу, Колумб перебрался в Испанию (ок. 1485) и здесь после длительных переговоров, при поддержке влиятельных приближенных короля и богатейших испанских купцов добился от королевской четы — Фердинанда и Изабеллы — согласия на экспедицию. Король и королева пожаловали Колумбу титул адмирала и вице-короля всех земель в «море-океане, которые он откроет и приобретет».

Судя по составу книг библиотеки Колумба и его пометкам на них, он читал «Путешествия» Марко Поло и особенно внимательно изучал трактат сторонника гипотезы о шарообразной форме Земли французского епископа Пьера д'Альи «Зеркало мира», представлявший собой сводку географических и космографических знаний как античных, так и средневековых авторов. Колумб, как предполагают, намеревался, двигаясь по морю на запад, добраться до «Индий» — так называли тогда Азию. Эта мысль могла быть подсказана Колумбу итальянским космографом Тосканелли, с которым Колумб находился в переписке (некоторые историки эту переписку считают подложной). Но идея «западного пути» могла возникнуть у Колумба и самостоятельно на основании изученных им трудов космографов и географов.

3 августа 1492 г. эскадра из трех кораблей вышла из испанского порта Палоса, держа курс на Канарские острова, откуда 10 сентября отплыла дальше. Суда отличались высокими мореходными качествами, были технически хорошо снаряжены. Колумб показал себя искусным моряком, он умело использовал ветры и морские течения Атлантики, уже достаточно изученные португальцами. 12 октября Колумб бросил якорь у маленького острова группы Багамских островов; он назвал его Сан-Сальвадор.

Путь в земли Западного полушария был открыт, что имело огромные последствия как для открытых земель, так и для Европы. В этом великое историческое значение плаваний Колумба.

Во время первого путешествия Колумб открыл ряд островов Антильского архипелага, северные берега Кубы, остров Гаити, который назвал Эспаньолой (Маленькой Испанией). Здесь он построил форт Навидад (Рождество), где поселилось 39 его моряков. Это была первая колония европейцев в Западном полушарии. Вскоре форт был разрушен, а поселенцы перебиты индейцами, возмущенными их насилиями. Однако испанцы не отступили. В 1496 г. на южном берегу Эспаньолы был заложен город Сан-Доминго.

Колумб расспрашивал туземцев о золоте. Ясного представления, что́ именно он открыл и где находится, у него не было и быть не могло. Судя по дневнику, он думал, что находится среди островов, окаймляющих с востока Азию, и тщетно искал прохода между ними к континенту.

4 января 1493 г. Колумб отправился в обратный путь. В Испании он был встречен с большими почестями. На организацию второй экспедиции, предпринятой им в сентябре того же года, были отпущены крупные средства. Во время второго путешествия Колумб открыл Малые Антильские острова. Проплыв вдоль части южного берега Кубы, Колумб снова принял его за южный берег Азии. В 1495 г. он вернулся в Испанию. И в это путешествие Колумб не достиг Американского континента, который европейцы открыли два года спустя — в 1497 г. В мае этого года из Бристоля (Англия) вышел в море Джованни Каботто, генуэзец, осевший в Англии и известный там под именем Джона Кабота. К концу июня он подошел к берегу неизвестной земли, по-видимому Лабрадору, но принял ее за часть Азии. Только в 1498 г. во время третьего путешествия Колумб впервые подошел к Южноамериканскому континенту, к устью реки Ориноко, но на берег не высадился. При виде огромных масс пресной воды у него мелькнула мысль, не открыл ли он неведомый материк, но в своем письме-отчете королевской чете о своем путешествии Колумб эту смелую мысль не высказал.

Между тем португальцы открыли морской путь в Индию, привезли оттуда пряности и другие драгоценные товары. Четвертое плавание Колумба в 1502 г. было прямым ответом на экспедицию Васко да Гама (см. ниже). Двинувшись на юго-запад от острова Кубы, Колумб по-прежнему считал, что достиг Восточного побережья Азии, и настойчиво искал пролив, чтобы пройти к побережью Индии. Однако поиски эти оказались бесплодными.

В общем плавания и открытия Колумба глубоко разочаровали испанское правительство. Большие средства были израсходованы, казалось, совершенно напрасно. Ни золото, ни серебро, ни пряности не потекли в Испанию из вновь открытых заморских стран. Богатства пришли позже, после смерти Колумба (он умер в 1506 г.), которому в последние годы жизни пришлось вести тяжбу за свои права и дарованные ему привилегии с обманутым в своих расчетах испанским правительством.

Открытие морского пути в Индию

После открытия Колумбом новых стран испанцы оказались опасными конкурентами португальцев. Чтобы предотвратить возможность столкновения, оба государства при посредничестве папы после долгих переговоров заключили в 1494 г. соглашение в городе Тордесильясе. От полюса до полюса была проведена черта (приблизительно по 30-градусному меридиану к западу от Ферро) и установлено, что все вновь открытые области к западу от этой черты должны принадлежать испанцам, к востоку — португальцам. Разграничение было проведено только по Атлантическому океану, что и привело позднее к столкновению, когда испанцы, подойдя с востока, а португальцы — с запада, встретились на Молуккских островах.

Продвижение испанцев на запад побудило португальцев возобновить поиски пути в Индию. В 1497 г. во главе экспедиции, снаряженной для этой цели, король поставил Васко да Гама (род. ок. 1460 г.). 8 июня 1497 г. из Лиссабона вышли четыре небольших корабля (два корабля водоизмещением по 120 тонн и два — по 50 тонн). Экспедиция имела самые совершенные для своего времени карты и навигационные инструменты. Дойдя до островов Зеленого Мыса, Васко да Гама, чтобы избежать прибрежных встречных течений, взял курс на юг с большим уклоном на запад, так что прошел довольно близко от Бразилии.

Только через пять месяцев после выхода из Лиссабона каравеллы Васко да Гама дошли до последнего знака, поставленного (16 декабря 1497 г.) Диасом на побережье Африки. Далее шел совершенно неизведанный путь по Индийскому океану. 1 марта 1498 г. португальцы подошли к Мозамбику. Тут начиналась область арабских поселений, находившихся под властью враждовавших между собой шейхов. В городе Малинди Васко да Гама удалось привлечь в качестве лоцмана одного из опытнейших арабских моряков того времени Ахмеда-Ибн-Маджида. Человек с широким кругозором, он составил в стихотворной форме ряд подробных и точных описаний плавания по Индийскому океану (так называемые лоции). И по теоретическим знаниям, и по многолетнему мореходному опыту Ибн-Маджид превосходил даже таких замечательных европейских моряков, как португальцы. Через полтора месяца (20 мая 1498 г.) Ибн-Маджид привел корабли к городу Каликут на Малабарском берегу. Все плавание в Индию продолжалось десять с лишним месяцев. Васко да Гама удалось заключить соглашение с местным раджой. Через год, в июле 1499 г., нагруженная пряностями,

но потерявшая два корабля и больше половины команды эскадра вернулась в Лиссабон.

Колониальные захваты и торговля португальцев в Индии

Впечатление, произведенное путешествием Васко да Гама, было громадным. Несмотря на большие потери в людях и на трудности, морской путь в страны сказочных богатств был наконец найден. Португальцы теперь каждый год стали снаряжать большие эскадры, иногда до 20 кораблей, хорошо вооруженные артиллерией, с большими экипажами и отрядами солдат. Благодаря превосходству вооружения португальцам удалось вытеснить из Индийского океана арабских купцов и захватить в свои руки морскую торговлю: они нападали на все встречавшиеся им суда, как арабские, так и индийские, грабили их и зверски истребляли команды. Особенной свирепостью отличался Альбукерке, сначала начальник эскадры, затем вице-король Индии. Он считал, что арабам должны быть закрыты выходы в океан и в опорных пунктах должны укрепиться португальцы. С этой целью Альбукерке захватил остров Сокотру, лежащий у входа в Красное море, и Ормуз — важнейший торговый и стратегический пункт у входа в Персидский залив. Попытка арабов вытеснить португальцев из Индийского океана не удалась, в 1509 г. их флот при Диу (на Северо-Западном побережье Индии) потерпел полное поражение.

Португальцы в самой Индии не захватывали обширных территорий, но стремились овладеть опорными пунктами на побережье. Альбукерке, взяв город Гоа на Малабарском берегу, вырезал все его население и превратил город в главный оплот португальского владычества в Индии. Сопротивление враждебных раджей было сломлено. Португальцы, обычно вымогая у местных князьков всевозможные торговые льготы, право сбора даней и оброков, жестоко эксплуатировали местное население. Кроме того, князьки должны были доставлять по очень низкой цене перец, гвоздику, корицу, имбирь, мускатный орех, камедь и др. Эти цены нередко были в 200—250 раз ниже цен на рынке в Лиссабоне. Но даже купленные на «вольном» рынке товары, например перец, давали порой 700—800% прибыли. Вывоз строго нормировался — не больше 5—6 кораблей пряностей ежегодно. Торговля с Индией стала монополией португальского короля и приносила огромные барыши.

Укрепившись в Индии, португальцы двинулись дальше на восток, так как города Малабарского берега были лишь транзитными пунктами торговли пряностями, которые приходили с Зондских и Молуккских островов; главным их рынком был порт Малакка. В 1511 г. португальцы взяли Малакку; через десять лет на Молуккских островах появились португальские фактории.

Чрезвычайно помогло португальцам в их продвижении в Индонезию знакомство с многовековым опытом замечательных индийских и арабских, а позже и малайских моряков, задолго до прибытия европейцев избороздивших по всем направлениям Индийский океан. Но отплатили им за это европейцы колониальными захватами, уничтожением их торговли.

Открытие западного пути в Индию и первое кругосветное путешествие

Та цель, которую обычно приписывают первому путешествию Колумба и которую, вероятно, ставил себе Колумб в своих последующих путешествиях — открытие западного пути в Индию, была достигнута почти 30 лет спустя после его первого плавания. С разрешением этой задачи тесно связано открытие и исследование Восточного побережья Южной Америки. Бразилию открыли, по-видимому, одновременно испанские и португальские моряки в 1498—1499 гг. Итальянский космограф Америго Веспуччи, участвуя в испанской экспедиции под командованием Алонсо Охеды, прошедшей довольно большое расстояние вдоль северного берега Бразилии, уже тогда признал эту землю континентом.

Начальник второй португальской экспедиции в Индию Хуан Кабраль уклонился на своем пути слишком далеко к западу и подошел к побережью Бразилии. Не зная о путешествиях своих предшественников, он принял эту землю за остров, назвал ее землей Истинного Креста (Вера Крус) и объявил владением португальского короля. В мае 1501 г. португальцы снарядили три корабля для обследования этого «острова». В качестве астронома с эскадрой отправился перешедший на службу к португальцам Америго Веспуччи. Вместо ожидаемого острова эскадра наткнулась на длинную линию побережья, тянувшегося к югу. Америго Веспуччи увлекательно описал это путешествие в письме к своему другу Лоренцо Медичи и предложил назвать этот континент, «совершенно неизвестный древним», Новым Светом. Немецкий космограф Вальдземюллер, издав письмо Веспуччи в своем «Введении в космографию», предложил назвать новый континент по имени Америго «Америкой». Под «Америкой», таким образом, подразумевалась тогда восточная часть Южноамериканского континента.

Веспуччи первый высказал мысль о возможности доплыть до Молуккских островов, обогнув с юга вновь открытый материк. Этим проектом очень заинтересовалось испанское правительство, особенно после того, как испанский конкистадор Бальбоа, перейдя Панамский перешеек в 1513 г., увидел впервые «Великое Южное море», т. е. Тихий океан. Мысль открыть пролив в этом море, пересечь его, дойти до островов пряностей и захватить их увлекала испанцев. Ее и попытался осуществить Фернанд (Фердинанд) Магальянс (Магеллан). Он принадлежал к португальскому дворянству (родился ок. 1470 г.) и, по-видимому, хорошо знал Индийский океан, проведя в португальских колониях несколько лет, участвуя, между прочим, в экспедиции на Малакку. Но поссорившись с королем, он перешел на службу к Испании и по договору с испанским правительством обязался открыть пролив к югу от нового материка.

20 сентября 1519 г. эскадра из пяти небольших старых кораблей с экипажем в 253 человека вышла из Сан-Лукара. Плавание Магеллана продолжалось два года. Он обогнул Южную Америку через пролив, названный его именем, вышел в Тихий океан и достиг Филиппинских островов, где погиб в стычке с туземцами. Лишь один

корабль под командой д'Элькано пересек Индийский океан и, обогнув Африку, пришел 6 сентября 1522 г. в Сан-Лукар, свершив таким образом первое кругосветное путешествие. Оно стоило больших жертв: только 18 человек шли в торжественной процессии в Севилье.

С появлением испанских моряков в Тихом океане возникла необходимость соглашения между Испанией и Португалией о разграничении и в этих областях. Оно было достигнуто семь лет спустя, в 1529 г. Эксперты не могли точно установить долготу спорных островов. В результате Испания отказалась от своих притязаний на Молукки, но удержала Филиппины, названные так лишь в 1543 г.

Плавание из Европы в Азию через Магелланов пролив являлось труднейшим морским предприятием, и потому юго-западный путь на Молукки не получил практического значения.

Завоевание Мексики и Перу Испанией

Испанцы, обосновавшись на островах Карибского моря, в поисках золота, а иногда и рабов снаряжали экспедиции в окружающие Мексиканский залив континентальные области, а затем двинулись на захват стран, лежащих к югу от него. Области эти — Мексику и Перу — занимали два крупных племенных объединения: во главе с ацтеками в Мексике и инками в Перу.

Население Мексики вручную обрабатывало землю каменными и деревянными орудиями, сажало маис, бобы, какао, табак, хлопчатник, агаву (для волокна), кактусы. Земля находилась во владении родовой общины. Лошадей и рогатого скота мексиканцы не знали. Они искусно обрабатывали золото, серебро, самородную медь, но плавить металлы не умели и не знали бронзы. Мексиканцы изготовляли отличную посуду, но без помощи гончарного круга, искусно раскрашивали тонко выделанные хлопчатобумажные ткани.

Вопрос об общественном строе мексиканцев не решен окончательно. Известно, что в момент прихода европейцев у них существовали большие семейные общины, обитавшие в обширных домах. Все управление племенем находилось в руках советов выборных родовых старейшин. У мексиканцев было распространено рабство. (Испанцы-очевидцы говорят о настоящих невольничьих рынках.) Выделилась не только родовая, но и военная знать. Ее представители получали и больший земельный надел, и долю во вновь завоеванных землях. Покоренные ацтеками племена платили дань, несли различные повинности и должны были давать людей для человеческих жертвоприношений.

Государство ацтеков сложилось лет за сто до прихода европейцев, когда это племя, обитавшее в Южной Мексике, подчинило себе соседние племена, а затем распространило свою власть до побережья Тихого океана. Из неприступного, построенного посреди озера главного города Теночтитлана ацтеки силой держали обширную страну в страхе и повиновении. Жестоко эксплуатируя ее, они накопили большие богатства. Покоренное население ненавидело завоевателей. Непрерывно происходили восстания порабощенных племен. В них испанцы нашли на первых порах союзников.

Экспедициям испанцев, посланным в 1516—1518 гг. в западном направлении, удалось проплыть вдоль Юкатана, Южного и Западного побережья Мексиканского залива и вступить в сношения с местными «князьками». Здесь европейцы выяснили, что дальше на запад лежит богатейшая страна, изобилующая драгоценностями. Для захвата ее снарядили в 1519 г. экспедицию, во главе которой был поставлен молодой идальго Фернанд (Фердинанд) Кортес (1485—1547). Бывший студент-юрист Саламанкского универси-

тета, увлеченный рассказами о приключениях и горах золота в Новом Свете, Кортес в 19 лет отправился на Эспаньолу. Более образованный, чем большинство осевших тут авантюристов, хорошо владевший пером и речью, предприимчивый и храбрый, он преуспел на службе и разбогател: был секретарем вице-короля, участвовал в набегах и карательных экспедициях против туземцев, получил землю сначала на Эспаньоле, затем на Кубе, где стал алькальдом — правителем города Сант-Яго. Он за свой счет снарядил один из кораблей экспедиции.

Отряд, с которым Кортес в 1521 г. отправился на покорение Мексики, состоял из 400 испанских солдат (в том числе 16 всадников), 200 индейцев и имел 10 тяжелых и 3 легкие пушки. Впоследствии Кортес получил подкрепление. Этими незначительными силами испанцы рассчитывали подчинить себе большую страну. И это им удалось, так как держава ацтеков была очень слаба.

Мексика оправдала надежды испанцев, жадно искавших благородные металлы. В ее земле оказались богатые залежи золота и серебра.

Завоевание Перу тоже осуществил отряд авантюристов.

Население Перу стояло на несколько более высоком уровне развития, чем мексиканское. Инки — одно из племен, обитавших в Перу, незадолго до прихода европейцев (1538) покорили ряд соседних племен. Образовалось многоплеменное объединение. Во главе его стоял верховный инка — царь и жрец, окруженный ореолом божественного происхождения. Он считался верховным собственником всей земли. В руках его чиновников, собиравших подати с покоренного населения, находилась оросительная система. Отдельные области страны соединялись со столицей Куско дорогами, проведенными с большим искусством по гористой, а местами топкой территории. Действовала государственная почта — скороходы.

Подчиненное инками население управлялось местными старостами, сотенными начальниками и племенными вождями, но во главе их стояли начальники из инков. В завоеванных землях инки ставили крепости с гарнизонами. Население занималось земледелием и скотоводством. Землей владели общины; ежегодно происходили переделы пашни и пастбищ; наследственной была только усадьба. Часть земель была выделена в пользу правительства и жрецов. Обрабатывали землю мотыгой; ни лошадей, ни крупного рогатого скота перуанцы не имели. Единственным домашним животным была лама, которую использовали как вьючное животное; ламы также давали шерсть и мясо.

У перуанцев было довольно развитое ремесло, в особенности керамическое производство и ткачество, а также горное дело и металлургия. Они не знали железа, но хорошо обрабатывали медь, бронзу, олово, серебро. Завоеватели-инки занимали привилегированное положение, они были только воинами и правителями. Покоренные племена платили им дань натурой и выполняли разные работы. Эксплуатировался и труд рабов.

Памятники изобразительного искусства инков восходят к XII—XIII вв. н. э. Сохранились монументальные архитектурные памятники из тесаного камня, показывающие, что инки были искусными строителями. Они изобрели узелковое письмо (кипу), которому знатная молодежь обучалась в столичной школе, где изучали также астрономию (инки знали календарь), медицину, законы и обычаи страны и общегосударственный язык кечуа.

Так же как и в Мексике, покоренное население Перу было недовольно господством инков, и это, а также военное превосходство испанцев облегчили им захват страны. После того, как Бальбоа перешел Панамский перешеек и открыл Тихий океан, испанцы стали

обосновываться на его побережье в этом районе (названном Золотой Кастилией).

В 1519 г. на Панамском перешейке была основана испанская колония Панама, из которой испанцы и начали наступление на «изобилующую золотом страну «Биру» — Перу. Она была захвачена одним из ближайших сподвижников Бальбоа Франциско Писарро. Бывший в молодости пастухом в Испании, конкистадор Писарро участвовал во многих экспедициях и набегах испанцев на Карибское побережье Южной Америки. В 20-х годах он со своим товарищем Альмагро (будущим завоевателем Чили) снарядил несколько разведывательных экспедиций из Панамы вдоль Тихоокеанского побережья Южной Америки, которые подтвердили слухи о богатом южном государстве. Заручившись согласием испанского короля, Писарро в начале 1531 г. двинулся на трех кораблях из Панамы, имея всего 130 человек и 37 лошадей (потом он получил подкрепление, но никогда не располагал более чем 500—600 воинами). Использовав внутреннюю борьбу за престол и вероломно захватив в плен царствовавшего инку, Писарро овладел столицей государства инков. Население попало под власть испанского короля.

При захвате страны сказочные сокровища, накопленные в храмах и дворцах, были разграблены испанцами. Господство испанцев стерло с лица земли старинную богатую культуру инков. В горной части страны, в Потоси (ныне территория Боливии), в 1545 г. были открыты богатейшие залежи серебра. Массы туземного населения, согнанного испанцами на их разработку, погибли на рудниках.

Географические открытия 1550—1650 гг.

Описанные путешествия и открытия представляли собой первый и важнейший этап проникновения западноевропейцев за пределы Европы. Помимо внутренних частей открытых земель совершенно неизвестными оставались Австралия и омывающие ее моря, вся северная часть Тихого океана, почти вся Северная Америка, необозримые пространства Северной Азии и омывающий ее Северный Ледовитый океан.

Во второй половине XVI в. и в XVII в. в географических открытиях все большую роль начинают играть англичане и голландцы. Очень важные открытия делают русские мореходы и «землепроходцы». Важнейшим было открытие Австралии. Географы и картографы XVI в. полагали, что для «уравновешивания» огромных масс суши Северного полушария в Южном полушарии должен существовать большой континент. Его нередко изображали в фантастических очертаниях на испанских и португальских картах первой половины XVI в.

«Австральная», т. е. «Южная», земля особенно интересовала испанских колонизаторов Южной Америки. Они рассчитывали найти там богатые залежи золота и серебра и многочисленное чернокожее население — рабочие руки для их американских рудников и плантаций. На поиски «Южной» земли в конце XVI и начале XVII в. было снаряжено из Перу несколько экспедиций, открывших ряд островов в южной части Тихого океана. Действительная же Австралия была открыта в начале XVII в. голландцами. В 1619 г. на острове Ява они

основали город Батавию. Плавая на юг от Зондских островов, голландские моряки ознакомились со всем Западным побережьем Австралии и половиной Южного, но принимали ее за часть «Полярной земли». В 1642 г. Абель Тасман, выйдя из Батавии, обогнул Австралию и открыл большой остров, названный им Землей Ван-Димэна (ныне Тасмания). Однако новый континент долгое время не вызывал особенного интереса: бедная, малонаселенная страна не сулила каких-либо богатств.

Северная часть Тихого океана оставалась в общем неизвестной западноевропейским мореплавателям. Но в середине XVI в. иезуиты проникли в Японию.

Западный берег Северной Америки также долгое время не был известен европейцам. Только во второй половине XVIII в. испанцы прошли вдоль Калифорнии на север и достигли 58-й параллели. Но их тут опередили русские.

Тщетными остались упорные попытки англичан и голландцев дойти до Зондских и Молуккских островов, обогнув с севера Америку («Северо-западный проход») или Азию («Северо-восточный проход»). Эти пути они считали более короткими и более удобными, поскольку ими не владели португальцы. Двигаясь в западном направлении, английские моряки XVI в. Фробишер и Дэвис и в начале XVII в. Баффин и Гудсон, дойдя до островов, проливов и заливов, носящих ныне их имена, проникли только в восточную часть американской Арктики; англичане (Ченслер) в поисках северо-восточного прохода в 1553 г. достигли устья Северной Двины, а голландцы (Баренц) в 1590 г. — Новой Земли. Однако все эти районы уже давно были хорошо известны русским мореходам, к помощи которых английские и голландские моряки неоднократно прибегали. Русским мореходам принадлежат большие заслуги в открытии и обследовании берегов Европы и Азии, омываемых Ледовитым океаном.

Колониальная политика западноевропейских стран

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы суть главные моменты первоначального накопления» [1].

Формы эксплуатации местного населения, господствовавшие в течение долгого времени в Испанской Америке, сложились на Эспаньоле в первые же годы владычества испанцев. Пришельцы стали обращать в рабство индейцев. Несколько партий рабов было даже отправлено в Испанию и продано там. Колумб предлагал обратить в рабство индейцев, указывая на огромные выгоды, которые получит от этого корона, но его предложение не было принято. Индейцев объявили «свободными», и рабство, правда с оговорками, было запрещено. Испанское правительство и католическая церковь не были заинтересо-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 760.

ваны в массовом порабощении или уничтожении индейцев. Церковь рассчитывала на значительное расширение своей паствы, а следовательно, на усиление влияния в колониях и увеличение доходов. Правительство видело в туземцах налогоплательщиков и новых подданных, не отказывалось от непосредственной эксплуатации их труда и вовсе не желало безраздельно отдавать их кастильским поселенцам, которые легко могли бы превратиться в новых непокорных сеньоров. Но колонисты оказались фактически сильнее. Они продолжали охотиться на индейцев и обращать их в рабство под предлогом, что это людоеды. Они закрепостили все туземное население, и обстоятельства вынудили правительство это санкционировать.

Расчеты на огромные доходы, которые потекут из открытых Колумбом стран, рухнули в первые же годы после его плавания. Первоначально Колумб, рисуя в своем воображении громадные золотые богатства на Эспаньоле, обложил все население острова старше 14 лет податью, уплачиваемой золотым песком или хлопком. Вскоре выяснилось, что собирать четыре раза в год требуемое количество золота индейцы совершенно не в состоянии: на Эспаньоле его оказалось немного, да и систематически добывать его индейцы не умели. Поэтому взносы были заменены тяжелой трудовой повинностью на рудниках или на земельных участках, которые жаловались кастильским поселенцам. Такие пожалования, буквально «разделы» (репартимьенто), земель производились на Эспаньоле неоднократно начиная с 1497 по 1514 г. К каждому «разделу» прикреплялось население одной или нескольких индейских деревень, обязанное нести барщину в пользу владельца.

Еще большее распространение получила другая форма закрепощения — «энкомьенда» («вверение» или «патронат»). Король жаловал (буквально «вверял») кастильскому колонисту индейцев — своих «свободных» вассалов — не в вечное владение, а лишь во временное пользование, за что пожалованный («энкомендеро») уплачивал в казну обычно четвертую часть получаемого дохода. Это фактически полное закрепощение было лицемерно прикрыто заботой «установить более тесные связи между индейцами и христианами», чтобы обратить индейцев в христианство.

Позднее в Мексике и Перу широко практиковались такие же земельные раздачи с прикреплением к земле местного населения.

Поселение европейцев на Антильских островах принесло гибель туземному населению. Непосильный изнурительный труд на плантациях и в рудниках, зверское подавление частых восстаний, эпидемии, голод привели к тому, что на Эспаньоле из миллионного населения после 20 лет испанского владычества осталось всего лишь 10—15 тыс., а к середине XVI в. туземцев на Антильских островах совершенно не стало.

Для пополнения все возрастающего недостатка в рабочих руках уже с 1501 г. на острова стали ввозить негров из Африки. В 1518 г. был заключен первый договор (асиенто) на ввоз негров. Число негров-невольников стало быстро расти. Они были более приспособлены к физическому труду, чем местное население.

В колониях Нового Света капиталистические отношения не развивались; здесь процветали рабство и крепостничество в самых жестоких формах. Для населения же Африки чудовищно развившаяся и господствовавшая более трех столетий (до середины XIX в.) работорговля имела самые гибельные последствия. Работорговцы, закупая у местных князьков партии военнопленных, подстрекали их к нападениям на соседей, сеяли рознь и вражду между племенами. В Америку было вывезено из Африки за это время более 100 млн. негров (из них может быть только четвертая часть живыми достигла Америки, остальные погибли в пути от ужасных условий доставки). Это было настоящее обескровливание континента, которое приостановило рост его производительных сил и низвело культуру до уровня более низкого, чем до прихода европейцев.

Последствия великих географических открытий в Европе

Великие географические открытия привели к глубоким изменениям в хозяйственной жизни Европы. «Внезапное расширение мирового рынка, — писал Маркс, — возросшее разнообразие обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система — все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства» [1]. Влияние географических открытий сказалось, однако, не сразу и далеко не повсюду одинаково.

Необходимо отметить (но не следует преувеличивать их значение) два важных последствия: перемещение торговых путей и торговых центров в пределах Западной Европы и так называемую революцию цен. Поскольку расширились и пошли по новым путям сношения Европы с Индией, а также установились и все более развивались связи с Новым Светом, уменьшилось значение для Европы средиземноморской торговли и итальянских городов как торговых посредников Европы с заморскими странами. В XVI в. роль посредников стали играть города Лиссабон, Севилья, Антверпен. Однако не следует связывать это исключительно с географическими открытиями. Если экономическое значение Севильи и Лиссабона очень возросло, то Антверпен и раньше, уже в конце XV в., был важнейшим международным торговым центром для сбыта сукон из Англии, металлов (олово, медь, серебро) и металлических изделий из Германии, шерстяных тканей из Брабанта и Фландрии. С открытием новых стран в Антверпене, где португальцы стали закупать нужное им для торговли с Индией серебро, сосредоточилась еще и вся торговля пряностями и колониальными товарами. Антверпен стал всеевропейским денежным центром, в котором купеческие и банковские фирмы европейских стран имели свои конторы и агентов.

Развилась новая организация торговли и финансовых операций — торговая и фондовая биржи. Сделки на биржах заключались по образцам. Развился и новый вид наживы — спекуляция. На фондовой

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. I, с. 365.

бирже совершались всевозможные финансово-кредитные операции: заключались займы, учитывались векселя, из рук в руки переходили денежные обязательства крупных банковских домов и европейских монархов. Спекуляция здесь процветала не менее, чем на товарной бирже. На цены товаров и курсы бумаг оказывали влияние самые различные обстоятельства и события, в том числе и политические. Поэтому купцы и финансисты нуждались в получении быстрой и подробной информации. Агенты торговых фирм тщательно собирали все новости и писали подробные донесения своим патронам. Эти донесения явились зачатками будущих газет.

«Революция цен» и ее социальные последствия

В Европе в XVI и первой трети XVII в. наблюдается значительный рост цен, условно названный «революцией цен». Рост цен проходил неравномерно по странам и во времени. В Испании к 1601 г. цены выросли почти в 4,5 раза, в Англии — в 4 раза, во Франции к концу XVI в. — в 2,5 раза, в Италии — в два раза. При этом цены на сельскохозяйственные продукты поднялись в гораздо большей степени, чем на промышленные товары, а предметы первой необходимости вздорожали сильнее, чем предметы роскоши. Очень важно, что цены на труд, т. е. заработная плата, сильно отставала от роста товарных цен. Так, в Англии заработная плата возросла всего лишь на 30%, во Франции — на 25%. Таким образом, реальная заработная плата сильно упала.

«Революция цен» представляет собой весьма сложное явление, и ее нельзя связывать с постепенным общим ростом цен, начавшимся в ряде стран Европы во второй половине XV в., когда он определялся ростом и ускорением товарооборота, увеличением спроса на сельскохозяйственные товары в связи с увеличением численности населения вообще и городского в особенности, а также постепенным возрастанием количества монеты в обращении. Резкий и устойчивый рост цен был связан в XVI в. с привозом в Европу большого количества золота и особенно серебра, добытых дешевым трудом рабов во вновь открытых колониях, вследствие чего снизилась цена самих драгоценных металлов. Со всей силой эти явления дали о себе знать примерно с середины столетия. Цены росли быстрее в тех странах, которые раньше и сильнее испытали на себе увеличение в них количества драгоценных металлов, что было связано с формировавшимся мировым товарным и денежным рынком (Испания, Португалия, Франция, Нидерланды, Англия, Италия, западные области Германской империи). Возникновение мирового рынка способствовало постепенному распространению «революции цен» и на другие, менее развитые экономически страны Европы.

«Революция цен» различным образом повлияла на экономическое положение разных групп и сословий феодального общества. В деревне выиграли в первую очередь землевладельцы, сдававшие свою землю в аренду, так как арендная плата сильно повысилась в связи с ростом цен на сельскохозяйственные продукты и значительно превышала размер фиксированной феодальной денежной ренты. Наконец, выиграли и крестьяне, платившие ренту своим сеньорам.

В производстве промышленных товаров в лучшем положении оказались капиталистические предприниматели, так как сильно снизилась реальная заработная плата наемных рабочих при одновременном росте цен на товары. Выиграли также купцы, делившие с предпринимателями прибавочную стоимость, производимую рабочим, и эксплуатировавшие в качестве скупщиков и кредиторов широкие слои мелких ремесленников и кустарей.

Пострадали от «революции цен» широкие слои населения: крестьяне, ведшие мелкое, не производящее на рынок хозяйство и вынужденные нередко батрачить или заниматься подсобными промыслами кустарного характера, а также те крестьяне, которые платили феодальную ренту продуктами или нефиксированную ренту. Проиграли те дворяне, а их было большинство, которые получали от своих держателей фиксированную денежную феодальную ренту, не имели значительных домениальных владений и не вели собственного хозяйства, рассчитанного на рынок.

В городе потеряли от «революции цен», в первую очередь, широкие слои населения, жившие на заработную плату, и мелкие товаропроизводители, цеховые мастера, номинально самостоятельные, но фактически уже работавшие на скупщиков и на мануфактуристов. «Революция цен», таким образом, способствовала экспроприации мелкого товаропроизводителя как в городе, так и в деревне. Маркс резюмировал последствия «революции цен» так: «С одной стороны, обесценение заработной платы и земельной ренты, а с другой — рост промышленных прибылей. Иными словами: в той мере, в какой пришли в упадок класс земельных собственников и класс трудящихся, феодальные сеньоры и народ, в такой же мере возвысился класс капиталистов, буржуазия» [1].

Всюду понижение заработной платы и повышение капиталистического дохода, разрыв между арендной платой и феодальной рентой вели к усилению классовых антагонизмов к обострению классовой борьбы. Между сеньором — феодальным собственником и крестьянином-держателем обостряется борьба за землю, борьба за превращение феодального держания в свободную мелкую собственность. Между трудом и капиталом начинается борьба за заработную плату. Исход этой борьбы, шедшей в течение почти трех столетий, зависел от конкретного соотношения классовых сил и решался в каждой стране по-разному.

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 154.

Глава 25

ГЕРМАНИЯ В XVI И В НАЧАЛЕ XVII В.

§ 1. ЭПОХА РЕФОРМАЦИИ И ВЕЛИКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Экономический строй Германии в первые десятилетия XVI в.

К началу XVI в. большинство населения Германии состояло из феодально зависимых крестьян. В деревне безраздельно господствовали князья, дворяне и их управители. В немецких городах, в том числе и в наиболее крупных, преобладало цеховое ремесло, а в их магистраты входили члены патрицианских родов и представители богатого бюргерства.

Однако уже XV век и особенно начало XVI в. ознаменовались в экономической жизни Германии значительными сдвигами. В это время, когда развитие производительных сил и разделение труда в разных частях мира привели к значительному расширению международных торговых связей, Германия продолжала занимать центральное положение на путях мировой торговли. Правда, Северогерманская Ганза, теснимая конкуренцией английских и голландских купцов, с конца XV в. стала приходить в упадок (см. т. 1, гл. 11), а великие географические открытия возвещали предстоявшее в близком будущем перенесение мировых торговых путей на Атлантическое побережье. Но несмотря на это до середины XVI в. связи Северной Италии и через ее посредство Востока с рынками Западной Европы шли через германские земли, а немецкие города, особенно Аугсбург, Нюрнберг и некоторые другие на Рейне и на Верхнем Дунае, по-прежнему оставались крупными центрами европейской торговли. Немецкие купцы пользовались привилегиями в торговых портах других европейских стран и на первых порах извлекали выгоды и из нового направления путей мировой торговли. Международная экономическая роль Германии выражалась и в том, что она занимала первое место в мире по добыче серебра — главного средства обмена в то время (поток американского золота и серебра стал ощущаться только с середины XVI в.).

Выгодное положение на путях мировой торговли способствовало росту товарного производства в стране в области ремесла и сельского хозяйства, наметившемуся уже ранее и особенно заметному в первые десятилетия XVI в. Верхненемецкие города достигли расцвета и являлись, по словам Энгельса, средоточием значительного богатства и роскоши. Аугсбург оставался до середины XVI в. крупным складочным пунктом итальянских шелковых изделий, индийских пряностей

и товаров Востока вообще. В Аугсбурге же находились торговые фирмы Фуггеров, Вельзеров и др., которые вели в масштабах того времени настоящую мировую торговлю и имели свои постоянные конторы в разных странах, в частности в Венеции, торговавшей со странами Востока и занимавшей господствующее положение на Средиземном море. Крупным южногерманским фирмам принадлежали богатые горные промыслы в германских землях и за их пределами, в особенности в Тироле и в других австрийских землях, а также многие горные разработки в Испании, Венгрии и в других странах. О силе и влиянии этих фирм можно судить уже по тому, что князья и императоры, постоянно нуждавшиеся в деньгах, обращались к ним за займами, предоставляя фирмам большие привилегии и отдавая в заклад горные богатства.

Выгодными связями славились тогда многие крупные города. Известный немецкий гуманист Яков Вимпфелинг писал о Кёльне, что этот город «по своей обширной торговле и неизмеримым богатствам является царем Рейна». Нюрнберг — крупнейший центр металлообрабатывающей промышленности — насчитывал в XVI в. около 20 тыс. населения. Из эльзасских городов выделялся своей прибыльной торговлей Страсбург, через который шли торговые связи с Францией. Франкфурт-на-Майне славился ярмаркой, собиравшей купцов из Нидерландов, Фландрии, Англии, Польши, Чехии, Италии и Франции. Более мелкие города — Ульм, Констанц, Равенсбург — являясь наряду с Аугсбургом центрами изготовления хлопчатобумажных изделий и полотна, продавали свою продукцию не только на местных, но и на отдаленных итальянских рынках и в Испании. Через города, расположенные на Дунае, немецкая торговля была связана со славянскими землями Юго-Восточной Европы.

Расширение внутренних и международных торговых связей и рост богатств в немецких городах в первые десятилетия XVI в. имели своим результатом дальнейшее развитие зародившихся уже в XV в. (см. т. 1, гл. 11) элементов капиталистического производства. В текстильной промышленности и отчасти в области изготовления металлических изделий все больше места занимала система авансирования (Verlagssystem), при которой разрозненные ремесленники подчинялись организующей деятельности купца-предпринимателя, авансировавшего их деньгами и доставляемым издалека сырьем. Руководящая деятельность купцов-предпринимателей выражалась главным образом в расчленении процесса производства и распределении его отдельных этапов между непосредственными производителями, теряющими таким образом свою экономическую самостоятельность и все более превращающимися фактически в наемных рабочих. Капиталистическая система рассеянной мануфактуры получала благодаря этому все большее распространение в городах и особенно в городской округе, где не существовало цеховой регламентации. Наряду с этим в отдельных отраслях появлялись и централизованные мануфактуры. Примером их являлись средние и крупные типографии. Само оборудование типографии требовало значительного капиталовложения и наличия от 30 до 50 и больше наемных рабочих разных специаль-

ностей — наборщиков, словолитчиков, печатников, изготовителей печатных форм, корректоров и др.

В первые три-четыре десятилетия XVI в. элементы капиталистического производства в горном деле, определившиеся уже в предыдущем веке, значительно усилились, особенно на разработках благородных металлов. К началу XVI в. горные товарищества на паях в Саксонии, Тироле и других землях Германии в основном потеряли характер трудовых коллективов и стали капиталистическими. Достигнутое к этому времени углубление шахт (до 300, а в ряде случаев до 500 метров и больше) и усложнение оборудования на разработках требовали больших капитальных вложений и постоянных дополнительных расходов. Участие в предприятиях в районах крупных разработок обладателей мелких вкладов все больше и больше затруднялось; они постоянно находились под угрозой потери своей доли и полного разорения.

По самым скромным подсчетам, в первые десятилетия XVI в. в германской горной промышленности было занято больше 100 000 человек. По добыче серебра она значительно превосходила все остальные страны Европы, вместе взятые. Добыча золота и серебра оказалась, по мнению Ф. Энгельса, «последним толчком, поставившим Германию в 1470—1530 гг. в экономическом отношении во главе Европы и тем самым сделавшим ее центром первой буржуазной революции в религиозном облачении так называемой Реформации» [1].

С расцветом товарного производства и с распространением ранних форм капиталистических отношений связаны значительные изменения в аграрных отношениях. Увеличение спроса на шерсть, лен и продукты питания стимулировало рост овцеводства, расширение посевов технических и продовольственных культур. С начала XVI в. землевладельцы в большей степени, чем раньше, обратили внимание на возросшую доходность сельского хозяйства. Они принимали меры к укреплению своей феодальной собственности на землю путем превращения наследственных держаний крестьян в пожизненные, а пожизненных — в срочные, что приводило к ухудшению условий крестьянского держания, к увеличению многочисленных феодальных поборов, как регулярных, так и взимавшихся при определенных случаях (рождение, брак, смерть в семье крестьянина, продажа имущества и т. п.). Одновременно с этим феодалы в своих собственных хозяйствах, где это представлялось возможным, расширяли овцеводство и отводили новые участки земли под лен, коноплю и другие технические культуры. Рост барских хозяйств, чаще всего за счет узурпации общинных угодий и сокращения крестьянских участков, был связан с массовым распространением крепостного состояния крестьян (Leibeigenschaft) и увеличением их барщинных повинностей.

В восточных и северных районах, где крестьяне могли активнее защищаться, натиск феодалов не давал до Крестьянской войны заметных результатов. Зато в юго-западной части страны феодальная реакция нарастала быстрыми темпами. Здесь феодалы вводили для

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 229.

крестьян краткосрочные формы держания земли со всеми признаками голодной аренды. Во время Крестьянской войны многие крестьяне жаловались, что им приходится отдавать землевладельцу треть и даже половину урожая.

Одной из самых ненавистных и тяжелых повинностей была десятина, взимавшаяся церковью. Вначале она взималась только с зерна («большая десятина»), но затем ее стали брать также с огородных культур («малая десятина») и со скота («десятина крови»). Если к этому прибавить всякого рода княжеские налоги, расхищение общинных земель, запрещение крестьянам пользоваться лесом для пастбищ и для собирания топлива, прудами для рыбной ловли и т. п., то можно с полным основанием утверждать, что господа старались забрать из крестьянского дохода все, что могли, оставляя крестьянину лишь самые минимальные средства к существованию. Феодалы стремились, таким образом, обратить все выгоды от подъема в области сельского хозяйства и развития товарного производства исключительно в свою пользу. Даже зажиточные слои крестьянства испытывали гнет феодальной реакции, сильно препятствовавшей самостоятельному развитию крестьянского хозяйства и буржуазных отношений в деревне.

Особые условия экономического и политического развития Германии

Нараставшая феодальная реакция в деревне, проводившаяся духовными и светскими феодалами и князьями практика массового перевода крестьян в крепостное состояние тормозили распространение в стране зарождавшихся элементов капиталистического производства. Это и было особенностью экономического подъема Германии на рубеже XV и XVI вв. Эта особенность проявлялась тем более резко, что отдельные германские земли развивались неравномерно, а главное — регулярный товарообмен между ними определился лишь в связи с экономическим подъемом конца XV и первых десятилетий XVI в. Только тогда стали складываться условия для преодоления господствовавшей в предыдущие века изолированности различных частей Германии, а саксонско-тюрингский район стал приобретать значение хозяйственного центра ее основных земель. Однако этот процесс не привел тогда к созданию общего внутреннего рынка. Внешние связи и рынки, имевшие столь важное значение в экономике германских городов, оставались в основном различными на севере и на юге. Богатые южногерманские города вели оживленную торговлю с итальянскими городами; северoганзейские же города, имевшие свои конторы в Новгороде, Бергене, Лондоне и Брюгге, снабжали товарами всю Северную Германию, но по преимуществу занимались транзитной торговлей.

Особенностями экономического развития Германии определялась в значительной степени ее политическая и социальная структура. В то время как в других крупных странах Европы развитие торговли и промышленности привело к политической централизации, в Германии продолжала преобладать группировка интересов вокруг местных центров — политическая раздробленность. Германская империя, в которой процесс внутреннего распада шел и углублялся с XII в. (см. т. 1, гл. 11), представляла собой к началу XVI в. конгломерат самостоя-

тельных и фактически разобщенных «территорий», считавшихся ее «непосредственными» землями. «Членами империи» были имперские князья (наиболее значительными из которых были курфюрсты); в нее входили имперские графства и прелатства и имперские города. Кроме того, империя включала самостоятельные территориальные единицы (их насчитывалось до тысячи), различавшиеся как размерами, так и по экономическому и политическому значению.

Сильнейшим княжеским домом был дом Габсбургов, за которым с 40-х годов XV в. утвердилась императорская корона. Держава Габсбургов состояла из Верхней и Нижней Австрии, Тироля, славянских земель — герцогств Штирии, Каринтии и Крайны, ряда наследственных земель на Верхнем Рейне, графств Бургундия и Нидерланды. С 1526 г. в состав державы Габсбургов было включено Королевство Чехия и часть Венгрии. С Габсбургской державой соперничали внутри империи сильное герцогство Бавария и богатое курфюршество Саксония, лежащее в горных районах Средней Германии. В то же время в империю входили мелкие территории, часто ограничивавшиеся рамками одного города или одного монастыря. Вся эта пестрая масса крупных, средних, мелких и мельчайших территорий находилась в постоянной вражде.

Преобладание местных центров усиливало власть территориальных князей, которых Ф. Энгельс характеризовал как представителей централизации в самой раздробленности, как носителей местной и провинциальной централизации. Каждый князь чеканил свою монету, собирал налоги, творил суд и старался использовать ослабление императорской власти для подчинения мелкого дворянства и городов. Таким же образом поступали патрицианские роды городов, узурпировавшие права общин под видом управления ими.

Усиление суверенитета территориальных князей за счет слабевшей центральной власти самым отрицательным образом сказывалось на дальнейшем экономическом развитии страны. Каждый князь старался перещеголять своих соседей блеском своего окружения, пышностью двора и прежде всего мощью своих финансов и армии. Тяжесть налогов, взимавшихся для удовлетворения этих потребностей, подрывала экономику сел и городов и тормозила предпринимательскую деятельность. Главное же заключалось в том, что немецкие купцы и предприниматели лишены были государственной помощи и поддержки, и в своих деловых связях и борьбе с конкурентами из других стран они могли рассчитывать только на собственные силы и на силу своих частных союзов. В этих условиях в наиболее выгодном положении оказались крупные южногерманские торгово-ростовщические фирмы Фуггеров, Вельзеров, Гохштеттеров и др., которые предоставляли займы постоянно нуждавшимся в деньгах немецким князьям, прежде всего Габсбургам.

Южнонемецкие фирмы, наживавшие огромные состояния на международных торговых и кредитных операциях, вкладывали капиталы в горную промышленность не только Германии, но и Австрии, Чехии, Венгрии, Испании, а фирма Вельзеров владела также разработками меди и серебра в Америке. Наряду с этим Вельзеры участвовали в

Южной Америке в работорговле и использовали свои связи и капиталы для проведения там своей собственной колониальной политики. Фуггеры распространили свои вклады помимо горной на другие отрасли промышленности. Таким образом, Фуггеры и другие крупные компании Южной Германии в известном смысле сочетали деятельность ростовщиков, торговцев-монополистов и промышленников, причем все эти функции переплетались. Извлекая капиталистическую прибыль от эксплуатации наемного труда, они, однако, основные доходы получали благодаря привилегиям и монопольным правам. Предприниматели-раздатчики из среды бюргерства, владельцы мануфактур, главным образом рассеянных в городской округе, подрывали своей деятельностью цеховые устои в городах и являлись носителями прогрессивных тенденций в промышленном производстве. Но они оказывались бессильными перед лицом торгово-ростовщических компаний. Отсюда то большое возмущение, которое вызывала в кругах немецкого бюргерства в XV—XVI вв. деятельность этих компаний, распространявших свое влияние далеко за пределы Германии и игнорировавших специфически германские интересы.

Обострение в начале XVI в. социальных противоречий и классовой борьбы

Своеобразие экономического строя, политическая раздробленность и господство самых грубых форм феодального произвола породили острые социальные конфликты. Особенность ситуации заключалась в том, что конфликт между угнетенными и эксплуататорскими классами переплетался с ожесточенной борьбой внутри самого господствующего класса — между соперничавшими суверенными князьями, между светскими и духовными князьями и феодалами, между высшими духовными и светскими феодалами и мелким рыцарством, — а также с разногласиями и противоположными интересами внутри бюргерства разных районов страны. В раздробленной Германии объединение разнообразных течений оппозиции фактически оказалось невозможным.

Большинство среднего слоя городского населения (бюргерства) включало богатых, средних и часть мелких собственников — мастеров, ремесленников, торговцев, страдавших от непосильных налогов, от постоянных междоусобных войн и грабежей на больших дорогах, от засилья привилегированных монополистических компаний. В среде бюргерства все больше нарастало оппозиционное настроение, но в условиях недостаточно развитых внутренних связей и политической раздробленности страны немецкое бюргерство в отличие от среднего слоя горожан в некоторых других странах Европы не сформировалось в класс общенационального масштаба и не смогло объединить другие оппозиционные силы. Оно интересовалось преимущественно узкоместными вопросами и не ставило перед собой широких политических целей. Что касается прослойки, которая к этому времени уже вступила на путь буржуазных отношений, то ее удельный вес в общей массе бюргерства был еще сравнительно невелик.

Политической активностью выделялось немецкое дворянство (рыцарство), оказавшееся в критическом положении. Развитие техники военного дела в связи с изобретением пороха и рост значения пехоты

сделали ненужной тяжеловооруженную кавалерию, т. е. военную службу рыцарей. Сохранение своего положения рыцари усматривали в укреплении империи, в создании централизованного крепостнического государства, опирающегося на рыцарство и держащего в узде крестьянство. Идеологи дворянства выражали недовольство всевластием князей, особенно засильем духовных князей и высшей церковной иерархии вообще, являвшейся агентурой папского Рима. Само собой разумеется, что этот идеал крепостнической империи не мог быть принят ни бюргерством, ни крестьянско-плебейским лагерем.

Совершенно иной характер носила революционная оппозиция народных масс города и деревни, не имевших в существующем феодальном обществе никаких прав. Одинаково бесправное положение крестьянства и городского плебса, подвергавшихся эксплуатации и угнетению со стороны всего феодального общества, содействовало их совместным выступлениям, направленным против самих основ феодального строя.

Городской плебс был очень сложным по составу. Он соединил в себе элементы разложения феодально-цехового строя с низшими слоями нового, едва зарождавшегося буржуазного общества. В связи с этим Энгельс отличает в плебействе три группировки: 1) разорившихся и обедневших горожан, потерявших свое место в обществе, 2) подмастерьев, стоявших вне официального общества, но мечтавших о цеховых привилегиях для себя в будущем и 3) выброшенных из деревни крестьян и отпущенных слуг, которые в общей городской массе образовали зародыши пролетариата. Этот слой не только оказался самым надежным союзником крестьян в антифеодальной борьбе, но и дал крестьянству из своей среды талантливых и смелых организаторов.

Для классовой борьбы XVI в. характерно значительно более тесное сближение крестьянской массы с городскими низами, чем в предшествующий период. Усиление крестьянско-плебейского лагеря не могло не оказать влияния на радикальные элементы в бюргерстве и на известный подъем бюргерской оппозиции вообще. Это проявилось в Германии в деятельности возобновившихся с начала XVI в. тайных обществ «Башмака» (см. т. 1, гл. 11).

В 1502 г. такое тайное крестьянское общество было раскрыто в Шпейерском епископстве на Рейне. Участники заговора намеревались совершить переворот в маркграфстве Баденском и соседних территориях с тем, чтобы приступить к осуществлению намеченной ими антифеодальной программы. Они считали необходимым раздел между крестьянами имущества духовенства, сокращение числа духовных лиц, упразднение всех феодальных платежей и феодальной зависимости вообще, возвращение в свободное пользование крестьян всех узурпированных общинных угодий. Участники общества рассчитывали при этом не только на силу завербованных заговорщиков, но главным образом на силу стихийного восстания народных масс. Задачу тайного общества они видели в подготовке боевых групп для захвата города Брухзаля в качестве опорного пункта, затем эти группы, подняв знамя «Башмака», должны повести народные массы сел и

городов, которые присоединятся к ним, в военный поход по всей стране.

Однако дело не дошло даже до открытого выступления самих заговорщиков, планы которых были выданы предателем. Участники общества и большинство его руководителей были арестованы (Иосу Фрицу удалось избежать ареста) и казнены.

В 1513 и 1517 гг. во многих городах Германии происходили весьма значительные, направленные против городской верхушки, волнения бюргерства с активным участием в них плебейских масс. В такой обстановке резкого выражения недовольства раскрыты были новые, уже отражающие признаки дальнейшего подъема движения крестьянско-плебейских масс, планы тайных обществ «Башмака». Эти планы включали важные политические требования. Наиболее общим из них являлось требование упразднения всех властей, кроме власти императора, т. е. стремление к установлению государственного единства путем устранения всех территориальных князей. Власть императора признавалась только при условии, что он присоединится к восставшему народу. В противном случае заговорщики намеревались его свергнуть и обратиться за помощью и руководством к швейцарцам.

Оппозиция большей части бюргерства, состоявшей из цеховых ремесленников и связанных с цеховым производством купцов, носила умеренный характер. Она касалась в основном внутригородских порядков и направлялась против патрициата и его бесконтрольного управления городскими делами и финансами. Значительно более радикальными и широкими были требования тех элементов бюргерства, предпринимательская деятельность которых была уже связана с зарождавшимися в стране капиталистическими отношениями. Требования этой части бюргерства, направленные против раздробленности Германии, против произвола княжеских клик, отражены уже в памфлетах XV в. (см. т. 1, гл. 11). Памфлетная литература, содержавшая требования коренных политических преобразований, получила в предреформационной Германии широкое распространение.

Однако передовые элементы, объективно заинтересованные в поддержке антифеодальной борьбы народных масс, составляли меньшинство в немецком бюргерстве, основная масса которого продолжала цепляться за свои сословные привилегии и не выходила в области политических требований за рамки умеренной оппозиции. Только борьба против заслужившего всеобщую ненависть в Германии засилья папского Рима и высшего католического духовенства могла объединить, по крайней мере на некоторое время, разнородные слои немецкого бюргерства.

В воинственной оппозиции к политическому строю, основанному на территориальной системе, находилось и немецкое рыцарство. Но реакционные рыцарские идеалы не могли, конечно, встретить сочувствия ни со стороны бюргерства, ни тем более со стороны народных низов. Тем не менее идеологи рыцарства, страстно призывавшие к борьбе с произволом князей и к освобождению Германии от засилья папского Рима, играли известную роль в общем подъеме политической оппозиции начала XVI в.

Католическая церковь в Германии перед Реформацией

К началу XVI в. в странах Центральной и Западной Европы чрезвычайно возросли материальные и политические претензии католической церкви, ставшей весьма влиятельной международной силой со сложным и разветвленным организмом.

Основанием для этих претензий было то, что католическая церковь служила в средние века идеологической опорой всего феодального строя. Она учила, что мир и весь существующий в нем порядок, в том числе и общественный строй, созданы богом и не подлежат никакому изменению, а на долю масс остается лишь покорность властям. Постулировалась идея об исконной «греховности» человека. Согласно этому учению, человек греховен по самой своей природе и собственными силами не способен «спастись», т. е. искупить свою греховность. Только церковь может дать через свои таинства (крещение, покаяние, причащение и др.) недостающую человеку «благодать» и обеспечить ему вечное «спасение».

Папы и высший католический клир вполне сознавали значение своего учения и своей организации в феодальном мире. Папский Рим не без основания считал себя оплотом существующего строя в его борьбе против всех подымающихся антифеодальных сил, а в конце средних веков — оплотом начавшегося процесса национальной консолидации народов. Отсюда претензии высшего католического духовенства во главе с папой на то, чтобы установить свою политическую гегемонию, подчинить себе светскую власть, использовать влияние в целях своего обогащения. Папские дипломаты, сборщики церковных поборов и продавцы индульгенций заполняли страны Европы.

Претензии католической церкви вызывали недовольство даже крупных светских феодалов, но в значительно большей степени — жителей городов, в которых зарождалась новая, буржуазная идеология. В XV и XVI вв. притязания церкви встречали решительный отпор со стороны королевской власти в тех странах, которые встали на путь государственной централизации. В раздробленной же Германии папы не хотели идти ни на какие уступки. Огромные суммы денег шли из германских земель в папскую казну через разветвленную папскую агентуру, к которой принадлежали прежде всего суверенные духовные князья и всякого рода сборщики. Это обстоятельство в немалой степени содействовало тому, что реформационное движение, почва для которого подготовлена была и в других странах Европы, началось ранее всего именно в Германии и объединило здесь наиболее широкие слои населения.

Беззащитное состояние Германии перед лицом политических интриг и финансовых вымогательств папской курии особенно проявилось после краха попыток создания общеимперских учреждений, предпринятых в конце XV в. вслед за созданием в Юго-Западной Германии Швабского союза (см. т. 1, гл. 11). По замыслу князей — инициаторов имперских реформ княжеский суверенитет в территориях должен был оставаться незыблемым. Но при таких условиях задача обеспечения имперских учреждений реальными военными и финансовыми средствами оказалась неразрешимой.

Нетрудно себе представить, насколько особое положение церкви в Германии содействовало усложнению и обострению внутренней обстановки. Вопрос об освобождении от папских претензий стал национальной задачей немецкого народа. Требования церковной реформы содержались в каждой из выдвигавшихся тогда программ политических преобразований. Правда, каждая социальная группировка понимала реформу по-своему, вкладывая в нее особый смысл. Все же в требовании церковной реформы все разрозненные элементы общественной оппозиции нашли на некоторое время свое общее выражение. Подъем общественного движения бурно нарастал.

Гуманизм в Германии

В идеологической подготовке общественного подъема эпохи Реформации важное место принадлежит гуманистическому движению. Зарождавшиеся в немецких городах буржуазные отношения создали благоприятные условия для возникновения и развития новой идеологии. Уже около середины XV в. в среде молодых магистров и слушателей немецких университетов, к которым примыкали литераторы, проповедники, странствующие поэты и другие образованные люди из разнообразных слоев населения, возникали кружки для изучения произведений античных авторов по примеру итальянских гуманистов. Эти кружки вступали в борьбу с церковнобогословским и схоластическим направлением, господствовавшим в университетском преподавании. Новое направление мысли отстаивало самостоятельный характер опытных наук по отношению к богословию. В своих литературных произведениях более радикальные немецкие гуманисты, пропагандируя научное мировоззрение и борьбу со схоластикой, затрагивали не только абстрактные вопросы религии, философии и морали, но и вопросы, волновавшие широкие оппозиционные круги, а именно: о национальном развитии немцев, о роли папского Рима и его агентуры в унижении Германии и др. В произведениях гуманистической литературы конца XV и начала XVI в. немало обличительных страниц, насыщенных яркими примерами, почерпнутыми из образцов народного творчества, из фольклора, получившего в этих произведениях особое звучание.

Пропаганду научных знаний, высоких моральных качеств и положительного отношения к радостям земной жизни, проникнутых национальными мотивами обличения невежества и грубости богословов, монахов и церковников, мы находим уже у немецких гуманистов второй половины XV в. — у Рудольфа Агриколы (1444—1485), у Якова Вимпфелинга (1450—1528), у поэта-гуманиста Конрада Цельтиса (1459—1508), лирические стихи которого проникнуты жизнерадостным мироощущением, прославлением человеческой природы, свободы человеческого духа и достижений культуры. Замечательным произведением гуманистической литературы конца XV в. явился изданный в 1494 г. на немецком языке «Корабль дураков» («Das Narrenschiff»). Эта сатира, написанная и иллюстрированная профессором Базельского университета Себастьяном Брантом (1457—1521), построена в виде повествования о шумной толпе дураков, устремляющихся на корабль с целью отправиться в страну глупости Наррагонию. В этой толпе собраны представители разных слоев герман-

ского общества — глупцы, создающие таким образом общую картину глупой жизни и порочного быта того времени. Сатира Бранта содержала также нападки на рыцарей и знатных господ, которые кичатся «благородством» своего происхождения, не обладая ни доблестью, ни подлинным благородством души.

Вскоре после «Корабля дураков» Бранта появилась сатирическая поэма «Рейнеке-Лис», отражающая распространенные в народе протест и возмущение актами феодального произвола, политическими неурядицами и господством грубой силы, характерными для политической обстановки в Германии. Замечательный гуманист, профессор поэзии Тюбингенского университета Генрих Бебель (1472—1518), избрал жанр «фацетий» — коротких новелл, насыщенных фольклорным материалом и остро обличительных по своему содержанию, в которых высмеивал нравы духовенства, схоластику и самую церковную догматику. Среди фацетий Бебеля имеются и такие, которые навеяны мотивами антифеодальной борьбы. В одной из них волк уверяет крестьян, которые его преследуют за хищение овец из их стад, что его преступления ничто по сравнению с хищническими действиями феодалов и князей, отнимающих у крестьян не только плоды их полей и стад, не только их добро, нажитое тяжелым трудом, но и их жен и дочерей и даже жизнь.

В кругах немецких гуманистов в начале XVI в. большим авторитетом пользовались Эразм Роттердамский и Иоганн Рейхлин, названные «двумя очами Германии».

Эразм Роттердамский (1466—1536) — выходец из Голландии, свои юные годы провел в монастыре, который ему удалось покинуть лишь в 1493 г. Живя в Нидерландах, Франции, Англии, Италии и разных городах Германии, Эразм с большим увлечением изучал произведения итальянских гуманистов и античную литературу. Эразм Роттердамский сам себя называл «гражданином Вселенной». Однако в своей литературной деятельности он был теснейшим образом связан с немецкими гуманистами. В его творчестве нашли выражение характерные особенности немецкого гуманизма, идеологии прогрессивных слоев немецких городов.

Уже в ранних произведениях Эразма, в данной им трактовке идеи свободы воли, в стимулировании волевой активности человека во всех сферах жизни, получила свое особое выражение направленность гуманистической мысли против теологического фатализма, подчеркивалась роль человека, его разума и целенаправленной воли в формировании собственного характера его индивидуальности и особенно в процессе движения к высшему нравственному совершенству, принципы которого противопоставлялись порабощающей человеческий дух идеологии средневекового католицизма. В сатирической литературе XVI в. выдающееся место занимает произведение Эразма «Похвальное слово Глупости», опубликованное в 1509 г. В этой и в другой сатире «Домашние беседы», законченной в 1518 г., Эразм тонкой иронией и остроумной, не всегда сразу уловимой насмешкой вскрывал недостатки и пороки современного ему общества. Во всех областях политической, культурной и церковной жизни он видел пошлость,

пустой формализм, бессмысленную догматику и прежде всего глупость — отсутствие всякого разумного начала.

В сатире Эразма больше всего достается схоластической «науке», богословам и монахам. В несколько более сдержанном тоне он говорит о пороках высшего католического клира — епископов, кардиналов и пап. В разных произведениях Эразма, написанных до выступления Лютера, указывается и на пороки социальных и политических порядков современного ему общества, на бедственное и беспомощное положение широких слоев народа, на политический произвол и тиранию королей, князей и феодалов. Резкой критике Эразма подвергались войны его времени, которые велись в интересах правителей и военных клик, а народам приносили только огромные бедствия. Но Эразм видел причины всех общественных пороков лишь в отсутствии правителей, способных организовать государство на разумной и справедливой основе.

Высмеивая внешнюю обрядовую сторону католической церкви, феодальную идеологию и всю систему средневековых воззрений, Эразм объективно отстаивал основы зародившихся буржуазных отношений, но вместе с тем он отражал и характерную для его времени незрелость оппозиционной мысли. При всем радикализме своей сатиры Эразм старался сохранить принципы религиозно-церковного мировоззрения, требовал подведения под христианскую религию рационалистической основы и решительно высказывался против всякого реформационного переворота.

Другой крупный деятель гуманистической культуры в Германии Иоганн Рейхлин (1455—1522) стремился примирить христианскую мораль с гуманизмом и доказать, что христианская религия устанавливает связь божественного с человеческим и тем самым признает положительное значение земной жизни и находит божественное в самом человеке. У Рейхлина «христианская идея» расплывалась в широкое понятие человеческой культуры у разных народов и в разное время. Такое широкое понимание христианства пе имело, по существу, ничего общего с католической догматикой. В соответствии с этим Рейхлин считал, что изучать сущность христианства следует подвергая критическому анализу первоисточники, а не в духе церковной догматической традиции.

Подобно Эразму Роттердамскому, Рейхлин старался избегать конфликтов с католической церковью. До конца своих дней он оставался противником Реформации. Однако его борьба с обскурантами — с реакционными католическими богословами — не ограничивалась областью абстрактной полемики. Уже на исходе первого десятилетия XVI в. Рейхлину пришлось вступить в открытую борьбу с самым реакционным воинственным отрядом «обскурантов» — с кельнскими теологами. На сторону Рейхлина стали все передовые умственные силы тогдашней Германии и прежде всего радикальные кружки молодых гуманистов, объявивших себя «рейхлинистами». Самый предмет борьбы был назван «делом Рейхлина». Начало «дела Рейхлина» относится к 1509 г., когда кельнские теологи стали добиваться уничтожения еврейских религиозных книг, являющихся, по их словам, враж-

дебными христианству. Запрошенный по этому делу в качестве эксперта Рейхлин высказался против огульного уничтожения еврейских книг, часть которых он считал ценными источниками по изучению христианства. Этот спор вылился в страстную принципиальную борьбу по вопросу о возможности или невозможности критической трактовки религиозных догматов.

Наиболее решительную позицию в «деле Рейхлина» занял кружок радикальных гуманистов при Эрфуртском университете, руководимый Муцианом Руфом из Готы. Членами этого кружка были такие видные гуманисты, как Ульрих фон Гуттен, Крот Рубиан и Эобан Гесс. В 1515 г. кружок выпустил остроумно и талантливо составленную сатиру «Письма темных людей», разоблачавшую невежество и нравственное разложение кельнских теологов и их собратьев, высмеивавшую их бесконечные схоластические споры по пустякам, их «кухонную» латынь и т. д. Одним из авторов анонимно выпущенных «Писем» был самый выдающийся член эрфуртского кружка Ульрих фон Гуттен (1488—1523).

Гуттен родился в семье рыцаря. Отданный в монастырь, Гуттен шестнадцати лет от роду бежал оттуда и, отвергнутый отцом, избрал себе полную лишений жизнь странствующего поэта. Уже ранние произведения отражают его глубокую преданность гуманистическим идеалам и резко отрицательное отношение к господствующим слоям тогдашней Германии.

В 1513 г., после посещения Италии, Гуттен начал литературную борьбу против Рима, публикуя эпиграммы на папу Юлия II, в которых изобличал безнравственный образ жизни папы и высмеивал индульгенции. Гуттен привез из Италии и опубликовал в Германии сочинение итальянского гуманиста Лоренцо Валлы «О ложном и вымышленном дарении Константина» — разоблачение фальшивки, якобы выданной папе римским императором IV в. Константином, на которую опирались папы в своих притязаниях на подчинение им светской власти. Это произведение итальянского гуманиста рассматривалось Гуттеном как важное орудие в политической борьбе против папского Рима.

В действительности политическая программа Гуттена не могла стать популярной среди более или менее широких слоев немецкого народа. В отличие от большинства гуманистов, выражавших настроения отдельных прослоек городской оппозиции, Гуттен был связан с низшим, разоренным дворянством, с той его частью, которая, по словам Энгельса, быстрыми шагами шла к своей гибели и видела свое спасение в восстановлении старой империи. Идеологи рыцарства, в том числе наиболее яркий из них — Гуттен, рассчитывали, что восстановление империи приведет также к восстановлению былой политической роли этого социального слоя. Этот политический идеал рыцарства несомненно был реакционным. Однако Гуттен, поддерживая военные планы рыцарства, связывал их с победой патриотического движения в Германии над папским Римом и его агентурой и видел залог этой победы в том, что успехи пропаганды гуманистических идей и развития наук и искусств приведут к идеологическому и мате-

риальному освобождению внутренних сил страны от римского влияния.

Ульрих фон Гуттен представляется нам, таким образом, глубоко противоречивой натурой. Мы наблюдаем у него сочетание реакционных политических планов с энергичной поддержкой умственного движения Германии. Впоследствии Гуттен стал яркой фигурой среди борцов за Реформацию. Говоря о Гуттене и Зиккингене как о «дворянских представителях революции», Маркс писал, что «они в своем воображении были революционерами» [1].

Немецкая Реформация. Мартин Лютер

Особенности экономического, социального и политического развития ряда германских земель, переживаемая в начале XVI в. эра бурного экономического и социального подъема в сочетании с особо неблагоприятными условиями общего национального развития (многообразие разрозненных интересов, усиливавшаяся сеньориальная реакция, утвердившаяся система политической раздробленности, особое положение в стране католической церкви) были причиной того, что Реформация — событие, общее для многих европейских стран, — приняла в Германии характер широкого общественного движения, стала первой крупной битвой против феодализма в Европе.

С началом реформационного движения было связано выступление Лютера в октябре 1517 г. с 95 тезисами против индульгенций.

Мартин Лютер (1483—1546) родился в городе Эйслебене (Саксония) — одном из крупных в то время центров медной промышленности. Его отец занимал видное место среди богатых владельцев плавилен и меднорудных разработок. В своей предпринимательской деятельности этот слой бюргерства испытывал постоянные затруднения и терпел ущерб от того, что управление горным делом находилось в руках представителей княжеской власти, в пользу которой шла значительная доля добывавшихся металлов. Лютер вырос, таким образом, в среде недовольного своим положением бюргерства, в обстановке нараставшей общей оппозиции к католическому духовенству. Восемнадцати лет он поступил в Эрфуртский университет, близко познакомился с членами радикального кружка гуманистов и одно время находился под их влиянием. Однако, окончив университет, Лютер поступил в августинский монастырь, где окончательно сложилось его мировоззрение.

Вопреки учению католической церкви, Лютер провозгласил, что церковь и духовенство не являются посредником между человеком и богом. Он объявил ложными претензии папской церкви на то, что она может давать людям посредством таинств «отпущение грехов» и «спасение души» в силу особых полномочий от бога, которыми она якобы наделена. Основное положение, выдвинутое Лютером, гласило, что человек достигает «спасения души» (или «оправдания») не через церковь и ее обряды, а при помощи «веры», даруемой ему непосредственно богом. Тем самым отвергались претензии духовенства на господствующее положение в мире. Объявив «веру» человека единствен-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 29, с. 484.

ным средством его общения с богом. Лютер вместе с тем утверждал, что и мирская жизнь человека, и весь мирской порядок, который обеспечивает возможность предаваться «вере», составляет важный момент христианской религии. Тем самым Лютер выразил общее стремление бюргерства избавиться от политического и идеологического засилья папской церкви и придать значение и силу религиозного авторитета светским учреждениям и светскому государству.

Отрицание Лютером доминирующей роли церкви и духовенства выражалось и в его положении о том, что источником религиозной истины является не «священное предание», т. е. постановления церкви и папские декреты, как утверждает католическое учение, а Священное писание (канонические книги Ветхого и Нового завета). Роль церкви и духовенства должна, по мнению Лютера, сводиться только к разъяснению текстов Священного писания и склонению христиан к «вере». Свободного толкования самими христианами текстов Священного писания Лютер не допускал, так как он знал, что и революционные элементы оппозиции аргументируют свои положения этими текстами, толкуя их по-своему.

В лютеровском реформационном учении нашла свое выражение классовая ограниченность немецкого бюргерства. Лютер не развивал своего учения в том направлении, которое позволило бы сделать вывод о необходимости политических и социальных преобразований в обществе. Усматривая значение светского государства в том, что оно устанавливает в мире необходимый для христианской жизни «порядок», Лютер утверждал, что эти функции выполняются государством в любом его виде, что христианская внутренняя религиозность требует твердо установленной системы общественных отношений без их изменений по существу. Практически это означало, что правившие в Германии князья и феодалы рассматривались Лютером как необходимая опора Реформации. Маркс обратил внимание на то, что провозглашенная Лютером внутренняя религиозность так же предназначена для порабощения человека, как и отвергнутая им внешняя религиозность католической церкви. «*Лютер*, — писал Маркс, — победил рабство по *набожности* только тем, что поставил на его место рабство по *убеждению*. Он разбил веру в авторитет, восстановив авторитет веры. Он превратил попов в мирян, превратив мирян в попов. Он освободил человека от внешней религиозности, сделав религиозность внутренним миром человека. Он эмансипировал плоть от оков, наложив оковы на сердце человека» [1].

Консервативное большинство немецкого бюргерства, выступившее в лице Лютера против католической церкви, не решилось заявить о необходимости изменения общественных отношений. Однако в напряженной обстановке Германии тезисы Лютера оказали, по словам Энгельса, воспламеняющее действие, подобное удару молнии в бочку пороха. Вокруг них объединились все «многообразные взаимно перекрещивающиеся стремления» разных слоев оппозиции. Каждая груп-

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 422—423.

пировка вкладывала в тезисы Лютера свои социальные требования, а не то, что имел в виду их автор. Что же касается народных масс, то они вообще не вникали в схоластические тонкости лютеровских ограничительных рассуждений богословского характера. Реформация воспринималась ими как требование не только церковных преобразований, но и социального освобождения.

Сам Лютер не остался в стороне от поднявшейся бури всеобщего движения. Только опираясь на это движение, он мог занять твердую позицию против римской курии, которая хотела с ним быстро покончить. Лютер отказался явиться в Рим на допрос и суд, а попытки папского легата кардинала Каэтана добиться от духовных и светских властей ареста Лютера потерпели в обстановке роста общественного движения Германии полную неудачу. На состоявшемся летом 1519 г. в Лейпциге диспуте между Лютером и воинствующим папистом, профессором богословия Экком Лютер в ответ на обвинение его в гуситской «ереси» смело заявил, что в учении Гуса имелись истинно христианские положения и что осуждение Гуса Констанцским собором и его сожжение не могут быть признаны правильными. Это был уже полный разрыв со всей католической традицией.

В своих полемических произведениях 1520 г. Лютер призывал «против неистового бешенства» приверженцев папского Рима действовать не только словом, но и оружием. «Если, — писал он, — мы вешаем воров, казним разбойников, сжигаем фанатиков, то почему не броситься с оружием в руках на этих главарей разврата, на этих кардиналов, пап и на всю свору римского Содома».

21 сентября 1520 г. была опубликована папская булла об отлучении Лютера от церкви. Лютер ответил на нее рядом резких статей, а 10 декабря сжег буллу во дворе Виттенбергского университета в присутствии студентов. Решительная позиция, занятая Лютером в борьбе с папским Римом, поставила его в первые годы Реформации в центр всего общенародного движения против католического духовенства, которое имело большое политическое значение. Это движение, выражая стремление всех прогрессивных слоев немецкого народа к избавлению своей страны от влияния чужеземных сил, было, по существу, движением против политической раздробленности.

Начало раскола Реформации

В 1520 и в начале 1521 г. имя Лютера сделалось настолько популярным в разных слоях немецкого народа, что папский представитель вынужден был признать в своем донесении в Рим: «Девять десятых Германии кричат «Лютер!»; остальная десятая — по меньшей мере — «Смерть римскому двору!» Однако тогда же стал выявляться разнородный характер тех требований, которые связывали с лютеровской Реформацией разные слои оппозиции. На Лютера ссылались многие народные проповедники, выдвигавшие далеко идущие требования о преобразовании общественного строя. Большие надежды стали возлагать на Лютера деятели рыцарской оппозиции. Идеолог этой оппозиции — выдающийся гуманист фон Гуттен, вначале равнодушный к религиозным спорам, и военный руководитель рыцарства Франц фон Зиккинген приветствовали Лютера как соратника в общей борьбе

за освобождение Германии от влияния и засилья папского Рима, призывая его присоединиться к готовившемуся рыцарскому восстанию. Гуттен написал тогда ряд диалогов: «Лихорадка I», «Лихорадка II», «Вадиск или Римская троица» и др., — в которых он энергично разоблачал порочную, паразитическую жизнь папского окружения и всей католической иерархии. Национальными мотивами проникнуты диалоги Гуттена и особенно его поэма «Жалоба и предостережение». Гуттен считал, что рыцари призваны играть ведущую роль в освободительной войне немецкого народа и стремился убедить всех немцев довериться рыцарству. Задачи поднятого Реформацией движения Гуттен видел в том, чтобы подготовить весь немецкий народ к такой войне, которая приведет к возвышению рыцарства и превращению его в господствующую политическую силу в освобожденной от римского засилья империи.

Ближайшие годы показали, что эти мечты идеологов рыцарства обречены на провал. В поднятом в 1522 г. под руководством Зиккингена восстании против трирского архиепископа рыцари оказались изолированными. Не только крестьяне, но и горожане остались к ним равнодушными. Перешедшие в наступление князья разрушили замок Зиккенгена. Сам он был смертельно ранен. Участвовавший в организации восстания Гуттен бежал в Швейцарию, где вскоре умер. Рыцарское восстание потерпело полное поражение.

Причина краха рыцарского восстания 1522 г. заключалась в политической беспочвенности попытки превращения Германии с ее богатыми и могущественными городами в крепостническую империю. Результатом провала рыцарей, присоединиться к которым Лютер отказался, был уход оппозиционной их части из лагеря Реформации, что положило начало распаду всего лагеря.

В 1521 г. Лютер продолжал бороться за Реформацию со всей непримиримостью. В этом году ему пришлось столкнуться с императорской властью. Император Священной Римской империи Карл V, являвшийся также королем Испании и ее обширных владений в Новом Свете, стремился превратить империю во всемирную католическую монархию Габсбургов. В Реформации Карл V усматривал опасное для его планов движение. На Вормсском рейхстаге 1521 г., на котором присутствовал император, вызванному туда Лютеру было предъявлено категорическое требование отречься от своего учения. Но Лютер занял твердую позицию и решительно заявил: «На этом я стою и не могу иначе!» Весьма характерно, что в этой своей твердой позиции Лютер стремился опереться уже не на широкое народное движение, а на группу светских князей, возглавлявшуюся саксонским курфюрстом Фридрихом. Фридрих выступал против великодержавных политических планов императора и видел в лютеровской Реформации важное орудие против императорской политики создания единой католической монархии. На Вормсском рейхстаге был издан императорский эдикт, предписывающий арестовать Лютера, предать огню все его произведения и конфисковать имения его сторонников. От действий грозного Вормсского эдикта Лютера спас Фридрих Саксонский, укрывший его в замке Вартбург близ Эйзенаха.

С этого времени все больше и больше выявлялось стремление Лютера связать судьбу Реформации с интересами князей. По мере того как стали обнаруживаться расхождения разных примкнувших к Реформации классов, Лютер, отражавший настроения консервативной части бюргерства, не мог уже оставаться центральной фигурой всеобщего народного подъема. Среди более активных и радикальных слоев бюргерства нарастало недовольство стремлением Лютера ограничить Реформацию лишь областью религиозного учения и держаться в стороне от политической борьбы.

Во время пребывания Лютера в Вартбурге реформационное движение в Саксонии оказалось под влиянием более радикальных деятелей — профессора Виттенбергского университета Андреаса Карлштадта, бывшего монаха Габриэля Цвиллинга и других, которые произвели полный переворот в церкви и в положении духовенства. Из церквей стали удалять алтари, иконы и освященный елей. Исполнение католической обедни было объявлено идолопоклонством. Карлштадт и Цвиллинг выступали с требованиями упразднения землевладения духовенства и его привилегированного положения вообще. В выступлениях Карлштадта восхвалялись трудолюбие и предприимчивость. Проповедуя активность в светских делах, Карлштадт говорил: «Никто не может быть уверен в спасенье души, если он не зарабатывает свой хлеб трудом своих рук». Католические деятели жаловались, что под влиянием проповеди Карлштадта молодые люди покидали школы и отправлялись на горные промыслы.

В проповеди и деятельности Карлштадта, Цвиллинга и других виттенбержцев нашло свое отражение выступление на арену нового, более радикального слоя бюргерства, который не удовлетворялся абстрактной Реформацией Лютера и желал ее распространения на область светской жизни. Проявлением этой же тенденции в более радикальных кругах немецкого бюргерства было распространение в богатых южных и западных городах учения швейцарского реформатора Ульриха Цвингли из Цюриха, который выступал против княжеского деспотизма и требовал республиканского строя и политической автономии для религиозных общин (см. гл. 26).

Народное направление в Реформации. Томас Мюнцер

Настоящим же показателем раскола общего лагеря Реформации являлось определившееся и оформившееся в эти годы ее народное направление, стремившееся к социальному перевороту. Еще раньше среди крестьянских и плебейских масс вели пропаганду представители народных «еретических» сект, для которых толкование Священного писания являлось средством выражения социального протеста. Но дальше проповеди ухода от «греховного» мира в замкнутую секту и ожидания, что социальный переворот будет совершен богом, проповедники-сектанты обычно не шли. Теперь же в напряженной обстановке нараставшей антифеодальной борьбы народных масс и общественного подъема, вызванного реформационным движением, пропаганда пассивного ожидания сменилась призывами к революционным действиям и толкованием смысла и значения Реформации именно в этом духе.

Выразителем народного революционного понимания Реформации стал Томас Мюнцер.

Мюнцер, ранняя биография которого неизвестна, выступил на историческую арену в первые годы Реформации как один из сторонников Лютера. Однако в 1520 г., прибыв по рекомендации Лютера в качестве священника и проповедника в саксонский город Цвиккау, Мюнцер не только обнаружил в совместной с лютеранами борьбе против францисканцев более резкий тон и решительные методы, но и показал, что исходит из иных классовых позиций, привлекая на свою сторону подмастерьев и беднейшие слои населения и вкладывая в понимание Реформации новое революционное содержание.

Существовавшая в Цвиккау среди ремесленников секта анабаптистов (т. е. перекрещенцев, требовавших крещения христиан в зрелом возрасте) под влиянием Мюнцера вышла из узких рамок сектантских идей. Члены этой секты сделались эмиссарами Мюнцера по распространению его революционного толкования Реформации по всей Саксонии, что в немалой степени встревожило ближайших сторонников Лютера и самого саксонского курфюрста.

В понимании Мюнцера главные задачи Реформации заключались не в установлении новой церковной догмы или новой формы религиозности, а в провозглашении близкого социально-политического переворота, который должен быть произведен массой крестьян и городской бедноты. Мюнцер ссылался на авторитет «слова божьего», но в самом Священном писании он усматривал лишь указания на необходимые действия людей. У Мюнцера мы не находим упоминания о какой-либо иной жизни, кроме земной. Он утверждал, что «земная жизнь должна быть возвышена до небес», т. е. очищена от зла. В этом смысле Мюнцер понимал и идеал установления «царства божьего на земле».

Само представление Мюнцера о «слове божьем» в корне отлично от лютеровского. Он обращает свой страстный гнев против «книжников» и буквоедов, которые знают только мертвые буквы и традиционные тексты. Настоящее слово божье, по мнению Мюнцера, — это живое слово, которое «избранные» воспринимают как истину и «откровение бога» в их собственном разуме. «Вера (для Мюнцера. — *Ред.)*, — пишет Энгельс, — является не чем иным, как пробуждением разума в человеке, и потому обладать верой могли и язычники» [1]. Энгельс поэтому заключает: «... религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму...» [2].

У Мюнцера нет представления о боге как о стоящей над миром индивидуальности. Для него бог неотделим от самого мира, это мир «в целом», сама идея «общего», вдохновляющая и подчиняющая себе все «творения», т. е. все, что существует в мире. Идеал совершенства, связанный у Мюнцера с его пониманием божества, является, по существу, социальным идеалом. Активную и самоотверженную деятельность человека для общего блага Мюнцер считал служением «богу».

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 370.
[2] *Там же*, с. 371.

Наоборот, всякое действие в эгоистических интересах против общего интереса Мюнцер определял как «безбожие». Борьба с социальным злом, борьба за устранение и уничтожение «безбожников» составляет, по Мюнцеру, задачу ревнителя «дела бога», и таким ревнителем он считал трудящийся народ. «Вся власть, — писал Мюнцер, — должна быть отдана простому народу». Под народом, согласно его собственному разъяснению, Мюнцер понимал крестьян и бедный трудящийся люд вообще. Врагами же «бога», против которых должен быть направлен народный меч, он считал тех, которые узурпируют общие богатства мира и обрекают «простой народ» — единственного носителя идеи высшей справедливости — на тяготы и постоянные заботы о куске хлеба. Дворянские замки и монастыри должны быть уничтожены, Германия должна перестать быть княжеской и дворянской, потому что, покрытая княжескими гнездами, она представляет собой «разбойничий очаг», — такова политическая программа Мюнцера.

Выступая против угнетения народа, Мюнцер проповедовал такой общественный строй, в котором нет классовых различий, нет частной собственности и не зависимой от членов общества и чуждой им государственной власти.

Характеризуя представления плебса того времени о социальном строе, Ф. Энгельс писал: «Нападки на частную собственность, требование общности имущества неизбежно должны были выродиться в примитивную организацию благотворительности; неопределенное христианское равенство могло, самое большее, вылиться в буржуазное «равенство перед законом»; упразднение всяких властей превращалось в конце концов в учреждение республиканских правительств, избираемых народом. Предвосхищение коммунизма в фантазии становилось в действительности предвосхищением современных буржуазных отношений» [1].

Мюнцер пошел значительно дальше непосредственных требований крестьян и плебеев. Но и его собственные представления о будущем обществе могли быть только фантастичными, к тому же они были облечены в мистическую оболочку.

Значение мюнцеровского учения заключается в том, что первоочередной задачей он считал революционное освобождение народа от эксплуатации и удовлетворение его повседневных нужд. Нападая на собственность и отвергая частные интересы, Мюнцер практически имел в виду ту собственность, которая являлась исходным пунктом угнетения народа и «шкуродерства», т. е. собственность крупных землевладельцев и богачей вообще. Укрепление трудовой мелкокрестьянской собственности Мюнцер, наоборот, считал необходимым условием освобождения бедного человека от феодального подчинения и его возвышения к «истинной» вере.

Практически Мюнцер помогал крестьянам в их реальных хозяйственных нуждах и поддерживал популярные лозунги антифеодальной борьбы крестьян. Особенно энергично Мюнцер отстаивал общинную крестьянскую собственность от посягательств крупных феодалов. «Об-

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 364.

3*

рати внимание на то, — писал Мюнцер, — что основа всякого ростовщичества, воровства и грабежа — это наши господа и князья. Они присвоили в собственность всякую тварь. Рыба в воде, птица в воздухе, всякая растительность на земле — все должно принадлежать им. Поэтому они распространяют среди бедных божью заповедь и говорят: бог завещал — не укради; к ним же самим это не относится, хотя они доводят всех людей до нищеты. Они сдирают шкуру и мясо с бедного пахаря, ремесленника и всего живого».

Тесная связь Мюнцера с широкими массами народа в их борьбе против эксплуататоров сделала его вождем крестьянско-плебейского лагеря, который рассматривал Реформацию как путь к революционному переустройству общества.

Начало Великой Крестьянской войны

Общественное движение в Германии XVI в. достигло своего кульминационного пункта в Крестьянской войне 1524—1525 гг. Первые акты ее имели место в районах Южного Шварцвальда. Вспыхнувшие здесь летом 1524 г. восстания, центральным из которых было восстание крестьян в ландграфстве Штюллинген, вызвали большую тревогу австрийских властей и крупных феодалов, поскольку обнаружилась связь восставших крестьян с реформационным движением в городах.

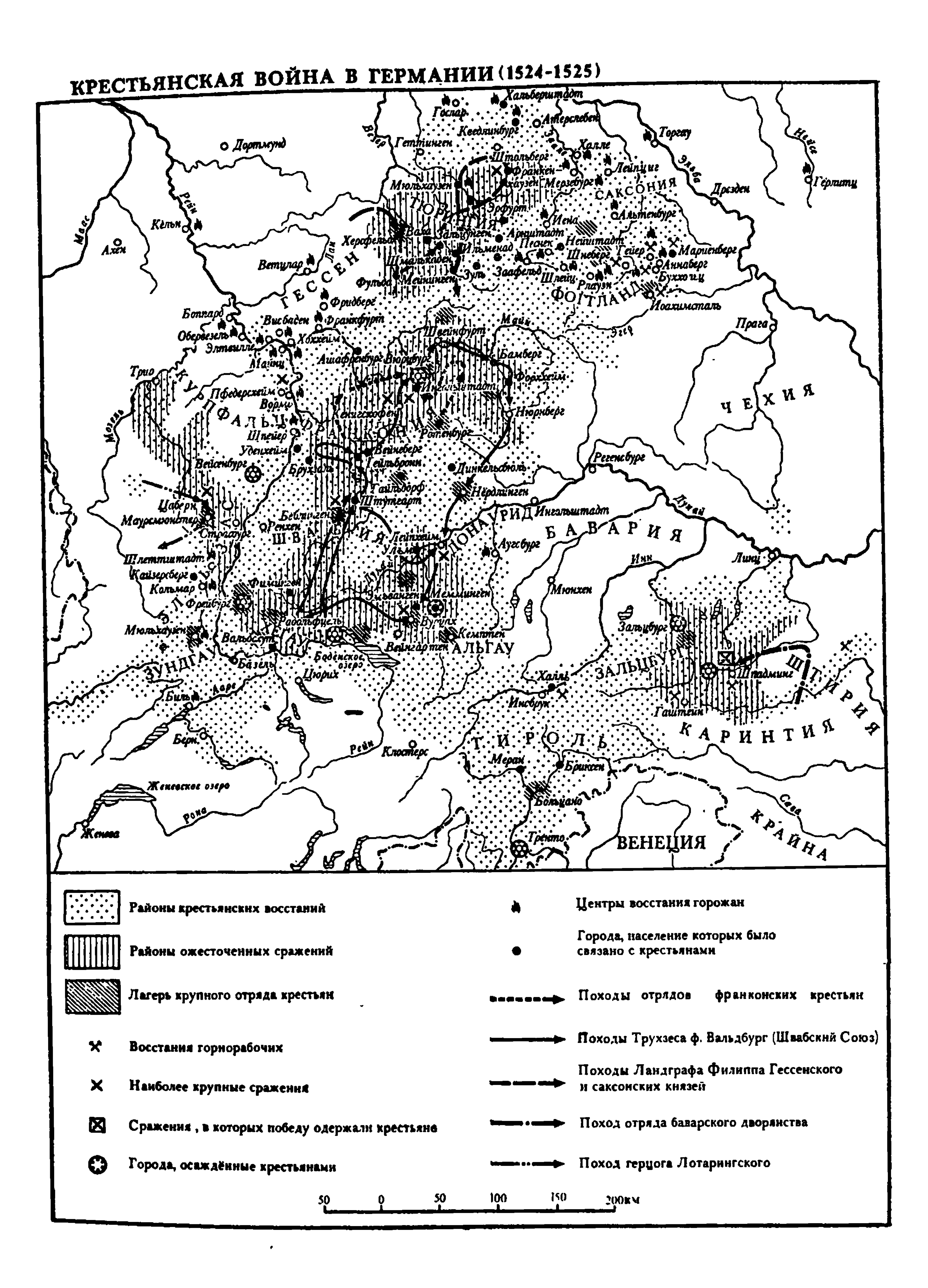
Всеобщее внимáние привлекал город Вальдсгут, отстаивавший право сохранить своего любимого проповедника — анабаптиста Бальтазара Губмайера. Но Губмайер был не единственным анабаптистом, ведшим в то время пропаганду среди крестьян. Многие анабаптисты, вдохновляемые Мюнцером и его сторонниками, в последние месяцы 1524 г. распространяли идеи восстания среди крестьян этой местности.

Большинство крестьянских руководителей в этом первом районе восстания, в том числе и наиболее видный из них — Ганс Мюллер из Бульгенбаха, были склонны к переговорам с господами и являлись противниками революционной тактики. Однако пропаганда связанных с Мюнцером анабаптистов стала организующим фактором стихийно начавшихся здесь крестьянских волнений. Жалобы крестьян и городских низов на своих господ объединялись этими пропагандистами в общую программу борьбы угнетенного народа против всех господ, за новый социальный порядок.

«Статейное письмо»

В кругах, близких к Мюнцеру, в конце 1524 или начале 1525 г. была составлена первая программа революционного крестьянства — «Статейное письмо» (Artikelbrief), послужившее введением ко всем разнообразным требованиям и жалобам крестьянских общин.

«Так как до настоящего времени,— говорится в этом документе,— на бедных простых людей городов и деревень... налагались большие тяготы со стороны духовных и светских господ и властей, которых те и мизинцем не трогали, то из этого следует, что подобного бремени и отягощения невозможно ни переносить, ни терпеть, если только простой бедный человек не хочет пустить совсем по миру с нищенским посохом себя самого, свое потомство и потомство

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ (1524-1525)
Хальберштадт
Гослар
Кведлинбург
Ашерслебен
Торгау
Эльба
Нейсе
Гёрлиц
Дортмунд
Геттинген
Везер
Штольберг
Франкенхаузен
Халле
Лейпциг
Мерзебург
Мюльхаузен
САКСОНИЯ
Дрезден
Рейн
Кёльн
Маас
Ахен
ТЮРИНГИЯ
Эрфурт
Иена
Альтенбург
Арнштадт
Ветцлар
Лан
Херсфельд
Шмалькальден
Ильменау
Пёснек
Нейштадт
Шнеберг
Гейер
Мариенберг
Аннаберг
Бухгольц
Фульда
Мейнинген
Зуль
Заафельд
Шлейц
Плауэн
ГЕССЕН
Фридберг
ФОГТЛАНД
Иоахимсталь
Бопгард
Висбаден
Франкфурт
Майн
Швейнфурт
Эгер
Прага
Оберфезель
Эльтвилле
Хоххейм
Майнц
Ашаффенбург
Вюрцбург
Бамберг
Трир
Пфедерсгейм
Вормс
Ингольштадт
Форххейм
КУРПФАЛЬЦ
ЧЕХИЯ
Мозель
Кенигсхофен
Нюрнберг
Шпейер
Ротенбург
Уденгейм
Вейнсберг
Вейсенбург
Брухзаль
Гейльбронн
Динкельсбюль
Регенсбург
Гайльдорф
Нёрдлинген
Цаберн
Штутгарт
Ингольштадт
Дунай
Маурсмюнстер
Бёблинген
Ренген
ДОНАУРИД
Страсбург
ШВАБИЯ
Лейпгейм
БАВАРИЯ
Аугсбург
Шлеттштадт
Ульм
Инн
Линц
Кайзерсберг
Кольмар
Мюнхен
Фрейбург
Вурцах
Меммінген
ЭЛЬЗАС
Радольфцелль
Зальцбург
Мюльхаузен
Вальдсгут
Кемптен
АЛЬЦГАУ
ЗУНДГАУ
Базель
Боденское озеро
Вейнгартен
ЗАЛЬЦБУРГ
ШТИРИЯ
Цюрих
Халль
Шладминг
Биль
Ааре
Инсбрук
Гаштейн
Берн
КАРИНТИЯ
Рейн
Клостерс
ТИРОЛЬ
Меран
Бриксен
Женевское озеро
Рона
Больцано
Сава
Женева
Тренто
ВЕНЕЦИЯ
КРАЙНА
Районы крестьянских восстаний
Районы ожесточенных сражений
Лагерь крупного отряда крестьян
Восстания горнорабочих
Наиболее крупные сражения
Сражения, в которых победу одержали крестьяне
Города, осаждённые крестьянами
Центры восстания горожан
Города, население которых было связано с крестьянами
Походы отрядов франконских крестьян
Походы Трухзеса ф. Вальдбург (Швабский Союз)
Походы Ландграфа Филиппа Гессенского и саксонских князей
Поход отряда баварского дворянства
Поход герцога Лотарингского
50
0
50
100
150
200км

потомства». Объединившемуся народу, говорится далее, необходимо «освободиться полностью». Мирное решение этой задачи допускалось бы только в том случае, если бы все объединились в целях переустройства жизни на основе принципов «общей пользы». В условиях же существования указанных тягот дело не обойдется без кровопролития.

Дальше говорится, что все те, кто уклонился и отказался вступить в братское объединение и заботиться об «общей пользе», должны быть поставлены вне общества. Те, которые не служат общей пользе, сами не должны пользоваться услугами других членов общества. Их следует считать отрезанными и атрофированными членами, они должны быть подвергнуты «светскому отлучению».

В силу этого все замки знати и все монастыри, являющиеся источником предательства и народного гнета, должны быть немедленно объявлены в «светском отлучении». Только там, где дворянство, монахи или священники откажутся от особого положения, направятся в обыкновенные дома, как другие «чужие люди», и захотят вступить в братское объединение, они должны быть дружески и добровольно приняты вместе со своим имуществом и получать все, что полагается им по «божественному праву».

Документ не содержит никаких конкретных предложений по разрешению спорных вопросов с господами и никакой просьбы облегчения тягот. Его составители заявляли о полном устранении силами народа феодальных господ и полном упразднении зависимости от них крестьян. Объединенный народ ликвидирует вражеские очаги и установит тот порядок, который он считает справедливым, полагая, что и все прочие должны иметь то, что им принадлежит согласно «божественному праву». В основу этой программы положен принцип передачи власти народу, т. е. тот принцип, на котором настаивал Мюнцер.

В Южном Шварцвальде стихийно образовалось большое число отрядов восставших крестьян. Господская партия (местные феодалы, верхушка городов и австрийские власти) стремилась внести разложение в ряды восставших путем переговоров и словесных обещаний. Многие вожаки отрядов оказались столь наивными, что поверили господам. Однако революционные группы восставших отвергали подобные попытки господ и призывали крестьянские массы к борьбе. Эти группы не были объединены и неодинаково представляли себе цели борьбы, но следовали призывам «Статейного письма», которое стало таким образом первой и самой революционной программой Крестьянской войны.

Революционные события в Верхней Швабии и возникновение «12 статей»

Революционная пропаганда распространялась анабаптистами — учениками Мюнцера — и в других районах Южной и Западной Германии, прежде всего в Верхней Швабии, где близ городов Ульма, Кемптена и у Боденского озера образовались крупные крестьянские отряды. В этих отрядах велась также пропаганда умеренности и мирной тактики, исходившая от сторонников цюрихского реформатора Цвингли.

Пропагандисты обоих направлений призывали крестьян добиваться «божественного права», причем каждое из них понимало это право по-своему: революционеры — как требование устранения всех господ, а сторонники умеренной тактики — лишь как требование смягчения существующих феодальных тягот и отмены крепостного права. Зажиточные крестьяне и большинство руководителей придерживались мирной тактики, масса же беднейшего крестьянства в отрядах жадно слушала проповеди сторонников Мюнцера.

В начале марта 1525 г. в городе Мемменгене три главных отряда Верхней Швабии образовали «Христианское объединение». Несмотря на достигнутое представителями отрядов соглашение об уставе «Объединения», вопрос о понимании «божественного права» остался открытым. Умеренные руководители начали переговоры со Швабским союзом и заключили перемирие, на которое господская партия, занятая собиранием сил для разгрома крестьянских отрядов, смотрела как на средство выиграть время. Пока же крестьянские массы, поощряемые революционной пропагандой в духе «Статейного письма», разоряли замки и монастыри, вступали в контакт с социальными низами городов.

В кругах руководителей объединенных отрядов Верхней Швабии была составлена сводка крестьянских требований, обобщенных на основе «божественного права» в его умеренной трактовке. Так возникла ставшая знаменитой программа «12 статей». Как во введении, так и в самих статьях говорится о мирных намерениях крестьян и их стремлении только к смягчению феодального гнета. Требуя отмены малой десятины, статья 2 признает обоснованность большой десятины при условии, что она будет использована на общественные нужды. Очень важными являются статьи 4, 5, 10, в которых крестьяне требуют возвращения общинных угодий (леса, луга, рыбные ловли и т. д.). Статьи эти доказывают, что экспроприация общинных угодий шла в Германии в XV и XVI вв. полным ходом. В статьях 6 и 7 крестьяне просят лишь облегчения многочисленных поборов и барщины, но не их полного устранения. Более решительно сформулирована статья 3 об отмене крепостного состояния крестьян. Статья 11 требует безоговорочной отмены посмертного побора (Todfall), происхождение которого связано с крепостным состоянием.

«12 статей» получили большое распространение среди восставших крестьян, были напечатаны и сделались их официальной программой. Однако намерения составителей статей внести в среду крестьян дух соглашательства с господами не увенчались успехом. Крестьянские массы сочетали конкретные требования «12 статей» с революционной тактикой «Статейного письма». Таким образом, «12 статей», несмотря на их умеренный тон, получили значение программы антифеодальной борьбы.

Для настроения крестьянской массы характерны действия Лейпгеймского отряда, расположившегося недалеко от города Ульма на Дунае. Заняв все дороги, этот отряд расставил посты и вербовал

в свои ряды всех крестьян округи. Бойцы из Лейпгеймского отряда не желали считаться с условиями заключенного руководителями «Христианского объединения» перемирия с господами. 28 марта 1525 г. крестьяне из расположившегося близ города Биберaха лагеря пришли в Гегбахский женский монастырь. Осмотрев монастырские запасы зерна, они заявили аббатиссе, ссылаясь на положения Евангелия о равенстве всех людей, что излишки зерна надо не продавать, а раздавать нуждающимся, и тут же стали грузить зерно на подводы и увозить. Этот эпизод показывает, как сильно зазвучало крестьянское требование равенства.

В последние дни марта 1525 г. во время «перемирия» в Верхней Швабии все замки и монастыри оставались под угрозой, а многие из них были вынуждены сдаться осаждавшим их крестьянам.

Нарастание революционного настроения наблюдалось и в городах. Правда, власти верхнешвабских городов были на стороне господ. Однако по признанию самих властей «простой люд» городских общин симпатизировал крестьянам и оказывал им помощь. Руководители Швабского союза выражали опасение, что дальнейшие успехи революционных сил приведут к отпадению и средних слоев горожан, что даже городские власти захотят использовать ситуацию в своих интересах, а это означало бы начало распада самого Швабского союза и подрыв мощи всей княжеско-феодальной системы. Убедившись в том, что дальнейшее развитие событий ведет к консолидации сил крестьян и городских низов, руководители Швабского союза нарушили перемирие и напали на крестьянские отряды Верхней Швабии. Возглавлявший военные силы Швабского союза Георг Трухзес рассчитывал внезапным нападением внести в ряды крестьян раскол и подорвать силу их сопротивления.

Расчет Трухзеса оказался ошибочным. Возмущение крестьян, вызванное этим вероломным актом, создало благоприятную почву для революционной пропаганды и явилось предпосылкой нового общего подъема массовых революционных действий, распространившихся за пределы Верхней Швабии и Шварцвальда по всей Средней Германии. Отдельные отряды крестьян оказывали Трухзесу ожесточенное сопротивление. В горных районах, недоступных для рыцарской конницы, Трухзес вынужден был перейти к позиционной войне. У городка Вейнгартен, севернее Боденского озера, Трухзес, зажатый крестьянскими отрядами, почувствовал, по его собственному выражению, близость военной катастрофы. Спасло его лишь то, что ему удалось деморализовать крестьян переговорами с отдельными вожаками отрядов и, действуя всюду шантажом и предательством, внести раскол в ряды восставших. К концу апреля 1525 г. основные силы верхнешвабских крестьян были разбиты, после чего Трухзес смог направить свои войска на север в сторону Франконии и Средней Германии, где создавались новые очаги движения.

Ход событий в Южной Франконии и Оденвальде. Гейльброннская программа

При изучении событий Крестьянской войны в районах севернее Дуная следует отдельно рассматривать район Южной Франконии и Оденвальда между Верхним Дунаем и Майном на обоих берегах реки Неккар с городами Гейльбронном и Роттенбургом и район Средней Германии, охватывающий франконские земли севернее Майна и Тюрингию. В обоих районах не было очень крупных городов. Аристократический патрициат не имел здесь такого влияния, как в южных городах. Заметную роль играло в городах Франконии и Тюрингии среднее бюргерство, стремившееся к более активному участию в Крестьянской войне. Но как социальный состав, так и тактика среднего бюргерства не были едиными. В нем различались предпринимательские элементы — хозяева более крупных мастерских, мануфактур, солеварен, страдавшие от препятствий, чинимых их деятельности князьями и феодалами, но придерживавшиеся умеренной тактики, мастера и торговцы, приближавшиеся по своему положению к плебсу и выступавшие на стороне крестьян.

Сторонники революционной тактики пользовались среди массы восставших большим влиянием и составляли значительную силу в крестьянских отрядах Франконии. Яков Рорбах, предводитель крестьян Неккарской долины, яркий образец крестьянского революционера времен Великой Крестьянской войны, руководил решительными действиями по подавлению сопротивления франконских господ. По приговору созданного им трибунала были подвергнуты позорной казни — прогону сквозь пики — вюртембергский фогт граф Людвиг Гельфенштейн, первым открывший военные действия против восставших, и 13 его сторонников. Весть об этой казни при Вейнсберге быстро распространилась по всей стране и привела в ужас господ. Многие феодалы из страха перед восставшими вынуждены были давать крестьянским отрядам продовольствие и оружие.

Революционные действия крестьян против монастырей и замков встречали сочувствие и поддержку не только городского плебса, но и радикальной части бюргерства. В разгар борьбы против правящей верхушки Гейльбронна демократические элементы города открыли 17 апреля 1525 г. ворота крестьянам.

Одновременно — в марте и первой половине апреля 1525 г.— в округе города Роттенбурга на Таубере действовал революционный отряд восставших крестьян, названный «Черный отряд». Во главе его стоял Флориан Гейер, рыцарь по происхождению. В молодости Гейер находился под влиянием рыцарской оппозиции и Ульриха фон Гуттена. Но в отличие от Гуттена он, разорившись, полностью порвал со своим сословием. Политическая программа обреченного низшего рыцарства не привлекала Флориана Гейера. Во время Крестьянской войны он оказался среди восставшего народа и был одним из смелых предводителей крестьян в районе между городами Роттенбургом и Эрингеном.

Однако в дальнейшем в городах и в крестьянских лагерях Южной Франконии и Оденвальда одержали верх сторонники умеренной

тактики. Умеренные элементы бюргерства, объединившись здесь с остатками разбитого рыцарства, пытались оживить движение за старые бюргерские проекты имперской реформы и использовать революционное движение крестьянства, подчинив его своим целям. Эти деятели добились во второй половине апреля руководящей роли в образовавшемся в Южной Франконии сводном крестьянском отряде, получившем название «Светлый отряд», в состав которого вошел и возглавлявшийся Флорианом Гейером «Черный отряд». Начальником полевой канцелярии «Светлого отряда» стал Вендель Гиплер, видный деятель умеренной бюргерской оппозиции. Мечтая о буржуазном преобразовании Германии не путем союза с крестьянством и полного устранения феодального гнета, а путем сближения бюргерства с рыцарством и приспособления к интересам бюргерско-рыцарского союза крестьянского движения, Гиплер задался целью ослабить антидворянскую направленность крестьянского движения и прежде всего прекратить нападения на замки и монастыри. Гиплеру удалось добиться приглашения в качестве командующего крестьянскими силами Франконии воинствующего франконского рыцаря Геца фон Берлихингена, который поставил условием своего согласия отказ от вражеских действий против замков и монастырей. Противники этой тактики — Яков Рорбах и Флориан Гейер — были отстранены от руководящей роли в «Светлом отряде» и вынуждены вместе со своими сторонниками уйти из него.

С целью ослабить значение самостоятельной крестьянской антифеодальной программы Вендель Гиплер и его сторонники взялись за исправление «12 статей», изменив их так, что сами требования стали менее определенными, а их выполнение откладывалось до проведения имперской реформы. Гиплер и его приверженцы подготовили свой проект политического переустройства Германии, который они намеревались предложить крестьянским руководителям на намечавшемся съезде делегатов крестьянских отрядов в Гейльбронне.

Согласно этому проекту, известному под названием «Гейльброннская программа», все власти должны быть подчинены императору, а князья — превращены в должностных лиц империи. Пятый пункт проекта требовал, чтобы духовенство было полностью лишено власти в светских делах. Предусматривалось общеимперское законодательство и выборный суд на основе сословного представительства, в котором большинство мест принадлежало бы городам. Ряд пунктов требовал единства монеты, мер и веса и отмены всех внутренних таможенных пошлин. Проект запрещал деятельность крупных торгово-ростовщических компаний и выдвигал требование изгнания докторов римского права, находившихся на службе у князей и отстаивавших интересы своих суверенов. «Гейльброннская программа» допускала возможность выкупа крестьянами феодальных повинностей путем единовременной уплаты ежегодного взноса в двадцатикратном размере. Феодал ничего не терял: отдав сумму выкупа в рост, он даже при 5% годовых получал бы тот же доход. Это требование сводилось в конечном итоге к превращению части фео-

дальной собственности в буржуазную и удовлетворяло только самую зажиточную верхушку крестьян.

Составители «Программы» старались сделать ее выгодной и рыцарству, в интересах которого сохранялся сословный строй и производилась конфискация церковных имений. Ориентация авторов «Программы» на союз с оппозиционным рыцарством видна также из того, что такие важные для крестьянства пункты, как отмена крепостного состояния, свобода охоты и рыбной ловли и отмена посмертного побора, вошли не в ее основную часть, а в дополнительный документ и сопровождались уничтожающими их оговорками.

В целом «Гейльброннская программа», предусматривавшая ряд буржуазных преобразований и государственную централизацию, являлась для того времени прогрессивным документом. Требования этой программы, по выражению Ф. Энгельса, «воплотили в себе, хотя и в несколько идеализированном виде, необходимые результаты происходившего разложения феодального общества» [1]. О вдохновителе и главном авторе «Программы» Венделе Гиплере Ф. Энгельс писал, что этот «представитель, так сказать, средней равнодействующей всех прогрессивных элементов нации, пришел к предчувствию *современного буржуазного общества*» [2]. Однако при оценке этой программы необходимо иметь в виду, что она составлялась в те дни, когда в Тюрингии и Северной Франконии революционное крестьянское движение принимало широкий характер с тенденцией вовлечь все силы, готовые вести решительную борьбу против феодалов и князей, что, однако, не входило в расчеты Венделя Гиплера и его приверженцев.

Трухзес во главе войск Швабского союза прибыл во Франконию в момент, когда Гиплер и его сторонники готовились созвать съезд крестьянских делегатов для обсуждения проекта «Гейльброннской программы». Само собой разумеется, что двойственная тактика бюргерских руководителей и командование Геца фон Берлихингена могли привести крестьян только к поражению. Действуя теми же методами переговоров, перемирия и вероломных нападений, Трухзес, использовавший к тому же предательскую тактику ряда городских магистратов, смог и здесь расстроить ряды крестьянского войска и подавить их сопротивление.

12 мая 1525 г. во время перемирия войска Швабского союза внезапно напали на крестьянские соединения в районе между рекой Неккер и городом Бёблингеном. Несмотря на мужественное сопротивление крестьяне были разбиты и обращены в бегство. Поражение под Бёблингеном получило решающее значение для судеб восставших во всей Южной Франконии. Многие революционные предводители вынуждены были бежать, а взятого в плен Якова Рорбаха подвергнули жестокой казни — сожжению на медленном огне. Дольше сопротивлялся Флориан Гейер, продолжавший сражаться во главе собранных им остатков «Черного отряда» в восточ-

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 413.
[2] *Там же.*

ной части долины Верхнего Неккара. В бою у Халля и Гайльдорфа он был убит 9 июня 1525 г. Радикальные элементы бюргерства, призывавшие к поддержке крестьян, в крупных городах были немногочисленны. Магистраты Вюрцбурга и других франконских городов открывали ворота войскам Трухзеса, которые убивали всех находившихся внутри городских стен крестьян.

События Крестьянской войны в Средней Германии

Одновременно с описанными событиями в Южной Франконии и Оденвальде крестьянское и плебейское движение развернулось с большей силой в землях Средней Германии — в Северной Франконии и в Саксонско-Тюрингенском районе. Основными центрами в Северной Франконии были монастыри Бильдхаузен и Аура, занятые крестьянами 9 апреля 1525 г. Расположившимся вокруг этих монастырей мощным крестьянским лагерям, установившим во всем районе свое господство, формально подчинились многие города и рыцарские замки. В Тюрингии центром движения был город Мюльхаузен, в котором с середины февраля 1525 г. находился вернувшийся из земель Верхнего Рейна Томас Мюнцер. Вскоре после прибытия Мюнцера революционными действиями плебса и части бюргеров старый магистрат Мюльхаузена был свергнут, а образовавшийся новый «Вечный совет» города фактически находился под влиянием Мюнцера и его близких сторонников.

Движение охватило другие города и сельские местности Тюрингии, а также соседних герцогств и графств. Вооруженные отряды восставших занимали города, замки, монастыри и господские имения, производили разделы имущества феодалов среди крестьян и горожан, объявляя свои действия началом общего социального переворота, установления общего равенства людей во всей стране и за ее пределами. Борьба за конкретные повседневные нужды объединялась в пропаганде Мюнцера с борьбой за великую цель, к которой должны быть привлечены все силы движения.

Большое значение Мюнцер придавал революционному подъему, нараставшему в горных районах не только Саксонии и Тюрингии, но и в соседних с Саксонией районах Чехии. Об объединении назревавшего в Германии революционного взрыва с движением в Чехии, где еще живы были революционные традиции таборитов, Мюнцер мечтал еще в 1521 г., когда он, направляясь в Прагу, посетил горные районы Северо-Западной Чехии, в том числе и прославившийся тогда новый горный город Яхимов. Особенностью народного движения в горных районах как Чехии, так и соседних германских земель была его направленность против режима на промыслах, обеспечивавшего установившим его герцогам и графам значительную часть богатой добычи серебра и меди, но препятствовавшего свободному развитию этой переживавшей тогда эру бурного расцвета отрасли промышленности.

Во второй половине апреля 1525 г. Мюнцер считал, что объединение усилившегося антикняжеского движения в горных районах Саксонии и Северо-Западной Чехии с Крестьянской войной во Франконии и Тюрингии имело бы решающее значение в общей

борьбе за устранение тиранов и угнетателей народа. В своем обращении к тюрингскому городу Альштедту Мюнцер призвал присоединиться к общему восстанию «деревни и города и особенно горнорабочих и других добрых друзей», т. е. другие слои горного населения, также заинтересованные в устранении княжеского режима. На такой широкой основе Мюнцер хотел создать в Тюрингии революционный центр для всей Крестьянской войны.

По призыву Мюнцера все его сторонники собрались у Франкенхаузена в Тюрингии и образовали здесь военный лагерь. Туда же из Мюльхаузена во главе вооруженного отряда прибыл и сам Мюнцер. Ближайшей задачей концентрировавшихся у Франкенхаузена восставших было объединение (по плану Мюнцера) с сильнейшими отрядами франконских крестьян до прихода войск Трухзеса в Среднюю Германию, для того чтобы отбросить Трухзеса, разбить его войска, а затем слиться с остатками разгромленных сил крестьян в Южной Германии.

Наблюдая военные приготовления князей и попытки местных графов внести разложение в ряды восставших путем переговоров, Мюнцер старался поднять боевой дух Франкенхаузенского лагеря. Он призывал своих бойцов к стойкости и непримиримости и самым беспощадным образом пресекал проявления слабости и деморализации. С воодушевлением Мюнцер рисовал перед восставшими величественную картину «царства божия на земле», под которым он понимал справедливый общественный строй без князей, без господ и без эксплуататоров и призывал крестьян проникнуться сознанием великой цели, которую они призваны осуществлять, и действовать решительно, не боясь превосходящих сил врагов.

Князья Средней Германии спешно создали войско, которое под командованием ландграфа Филиппа обрушилось на Франкенхаузенский лагерь. В неравном бою 15 мая 1525 г. отряды восставших были разбиты. Мюнцер был схвачен и подвергнут жестокой пытке в присутствии князей, но никого из своих живых сторонников не выдал. После пыток он был казнен. 25 мая сдался Мюльхаузен, и движение в Тюрингии было подавлено.

После этого крестьянские силы продолжали еще некоторое время сопротивляться в славянских землях Австрии — Штирии, Каринтии и Крайне. Наиболее же ярким фактом после подавления восстания в основных германских землях была борьба крестьян в Тироле, где австрийский эрцгерцог был вынужден пойти им на уступки и созвать ландтаг.

Замечательным предводителем восставших крестьян Тироля, боевые действия которых продолжались в 1526 г. и позже, был Михаил Гайсмайер, революционер и мыслитель. В начале 1526 г. Гайсмайер составил для Тироля «Земское устройство» (Landesordnung) — программу коренных политических преобразований, один из выдающихся документов Великой Крестьянской войны. Цель этой программы — установление в Тироле народной республики на глубоко демократической основе. Наряду с общими антифеодальными требованиями «Земское устройство» Гайсмайера содержало

пункты о демократизации суда, о призрении бедных за счет десятины, о роспуске монастырей и превращении их зданий в госпитали и приюты для детей. Предусматривалось, что государство, устранив и истребив господ и угнетателей народа, должно будет запретить крупные купеческие компании и развить большую хозяйственную деятельность по организации горного дела, по подъему сельского хозяйства и развитию новых культур, по строительству дорог и мостов. Государство должно регулировать использование полей, лугов и недр земли.

Ф. Энгельс назвал Гайсмайера «одним из последователей Мюнцера», хотя данных о непосредственных связях между этими выдающимися революционерами нет. Принципы, лежащие в основе программы Гайсмайера, восходят к положению Мюнцера о том, что «власть должна быть отдана простому народу», и лозунг «общей пользы» есть требование устранения всех господ и угнетателей народа. У Гайсмайера, обнаружившего понимание роли революционного государства, дана детальная разработка этих принципов. В своей программе он стремился указать конкретную форму их применения в условиях Тироля.

В конце 1525 г. Гайсмайеру удалось сформировать революционные отряды из крестьян и горняков Тироля и Зальцбурга, к которым примкнули многие участники Крестьянской войны, нашедшие убежище в горных областях Тироля. Обладая незаурядным талантом полководца, Гайсмайер в борьбе с двинувшимися против него с разных сторон войсками австрийского эрцгерцога, баварцев и Швабского союза провел ряд успешных операций и сохранил свои боевые отряды. Окруженный превосходящими силами врагов, Гайсмайер сумел вывести часть своих войск из окружения, перейти с ними через австрийские Альпы в Венецианскую область и начать их реорганизацию. Он вступил также в переговоры со швейцарцами и венецианцами о совместной борьбе против Габсбургов. Но во время этих переговоров Гайсмайер погиб от руки подосланного австрийским правительством убийцы.

Причины поражения Великой Крестьянской войны

С подавлением восстания в Тироле завершился последний акт Крестьянской войны. За победителями неизменно шли палачи. На крестьян, оставшихся в живых, налагались огромные контрибуции, совершенно их разорявшие. К казням и террору призывал Лютер. Он писал: «Крестьяне отдались дьяволу... Пусть всякий колет, бьет и душит их тайно и явно, как убивают бешеных собак... князь скорее заслужит царство небесное пролитием крови, чем молитвами...». Лютер советовал дворянам увеличивать барщину и восстановить крепостничество.

История Великой Крестьянской войны, образующей вместе со всем общественным движением эпохи Реформации первый этап буржуазной революции в Европе, показывает, что главной силой в борьбе с феодализмом был крестьянско-плебейский лагерь. Поражение восставших крестьян имело роковые последствия для всего немецкого народа.

Причину поражения великого восстания немецкого крестьянства в XVI в. Энгельс видел в разрозненности крестьянских выступлений и неумении всех слоев оппозиции возвыситься над местными и провинциальными интересами, в том, что «даже крестьяне и плебеи в большинстве районов Германии не смогли объединиться для совместных действий...»[1]. Останавливаясь на этом указании Энгельса, В. И. Ленин подчеркивал, что речь идет о таких особенностях классовой природы крестьянства, которые лишают его возможности одержать победу в самостоятельных выступлениях без руководства со стороны другого класса[2].

Объективно перед восставшими немецкими крестьянами и городским плебсом стояли две главные задачи — ликвидация феодальной эксплуатации и прекращение политической раздробленности страны. Положительное решение этих задач устранило бы препятствия к переходу Германии на путь буржуазного развития. В этих условиях решающее значение приобретала позиция немецкого бюргерства: окажется ли бюргерство способным не только участвовать в антифеодальном восстании, но и возглавить его? Ход событий показал, что, несмотря на объективную заинтересованность передовых элементов бюргерства (уже в какой-то мере обуржуазившихся) в победе над феодализмом, в целом оно оказалось неспособным возвыситься над местной ограниченностью и освободиться от опутывавших его связей с миром феодальных отношений для того, чтобы выступить руководителем всех антифеодальных сил.

Лютеровская Реформация. «Аугсбургское вероисповедание»

Подавление Крестьянской войны и разгром всего общественного движения этой эпохи открыли дорогу к усилению княжеской власти. Лютеровская Реформация, лишившаяся связи с народом, выродилась в орудие княжеского сепаратизма и секуляризации церковных земель в пользу князей. Когда император Карл V в 1529 г. приостановил секуляризацию, сторонники Лютера заявили протест (отчего их и стали называть протестантами) и стали добиваться соглашения с заинтересованными в приобретении церковных земель католическими князьями. Это не могло не отразиться на самой системе лютеранства. Лютер и его ближайшие сторонники видели теперь свою задачу не столько в борьбе с католической догматикой, сколько в том, чтобы приспособить церковь к интересам князей.

На Аугсбургском сейме 1530 г. ближайший соратник Лютера Филипп Меланхтон представил императору систематическое изложение основ лютеранства, известное под название «Аугсбургское вероисповедание». В этом документе наряду с положением о том, что князь, а не папа является главой церкви, устанавливалась обрядовая и внешняя сторона лютеранского культа. Обрядность была создана в духе буржуазного требования «дешевой церкви». Упразднялась внешняя пышность католического культа, почитание икон

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 435.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 41.

и мощей; вместо торжественной католической мессы вводилась простая литургия, в которой большое место занимала проповедь, а из семи таинств оставлено было только два — таинство крещения и причащения. Самый факт создания церкви и церковной организации верующих свидетельствовал об отступлении Лютера от первоначального принципа «оправдания только верой».

Анабаптисты после Крестьянской войны. Мюнстерская коммуна

После разгрома Крестьянской войны и наступившей реакции часть анабаптистов вернулась к сектантству, к пропаганде идеи ожидания социального переворота от сверхъестественных сил, от вмешательства самого Христа. Вместе с тем среди этой части анабаптистов распространялось учение скорняка Мельхиора Гофмана о том, что после победы Христа наступит час, когда потребуется и активное участие людей — ревнителей дела бога.

Однако в народных массах и среди анабаптистов сохранились и революционные элементы, которые продолжали верить, что наступление «царства божия» на земле невозможно без народного восстания. Уже в 30-х годах XVI в. революционная пропаганда в духе учения Томаса Мюнцера велась в городах Северо-Западной Германии, вступивших тогда вместе с городами соседних Нидерландов в полосу нового экономического подъема и обострения социальных отношений. В этих городах, ставших, как и нидерландские города, средоточием и убежищем анабаптистов, оживилась политическая оппозиция и началась борьба за Реформацию. Наиболее ярко новое революционное движение проявилось в Мюнстере.

В 1533 г. в Мюнстере победили сторонники Реформации. После изгнания из города князя-епископа в Мюнстер из других городов Вестфалии и Нидерландов начали стекаться анабаптисты, влияние которых в обстановке обострившейся классовой борьбы сильно возросло. В феврале 1534 г. анабаптисты, связанные с плебейскими массами Мюнстера, получили большинство в магистрате и фактически захватили власть в городе. Во главе их стояли прибывшие из Нидерландов булочник Ян Матис и портной Иоанн Лейденский (Бокельсон).

Господство анабаптистов в Мюнстере продолжалось 14 месяцев (до июня 1535 г.). Город был объявлен «Новым Иерусалимом», т. е. центром «Царства божьего», которое должно быть, согласно проповеди Яна Матиса, установлено на земле мечом «праведных». В обстановке вражеской осады анабаптисты провели в Мюнстере ряд преобразований. Ремесленные мастера, в руках которых сохранились орудия производства и на которых работали, как и прежде, подмастерья, обязаны были выполнять заказы городской общины и подчиняться ей в деле организации производства вообще. Община распоряжалась раздачей отдельным лицам земельных участков для обработки. Золото, серебро и драгоценные вещи подлежали конфискации в общую пользу. Деньги были упразднены, производился только натуральный обмен.

В области потребления политика Мюнстерской коммуны содержала некоторые элементы потребительского коммунизма. Предметы

потребления брались на учет особыми должностными лицами («диаконами»). Они же имели право отбирать излишки для распределения среди нуждающихся. Практиковалось устройство общих трапез.

Значение Мюнстерской коммуны заключалось не столько в ее социальных преобразованиях, которые не выходили за рамки уравнительства, проводились к тому же непоследовательно и в основном диктовались военной обстановкой, сколько в том, что после поражения Крестьянской войны она показала пример готовности к революционной борьбе против восторжествовавшей феодально-княжеской реакции.

В условиях реакции Мюнстерская коммуна осталась изолированной, несмотря на то что некоторые города Германии и Нидерландов послали ей на помощь вооруженные отряды. После длительной героической обороны Мюнстер пал. Оставшиеся в живых деятели Мюнстерской коммуны, в том числе Иоанн Лейденский, были после жестоких пыток казнены.

Шмалькальденский союз, Шмалькальденская война и Аугсбургский религиозный мир

Враждебное отношение императора Карла V к лютеранству, проявившееся уже в 1521 г., когда против Лютера был издан Вормсский эдикт, усилилось после того, как лютеранская церковь сделалась оружием княжеского сепаратизма. Видевший в усилении князей опасность для своих планов создания всехристианской габсбургской державы, Карл V стремился к подавлению лютеранства путем строгого применения Вормсского эдикта. Протестантские князья вместе с некоторыми имперскими городами в ответ на это составили еще в 1531 г. в городе Шмалькальдене союз для защиты дела Реформации. В 1546 г., после того как на сторону протестантов перешли трое из семи курфюрстов, между императором и Шмалькальденским союзом началась война, закончившаяся в 1548 г. победой императора; однако эта победа не была окончательной. В 1552 г. протестантский Шмалькальденский союз вместе с французским королем Генрихом II начал против императора вторую войну, закончившуюся их победой. После второй шмалькальденской войны протестантские и католические князья заключили между собой и с императором в 1555 г. Аугсбургский религиозный мир, согласно которому княжеский суверенитет, объявленный незыблемым, распространялся и на область религии. Провозглашен был принцип, выраженный в формуле «Cujus regio ejus religio» («Чья власть, того и вера»), т. е. каждый князь определяет религию своих подданных. За князьями признано было право назначения на высшие церковные должности, а также в консистории — органы церковного управления, состоявшие из духовных и светских лиц. Лютеранские консистории были целиком подчинены княжеской власти и являлись составной частью органов княжеской администрации.

В результате религиозного мира 1555 г. в Германии образовались две группировки немецких княжеств — католическая (наследственные земли Габсбургов, Бавария, Франкония, духовные княжества на Рейне и в Северо-Западной Германии, Эльзас) и проте-

стантская (северогерманские княжества, герцогство Пруссия, Бранденбург, Саксония, Гессен, Брауншвейг, Верхний и Нижний Пфальц, Вюртемберг). Протестантские князья оставались более решительными противниками великодержавной политики Габсбургов. После заключения религиозного мира, подтвердившего фактический распад империи, Карл V отрекся от престола. Австрийские владения, Чехия и часть Венгрии вместе с короной Священной Римской империи перешли к его брату Фердинанду I; Испания, Нидерланды и итальянские владения — к его сыну Филиппу II.

Таким образом, после поражения Великой Крестьянской войны борьба реакционных политических сил между собой привела к усилению и закреплению германской раздробленности.

§ 2. ГЕРМАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI И В НАЧАЛЕ XVII В.

Экономический упадок во второй половине XVI в.

Экономический подъем, происходивший в германских землях с 30—40-х и особенно с 70-х годов XV в., сменился около середины XVI в. глубоким упадком, явившимся результатом сложного комплекса причин — как изменившегося международного экономического положения Германии, так и установившейся в стране после поражения Крестьянской войны политической и социальной реакции.

Во второй половине XVI в. начали сказываться последствия великих географических открытий, прежде всего новое направление путей мировой торговли. Торговые пути через североитальянские города и Германию не играли уже прежней роли, первостепенное значение в международной торговле получали пути, связывавшие заморские страны с побережьем Атлантического океана. Одновременно определился окончательный упадок Ганзейского союза северогерманских городов, вытесненного из балтийского торгового района буржуазной Голландией, которая, освободившись от испанского владычества в результате Нидерландской революции (см. гл. 28), вышла на первое место в мире по внешней торговле и мореплаванию.

Зародившееся в XV и в начале XVI в. капиталистическое производство Германии в форме мануфактуры не получило дальнейшего развития. В состояние глубокого упадка стала приходить и бурно процветавшая раньше горная промышленность Саксонии, Гарца, Тюрингии и австрийских земель — Тироля, Штирии, Каринтии и Крайны. Экономический упадок немецких городов и горных районов имел своим последствием сокращение емкости внутреннего рынка для сельского хозяйства. Это особенно чувствовалось в землях Западной и Юго-Западной Германии, в которых до этого наибольшее значение в сельском хозяйстве получили огородные, винодельческие и технические культуры для нужд бурно развивающихся городов. Теперь перспективными оказались только те отрасли сельского хозяйства, продукция которых вывозилась за границу — в страны растущего капиталистического производства. Таким было

хлебопашество и животноводство. Крупным производителем хлеба на вывоз стали северо-восточные земли, где имелись наиболее благоприятные условия для культивирования зерновых.

Причины экономического упадка Германии со второй половины XVI в. заключались не только в перемещении торговых путей и в последовавших за этим потере рынков и застое в немецкой торговле, но и в том, что после подавления Крестьянской войны и победы феодальной реакции немецкая промышленность оказалась бессильной перед лицом конкуренции промышленности других стран. Для успешного развития мануфактуры требовалось распространение промышленности не только в городах, но и в деревенской округе, где не существовало цеховых преград и «патрицианской рутины». Однако «повсеместное восстановление крепостного права,— писал Энгельс,— явилось одной из причин, помешавших развитию промышленности в Германии в XVII и XVIII веках» [1].

Резкий упадок германской горной промышленности также был связан в значительной степени с результатами победы реакции. Усиление княжеской власти положило конец не только борьбе горнорабочих, но и оппозиции предпринимателей против режима регальной монополии и больших поборов с горной продукции в княжескую казну, которые подрывали и парализовали предпринимательскую активность в разных областях горного дела. Со второй половины XVI в. начали сказываться отрицательные результаты передач Габсбургами богатейших горных разработок, особенно в австрийских землях, монополистическим компаниям Фуггеров, Гохштеттеров, Розенбергов, Унгельтеров и других, с конца XV в. вкладывавшим крупные средства в серебряные и медные разработки Тироля, в разработку ртути в Идрии (Крайне), меди и свинца в Каринтии и т. п. Деньги этих компаний вкладывались в горную и металлургическую промышленность, главным образом австрийских земель; вначале это привело к значительному расширению рынков сбыта и даже к подъему производства, к улучшению оборудования шахт. Однако в целом подчинение горных богатств торгово-ростовщическим компаниям наносило вред горному делу. Фуггеры не заботились о рациональном ведении производства и сохранении длительного функционирования шахт. Наоборот, они старались максимально использовать их и исчерпать в кратчайший срок, отчего многие шахты приходили в негодное состояние. Эти методы эксплуатации стимулировались и усилившимся во второй половине XVI в. ввозом драгоценных металлов из американских колоний. В то же время Фуггеры использовали свои привилегии, которыми щедро наделяли их Габсбурги, для оттеснения массы мелких предпринимателей, деятельность которых в горном деле обеспечивала им средства к существованию, но не приносила средней нормы прибыли.

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 35, с. 105.

Положение крестьянства и усиление крепостничества

В условиях экономического упадка городов и сокращения внутреннего рынка сельское хозяйство получило новый стимул к расширению, так как из районов к востоку от Эльбы хлеб (главным образом рожь) и промышленное сырье стали вывозить за границу. Восточно-германские феодалы получили возможность расширять свои хозяйства за счет крестьянских наделов и общинных земель и увеличивать предназначенную на вывоз продукцию, применяя в широких размерах барщинный труд. Мелкие крестьянские хозяйства становились придатком барского, которое обрабатывалось даровым крестьянским трудом и крестьянским инвентарем; они сохранялись в восточных землях лишь постольку, поскольку это представлялось феодалам необходимым для обеспечения своего собственного хозяйства трудом крепостных.

Таким образом, расширение товарного производства в сельском хозяйстве восточных земель происходило на основе феодальной реакции. Усилившееся после поражения Крестьянской войны крепостное право «во втором издании» сделалось в восточных землях, где существовали благоприятные условия для крупного производства товарного хлеба, орудием полного подчинения крестьян феодалам. В западных районах таких условий не было. Поэтому в западных и юго-западных землях Германии, хотя они и были исходным пунктом феодальной реакции и возобновления всеобщего крепостного состояния крестьянства, продолжала господствовать система мелких хозяйств, плативших феодалам главным образом денежный и натуральный оброк.

Крестьянское движение 1595—1597 гг. в Австрии

Не во всех землях Германской империи крестьянское сопротивление возросшей феодальной эксплуатации было в одинаковой степени подавлено. В Австрии, где феодальная реакция сочеталась с особенно сильной католической реакцией, поддержанной Габсбургами, основные войска которых были заняты в войне с турками, в 1595 г. вспыхнуло крупное крестьянское восстание. Восставшие выдвинули ряд требований против новых актов закрепощения, в частности упразднения произвольной нефиксированной барщины, многообразных феодальных поборов и судебного произвола феодалов. Раздавались голоса и о необходимости ликвидации феодального гнета вообще. Восстание началось в Верхней Австрии, где крестьянам помогали городская беднота и ремесленники, изготовлявшие для восставших холодное и огнестрельное оружие. Верхнеавстрийские феодалы направили вооруженный отряд против восставших, но этот отряд был наголову разбит превосходившими его силами крестьян и плебса. Дальнейшие события привели в 1596 и 1597 гг. к расширению восстания, охватившего Нижнюю Австрию, часть Баварии и районы близ швейцарской границы и грозившего перекинуться в Штирию, где начались волнения среди горнорабочих. В целях раскола движения император Рудольф II издал в мае 1597 г. указ об уменьшении некоторых поборов и ограничении бар-

щины 14 днями в году. Тогда умеренные элементы среди восставших, к которым принадлежал и их руководитель — бывший трактирщик Георг Таш, вступили в переговоры с правительством. Пока велись эти переговоры, восстания были подавлены, началась волна репрессий. Георг Таш и другие руководители после жестоких истязаний были казнены.

Империя и князья после Аугсбургского мира 1555 г.

После поражения Великой Крестьянской войны в Германии наступила политическая и общественная реакция. Положен был конец всему общественному движению эпохи Реформации, развернувшемуся на фоне экономического подъема XV и начала XVI в. Потерпели поражение все слои оппозиции, участвовавшие в движении. В выигрыше остались только князья, усиление которых означало усиление и закрепление политической раздробленности, что и было, по словам Энгельса, главным результатом поражения Крестьянской войны.

Областной и провинциальный сепаратизм, носителями которого выступали многочисленные немецкие князья и имперские города, стал во второй половине XVI в. в еще большей степени, чем раньше, характерной чертой политической жизни Германии. Каждый князь в своих владениях был полновластным монархом. Правда, в отдельных случаях дворяне напоминали князьям о своих особых интересах. В чрезвычайных обложениях крестьян налогами со стороны князей дворяне усматривали ущерб для себя, так как это вело к уменьшению их исключительных «прав» на эксплуатацию крепостных. В таких случаях дворяне добивались ограничения власти князей ландтагами, т. е. сословными органами, санкционировавшими введение новых налогов. Однако в основном немецкое дворянство видело в князьях необходимую опору для проведения актов феодальной реакции и повсеместного восстановления крепостничества. С обострением классовых противоречий в деревне силы дворянства все более сплачивались вокруг княжеской власти, от которой дворяне ждали привилегий, доли в секуляризованных церковных имуществах и прежде всего помощи против возможного сопротивления крестьян.

Несмотря на полный суверенитет князей, многочисленные немецкие княжества не могут рассматриваться как отдельные государства; каждый князь продолжал считать свои владения своей вотчиной. Территории княжеств то делились между наследниками князей, то вновь воссоединялись. Между ними постоянно происходили частные войны. В своей политике внутри территорий и в отношениях с соседями князья исходили из частных, а не из каких-либо государственных интересов. Само понятие «подданство» в немецких княжествах понималось скорее в смысле частноправовом, а не публичноправовом. Говоря о сложившемся в Германии княжеском суверенитете, К. Маркс назвал его «немецким уродством», создавшим «специальное немецкое «подданство», которое делало крестьян и бюргеров одинаково «крепостными» государя» [1].

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. VII, с. 97.

Немецкие князья стремились к усилению своей мощи за счет ослабления императорской власти. Для наиболее крупных князей императорская власть и имперская политика стала средством, которое может быть использовано в интересах усиления своего княжества и своего влияния. Особенно усилилось влияние курфюрстов, которые перед выборами императора заставляли претендента на имперскую корону подписывать так называемую избирательную капитуляцию, лишавшую его свободы деятельности как во внутренней, так и во внешней политике.

Положение Австрии в Германской империи

Самыми крупными имперскими князьями были австрийские Габсбурги. В XVI в. в их владения входили Верхняя и Нижняя Австрия, Тироль, ряд областей в Юго-Западной Германии («Передняя Австрия») и славянские земли Штирия, Каринтия и Крайна. После поражения, нанесенного турками в 1526 г. объединенным военным силам чехов и венгров, владения Габсбургов расширились за счет королевства Чехии и части Венгрии, связанных личной унией с Австрией. Таким образом в XVI в. было положено начало Австрийской многонациональной монархии. Австрийские Габсбурги удерживали в своих руках имперскую корону. Однако и Австрийская монархия была ослаблена разделом ее владений в 1564 г. между тремя наследниками Фердинанда I, хотя императорская корона осталась за старшим сыном Фердинанда I — Максимилианом II. Отдельные немецкие князья выступали соперниками Габсбургов. Особенно опасным для Габсбургов было соперничество Баварии, усилившейся к началу XVII в.

Политическая борьба в Германии в конце XVI и в начале XVII в.

В общем хаосе непрерывной грызни и постоянных войн между многочисленными немецкими властелинами особенно выделялась борьба двух основных группировок князей — протестантов и католиков — главным образом из-за церковных земель и богатств. Протестантские князья, усиливавшиеся в результате секуляризации церковных имуществ, стремились к закреплению и расширению своих приобретений. В католическом лагере было много духовных князей, ярых противников секуляризации. Светские князья католического лагеря, хотя и заинтересованные в сохранении церковных имуществ, смотрели на католическую церковь как на политическую опору своей власти и не желали дальнейшего подрыва ее могущества.

При первых двух императорах после отречения Карла V — при Фердинанде I (1556—1564) и Максимилиане II (1564—1576),— хотя они сами были католиками, наблюдалось равновесие сил, выгодное протестантам, заинтересованным в то время в сохранении существующего положения. Однако общая обстановка второй половины XVI в.— победа контрреформации на Тридентском соборе, агрессивная политика католической Испанской монархии и деятельность созданного в 1540 г. Ордена иезуитов — благоприятствовала в Германской империи наступлению католической реакции. К тому же протестантизм ослабляла внутренняя борьба между лютеранами

Северной и Восточной Германии и кальвинистами юго-западных земель.

При императоре Рудольфе II (1576—1612), который воспитывался при испанском дворе Филиппа II и был иезуитом, католическая реакция перешла в наступление в ряде земель Южной и Западной Германии. Основными ее проводниками были герцог Максимилиан Баварский и эрцгерцог Фридрих Штирийский, опиравшиеся на помощь Испанской монархии. С целью объединения своих военных сил протестанты организовали в 1608 г. Евангелическую унию, главой которой был избран Фридрих V Пфальцский. В следующем 1609 г. в противовес унии образовался союз католиков — Католическая лига под главенством Максимилиана Баварского. Если Католическая лига опиралась на Испанскую монархию, то Протестантская уния видела свою опору во французском короле Генрихе IV.

Таким образом, борьба между двумя лагерями в Германии затрагивала интересы крупных иностранных государств, соперничество между которыми становилось в то время главным моментом в системе международных отношений в Европе. Создавалась угроза переплетения внутригерманской борьбы и назревавших острейших международных конфликтов в один общий узел. В подготовлявшейся первой общеевропейской (Тридцатилетней) войне раздробленной и раздираемой внутренней борьбой Германии предстояло сделаться основным полем битвы столкнувшихся между собой иноземных и внутренних сил.

Культурное развитие Германии в XVI — начале XVII в.

Переживавшийся Германией в конце XV в. и в первые десятилетия XVI в. большой общественный подъем явился важным стимулом роста в разных слоях немецкого народа национального самосознания и отразился на всем культурном развитии страны этого и последующего времени. Это проявилось прежде всего в развитии национального немецкого языка. У представителей передовых кругов немецкого народа, видевших спасение Германии в ее политическом и культурном объединении, все более и более проявлялось стремление к единому немецкому языку. Расцвет книгопечатания и большой поток пропагандистской литературы в первые годы Реформации способствовали сглаживанию различий местных диалектов. Важным моментом в оформлении этой тенденции явился перевод Лютером Священного писания на немецкий язык. Желая сделать свой перевод понятным в разных германских землях, Лютер обратился к языку практической жизни, стремясь найти в нем наиболее общие элементы немецкого языка. Взятый им за основу язык канцелярий, язык «замков и дворцов» представлялся Лютеру недостаточным. Жизнь и силу языку его перевода придавало, по собственному признанию Лютера, наблюдение над языком народа.

Ярким проявлением подъема в культурной жизни Германии этого времени была (см. гл. 1) гуманистическая литература, затем литература памфлетов и листовок бурных лет Крестьянской войны, в которых дебатировались злободневные проблемы политической и

социальной жизни. Правда, большинство гуманистических произведений печаталось на латинском языке, они распространялись главным образом среди сравнительно узкого круга гуманистической интеллигенции, больше всего — в университетских кругах. Однако в своих лучших произведениях гуманистическая литература была связана с народной традицией. В ряде полемических сочинений писателей-гуманистов положение народных масс, несправедливое отношение к ним феодалов и католического клира описывается весьма реалистически.

Среди немецких писателей XVI в. были замечательные художники слова, подлинно народные писатели. К ним принадлежал и крупнейший немецкий поэт Ганс Сакс (1494—1576), нюрнбергский бюргер, сын портного и сам мастер сапожного цеха. Он был вместе с тем и выдающимся мастером народного певческого искусства (мейстерзингером) и автором многих назидательных басен, песен, коротких анекдотических рассказов (шванков) и драматических произведений. Ганс Сакс насыщал свои произведения реалистическим содержанием, рассказывая в тоне добродушного юмора о жизни простых людей, о забавных и трагических сценах их жизни и быта. Нередко у него звучат социальные мотивы: он повествует о господах, угнетающих и обирающих простых людей. Несмотря на то что Ганс Сакс не разделял идей народной Реформации о грядущем социальном перевороте, он все же отражал в своих произведениях настроения демократической массы горожан. Его насмешки над монахами и католическим духовенством, его решительная поддержка Лютера проникнуты общенародным гневом против паразитического и безнравственного католического клира. В замечательном аллегорическом стихотворении, написанном в 1523 г.,— «О виттенбергском соловье, чья песнь слышна теперь везде» — сам папа изображен хищным львом, окруженным другими хищниками, который смертельно испугался соловья (Лютера), разоблачившего его жадность и грозящего лишить его добычи:

Монаха Лютера ученье
Недаром привело в смятенье
Льва, то есть папу, — этот плут
Почуял, чем запахло тут:
Грозит урон его доходам,
Что неизменно год за годом
Стекались в папский фиск рекой...
Подвергнутся судьбе такой.
Все бенефиции, налоги,
Которыми, твердя о боге,
Кормились полчища попов ...
(Перев. В. Шора)

Переживаемый немецкой литературой в XVI в. подъем, усиление в ней народной струи продолжались и в конце века, когда появились народные сказания о докторе Фаусте (1587), легшие в основу бессмертного произведения Гете, и о героях других народных сказаний. К последним десятилетиям XVI в. относятся резкие по своей форме и обличительной силе сатирические произведения вы-

дающегося немецкого писателя Иоганна Фишарта (1546—1590), направленные против папского Рима и иезуитов, против суеверия и религиозного фанатизма.

В области живописи и скульптуры влияние бурной эпохи общественного подъема сказалось в том, что крупнейшие и самые выдающиеся немецкие мастера — Альбрехт Дюрер (1471—1528), Ганс Гольбейн Младший (1497—1543), Матис Нитхарт Генхарт, известный под именем Грюневальд (ок. 1475—1528), Лукас Кранах Старший (1472—1553), преодолевая традиционные формы средневекового искусства, стремились отразить в своих произведениях жизненную правду. Даже разрабатывая мотивы из библейских легенд и другие религиозные сюжеты, они старались придать изображаемым лицам черты, взятые у реальной действительности, и показать в них красоту человека, душевные переживания и чувства простых людей наряду с характерным для немецкого и североевропейского гуманизма особым интересом к социально-этическим проблемам своего времени. В произведениях величайших немецких художников XVI в. отражен пафос идейной и освободительной борьбы эпохи Реформации и Великой Крестьянской войны. Такова монументальная картина А. Дюрера «Четыре апостола», таковы гравюры Дюрера и Гольбейна Младшего на социальные темы и особенно выдающиеся творения Грюневальда «Изенгеймский алтарь», «Штуппахская мадонна» и др. Яркой сатирой на богословов, монахов и прочих мракобесов, на пошлость, лицемерие и нравственное разложение разных паразитических слоев общества являются иллюстрации Гольбейна Младшего к «Похвальному слову глупости» Эразма Роттердамского.

Замечательное проявление культурного развития века — произведения выдающегося немецкого философа и историка Себастьяна Франка (1500—1543). Как и многие гуманисты, Франк был противником народных восстаний, считая, что они могут привести лишь к усилению гнета. Но анализ бурных событий, потрясавших страну, привел Франка к важным философско-историческим обобщениям. В обычной для того времени мистико-теологической оболочке Франк стремился показать закономерность исторических событий, в том числе и народных восстаний, причины и уроки которых должны быть, по его мнению, изучены и учтены.

Наступившая после подавления народного восстания 1525 г. длительная общественная и политическая реакция и последовавший затем экономический упадок подорвали начавшийся в предыдущую эпоху подъем культурной жизни Германии и нанесли сокрушительный удар зарождавшимся элементам национальной общности. Однако революционные и прогрессивные традиции этой бурной эпохи сохранили свое историческое значение и в последующие века и не могли быть забыты передовыми слоями немецкого народа в новое и новейшее время.

Глава 26

РЕФОРМАЦИЯ В ШВЕЙЦАРИИ. ФЕОДАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ И КОНТРРЕФОРМАЦИЯ В ЕВРОПЕ

§ 1. РЕФОРМАЦИЯ В ШВЕЙЦАРИИ

Швейцарский союз в XVI в.

В XVI в. территория Швейцарского союза увеличилась за счет еще трех кантонов — Базеля, Шаффгаузена (1501) и Аппенцелля (1513), а также некоторых земель, присоединенных в ходе борьбы Берна с Савойей (Ваадт и др.). Теперь в союз входило тринадцать полноправных кантонов, и население страны к 1500 г. достигло примерно 850 тыс. человек. Политический строй Швейцарского союза остался прежним — конфедерация, без постоянных органов центральной власти и без объединенных вооруженных сил. Общие вопросы решались полномочными депутатами кантонов на союзных сеймах — тагзатцунгах. Кантоны представляли также свои союзные земли, а фогтства, которые были завоеваны отдельными кантонами или конфедерацией в целом, управлялись фогтами, назначавшимися соответственно конфедерацией или властями кантонов. Земли эти были лишены всяких политических прав и являлись объектами эксплуатации и вымогательств правящей олигархии кантонов.

Экономический строй швейцарских кантонов

Экономическая структура швейцарских кантонов была весьма пестрой, но для значительной части их характерна неразвитость феодальных отношений, длительное сохранение общины-марки и наличие довольно большой по сравнению с другими странами прослойки свободного крестьянства.

Лесные кантоны — Швиц, Ури, Унтервальден, Цуг и Люцерн — это районы дремучих лесов, недоступных горных вершин и тучных альпийских лугов. К XVI в. по мере развития торговли и улучшения дорог земледелие здесь стало нерентабельным и уступило место молочному животноводству, продукция которого сбывалась на рынках Швейцарии и европейских стран. Особенно славились швейцарские сыры, пользовавшиеся спросом даже в Русском государстве. В целях сохранения местной продуктивной породы коров вводились строгие ограничения, а то и полные запреты ввоза и вывоза живого рогатого скота. Хлеба в лесных кантонах не хватало даже у крестьян, и потребность в нем покрывалась за счет ввоза через Цюрих и Люцерн из-за рубежа.

В ходе освободительной борьбы XIII—XIV вв. большинство крестьянских общин в лесных кантонах либо захватило земли светских и духовных феодалов, либо выкупилось у них, что привело к преобладанию здесь свободного крестьянского хозяйства. Зато в фогтствах феодально-крепостнические порядки сохранялись в полной неприкосновенности даже в тех случаях, когда место феодальных сеньоров заняли отдельные кантоны или конфедерация в целом. Господствующей системой землепользования было трехполье, причем преобладали принудительные севообороты, и после сбора урожая поля превращались в пастбища для скота.

Община-марка заметно разложилась, особенно в земледельческих районах. Леса, рыбные ловли, альпийские луга использовались сообща, но количество полноправных, полнонадельных членов общины (полноупряжников) сократилось, тогда как число полуупряжников, малоземельных и безземельных крестьян возросло. Две последние категории могли пользоваться альмендой лишь на условиях несения повинностей и отработок в пользу общины, т. е. в первую очередь ее зажиточной верхушки. Богатые крестьяне постепенно узурпировали пользование альмендой и превратили ее в средство закабаления деревенской бедноты.

Многие представители крестьянской верхушки, занимавшие офицерские должности в наемных войсках иноземных государей, добились дворянских званий. Правда, официально на родине это не давало привилегий, но тем не менее содействовало образованию в лесных кантонах экономически и политически господствовавшей там олигархии богатых землевладельцев.

Из городов лесных кантонов выделялся Люцерн. Здесь развилось сукноделие, покрывавшее местные потребности и с конца XV в. попавшее в зависимость от торгово-раздаточной конторы. Главной отраслью деятельности горожан было обслуживание транзитной торговли через перевал Сен-Готард, в частности транспортировка грузов. В остальном же малоземелье, сохранение патриархальных пережитков, отсутствие сети торговых и промышленных центров сковывали в лесных кантонах развитие производительных сил и создавали значительную прослойку населения, не находившую себе места в сфере производительной деятельности. Результатом этого было развитие военного наемничества как «отхожего промысла», что имело далеко идущие социальные и политические последствия.

Экономический строй городских кантонов — Цюриха, Базеля, Берна и таких союзных земель, как Сен-Галлен и Женева,— был иным. В долинах и равнинных местах здесь было развито хлебопашество. Одной из житниц считалась зависимая от Берна область Ваадт. В округе Цюриха и Женевы (городов, особенно нас интересующих в связи с развитием в них реформационного движения) феодальные поземельные отношения были гораздо больше развиты, чем в лесных кантонах. В частности, в кантоне Цюрих до реформации насчитывалось до 270 сеньорий. Общинные отношения заметно разложились, площадь альменды сократилась и составляла 25% земель. Большие лесные массивы превращались в пастбища. Луга

занимали 21% всех удобных земель. Зависимые крестьяне платили чинши и десятины, несли некоторые натуральные повинности и отработки. Хлеб крестьяне обязаны были продавать только на рынках своих кантональных городов. В сельских округах Женевы и других городов, а также в районе Цюрихского озера широкое распространение получили виноградарство и виноделие, пользовавшиеся в XVI в. особым покровительством властей. Господствующей формой аренды являлась испольщина, а арендаторами выступали и горожане, объединенные в специальные цехи виноградарей.

Центр экономической жизни многих городских кантонов и союзных земель лежал не в сфере сельского хозяйства, а в ремесле и торговле. Берн, крупнейший город конфедерации, формировался как важный торгово-ремесленный и финансовый центр. Поблизости от него, в Бернской Юре, располагались самые крупные в Швейцарии железорудные шахты, на которых в 1520 г. насчитывалось до 400 участников разработок (Erzgenossen), а в соседнем с рудниками городке Лауфенбурге работало 18 кузниц. Значительная группа участников горных разработок зависела от крупных купцов, их финансировавших. Второй по размерам город конфедерации Базель (до 15 тыс. жителей в XVI в.) складывался как крупный центр транзитной по преимуществу торговли. В XV — первой четверти XVI в. здесь действовало несколько крупных торговых компаний, ведших операции в Германии, Англии, Нидерландах, Италии. Значительного развития достигло цеховое ремесло, а в отдельных отраслях, например бумажной, сложились и капиталистические мануфактуры. К концу первой четверти XVI в. усилившиеся цехи добились ликвидации большинства торговых компаний, использовавших монопольные привилегии для повышения цен, в частности на хлеб.

Экономической базой Цюриха было цеховое ремесло, в первую очередь текстильное. В окрестностях города развивались подсобные промыслы, работа надомников по заказам раздатчиков. Захват политической власти цехами в 1336 г., политическая борьба внутри города и столкновения Цюриха с лесными кантонами имели следствием упадок всех отраслей текстильного ремесла.

Важным торгово-ремесленным и финансовым центром до конца XV в. была Женева — наследница пришедших в упадок средневековых шампанских ярмарок. Число жителей в Женеве к началу XVI в. составляло около 10 тыс. человек. На ее ежегодные семь ярмарок съезжались купцы из Италии, Франции, Германии с самыми различными товарами. Здесь же сбывали львиную долю своей продукции цеховые фрейбургские сукноделы, производившие в конце XV в. до 10 тыс. кусков сукна в год. На денежном рынке Женевы активно действовали агенты крупнейших итальянских банкиров — Медичи, Перуцци, Сосетти. В городе значительное развитие получили шелкоткачество, ювелирное дело и другие ремесла. Все они были свободны от стеснительных цеховых пут. Учреждение лионских ярмарок нанесло сильный удар всей хозяйственной жизни Женевы и цеховому сукноделию Фрейбурга, объем продукции которого в начале XVI в. сократился на 75%.

Следует отметить развившуюся в конце XV — начале XVI в. льнополотняную промышленность Сен-Галлена и сукноделие в Лугано, превратившиеся в экспортные отрасли. В них наряду с цехами энергично действовал купеческий капитал.

В целом в земледелии, ремесле, торговле и отдельных отраслях промышленности Швейцарии конца XV в. были заметны как прогрессивные (раннекапиталистические), так и реакционные тенденции. Борьба между ними, переплетавшаяся с межкантональными противоречиями и конфликтами, определила социально-политическое развитие Швейцарского союза в последующие годы.

Политическое устройство швейцарских кантонов

Политический строй швейцарских кантонов соответствовал их социально-экономическому облику. В лесных кантонах в ходе разложения марки и развития военного наемничества советы общин все явственнее становились орудием политического господства землевладельческой верхушки. Она эксплуатировала малоземельных общинников, находившихся вне рамок общины пришельников «тагвнеров» и зависимых крестьян фогтств. Кантональные советы пополнялись путем кооптации; должности в них были пожизненными. Спаянная узами родства и совместно совершаемых беззаконий правящая олигархия беспощадно угнетала своих соотечественников.

Военное наемничество после заключения договора 1516 г. с королем Франции Франциском I стало организованным в государственном масштабе промыслом и превратилось в проклятие свободолюбивого народа Швейцарии. Каждый кантон получал от иноземных государей за поставку наемников огромные суммы, которые распределялись частью между общинами, частью между членами магистратов городов. Это порождало коррупцию, беззастенчивую торговлю кровью сограждан, пренебрежение интересами страны. Лихоимство и присвоение пенсий вдов и сирот наемников, погибших на чужбине, стали обычными в практике кантональных властей.

В магистрате Цюриха господствовали цехи. Внешне это была демократичная форма правления, на деле же, представляя интересы цеховых мастеров и богатых бюргеров, городской магистрат проводил политику сохранения и укрепления средневекового корпоративного строя, подавления ростков нового и прогрессивного. Военное наемничество и коррупция здесь также свили гнездо.

В Берне, Базеле, Фрейбурге, Женеве политическое преобладание оставалось в руках патрицианских фамилий, главное богатство которых составляли земли, ренты и наличные деньги. Хотя между кантонами существовали некоторые торговые отношения, а цехи Цюриха, Базеля, Винтертура, Шаффгаузена, Фрейбурга и Берна заключали друг с другом межгородские союзы, экономические связи кантонов были слабыми, общешвейцарского рынка не сложилось. Объединенная преимущественно военно-политическими целями и главным образом стремлением кантонов отстоять свое независимое положение от соседних держав, в первую очередь австрийских Габ-

сбургов, разноязычная конфедерация не имела солидных предпосылок укрепления национальной общности.

Пользуясь своим экономическим могуществом, отсталостью лесных кантонов, их зависимостью в снабжении хлебом и другими товарами от крупных городов, Цюрих и особенно Берн претендовали на господствующее положение в конфедерации и впоследствии добились своей цели. «...Упрямые альпийские пастухи..., — писал Энгельс, — освободились от господства австрийского дворянства, чтобы попасть под иго цюрихских, люцернских, бернских и базельских мещан» [1].

Предпосылки Реформации в Швейцарии

Влияние местных условий на возникновение и конечный исход реформации в Швейцарии сказалось очень заметно. Медленное социально-экономическое развитие, политическое господство кучки богатых землевладельцев под покровом патриархальных традиций, система военного наемничества, выводившего во вне «беспокойный элемент», притупляли остроту классовых противоречий в лесных кантонах, придавали устойчивость их политической организации, привязывали их на внешнеполитической арене к католическим вербовщикам: королям Франции, австрийским и испанским Габсбургам, папе римскому. Лишь борьба внутри правящих групп колебала порой затхлую атмосферу политической жизни лесных кантонов. В подвластных фогтствах угнетенные крестьяне не раз поднимали восстания, но все они жестоко подавлялись. Лесные кантоны так и остались в основном не затронутыми реформацией и сопровождавшими ее классовыми битвами.

Иной была обстановка в городских кантонах и близких к ним по уровню развития союзных землях, где уже пробивались ростки капиталистических отношений. Оппозиционно настроенные по отношению к правившим в городах цеховым и патрицианским олигархиям передовые слои бюргерства все решительнее требовали запрещения военного наемничества, которое отвлекало рабочие руки и усиливало группировку враждебного городам дворянства, занимавшего офицерские должности в наемнических отрядах. Острота этого вопроса станет ясной, если учесть, что к 1519 г. население Цюриха сократилось на 25%.

Среди прогрессивных слоев бюргерства, интересы которых выходили за узкие рамки отдельных кантонов, появилось стремление к превращению Швейцарии в федерацию с центральной властью, где ведущее место принадлежало бы городским кантонам, к секуляризации церковных земель. Городской плебс страдал от произвола правящей верхушки и вымогательств церкви, а зависимое крестьянство городских кантонов и фогтств ждало лишь повода, чтобы сбросить с себя цепи феодального угнетения.

Авторитет католического духовенства упал из-за злоупотреблений, разврата и невежества клириков. Монопольное положение церкви в области идеологии было подорвано успехами светского об-

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 351.

разования и гуманизма. Оплотом последнего стал основанный в 1460 г. Базельский университет. В первой трети XVI в. с ним были связаны имена таких выдающихся гуманистов, как Иоганн Рейхлин, Эразм Роттердамский, Себастьян Брант, Беатус Ренанус и др. Примыкавшие к гуманистическому кружку издатели Фробэн и Амербах публиковали труды гуманистов. Хотя почти все гуманисты остались верны католицизму и покинули Базель после проведения в нем реформации, их деятельность помогала критике догматов католицизма, разоблачению невежества попов и монахов.

Ульрих Цвингли и его учение

В обстановке роста социально-политических противоречий в кантонах, чреватых неизбежными классовыми боями, в Цюрихе развернулась реформационная и политическая деятельность Ульриха Цвингли (1484—1531). Сын деревенского старосты, он окончил университет в Вене, после чего, преподавая латынь в Базеле, увлекся гуманистическими идеями. В 1506 г., приняв сан, Цвингли стал священником в Гларусе, а в 1515 г. в качестве полкового священника принял участие в трагической для швейцарцев битве при Мариньяно, что укрепило его отрицательное отношение к военному наемничеству. Отдельные реформационные положения Цвингли начал высказывать еще в 1516 г., до выступления Лютера, произведшего на него огромное впечатление. По возвращении в Цюрих в 1518 г. Цвингли, не порывая открыто с католической церковью, ограничивался критикой ее догм и выработкой собственной богословской доктрины.

Религиозная догматика Цвингли имела много общего с лютеранством. Как и Лютер, Цвингли основывал свое учение на положениях Священного писания, Библии, а не на позднейших папских постановлениях и трудах схоластических теологов. Он отрицал индульгенции, безбрачие духовенства, поклонение «святым», иерархию церковного клира, монашество, пышный церемониал католического богослужения, гораздо последовательнее, чем Лютер, проводил идею «дешевой церкви». Порывая в ряде случаев с мистикой, Цвингли стремился рационалистически истолковывать догматы и таинства, в частности, в причастии он видел не магическое таинство передачи «благодати божией», а лишь воспоминание о «тайной вечери», во время которой, согласно евангельской легенде, Христос поведал ученикам о своих предстоящих страданиях во искупление грехов человечества.

Но в организацию цвинглианской церкви, в отличие от лютеранской, был положен республиканский принцип. Проповедники были светскими лицами, руководители общин выбирались прихожанами, церковь в целом подчинялась выборным властям — магистрату города Цюриха. Эти и другие обстоятельства обусловили последующий разрыв бюргерско-республиканской реформации Цвингли с реформацией Лютера, ставшей княжеской.

Значительно отличалась от лютеровской также система экономических, социальных и политических взглядов цвинглианства, в которой отразилась внутренняя противоречивость чаяний бюргерской оппозиции Цюриха. Цвингли отрицал монастырское землевладение

и стяжательство церкви, ростовщический процент и порицал крепостнические порядки, но защищал мелкую собственность и был убежденным республиканцем. Князей и монархов он рассматривал как тиранов, а в военном наемничестве, пенсиях и других подачках иноземных государей видел источник коррупции и морального разложения. Цвингли призывал возвратиться к чистоте нравов и простоте жизни «доброго старого времени» (этот призыв в современных ему условиях согласовывался с идеалом буржуазной бережливости), к обособленности цюрихской общины. Но это последнее требование вступало в противоречие с планами самого Цвингли, направленными к созданию (в союзе с протестантскими князьями Германии) сильной швейцарской федерации.

Цвинглианская Реформация в Цюрихе

Учение Цвингли нашло живой отклик среди бюргерства, городского плебса, а также крестьянства, особенно в фогтствах. Под давлением его приверженцев в 1522 г. магистрат приказал отменить посты, безбрачие духовенства и объявил Цюрих независимым от духовной власти епископа Констанцского. В январе 1523 г. Цвингли, подражая Лютеру, обнародовал свои «67 тезисов», в которых были изложены основы его учения. Передавая дело реформы в руки магистрата, Цвингли заявлял в своих тезисах, что всякие притязания церкви на светскую власть лишены какой-либо основы. Заключительный тезис гласил, что Цвингли «готов вести свободное обсуждение с теми лицами, которые выдвигают вопросы относительно обоснованности чиншей, десятин, крещения детей и причащения». Это означало, что он готов был идти на уступки требованиям крестьян об отмене феодальных повинностей, а также более радикальной программе анабаптистов, начавших свои выступления в Цюрихе.

Но магистрат, в котором заседали люди, сами эксплуатировавшие городскую бедноту и крестьян из фогтств, вел себя гораздо осторожнее — осуществлял программу, выдвинутую Цвингли, частично и постепенно. В 1523 г. дело свелось к секуляризации церковно-монастырских имуществ в пределах кантона, реорганизации и постепенному закрытию монастырей. Повинности бывших монастырских крестьян остались неизменными, но использовались на нужды городской благотворительности, чем вбивался клин между крестьянством и городским плебсом.

В 1524 г. состоялись два религиозных диспута, победителем из которых вышел Цвингли, и в течение 1524—1525 гг. реформация в Цюрихе была в основном завершена: прекратилось служение мессы, иконы и прочие принадлежности католического культа были удалены из церквей, а светские лица получали причащение под обоими видами.

Одновременно осуществлялись и некоторые социально-политические принципы цвинглианства: запрещено было ростовщичество, военное наемничество, получение пенсий от иноземных государей. Патрициат и дворянство были почти полностью вытеснены из несколько демократизированного магистрата. Цехи и представители прогрессивных слоев бюргерства, образовавшие ядро цвинглианской

партии, составляли в нем решающее большинство. Цвинглианство объявлялось обязательным для всех жителей кантона, а проведение реформационных мероприятий и контроль за их выполнением возлагались на магистрат, которому подчинялась вновь созданная церковная организация. Церковь и государство-город сливались воедино под главенством последнего.

Социально-политическая борьба в Швейцарии в период цвинглианской Реформации

Успехи цвинглианства в Цюрихе и распространение его в других кантонах и союзных землях создали напряженное положение внутри конфедерации. Лесные кантоны, связанные с католическими державами, подавляли всякие проблески реформационного движения у себя и требовали того же от городских кантонов. Особенно острым было положение в фогтствах, часть которых управлялась совместно и попеременно городскими и лесными кантонами. Фогтства превратились в центры антифеодального и реформационного движения. Городские кантоны поддерживали последние вопреки репрессиям лесных кантонов, но антифеодальные выступления крестьян приводили в замешательство и тех и других, что сказалось уже в 1523 г. Тогда ряд сельских общин в фогтствах, кантонах — Цюрихе, Базеле, Шаффгаузене, Золотурне — и союзной земле Сен-Галлен отказались платить чинши и церковные десятины, подстрекаемые к тому анабаптистскими и близкими к ним радикальными цвинглианскими проповедниками. В фогтстве Тюргау летом 1524 г. восставшие крестьяне разгромили монастырь Иттинген.

Великая Крестьянская война в Германии нашла живейший отклик в пограничных районах Швейцарии. Весной 1525 г. все фогтства и многие общины кантонов — Цюрих, Базель, Шаффгаузен, Золотурн и союзной земли Сен-Галлен — стали ареной крестьянского движения. В кантоне Цюрих им были охвачены Грюнинген, Гаузен, Штейн, Кибург и др. Численность отдельных отрядов достигала нескольких тысяч человек. Крестьяне выдвинули умеренные требования, близкие к содержанию немецких «12 статей»,— отмена крепостничества, малой десятины, снижение налогов, упорядочение судопроизводства, право крестьян на охоту и рыбную ловлю, выборы деревенских пасторов. Умеренность требований объясняется тем, что во главе движения здесь были зажиточные элементы. Предъявив эти требования по запросу городских властей в мае — июне 1525 г., крестьяне кантона Цюрих разошлись по домам, ожидая решения.

Широкое крестьянское движение развернулось в фогтствах кантона Базель. Крестьяне выдвинули требования, очень близкие по содержанию к программе цюрихцев. Кроме того, они резко протестовали против практики военного наемничества, «за которое одни получают деньги, а другие лишь удары мечами». Волновались и собирались в вооруженные отряды крестьяне ряда общин Сен-Галлена и в фогтствах Золотурна. В кантоне Шаффгаузен центром движения стал округ Галлау, где крестьяне, находясь под влиянием анабаптистских проповедников, потребовали не только отмены крепостничества, но и всех прочих повинностей. К ним примкнул цех

виноградарей, арендовавших исполу монастырские виноградники, расположенные близ города.

Почти повсеместно крестьянские выступления встречали поддержку городского плебса. В Цюрихе анабаптисты, возглавлявшие плебейскую оппозицию, выдвинули требования раздела имуществ, отмены налогов и роспуска всех властей. Здесь сложилась сильная анабаптистская община, выступившая с четко сформулированной богословской и социально-политической платформой. Она сыграла значительную роль в истории общеевропейского анабаптистского движения. Преследования принудили анабаптистов бежать из города; часть их примкнула к крестьянским отрядам. Нередко анабаптисты становились вожаками отрядов. Сильное брожение среди цеховых подмастерьев и городского плебса отмечалось весной 1525 г. в Базеле, где имели место их тайные сходки. На одной из сходок была намечена следующая программа действий: установить связь с восставшими крестьянами фогтств, организовать погромы монастырей и домов клириков, насильственно свергнуть магистрат города. Однако заговор был раскрыт, его участники и другие «бунтовщики» репрессированы, и лишь цехам, как корпорациям мастеров, были сделаны некоторые уступки. Большое число горожан и крестьян кантона Базель примкнули к немецким крестьянским отрядам, сражавшимся против князей в Эльзасе и Южном Шварцвальде.

Швейцарские власти были очень обеспокоены расширением движения. Лесные кантоны блокировали перевалы и горные проходы, чтобы помешать объединению немецких и швейцарских крестьян, а их лицемерное «посредничество» между восставшими немецкими крестьянами и князьями имело целью дать последним выиграть время и собрать силы для разгрома крестьянских отрядов.

Городские реформированные кантоны вынуждены были прибегнуть к более сложной тактике. С одной стороны, они помогали распространению реформации в католических кантонах и фогтствах, старались подорвать позиции дворян и монастырей, давая некоторые поблажки зависимым от них крестьянам. С другой стороны, и города в целом как коллективные сеньоры, и их привилегированная верхушка, состоявшая из землевладельцев, эксплуатировали крестьян фогтств и муниципальных земель, а также всех крестьян кантонов и фогтств посредством городских пошлин, привилегий и т. п. Поэтому, опираясь на сельскую верхушку, городские реформированные кантоны делали мелкие уступки крестьянам, оттягивали время, раскалывали движение, с тем чтобы по изменении обстановки покончить с ним.

Поражение крестьянской войны в Германии послужило сигналом к этому. Католические кантоны подавили крестьянское и реформационное движение в фогтствах, восстановив в них католицизм. Городские реформированные кантоны, пойдя на некоторые уступки (отмена крепостной зависимости, малой десятины и церковной юрисдикции на землях, подвергшихся секуляризации), оставили все остальные феодальные и большинство муниципальных поборов. Одно-

временно подверглись преследованиям анабаптисты, руководители и рядовые участники крестьянско-плебейских выступлений.

Итоги цвинглианской Реформации в Швейцарии

Подавление крестьянско-плебейского движения сузило и без того не слишком прочную базу цвинглианской реформации, предопределило ее провинциальную ограниченность, хотя это сказалось и не сразу. Ближайшие годы даже ознаменовались серьезными ее успехами. В 1528 г. цвинглианство было введено в Берне, а затем в Базеле, Сен-Галлене, Гларусе и Шаффгаузене. Протестантские кантоны создали особый союз внутри конфедерации. Приверженцы Цвингли уже готовились к объединению Швейцарии под главенством Цюриха. Однако эти планы были враждебно приняты лесными кантонами и недоверчиво — Берном, который претендовал на такую же роль. В 1531 г. дело дошло до военного столкновения с пятью лесными кантонами. Плохо к этому подготовленный, расколотый внутренне, Цюрих проиграл войну. В битве при Каппеле его войска были разгромлены, погиб в ней и сам Цвингли.

Союз протестантских кантонов распался, решение вопроса о политической централизации и укреплении национальной общности страны задержалось на столетия. Центр реформационного движения переместился в юго-западную часть Швейцарии.

Женева перед кальвинистской Реформацией

В первой трети XVI в. экономика Женевы переживала тяжелый застой. Обострилась и политическая обстановка. Герцог Савойский и епископ Женевский, пользуясь ослаблением города, попытались расширить свои политические и административные прерогативы, опираясь на содействие дворян и титулованного патрициата. Бюргерство и городской плебс воспротивились этому. Возникла длительная политическая борьба, шедшая с переменным успехом. В конфликт вмешались протестантский Берн и католический Фрейбург, причем каждый из них стремился закрепить свое политическое влияние и свое вероучение в Женеве. Перевес остался на стороне более сильного Берна, а это означало, что распространение реформации в Женеве получало отныне сильную опору. Ее проводниками были покровительствуемые Берном странствующие проповедники, французские эмигранты, Фарель и Фроммен, действовавшие в Женеве в 1532—1535 гг. После победы реформатов цвинглианского толка в религиозном диспуте в мае 1535 г. католическое богослужение в Женеве было заменено цвинглианским, монастыри ликвидированы, их земли секуляризованы, а жившие на них крестьяне освобождены от наиболее тяжелых повинностей. Военное наемничество было запрещено. Женева, однако, сумела сохранить независимое политическое положение по отношению к Берну, открыла ворота притоку эмигрантов-реформатов из Италии и Франции, что оказало решающее влияние на последующее развитие событий.

Кальвин в Женеве

В 1536 г. в числе прочих французских реформатов-эмигрантов в Женеву приехал Жан Кальвин. Родился он в 1509 г. в семье епископского секретаря в городе Нуайоне (Северная Франция). Окончил юридический факультет

Буржского университета, примкнул к гуманистическому течению и существовал на средства от преподавательской и литературной деятельности. В протестантизм перешел, видимо, в 1534 г., дружил с наиболее радикальными протестантами и, спасаясь от религиозных преследований, вскоре эмигрировал сначала в Германию, а затем в Женеву. В это же время в Базеле вышло его главное теологическое сочинение — «Наставление в христианской вере», где излагались основные положения нового реформационного учения, получившего название кальвинизма.

В Женеве кипела острая социально-политическая борьба, шли диспуты, на которых перевес нередко оставался на стороне анабаптистов. Городской плебс волновался и учинял иконоборческие погромы, не дожидаясь, когда наконец магистрат полностью покончит с «идолопоклонством».

Кальвин и его приверженцы оказали магистрату действенную помощь в борьбе на два фронта — и против католической реакции, и против плебейской оппозиции. Кальвин стал вводить с помощью магистрата жесткие религиозно-бытовые нормы, насаждать аскетизм и принцип верховенства церковных властей над светскими. Такая политика вызвала сильное сопротивление со стороны коренных женевских бюргеров, жизнелюбивых, не привыкших к религиозному аскетизму, опасавшихся засилья пришельцев, и со стороны Берна, которому не нравились «теократические» замашки Кальвина. Кальвин и ставший его помощником Фарель в 1538 г. были высланы из Женевы, где к власти пришли их противники. Однако вскоре в стане последних произошел раскол, позиции сторонников Кальвина усилились, и в 1541 г. он с триумфом возвратился в Женеву, где окончательно восторжествовал кальвинизм.

Кальвинистское вероучение

Вероучение Кальвина было заострено и против католицизма и против радикальных течений народной реформации, последователей которых он обвинял в безбожии и материализме. Краеугольным догматом кальвинизма было учение о божественном предопределении, понимавшемся Кальвином как абсолютное. Бог, утверждал Кальвин, в своем предвидении будущего предопределил одних людей к вечному блаженству, других — к вечным мукам в загробном мире. Это предопределение фатально, не зависит от субъективных действий человека, и никто не может знать, какая судьба ему уготована, или изменить эту судьбу. Но каждый верующий должен думать, что он является божьим избранником, и напрягать все силы, чтобы успехом своей деятельности, в том числе и профессиональной, доказать свою избранность, в чем проявлялось не зависящее от воли человека, но заключенное в нем действие божества. И богатство и бедность, согласно учению Кальвина, являются испытанием веры в бога. Богатство заставляет верующего показать, что он добросердечен, отзывчив к нуждам бедных, не возгордился своим богатством и не поставил стяжательство выше своих обязанностей перед богом и общественным долгом. Бедняк должен проявить терпение, уметь даже в крайней бедности противостоять нечестности и искушениям

всякого рода. Но бедность — не заслуга, и недостаточно быть бедным, чтобы быть угодным богу. Работа в любой области почетна и необходима, но не следует ее отождествлять с призванием, каковое шире по своему содержанию и заключается в служении общему благу. Неудача верующего в профессиональной деятельности есть не что иное, как показатель греховности его исходных намерений, отклонения верующего от правильно понятого призвания.

Такая трактовка теории предопределения исключала фаталистическую пассивность, побуждала к активной деятельности. Кальвинизм с самого начала отличался от других реформационных учений своей целеустремленностью и действенностью. «Его учение о предопределении,— писал Энгельс,— было религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависят не от деятельности или искусства отдельных лиц, а от обстоятельств, от них не зависящих. Определяет не воля или действие какого-либо отдельного человека, а милосердие могущественных, но неведомых экономических сил. И это было особенно верно во время экономического переворота, когда все старые торговые пути и торговые центры вытеснялись новыми, когда были открыты Америка и Индия, когда даже наиболее священный экономический символ веры — стоимость золота и серебра — пошатнулся и потерпел крушение» [1].

Критика Кальвином всякого рода потребительских излишеств, его призывы к бережливости, скромности быта, сокращению числа нерабочих праздничных дней также определялись социально-экономическими моментами. В период первоначального накопления и раннего капитализма размеры капиталов по большей части были невелики, затраты на средства производства невысоки, и главный доход извлекался из прибавочной стоимости, создаваемой физическим трудом наемных рабочих. Поэтому максимальная капитализация прибавочной стоимости и минимальные личные расходы капиталиста представлялись решающими условиями расширенного воспроизводства. Все, что мешало этому, рассматривалось как противоречащее «божественному промыслу» и общественному благу.

Эта сторона учения Кальвина была в своем завершенном виде сформулирована уже его преемниками, чем дальше, тем больше выдвигавшими на первый план утилитарные моменты и создавшими теорию о «мирском призвании» и «мирском аскетизме». Согласно этой теории, истинный кальвинист должен целиком отдаваться своей профессиональной деятельности, презирать наслаждения, комфорт, расточительность, быть бережливым и прижимистым хозяином. Если перед кальвинистом возникнет возможность приобрести посредством своей профессиональной деятельности большой доход, а он пренебрежет такой возможностью, то он совершит греховный поступок, уклонившись от своей «обязанности перед богом». В свете теории предопределения теряли свое значение благородство проис-

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 308.

хождения и сословные привилегии всякого рода, ибо не ими определялась предызбранность к спасению. Следовательно, буржуазия получила религиозное обоснование своих прав на руководящее положение в политической жизни общества в качестве наиболее преуспевающей его части.

Кальвинизм был в то же время и весьма гибкой формой воздействия на массы. Беднякам кальвинисты внушали, что, усердно работая на хозяина, ведя благочестивый и смиренный образ жизни, они достигнут успеха и заслужат благословение божие.

В соответствии с этими постулатами были перестроены жизнь и быт в кальвинистской Женеве. Число праздников было значительно сокращено. В оставшиеся праздничные дни предписывалось заниматься не играми, танцами и прочими развлечениями, не наряжаться в красивое платье, а в скромной, но опрятной одежде идти в церковь, а затем в семейном кругу предаваться отдыху, проводя его в чтении книг религиозного содержания, благочестивых беседах и занятиях. Церковные власти придирчиво контролировали исполнение всех этих предписаний и не стеснялись подвергать ослушников разного рода наказаниям.

Кальвинистская церковь

Первоначально Кальвин считал ненужным создавать свою особую церковную организацию. Однако потребности ведения борьбы против усиливавшегося натиска контрреформации и революционных плебейских ересей побудили Кальвина признать необходимость создания собственной церкви. В противоположность монархическому принципу построения католической церкви кальвинистская церковь строилась на республиканских основах. Во главе кальвинистской церковной общины стояли старшины (пресвитеры), которые избирались, а позднее кооптировались обычно из числа наиболее богатых светских лиц, и проповедники, произносившие проповеди религиозно-нравственного содержания. Проповедники не имели специального священнического сана. Это была их служебная обязанность (ministerium), отсюда и их название — министры.

Пресвитеры и министры в своей совокупности составляли консисторию, которая ведала религиозной жизнью общины и рассматривала все проступки членов общины против религии и морали. Позднее в других странах Европы консистории стали управлять всеми делами общины в целом. Вопросы, касавшиеся догматов кальвинизма, обсуждались и решались на особых собраниях министров — конгрегациях. Впоследствии конгрегации превратились в местные и общенациональные съезды представителей общин — синоды, задачей которых было бороться с ересями и охранять единство культа и вероучения. Такая организация кальвинистской церкви придавала ей большую сплоченность, гибкость и боеспособность.

Следует подчеркнуть, что кальвинистская церковь отличалась не меньшей нетерпимостью по отношению к радикальным сектантским учениям, чем католицизм к «еретикам». Казни в Женеве не были исключительным явлением. Так, в 1553 г. по настоянию Кальвина был сожжен на костре крупный испанский ученый-

гуманист Сервет, который отвергал учение о троичности бога (антитринитаризм), критиковал догматы кальвинизма и поддерживал связи с анабаптистами.

Политические взгляды Кальвина

Острая социально-политическая борьба угнетенных народных масс в Германии и Швейцарии, опыт Лютера, Цвингли и свой собственный показали Кальвину, сколь опасно без всяких оговорок взывать к Священному писанию и идеям раннего христианства, которые угнетенные массы понимали по-своему, усматривая в них обоснование собственных требований. Поэтому если, исходя из условий политической действительности Франции, где реформаты-гугеноты отстаивали право на самостоятельное существование в вооруженной борьбе с абсолютизмом, Кальвин первоначально выдвинул тезис о полном подчинении светских властей церкви, то неудачи и опыт первого периода реформационной деятельности в Женеве побудили его внести существенные коррективы. Он не только отказался от демократического устройства общины, создав церковную организацию, но и предоставил светским властям значительно большую, чем прежде, компетенцию.

Кальвин весьма осторожно подходил к трактовке проблем государства и социально-политического устройства общества. Он порицал князей, монархов и феодалов за их насилия, произвол, считал, что в тех случаях, когда государь или правительство устанавливают тиранический режим, попирают божеские законы и оскорбляют церковь, рано или поздно они испытают на себе карающую десницу божью, орудием которой могут стать их собственные подданные. В то же время всякое государственное устройство и власть, в том числе абсолютную феодальную монархию, Кальвин объявлял божественными. Право сопротивления тирании он признавал не за отдельными лицами, а за такими организациями, как церковь, или за представительными органами, например Генеральными штатами. При этом он считал, что сначала должны быть исчерпаны легальные формы борьбы и пассивное сопротивление; открытое восстание и активные выступления за свержение тирании допустимы лишь как исключение.

Демократию Кальвин считал «наихудшей формой правления», а лучшей — аристократическую, сводившуюся в те времена практически к олигархии. Правда, он допускал сочетание последней с «умеренной демократией». В соответствии с этим и политическая власть в Женеве чем дальше, тем больше сосредоточивалась в руках узкой группы лиц. Кальвин жестоко преследовал анабаптистов, а их требование ликвидации всех властей и установления общности имущества оценивал как «возмутительную дикость» и «присвоение чужого». Одновременно Кальвин допускал существование самой жестокой формы эксплуатации человека челевеком — рабства, находя этому оправдание в Священном писании и практике поработителей колониальных народов. Кальвинизм складывался, таким образом, в весьма стройную и последовательную систему взглядов буржуазии времен первоначального накопления.

Историческое значение Реформации в Швейцарии

Реформационное движение в Швейцарии было частью того социально-политического и идеологического движения, которое охватило в той или иной мере большинство европейских стран в XVI в. Историческое значение двух реформационных течений, исходивших из Швейцарии, неодинаково. Цвинглианство, порожденное местными условиями жизни городских кантонов, не вышло в основном за их пределы; оно постепенно утратило свой первоначальный боевой дух, превратилось в типичную бюргерскую реформацию, к тому же провинциально узкую и рутинную.

Иным был кальвинизм, вышедший на общеевропейскую арену и распространившийся в тех странах, где успешно развивался капитализм. Кальвинизм дал в руки поднимающегося класса буржуазии религиозно-философские и политические идеи, которые стали идеологией самой смелой части буржуазии мануфактурного периода. Под знаменем кальвинизма совершались Нидерландская буржуазная революция XVI в. и Английская буржуазная революция XVII в.

Кальвинизм вместе с тем отразил внутренние противоречия современной ему эпохи, классовую незрелость буржуазии мануфактурного периода, ограниченность ее роли как класса, хотя в тех условиях и прогрессивного, но способного лишь заменить одну форму эксплуатации человека человеком другой. Кроме того, кальвинизм, как и всякая религиозная идеология, освящающая эксплуататорский строй общества и внедряющая в сознание человека чувство бессилия перед стихийными законами развития общественных отношений, содержал в себе и реакционные моменты. Именно это и сделало кальвинизм приемлемым не только для буржуазии, но и для реакционных феодальных кругов некоторых стран Европы того времени. Отодвигая на задний план социально-этические и философские догмы кальвинизма, они использовали его республиканизм и организационные принципы для сплочения феодальной оппозиции укрепляющемуся королевскому абсолютизму. Так действовали во Франции дворянские или «политические» гугеноты, которых современники отделяли от гугенотов «религиозных», выходцев из буржуазии и городского плебса. Подобными же соображениями (а также стремлением к секуляризации церковно-монастырских имуществ) руководствовались некоторые князья Германии и реакционно-феодальные слои венгерского, польского и шотландского дворянства, становившиеся под знамя кальвинизма. Кальвинизм одержал победу первоначально в Женеве, что объясняется главным образом исторически сложившимся стечением обстоятельств. И сам Кальвин, и значительная часть (если не большинство) поддерживавшей его в Женеве политической партии были пришельцами, и они выдержали ожесточенную борьбу против консервативных слоев местного бюргерства.

Значение реформации для последующего социально-экономического развития подпавших под ее влияние кантонов было в основном положительным. Вторая половина XVI—XVII вв. ознаменовалась в них экономическим подъемом. В Цюрихе во второй половине

XVI в. сложилось процветавшее цеховое льноткачество с годовым производством до 192 тыс. «локтей», возникла рассеянная мануфактура в хлопчатобумажном деле и централизованная — в шелкоткачестве. В изготовлении легких шерстяных тканей было занято свыше тысячи одних только прядильщиц. В Базеле на предпринимательской основе развилось шелкоткачество и галантерейное производство, а от участия в посреднической транзитной торговле местные купеческие компании перешли к ведению крупных самостоятельных операций. В Женеве возникли рассеянные и централизованные мануфактуры в шерсто- и шелкоткачестве, а в XVII в.— в часовом деле, которое приобретало постепенно общеевропейскую известность. Организовывались большие торговые компании и быстро возникали крупные состояния. Во всех этих городах ведущую роль в большинстве отраслей производства играли реформаты-эмигранты из Италии, Франции и Фландрии. Сен-Галлен превратился в крупный центр экспортного цехового льноткацкого производства, продукция которого с 1524 по 1564 г. возросла с 7 до 19 тыс. кусков в год, и полотно отсюда шло почти во все европейские страны. Соответствующий прогресс отмечался и в развитии сельского хозяйства.

§ 2. ФЕОДАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ И КОНТРРЕФОРМАЦИЯ В ЕВРОПЕ

Предпосылки феодальной реакции и контрреформации

Несмотря на то что феодализму в Европе в XVI в. были нанесены ощутимые удары, феодальная реакция еще представляла собой большую силу и феодальный строй не изжил себя. После первых поражений, понесенных от буржуазной реформации и крестьянско-плебейских восстаний, феодальная реакция с 40-х годов XVI в. перешла в наступление в разных направлениях. Класс феодалов в целом, политическая надстройка в лице абсолютной монархии, укрепившие ценой взаимных уступок союз с католической церковью, повели натиск на экономический и правовой статус эксплуатируемых классов и сословий, а также против всех прогрессивных форм идеологии. В ряде случаев абсолютные монархии использовали отдельные стороны реформационного учения для проведения «королевской реформации» в целях собственного укрепления (галликанская реформа церкви во Франции, акт о суперматии королевской власти над церковью, секуляризация и создание так называемой епископальной церкви в Англии). Реакционно-сепаратистские круги дворянства также сумели использовать специфические черты лютеранства и кальвинизма в своих эгоистических интересах. С другой стороны, католическая церковь, реорганизовавшись, повела ожесточенное наступление против реформации повсюду, где последняя получила распространение или добилась успеха. Эта политика католической церкви, получившая название контрреформации, нашла наиболее яркое воплощение в деятельности вновь созданного Ордена иезуитов и в мероприятиях папства по осуществлению решений Тридентского собора.

Орден иезуитов

Основателем Ордена иезуитов («Общества Иисуса») был испанский дворянин среднего достатка Игнатий Лойола (1491—1556). Лишившись из-за тяжелого ранения возможности продолжать военную службу, этот католический фанатик и реакционер решил посвятить себя «служению Иисусу» и борьбе с ересью. После многолетнего изучения богословия сначала в Саламанкском университете, а затем в Сорбонне Лойола написал книгу под названием «Духовные упражнения», в которой излагались организационно-программные принципы «Общества Иисуса». Деятельность этого общества началась практически с 1534 г., хотя официально Орден иезуитов был учрежден в 1540 г. и с тех пор неизменно поддерживал тесную связь с папством.

Лойола был первым руководителем (генералом) ордена и создателем его устава. Формально высшим органом власти у иезуитов считалась генеральная конгрегация, состоявшая из высших сановников ордена, но фактически вся власть сосредоточивалась в руках генерала, при котором имелся совет из шести человек с совещательными правами. Иезуиты весь мир разделили на особые районы (провинции), включавшие обычно несколько стран. Эти провинции возглавляли иезуитские провинциалы, имевшие при себе также совещательные коллегии. Члены ордена, хотя они и давали, как все монахи, обет послушания, целомудрия и нестяжательства, жили не в тиши монастырских обителей, а в миру. Их главной обязанностью было находиться в центре общественной жизни и оказывать на нее такое влияние, какого требовали интересы католической церкви и указания руководителей ордена. Подчиненный «должен предоставить провидению, в лице своих начальников, так управлять собой, как если бы он был трупом»,— таково было основное требование, предъявлявшееся к каждому иезуиту.

Главными направлениями деятельности иезуитов были: воспитание подрастающего поколения в духе ортодоксального католицизма; проникновение во все слои общества и преимущественно в правящие его сферы с целью их подчинения воле и целям ордена и католической церкви; осуществление планов папской политики; борьба с ересями и распространение католицизма. В дальнейшем одной из основных целей иезуитов стало обеспечение материального преуспеяния ордена. Фанатичные, обладавшие змеиной изворотливостью иезуиты проникали в великосветские салоны, во дворцы коронованных особ, потакали их слабостям и порокам и, опутав их сетью интриг, подчинив своей воле, превращали в послушных исполнителей политики ордена и папства, не останавливаясь перед любыми провокациями и преступлениями. Для иезуита не существовало никаких моральных преград, когда дело касалось интересов ордена или выполнения его приказаний. Он не должен был останавливаться даже перед совершением «смертного греха», если того требовал начальник. Хитросплетениями софизмов и формальнологических словесных комбинаций он должен был уметь оправдать любой, самый отвратительный и аморальный поступок, если конечный его результат соответствовал интересам ордена. Хорошо поставлен-

ные иезуитские школы, исповедь, ухаживание за больными — все преследовало цели «уловления душ». Ничем не гнушались иезуиты, чтобы использовать набожность, пороки или невежество своих «агнцев» ради овладения их имуществом.

Одновременно иезуиты проникали в самую толщу обездоленных и угнетенных народных масс, выслеживали и выдавали инквизиции еретиков и «бунтовщиков». Они убеждали бедный люд в божественной предустановленности существующих порядков, в необходимости смирения и покорности, в «тщете и суетности» всего мирского. Их миссионеры энергично действовали в колониях, порабощенных европейскими завоевателями, и, любыми методами распространяя там христианство, освящали «словом божиим» рабство и свирепое физическое уничтожение аборигенов. За допускавшиеся злоупотребления, а то и преступления иезуитов нередко изгоняли не только из отдельных городов, но и стран. Однако они продолжали развивать свою активность.

Деятельность иезуитов продолжается и по сей день. Они имеют в своем распоряжении целую сеть школ в разных странах, в том числе в Азии и Америке. Как правило, в этих школах хорошо поставлена педагогическая система и работают весьма квалифицированные учителя, привлекаемые высокой оплатой.

Энергично работают иезуиты и в католических университетах, существующих во многих странах Европы, уделяя особое внимание теологическим факультетам. Все это делается в целях сохранения и распространения католицизма и «улавливания душ».

Тридентский собор

Успехи реформации показали необходимость проведения некоторых реформ и внутренних изменений в самой католической церкви сверху, без чего она не могла сохранить свою былую роль в христианском мире. Вместе с тем папская курия опасалась, что всякая более или менее существенная перестройка католической церкви может привести к торжеству реформационных идей, особенно в тех условиях, когда некоторые крупные князья церкви, епископы и аббаты склонны были признать отдельные догматы реформации, а то и вовсе принять ее, секуляризовать свои владения и превратиться в светских владетелей. В этих условиях церковные власти провели только некоторые половинчатые меры. Папство стало решительно пресекать нарушения духовенством ритуала богослужения и папских предписаний — декреталий. Были укреплены богословские факультеты университетов и церковные школы. В Риме создали центральный инквизиционный трибунал, главное учреждение по борьбе с ересями. Застенки инквизиции заполнились тысячами жертв, которые подвергались чудовищным пыткам с целью вынудить «признание» в ереси или отречение от нее. Был заведен «индекс запрещенных книг», куда и по сей день заносятся папством все книги прогрессивных и атеистически мыслящих авторов.

Большую роль в этих реакционных мероприятиях католической церкви сыграл Тридентский собор (церковный собор в городе Триденте, или по-итальянски Тренто), заседавший с перерывами с 1545

по 1563 г. Решающей была его последняя, третья сессия (1562—1563), на которой перевес оказался на стороне приехавших из Италии наиболее реакционных прелатов и иезуитов, получивших прозвище «ультрамонтан» («загорных»). Под их влиянием собор отверг все попытки отдельных его участников внести какие-либо существенные изменения в догматы и организацию католической церкви. Все сочинения протестантов и их учения были преданы анафеме. Иезуиты яростно отстаивали принцип верховенства папы над епископами, церковным собором, светскими властями и положение о «непогрешимости» папы, когда он с «кафедры» дает толкование вопросам веры. Однако догмат этот официально был принят лишь тремя веками позже, на Ватиканском соборе 1869—1870 гг., также под давлением иезуитов. Теократические притязания ультрамонтан заходили так далеко, что даже католические государи отвергли догмат о верховенстве папы по отношению к светским властям.

Значение Тридентского собора для последующей деятельности католической церкви было очень велико. Опираясь на его решения, папство укрепило все звенья церковной организации, преодолело догматические разногласия внутри католического духовенства, усовершенствовало методы пропаганды католицизма в тех странах, где в первой половине XVI в. одержала успехи реформация, организовало широкую миссионерскую деятельность в колониях.

Глава 27

ИСПАНИЯ В XVI И В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

После окончания Реконкисты весь Пиренейский полуостров, за исключением Португалии, был объединен под властью испанских королей. Испании принадлежали также Сардиния, Сицилия, Балеарские острова, Неаполитанское королевство и Наварра.

В 1516 г. после смерти Фердинанда Арагонского на испанский престол вступил Карл I. По матери (Хуане Безумной) он был внуком Фердинанда и Изабеллы, а по отцу (эрцгерцогу австрийскому Филиппу) приходился внуком императору Максимилиану I Габсбургу. От отца и деда Карл I унаследовал владения Габсбургов в Германии и Нидерланды. В 1519 г., прибегнув к подкупу, он стал императором Карлом V. Современники не без основания говорили, что в его владениях «никогда не заходит солнце».

Экономическое развитие Испании в XVI в.

Несмотря на политическое объединение Испании и рост ее могущества, отдельные районы страны по-прежнему резко различались как по своему социально-политическому строю, так и по уровню экономического развития.

Наиболее густонаселенными были области, входившие в Кастилию, где жили $^3/_4$ жителей полуострова. Как и в остальных областях страны, земля в Кастилии находилась в руках дворянства, католической церкви и духовно-рыцарских орденов. Основная масса кастильских крестьян была лично свободной. Они держали в наследственном пользовании земли духовных и светских феодалов, уплачивая за них денежный ценз. В наиболее благоприятных условиях были крестьяне-колонисты Новой Кастилии и Гранады, селившиеся на землях, отвоеванных у мавров. Они не только были лично свободны, но их общины располагали привилегиями и вольностями, сходными с теми, какими пользовались кастильские города.

Социально-политический строй Арагона с входившими в его состав Каталонией, Валенсией и Наваррой резко отличался от строя Кастилии. Здесь и в XVI в. сохранялись наиболее жесткие формы крепостной зависимости. Феодалы наследовали имущество крестьян и могли даже безнаказанно убивать своих крепостных. В Каталонии сохранялись работорговля и рабовладение.

Наиболее угнетенной и бесправной частью крестьян и городского населения как в Арагоне, так и в Кастилии были мориски — потомки мавров, принявшие христианство; они жили главным образом

в Гранаде, Андалусии и в окрестностях Севильи, а также в различных селениях Арагона и Кастилии. Мориски были оттеснены на малоплодородные земли, с которых уплачивали сеньору треть урожая. Кроме того, они облагались большими налогами в пользу государства и церкви, им было запрещено заниматься многими доходными промыслами. Мориски находились под бдительным надзором инквизиции, свирепо подавлявшей всякое проявление ереси или неповиновения. Несмотря на преследования, трудолюбивые мориски, обладавшие прекрасными техническими навыками и применявшие ирригацию, возделывали такие ценнейшие культуры, как оливы, виноград, сахарный тростник, тутовое дерево.

В начале XVI в. в связи с развитием производства в испанских городах и растущим спросом колоний на продукты питания в Испании наметился некоторый подъем сельского хозяйства. Отмечалось расширение посевных площадей под сельскохозяйственными культурами вокруг больших городов (Бургос, Медина дель Кампо, Вальядолид и Севилья). В виноделии отчетливо проявилась тенденция к интенсификации и капиталистической перестройке.

Однако перестройка хозяйства для удовлетворения запросов возросшего рынка требовала затраты средств. Она была под силу только зажиточной, крайне незначительной в Испании прослойке крестьян. Большинство крестьян было вынуждено прибегать к займам у городской буржуазии под заклад своих держаний с обязательством уплачивать ежегодно проценты в течение нескольких поколений (сверхценз). Это обстоятельство вместе с ростом государственных налогов приводило к увеличению задолженности основной массы крестьян, к потере ими земли. В деревне шел интенсивный процесс расслоения крестьян, который при благоприятных условиях мог бы привести к складыванию фермерской верхушки, к возникновению капиталистических форм производства в земледелии. Но вся экономическая и политическая структура Испании, где ведущая роль принадлежала реакционному дворянству и католической церкви, препятствовала такому пути развития хозяйства.

Налоговая система в Испании также стесняла развитие капиталистических элементов. Наиболее ненавистным налогом была алькабала — 10%-ный налог с каждой торговой сделки; кроме того, существовало еще огромное количество постоянных и чрезвычайных налогов, размеры которых на протяжении XVI в. все время возрастали, поглощая до 50% доходов крестьянина и ремесленника.

Тяжелое положение крестьян усугублялось также разными государственными повинностями (перевозка грузов для королевского двора и войска, постой солдат, поставки для армии и т. п.).

Испания была первой страной, испытавшей на себе воздействие революции цен. В течение XVI в. цены выросли в 3,5—4 раза. Уже в первой четверти XVI в. наблюдалось повышение цен на предметы первой необходимости и прежде всего на хлеб. Казалось бы, что это обстоятельство должно было способствовать росту товарности сельского хозяйства. Однако установленная в 1503 г. система такс (максимальных цен на зерно) искусственно удерживала цены на хлеб

на низком уровне, в то время как остальные продукты быстро дорожали. Это привело к сокращению посевов под зерновыми и падению производства зерна в середине XVI в.

Начиная с 30-х годов большинство районов страны ввозило хлеб из-за границы — из Франции и Сицилии. Привозной хлеб не подпадал под действие закона о таксах и продавался в 2—2,5 раза дороже, чем зерно, производимое испанскими крестьянами.

Ведущей отраслью хозяйства Кастилии в начале XVI в. стало перегонное овцеводство. Основная масса овечьих отар принадлежала привилегированной дворянской корпорации — Месте. Дворяне-овцеводы, входившие в этот союз, пользовались широким покровительством королевской власти. Дважды в год (весной и осенью) овцы перегонялись через всю страну по широким дорогам (каньядам), проложенным через поля, виноградники, оливковые рощи, причем крестьянам под страхом наказания запрещалось огораживать свои участки. Десятки тысяч овец двигались по стране, поедая корм на пастбищах, принадлежавших крестьянским общинам, и нанося огромный ущерб крестьянским хозяйствам. Специальная разъездная юстиция Месты зорко следила за тем, чтобы соблюдались все привилегии, полученные ею от королевской власти и с каждым годом увеличивавшиеся. Еще в конце XV в. Места получила право пасти свой скот на пастбищах общин, брать в постоянную аренду любой участок, на котором паслись овцы в течение сезона.

Основная часть шерсти, производимой Местой, шла за границу и была освобождена от алькабалы, а вывозные пошлины, особенно для шерсти, экспортировавшейся в Нидерланды, были невысоки. Таким образом, дворяне-овцеводы не страдали от разорительных налогов, которые всей тяжестью ложились на крестьянство и низшие слои горожан. В создавшихся условиях мелкое крестьянское хозяйство стало убыточным. Задолженность крестьян росла, они забрасывали свои земли, которые захватывала Места, и превращались в бродяг и нищих. Прогрессивные тенденции развития крестьянского хозяйства, связанного с товарно-денежными отношениями, подавлялись в самом зачатке уже в первой половине XVI в.

Завоевание колоний и невиданное расширение колониальной торговли на первых порах способствовали подъему ремесла в городах Испании и возникновению в нем отдельных элементов капиталистического производства. Это относится в первую очередь к традиционной отрасли испанского ремесла — производству шерстяных тканей. Наивысшего расцвета оно достигло в Сеговии, Толедо, Севилье, Сарагоссе, Барселоне и Валенсии. В главных центрах производства сукон — в Сеговии, Толедо, Севилье, Куэнке — возникли мануфактуры. Большое количество прядильщиков и ткачей в городах и их округе работали на скупщиков. Крупные мастерские Сеговии насчитывали по нескольку сот наемных рабочих.

Большой известностью из-за высокого качества и устойчивости красок пользовались в Европе испанские шелковые ткани. В этой отрасли сохранялось ремесленное производство; наиболее важными центрами его были Севилья, Толедо, Гранада, Валенсия.

Наличие в стране высококачественного сырья и высококвалифицированных ремесленников позволяло изготовлять дорогие сорта шерстяных и шелковых тканей, которые сравнительно мало потреблялись на внутреннем рынке и шли главным образом на экспорт, в то же время более грубые и дешевые ткани ввозились из Нидерландов и Англии. Отдельные города специализировались на производстве одного вида товаров. Так, например, в Куэнке изготовлялись суконные шляпы всех цветов, в Оканье — перчатки; эти товары также пользовались большим спросом за границей.

Второй очень важной отраслью хозяйства с зачатками уже в XVI в. мануфактурного производства была металлургия. Северные области Испании — Астурия, Галисия и страна Басков — славились в XV—XVI вв. наряду со Средней Германией как важнейшие центры металлургии. Добывавшаяся здесь железная руда служила сырьем для металлообрабатывающей промышленности; с давних времен было развито производство холодного оружия и металлических изделий, вывозившихся в другие области Испании. В XVI в. здесь возникло производство артиллерийских орудий и мушкетов. Однако местная промышленность не могла потребить всю производившуюся руду, и значительная ее часть вывозилась во Францию по дешевой цене.

Вообще северные провинции играли видную роль в испанском хозяйстве. До последней четверти XVI в. помимо металлургии там были развиты также кораблестроение, рыболовство. Бильбао считался главным портом, через который испанская шерсть экспортировалась в Нидерланды, Францию и Англию; отсюда же вывозилось железо. По своему оборудованию и обороту грузов Бильбао превосходил в начале XVI в. Севилью. Северные области были тесно связаны с районом Бургоса — складочным пунктом и местом первичной переработки поступавшей на экспорт шерсти. Вокруг оси Бургос — Бильбао развертывалась оживленная экономическая деятельность, связанная с торговлей Испании с Европой, и в первую очередь с Нидерландами.

Вторым старым экономическим районом Испании был район Толедо. Город славился выделкой сукон, шелковых тканей, производством оружия и обработкой кож.

Со второй четверти XVI столетия в связи с расширением колониальной торговли начинается возвышение Севильи. В 1503 г. она получила монопольное право торговли с колониями и быстро превратилась в крупнейший центр торговли, банковского дела и промышленности. В городе и в окрестностях возникли мануфактуры по производству сукон, керамических изделий, развилось производство шелковых тканей и шелка-сырца, быстро росло кораблестроение и отрасли, связанные со снаряжением флота. Плодородные долины в окрестностях Севильи и других южных городов превратились в сплошные виноградники и оливковые рощи.

Вино и оливковое масло стали главными статьями испанского экспорта в Америку. Вложение денег в колониальную торговлю давало прибыли в 3—4 раза больше, чем в других отраслях. Кроме

севильского купечества в колониальной торговле принимали участие купцы Бургоса, Сеговии, Толедо. Значительная часть купцов и ремесленников переселялась в Севилью из других районов Испании, прежде всего с севера. Быстро росло население Севильи: с 1530 по 1594 г. оно увеличилось в 2 раза.

Важнейшим центром внутренней торговли и кредитно-финансовых операций был город Медина дель Кампо. Ежегодные осенние и весенние ярмарки привлекали сюда купцов не только Испании, но и всех стран Европы. Здесь производились расчеты по крупнейшим внешнеторговым операциям, заключались соглашения о займах и поставках товаров в страны Европы и в колонии.

Таким образом, в первой половине XVI в. в Испании создалась благоприятная обстановка для развития промышленности и торговли. Колонии требовали большого количества товаров, а огромные средства, поступавшие в Испанию в результате ограбления Америки, давали возможности для накопления капитала. Первоначально это послужило толчком к экономическому равитию страны. Однако как в сельском хозяйстве, так и в области производства промышленных изделий и в торговле ростки новых, прогрессивных экономических отношений встречали жесточайшее сопротивление реакционных сил феодального общества. Развитие главной отрасли испанской промышленности — производства шерстяных тканей — сдерживалось экспортом значительной части шерсти в Нидерланды. Испанские города требовали ограничить экспорт сырья, чтобы понизить его цену на внутреннем рынке. Но тщетно: дворянство не хотело терять своих доходов и вместо сокращения экспорта шерсти добивалось издания законов, разрешавших ввоз иностранных сукон. Установление монополии Севильи на торговлю с колониями, дававшее огромные доходы казне и испанскому дворянству, привело к упадку экономики на севере страны.

Несмотря на экономический подъем первой половины XVI в. Испания оставалась отсталой аграрной страной. По сравнению с другими более развитыми странами уровень испанской промышленности и торговли был невысок. Особенно слаба была внутренняя торговля. Промышленные города имели свои рынки сбыта, связанные с внешней торговлей. Отдельные области страны оставались локально замкнутыми в хозяйственном отношении. Испания вывозила преимущественно сырье, а ввозила готовые изделия.

Государственный строй

Испанская монархия состояла из нескольких ранее самостоятельных королевств. Эти земли пользовались и после объединения значительной автономией. Кастилия, Арагон, Каталония, Валенсия, Наварра имели свои сословно-представительные учреждения — кортесы, своих вице-королей, многие вольности и привилегии, которые противоречили самому понятию единого централизованного государства. Так, Наварра, Каталония, Валенсия и Майорка располагали правом не допускать на свою территорию «иностранные», в том числе и кастильские, войска, а Арагон даже не считал себя обязанным защищать границы Кастилии от нападения внешнего врага.

Кортесы провинций состояли из представителей дворянства, духовенства и городов. Им принадлежало право решать важнейшие местные дела и вотировать налоги. В XVI в., по мере усиления абсолютизма, роль знати в кортесах Кастилии несколько уменьшилась и возросло значение городов. Во многих районах, особенно в Арагоне, очень сильна была власть феодалов. Крупные духовные и светские феодалы (гранды) сохраняли судебную власть над населением многих сельских местностей и располагали сеньориальными правами над некоторыми городами. Таким образом, значительная часть государственных прерогатив оставалась в Испании в руках сепаратистски настроенной феодальной знати.

Что же касается городов, то они, несмотря на значительные успехи в развитии промышленности и торговли, во многом сохраняли свой прежний облик. Это были средневековые коммуны, где у власти стояли патрициат и зажиточное бюргерство, господствовавшие в городских магистратах и занимавшие должности рехидоров (городских советников) и алькальдов (судей), которые обычно продавались государством. Многие состоятельные горожане приобретали за деньги дворянский титул — «идальгию».

Города ревниво оберегали свои средневековые вольности, но в то же время они решительно поддерживали королевскую власть в ее борьбе с произволом грандов, а иногда и крестьянство, выступавшее за сохранение своих старинных прав и привилегий. Между грандами и городами по-прежнему существовали ярко выраженные противоречия, которые использовала королевская власть для укрепления своего авторитета.

Обострение положения в стране. Начало правления Карла V

Стремясь к созданию «всемирной империи», Карл V рассматривал Испанию прежде всего как источник финансовых средств и людских контингентов для армии. Продолжая политическую линию своих предшественников, он всемерно укреплял централизованный бюрократический аппарат, привлекая в него значительное число близких ему фламандцев, насаждал абсолютистские порядки.

Налоговый гнет сильно возрос. Выборы на императорский престол в Германии, агрессивная политика в Европе требовали огромных денег. Карл V вводил все новые и новые налоги, а также брал принудительные займы у городов.

Такая политика королевской власти встретила оппозицию различных слоев населения Испании. Гранды были озлоблены как принижением их роли в кортесах, так и подавлением сепаратистских выступлений и нарушением вольностей. Города, власть в которых находилась в руках средневекового бюргерства и грандов, также очень болезненно воспринимали учащавшиеся вторжения королевского абсолютизма в их привилегии и появление все новых поборов и принудительных займов. Брожение распространялось и среди городского плебса, на плечи которого падала основная тяжесть налогов в городах. Волновалось кастильское крестьянство. Места и гранды во все больших размерах захватывали общинные

земли крестьян. Кроме того, на захваченных коронных землях гранды резко увеличили размеры податей с крестьян и стремились еще больше ограничить привилегии общин. Недовольство было всеобщим, в стране назревали крупные события.

В начале 1520 г. собрались кастильские кортесы. Оппозиция резко выступила против короля. Карл получил нужную ему субсидию только после того, как согласился на требования кортесов и обещал не вывозить из страны денег, не давать должностей иностранцам и ставить в свое отсутствие во главе государства человека, облеченного доверием кортесов. Лишь 9 городов из 16 голосовали за субсидии. Тем не менее вопреки обещаниям Карл оставил своим наместником непопулярного в Испании епископа Утрехтского, кардинала Адриана, и 20 мая 1520 г. покинул Испанию.

Восстание городских коммун Кастилии («комунерос»)

Тотчас же после отъезда Карла началось восстание кастильских городов, известное под названием восстания «комунерос».

Возглавил восстание город Толедо; отсюда вышли главные вожди движения — Хуан де Падилья и Педро Ласо де ла Вега. Ласо, близкий к Гусманам, крупнейшим феодалам Испании, был одним из значительных людей Кастилии. Среди восставших было много дворян, вступивших в союз с городскими коммунами, где преобладающее положение занимали бюргерство и патрициат. Союз дворянства и городов был непрочен, так как их интересы были во многом противоположны. Кастильские города, в частности, добивались отмены монополии знати на торговлю некоторыми видами съестных припасов, а также сеньориальных прав грандов по отношению к городам и прилегающей к ним округе, выступали против захватов грандами муниципальных земель, против налоговых привилегий дворянства и духовенства. Еще один важный пункт разъединял города и дворянство: города настаивали на том, чтобы расхищенные грандами коронные земли были возвращены короне. Они правильно рассчитывали, что увеличение доходов короны может несколько уменьшить ее потребность в субсидиях и ненавистной алькабале, которая подтачивала торговлю и промышленность.

В начале восстания гранды, униженные уже и в предыдущие царствования, а ныне оттесненные советниками короля — фламандцами, выступили вместе с городскими коммунами Кастилии. Движение захватило значительную часть кастильских городов. Попытки кардинала-наместника подавить восстание привели лишь к тому, что к восставшим городам присоединились новые. Сеговия и Толедо всюду рассылали своих агентов, предлагая организовать конфедерацию и прислать своих представителей в Авилу, где 29 июля 1520 г. собралась «святая хунта», т. е. представители союза городов. Члены хунты присягнули положить свою жизнь «за короля и коммуну», сместили коррехидоров, представителей королевской власти в городах, и провозгласили командующим всеми вооруженными силами союза Хуана де Падилья. Кардинал-наместник был объявлен низложенным, и хунта овладела высшей властью в стране.

Кроме аристократии и заинтересованной в неприкосновенности средневековой независимости городской верхушки, состоявшей также в значительной части из дворян, в движении принимали участие и более широкие слои горожан — купечество и ремесленники, особенно в таких промышленных городах, как Толедо, Сеговия, Куэнка и др. Восстание охватило район, где находились важнейшие центры испанского сукноделия. Наиболее активными участниками борьбы были поденщики, мойщики, чесальщики шерсти. Одним из требований восставших было запрещение ввоза тканей из Нидерландов. Под их влиянием осенью 1520 г. была составлена петиция восставших, отправленная Карлу. Важнейшие требования, содержавшиеся в петиции, гласили: король должен жить в Кастилии (против отъезда Карла в Германию); должности могут занимать только испанцы (против фламандских советников Карла); депутаты кортесов должны оплачиваться избирателями (против возможности подкупа со стороны правительства); кортесы должны собираться каждые три года; деньги не должны вывозиться за границу. Вместе с тем кортесы включили в петицию ряд новых требований, направленных против грандов и дворянства: королевские домены должны быть возвращены короне; «вредные привилегии» дворян должны быть ликвидированы; муниципальные должности не должны быть доступны для дворян; дворянские земли должны подлежать налоговому обложению.

Петиция свидетельствовала о расколе в среде восставших, начался отход знати и дворянства от движения. Не было единодушия и в среде горожан. Города заботились не столько об объединении своих сил в борьбе с правительством, сколько о защите каждым из них своих вольностей и привилегий. Во многих крупных городах началось движение плебса против городского патрициата и богатых купцов. В Бургосе, Саморе, Саламанке, Авиле, Медине дель Кампо власть захватили ремесленники. Быть может этим объясняется и то, что города Андалусии воздерживались от участия в движении. Зажиточные горожане в Гранаде заявили, что, как ни справедливы требования восставших, результаты движения таят в себе опасность нарушения торговли, возможность господства людей «низкого положения, не обладающих ни опытом, ни благоразумием», которые стали ныне правителями, тогда как «добрые граждане подвергаются невероятным оскорблениям».

По мере развертывания движения все резче проявлялся его антидворянский характер. К нему присоединились широкие слои кастильского крестьянства, которое отстаивало свои права от натиска феодальной знати и поддерживало требование городов о возврате грандами коронных земель. Для крестьян домениальных земель это означало восстановление прежнего правового статуса, гораздо более благоприятного, чем порядки, установленные грандами.

Таким образом, восстание «комунерос», начатое феодально-сепаратистскими элементами, в дальнейшем развитии приобрело антифеодальный характер. В манифесте 10 апреля 1521 г. хунта провозгласила, что она впредь будет вести войну огнем, мечом и разоре-

нием против грандов, дворян и других врагов королевства, против их имущества и жилищ.

Тогда гранды и дворянство резко повернули фронт и из участников восстания перешли в стан его врагов. В хунте осталась лишь незначительная группа дворян, слишком сильно скомпрометировавших себя в глазах правительства или имевших особые с ним счеты. В связи с этим изменился и руководящий состав хунты, в котором все большую роль стали играть средние слои горожан.

Правительство использовало эти перемены. Ему удалось перетянуть на свою сторону подавляющее большинство дворянства и городской знати, и 23 апреля 1521 г. у Вильялара войска кардинала-наместника нанесли поражение войскам хунты. Падилья и другие командиры были захвачены в плен, равно как и значительная часть их армии (около 10 тыс. человек). Вождей обезглавили. Некоторое время держался Толедо, где действовала жена Хуана де Падилья — Мария Пачеко. Несмотря на голод и болезни, поразившие город, городские низы держались стойко, а Мария Пачеко надеялась на помощь французского короля Франциска I. Но она в конце концов была вынуждена искать спасения в бегстве.

В октябре 1522 г. в Испанию вернулся Карл в сопровождении 4-тысячного отряда наемников, однако эти войска уже не понадобились. В ноябре 1522 г. Карл даровал амнистию участникам восстания, за исключением наиболее активных 270 человек.

Восстание в Валенсии и на острове Майорка

Одновременно с восстанием «комунерос» в Кастилии и в связи с ним разгорелась ожесточенная классовая борьба в Валенсии и на острове Майорка. Причины восстания в Валенсии были в основном те же, что и в Кастилии, но положение здесь обострилось тем, что гранды, овладев органами самоуправления в Валенсии и в зависевших от нее городах, превратили городские магистраты в орудия своей реакционной политики и беспощадного ограбления ремесленного населения, городской бедноты и окрестного крестьянства, что вызвало возмущение народных масс.

Однако по мере развития и углубления восстания городское бюргерство изменило ему, как и в Кастилии, опасаясь, что будут затронуты его собственные интересы. Внеся разложение в ряды восставших, руководители бюргерства уговорили часть их капитулировать перед войсками вице-короля, подступившими к стенам города. Восстание это было подавлено, а его руководители казнены.

В 1521 г. началось восстание на острове Майорка. Наряду с горожанами довольно широкое участие в нем приняло феодально-эксплуатируемое крестьянство. Восставшие с самого начала оказались разделенными на две группы — умеренную, состоящую из зажиточного бюргерства, и радикальную, к которой принадлежали городской плебс и крестьянство. Первая группа требовала лишь облегчения налогов, прекращения злоупотреблений грандов и городских властей. Крестьянско-плебейская партия выдвигала более смелые требования — полное устранение знати от городского управления, физическое ее истребление и раздел имущества богачей.

Вооруженные отряды городского плебса и крестьян штурмовали замки грандов, истребляли судейских и финансовых чиновников, преследовали католическое духовенство. В октябре 1523 г. к острову прибыла королевская эскадра, высадившая экспедиционную армию. Началась осада столицы — города Пальма, которая сдалась в январе 1524 г. За ней капитулировали и другие города. Жестокой расправе подверглись сотни участников движения.

Причины и последствия поражения движения «комунерос»

Движение «комунерос» было весьма сложным по своему характеру. Начатое реакционными грандами и средневековым бюргерством, оно быстро распалось из-за острых противоречий между этими группами. На данной стадии в основе движения, по словам Маркса, «лежала защита вольностей средневековой Испании против притязаний современного абсолютизма»[1].

Уничтожение королевской властью городских вольностей и средневековой суверенности городов нисколько не помешало в других странах Европы развитию капиталистического хозяйства и буржуазии как класса в значительной мере под покровительством самой абсолютной монархии. В Испании дело приняло иной оборот. Развернувшиеся события свидетельствовали о том, что бюргерство еще не достигло той ступени развития, когда оно уже могло променять городские вольности на удовлетворение своих интересов как нарождающегося класса буржуазии. Городские низы были политически слабы и плохо организованы. В восстаниях в Кастилии, в Валенсии и на Майорке испанское бюргерство вело себя еще как средневековое сословие. Оно не имело ни программы, способной объединить хотя бы временно народные массы, ни желания вести решительную борьбу с феодализмом в целом.

Оценивая причины поражения восстания «комунерос» в Кастилии, Маркс писал: «Различные обстоятельства благоприятствовали укреплению зарождавшегося абсолютизма. Недостаток единства между провинциями парализовал их разрозненные усилия; однако главную услугу Карлу оказал резкий классовый антагонизм между дворянами и горожанами, который помог ему ослабить тех и других»[2].

В восстании «комунерос», особенно на втором его этапе, значительного размаха достигло антифеодальное движение городского плебса и крестьянства. Однако в существовавших в то время в Испании социальных условиях движение широких народных масс не могло быть успешным.

Поражение восстания имело самые отрицательные последствия для дальнейшего развития Испании. Крестьянство Кастилии было отдано в полную власть реакционным грандам; движение горожан было разгромлено; тяжелый удар был нанесен и зарождавшейся буржуазии; подавление плебейского движения оставило города беззащитными перед все возраставшим грабежом со стороны королевского фиска.

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 10, с. 426.
[2] *Там же*, с. 430.

Отныне не только деревня, но и город подвергались ограблению со стороны паразитического испанского дворянства. Такой политический курс испанского абсолютизма вполне удовлетворял запросам подавляющего большинства испанских феодалов, и они сплотились вокруг королевской власти. Верхушка феодально-сепаратистской аристократии оказалась изолированной. Оппозиционные гранды были удалены из кортесов. В качестве депутатов от городов все чаще стали назначаться дворяне, верные слуги короля, которые меньше всего беспокоились о нуждах представляемых ими городов. Сами заседания кортесов созывались теперь не чаще одного раза в 3—4 года. Кортесы стали послушным орудием в руках королевской власти.

Начало упадка Испании. Филипп II

Карл V провел жизнь в походах и почти не бывал в Испании. Войны с турками, нападавшими на испанскую державу с юга и на владения австрийских Габсбургов с юго-востока, войны с Францией за преобладание в Европе и особенно в Италии, войны со своими собственными подданными — протестантскими князьями в Германии — занимали все его царствование. Грандиозный план создания мировой католической империи рухнул, несмотря на многочисленные военные и внешнеполитические успехи Карла. В 1555 г. Карл V отказался от престола и передал Испанию вместе с Нидерландами, колониями и итальянскими владениями своему сыну Филиппу II (1555—1598).

Филипп не был сколько-нибудь значительным человеком. Малообразованный, ограниченный, мелочный и жадный, крайне упорный в преследовании своих целей, король был глубоко убежден в непоколебимости своей власти и тех принципов, на которых эта власть покоилась,— католицизма и абсолютизма. Угрюмый и молчаливый, этот канцелярист на троне всю жизнь провел взаперти в своих покоях. Ему казалось, что бумаг и предписаний достаточно для того, чтобы знать все и распоряжаться всем. Как паук в темном углу, он ткал незримые нити своей политики. Но эти нити рвались от прикосновения свежего ветра бурного времени: его армии часто бывали биты, его флоты шли ко дну, и он с грустью должен был признать, что «еретический дух способствует торговле и процветанию». Это не помешало ему заявить: «Я предпочитаю вовсе не иметь подданных, чем иметь в качестве таковых еретиков».

Оставив старые резиденции испанских королей Толедо и Вальядолид, Филипп II устроил свою столицу в маленьком городке Мадриде, на пустынном и бесплодном кастильском плоскогорье. Неподалеку от Мадрида был сооружен мрачный дворец-усыпальница — Эскориал, которому суждено было стать гробницей великого прошлого Испании. В стране свирепствовала феодально-католическая реакция и инквизиция.

Были приняты суровые меры против морисков, многие из которых продолжали втайне исповедовать веру своих отцов. На них особенно свирепо обрушилась инквизиция, принуждая отказаться от национальных обычаев и языка. В начале царствования Филиппа II был принят ряд законов, усиливавших преследования. Доведенные

до отчаяния мориски в 1568 г. восстали под лозунгом сохранения халифата. С большим трудом правительству удалось подавить восстание. В городах и селениях морисков было поголовно истреблено все мужское население, женщины и дети проданы в рабство. Оставшихся в живых морисков изгнали в бесплодные районы Кастилии, где они были обречены на голод и бродяжничество. Кастильские власти беспощадно преследовали морисков, инквизиция массами сжигала «отступников от истинной веры».

Жестокое угнетение крестьян и общее ухудшение экономического положения страны вызывали неоднократные крестьянские восстания. Одним из самых сильных было восстание в Арагоне в 1585 г. Политика беззастенчивого ограбления Нидерландов и резкого усиления религиозных и политических преследований привела в 60-х годах XVI в. к восстанию нидерландцев, переросшему в буржуазную революцию и освободительную войну против Испании.

Экономический упадок Испании в XVI—XVII вв.

Начиная с середины XVI в. и в XVII в. Испания переживала длительный экономический упадок, который охватил сначала сельское хозяйство, затем промышленность и торговлю. Говоря о причинах упадка сельского хозяйства и разорения крестьян (начало упадка сельского хозяйства относится к середине XVI в.), источники подчеркивают три из них: тяжесть налогов, существование максимальных цен на хлеб и злоупотребления Месты. В связи с тем что Места находилась под покровительством короля, а членами ее были крупнейшие духовные и светские сеньоры, ей удалось добиться в XVI в. значительного расширения своих привилегий. Были установлены фиксированные размеры арендной платы за пастбища. Крестьянские общины не могли расторгнуть заключенные ранее соглашения об аренде, так как существовал закон, по которому земли, арендованные членом Месты, закреплялись за ним навечно и могли передаваться только от одного члена Месты к другому. Ряд указов запрещал распашку пустошей и пастбищ. Значительно возросли права разъездных судебных чиновников Месты. Им было предоставлено право разбирать все конфликты с крестьянами без участия представителей крестьянских общин и городов. Таким образом, во всех спорных делах Места являлась и судьей, и ответчиком. Крестьяне сгонялись со своих земель, общины лишались своих пастбищ и лугов, что приводило к упадку животноводства и сокращению посевов. Страна переживала острый недостаток продуктов питания, что еще больше взвинчивало цены.

Во второй половине XVI в. в Испании продолжала усиливаться концентрация земельной собственности в руках крупнейших феодалов. Почти вся Эстремадура оказалась в руках двух крупнейших феодальных сеньоров. Андалусия стала владением четырех крупнейших магнатов. Все дворянские владения пользовались правом майората, т. е. передавались по наследству лишь старшему сыну, огромные пространства неотчуждаемых земель принадлежали церкви. Купить землю было очень трудно. Привозимые из Нового Света драгоценные металлы попадали в руки дворян, в связи с чем полно-

стью пропадала заинтересованность последних в хозяйственном развитии своей страны. Это определило не только упадок сельского хозяйства, но и производства тканей. Уже в начале XVI в. в Испании наблюдалось разрушение ремесла и массовое разорение ремесленников. Эти явления были характерны в то время и для других стран, но там процесс разорения непосредственных производителей в городах сопровождался ростом мануфактур, усилением позиций капиталистических предпринимателей.

В Испании мануфактуры также стали возникать в первой половине XVI в., но они были немногочисленными и, главное, не получили дальнейшего развития. Наиболее крупным центром мануфактурного производства была Сеговия. Уже в 1573 г. кортесы жаловались на упадок производства шерстяных тканей в Толедо, Сеговии, Куэнке и других городах. Подобные жалобы понятны, так как, невзирая на растущий спрос американского рынка, ткани, изготовленные за границей из испанской шерсти, стоили дешевле, чем испанские. Можно было бы уменьшить стоимость производства путем проведения системы протекционистских мероприятий и снижения цен на сельскохозяйственные продукты и сырье внутри страны, запретив их вывоз. Когда такого рода мероприятия можно было осуществить за счет крестьянства, королевская власть пыталась это сделать, установив максимальные цены на хлеб. Но производство основного вида сырья — шерсти — находилось в руках дворянства, которое не хотело терять своих доходов, получаемых от высоких цен в самой Испании и за границей. Несмотря на неоднократные просьбы городов сократить экспорт шерсти, он постоянно возрастал и увеличился с 1512 по 1610 г. почти в 4 раза.

В этих условиях дорогие испанские ткани не могли выдержать конкуренции с более дешевыми иностранными, и испанская промышленность теряла рынки сбыта в Европе, в колониях и даже в собственной стране. Торгово-промышленные Нидерланды рассматривались Испанской монархией как часть Испанского государства. Пошлины на ввозимую туда шерсть, хотя и повысились в 1558 г., были в 2 раза ниже обычных, а ввоз готовых фламандских сукон осуществлялся на более льготных условиях, чем из других стран. Все это имело самые пагубные последствия для испанской мануфактуры; испанское купечество изымало свои капиталы из мануфактуры, так как участие в колониальной торговле иностранными товарами сулило ему большие прибыли.

К концу века на фоне углубляющегося упадка сельского хозяйства и промышленности продолжала процветать только колониальная торговля, монополия которой по-прежнему принадлежала Севилье. Наивысший ее подъем относится к последнему десятилетию XVI и первому десятилетию XVII в. Однако, поскольку испанские купцы торговали преимущественно товарами иностранного производства, золото и серебро, привозившиеся из Америки, в Испании не задерживалось, оно утекало в другие страны в уплату за товары, которыми снабжалась сама Испания и ее колонии.

Острее всего экономический упадок сказался на хозяйстве северных областей Испании. Испанское железо, выплавляемое на древесном угле, вытеснялось на европейском рынке более дешевым английским и лотарингским, при изготовлении которого стал применяться каменный уголь. Металлические изделия и снаряжение для армии Испания теперь привозила из Италии и немецких городов.

Северные города были лишены права торговать с колониями; на их суда возлагалась только охрана караванов, направлявшихся в колонии и обратно, что привело к упадку кораблестроения, особенно после того, как восстали Нидерланды и резко сократилась торговля по Балтийскому морю. Окончательный удар нанесла гибель «Непобедимой Армады» (1588), в составе которой было много судов из Бискайи. Население Испании все больше устремлялось на юг страны и эмигрировало в колонии.

Государство испанского дворянства, казалось, делало все для того, чтобы расстроить торговлю и промышленность своей страны. Колоссальные суммы тратились на военные предприятия и армию, увеличивались налоги, неудержимо возрастал государственный долг. Еще при Карле V Испанская монархия сделала большие займы у немецких банкиров Фуггеров, которым в счет погашения долга были переданы доходы с земель духовно-рыцарских орденов Сант-Яго, Калатравы и Алькантары (гроссмейстером которых являлся король Испании). Затем в руки Фуггеров попали богатейшие ртутно-цинковые рудники Альмадена; они же получили льготы на ввоз готовых изделий и вывоз сырья. В конце XVI в. 51—62% расходов казны поглощала выплата процентов по государственному долгу. Филипп II несколько раз объявлял государственное банкротство, правительство теряло кредит и для получения в долг новых сумм должно было предоставить генуэзским, немецким и другим банкирам право сбора налогов с отдельных областей и другие источники доходов, что еще больше увеличивало утечку драгоценных металлов из Испании.

Выдающийся испанский экономист второй половины XVI в. Томас Меркадо писал о засилье иностранцев в экономике страны: «Нет, не могли, не могли испанцы спокойно смотреть на процветающих на их земле иностранцев; лучшие владения, богатейшие майораты, все доходы короля и дворян находятся в их руках. Они входят в дома жителей, чтобы собрать налоги и алькабалу, они притесняют их и описывают за долги их имущество. Какая зависимость может быть большей?.. Во Фландрии, Венеции, Риме — в провинциях, лишенных драгоценных металлов, имеется такое количество прибывающих из Севильи денег, что крыши можно крыть золотыми эскудо». Маркс отмечал, что Испания была одной из первых стран, вступивших на путь первоначального накопления, однако специфические условия социально-экономического развития, в которых этот процесс протекал, помешали Испании уже в XVI в. пойти по пути капиталистического развития. Огромные средства, получаемые от ограбления колоний, не использовались для создания капиталистических форм хозяйства, а шли на непроизводительное потребление феодального класса. В сере-

дине века 70% всех доходов казны поступало из метрополии и 30% давали колонии. К 1584 г. доходы от метрополии составили 30%, а от колоний — 70%.

Золото Америки, протекая через Испанию, стало важнейшим рычагом первоначального накопления в других странах. В самой же Испании начавшийся в XVI в. процесс капиталистического развития приостановился. Разложение феодальных форм в промышленности и сельском хозяйстве не сопровождалось прочным становлением прогрессивного капиталистического способа производства. Это и явилось причиной экономического упадка страны. Одной из особенностей Испании XVI в. была слабость буржуазии, которая в XVII в. не только не окрепла, но совершенно разорилась.

Испанское дворянство, наоборот, было очень сильно. Дворянство жило исключительно грабежом народа своей страны и народов зависимых от Испании провинций и колоний. Внутри него не сложилось такой группы, как английское «джентри» или французское «дворянство мантии». Это нашло свое отражение в тех особенностях, которыми отличался испанский абсолютизм от абсолютных монархий других стран Европы.

Испанский абсолютизм

Исторически испанский абсолютизм сложился в такой период, когда «аристократия приходила в упадок, сохраняя свои худшие привилегии, а города утрачивали свою средневековую власть, не приобретая значения, присущего современным городам» [1]. Это придало Испанской абсолютной монархии весьма своеобразный характер. Централизованный и подчиненный единоличной воле монарха или его всесильных временщиков государственный аппарат обладал значительной долей самостоятельности, но отличался от аппаратов абсолютных монархий Франции и Англии тем, что опирался совсем на другую экономическую социальную и политическую базу.

По мере упадка торговой и промышленной деятельности городов внутренний обмен сокращался, ослабевало общение жителей разных провинций между собой, пустели торговые пути. Ослабление экономических связей обнажило старые феодальные особенности каждой области, воскрешался средневековый сепаратизм городов и провинций страны. Это дало основание Марксу сравнить абсолютную монархию в Испании с Турецкой империей. «Испания, — писал Маркс, — подобно Турции, оставалась скоплением дурно управляемых республик с номинальным сувереном во главе» [2].

В сложившихся условиях в Испании не выработался единый национальный язык, сохранились обособленные этнические группы: каталонцы, галисийцы и баски говорили на своих языках, отличных от кастильского диалекта, который составил основу литературного испанского языка. Абсолютная монархия в Испании не смогла стать объединяющим началом общества.

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 10, с. 432.
[2] *Там же.*

Внешняя политика Филиппа II

Упадок скоро обнаружился и во внешней политике Испании. Еще до вступления на испанский престол Филипп II был женат на английской королеве Марии Тюдор. Карл V, устроивший этот брак, мечтал не только восстановить католицизм в Англии, но и, соединив силы Испании и Англии, продолжить политику создания всемирной католической монархии. В 1558 г. Мария умерла, а брачное предложение, сделанное Филиппом новой королеве Елизавете, было отвергнуто, что диктовалось политическими соображениями. Англия не без оснований видела в Испании свою самую опасную соперницу на море. Воспользовавшись Нидерландской революцией и войной за независимость, Англия всячески стремилась обеспечить свои интересы в Нидерландах в ущерб испанским, не останавливаясь перед открытым вооруженным вмешательством. Английские корсары и адмиралы Елизаветы грабили испанские суда, возвращавшиеся из Америки с грузом драгоценных металлов, блокировали всю торговлю северных городов Испании.

Испанский абсолютизм поставил перед собой задачу сокрушить это «еретическое и разбойничье гнездо», а в случае успеха — и завладеть Англией. Задача стала казаться вполне осуществимой после того, как к Испании была присоединена Португалия (после смерти последнего представителя царствующей династии). Заручившись поддержкой португальской знати и иезуитов, Филипп II направил в Португалию большое войско под командованием герцога Альбы, который занял Лиссабон. В апреле 1581 г. португальские кортесы провозгласили Филиппа II своим королем. Вместе с Португалией под власть Испании перешли и португальские колонии в Ост- и Вест-Индии. Подкрепленный новыми ресурсами Филипп II стал поддерживать в Англии католические круги, интриговавшие против королевы Елизаветы и выдвигавшие вместо нее на престол католичку — шотландскую королеву Марию Стюарт. Но в 1587 г. заговор против Елизаветы был раскрыт, а Мария была обезглавлена.

Англия направила к Кадису эскадру под командованием адмирала корсара Дрейка, который, ворвавшись в порт, уничтожил испанские суда (1587). Это событие послужило началом открытой борьбы между Испанией и Англией. Испания приступила к снаряжению огромной эскадры, которая должна была завоевать Англию. «Непобедимая Армада» — так называли испанскую эскадру — отплыла из Коруньи к берегам Англии в конце июня 1588 г. Это предприятие закончилось катастрофой. Гибель «Непобедимой Армады» была страшным ударом, нанесенным престижу Испании и подорвавшим ее морское могущество. Англия же сразу выдвинулась как первоклассная морская держава.

Эта неудача не помешала Испании совершить еще одну политическую ошибку — вмешаться в гражданскую войну, кипевшую во Франции. В 1589 г. был убит последний король из династии Валуа Генрих III; его преемником стал глава гугенотов Генрих IV Бурбон. Испания поддерживала католические круги во Франции, не желавшие признавать Бурбона королем, но и в этом случае ее постиг-

ла неудача: вмешательство Испании пошло даже на пользу Генриху IV, в котором большинство французов видело представителя национальной власти, защитника Франции. Когда Генрих IV принял католичество и Париж открыл ему ворота, дело Испании было проиграно окончательно.

Не слишком много победных лавров принесла Испании и ее борьба с турками. Турецкая опасность, нависшая над Европой, стала особенно ощутимой с момента захвата турками большей части Венгрии и угрозы турецкого флота Италии. В 1564 г. турки блокировали Мальту. Лишь с большим трудом удалось спасти остров. В 1571 г. соединенный испанско-венецианский флот под командованием побочного сына Карла V дона Хуана Австрийского нанес решительное поражение турецкому флоту в заливе Лепанто. Однако победители не сумели воспользоваться плодами своего успеха; даже Тунис, захваченный доном Хуаном, вновь перешел к туркам.

К концу своего царствования Филипп II должен был признать, что почти все его широкие планы потерпели крушение, а морское могущество Испании сломлено. Северные провинции Нидерландов отложились от Испании. Государственная казна была пуста. Страна переживала тяжелый экономический упадок.

Испания к началу XVII в.

С вступлением на престол Филиппа III (1598—1621) начинается длительная агония Испании. Этот король, как и все последние Габсбурги, носил на себе черты физического вырождения. Нищей и обездоленной страной управлял фаворит Лерма и его присные. Мадридский двор поражал современников пышностью и расточительностью, в то время как народные массы изнемогали под непосильным бременем налогов и бесконечных поборов. Даже послушные во всем кортесы, к которым король обращался за новыми субсидиями, вынуждены были заявить, что платить нечем, так как страна вконец разорена, торговля убита алькабалой, промышленность в упадке, а города опустели. Из американских колоний все меньше и меньше приходило галеонов, нагруженных драгоценными металлами, но и этот груз становился добычей английских и голландских пиратов или же попадал в руки банкиров и ростовщиков, ссужавших под огромные проценты испанскую казну.

Изгнание морисков

Реакционный характер испанского абсолютизма выражался во всех его действиях. Одним из ярких примеров этого явилось изгнание морисков из Испании. В 1609 г. по требованию архиепископа Валенсии в интересах католицизма был издан эдикт, согласно которому мориски подлежали изгнанию из страны. В течение трех дней под страхом смертной казни они должны были сесть на суда и отправиться в Берберию, имея при себе только то, что могли унести на руках. По пути к портам многие беженцы были ограблены и убиты. В горных районах мориски оказали сопротивление, что ускорило трагическую развязку. К 1610 г. из Валенсии было выселено до 150 тыс. человек. Той же участи подверглись мориски Арагона, Мурсии, Андалусии и других провинций. Всего было изгнано около 500 тыс. человек, не считая жертв инквизиции и лиц, убитых во время изгнания. Таким образом Испании и

ее производительным силам был нанесен еще один удар, который только ускорил и углубил ее дальнейший экономический упадок.

Внешняя политика Испании в XVII в.

Несмотря на бедность и запустение страны, Испанская монархия сохранила унаследованные от прошлого претензии играть руководящую роль в европейских делах. Крушение всех завоевательных планов Филиппа II не отрезвило его преемника. Когда Филипп III вступил на престол, война в Европе еще продолжалась. Англия действовала в союзе с Голландией против Габсбургов. Голландия отстаивала с оружием в руках свою независимость от испанской монархии. Испанские наместники в Южных Нидерландах — эрцгерцог Альберт и его жена Изабелла (старшая дочь Филиппа II) — не располагали достаточными военными силами и пытались заключить мир с Англией и Голландией, но эта попытка была сорвана, поскольку испанское правительство предъявило другой стороне непомерные притязания.

В 1603 г. умерла английская королева Елизавета. Ее преемник Яков I Стюарт круто изменил внешнюю политику Англии. Испанской дипломатии удалось втянуть английского короля в орбиту испанской внешней политики. Но и это не помогло. В войне с Голландией Испания продолжала терпеть неудачи. Главнокомандующий испанской армией энергичный и талантливый полководец Спинола ничего не мог добиться в условиях полного истощения казны. Самым трагичным для испанского правительства было то, что голландцы перехватывали у Азорских островов испанские суда и вели войну на испанские же средства. В 1609 г. Испания была вынуждена заключить перемирие с Голландией сроком на 12 лет.

Испания и Тридцатилетняя война

В 1618 г. началась Тридцатилетняя война. В ней Испания действовала в союзе с императором Фердинандом. В пределы Германии направились две испанские армии: одна из Фландрии на помощь императорским войскам, другая под командованием Спинолы заняла Пфальц. Военная и денежная помощь Испании облегчила Фердинанду расправу с восставшими чехами.

После вступления на престол Филиппа IV (1621—1665) Испанией по-прежнему правили фавориты; Лерму сменил энергичный граф Оливарес. Однако и он лично ничего не мог изменить — силы Испании были уже истощены. Правление Филиппа IV — бесцветного, с деревянным, застывшим лицом (таким выглядит он на портретах знаменитого испанского художника Веласкеса) — явилось периодом окончательного падения международного престижа Испании.

В 1635 г., когда Франция непосредственно вмешалась в ход Тридцатилетней войны, испанские войска терпели частые поражения. В 1638 г. французские войска захватили Руссильон и вслед за тем вторглись в северные провинции Испании. Но там они натолкнулись на сопротивление народа. Неудачной оказалась и их военная экспедиция 1639 г. в Каталонию.

К 40-м годам XVII в. Испания была совершенно истощена. Хронический финансовый кризис, выколачивание налогов и повинно-

стей, хозяйничание высокомерной и праздной знати и фанатичного духовенства, упадок сельского хозяйства, промышленности и торговли — все это порождало широкое недовольство народных масс. Вскоре это недовольство прорвалось наружу.

Отложение Португалии

Когда в 1581 г. Португалия вошла в состав Испанской монархии, ее старинные вольности были оставлены в неприкосновенности: Филипп II стремился не раздражать своих новых подданных. Положение изменилось к худшему при его преемниках, когда Португалия стала объектом такой же беспощадной эксплуатации, как и другие области собственно Испании. Испания не смогла удержать португальских колоний, которые перешли в руки Голландии. Кадис перетянул к себе торговлю Лиссабона, в Португалии была введена кастильская налоговая система. Глухое недовольство, нараставшее в широких кругах португальского общества, стало явным в 1637 г.; это первое восстание было быстро подавлено. Однако мысль об отложении Португалии и провозглашении ее независимости не исчезла. Кандидатом на португальский престол был выдвинут член прежней династии. В число заговорщиков входили архиепископ Лиссабонский, представители португальской знати, зажиточные горожане. 1 декабря 1640 г. заговорщики арестовали испанскую наместницу и провозгласили королем Жоана IV Браганцского.

Народные движения в Испании в первой половине XVII в.

Реакционная политика испанского абсолютизма привела к ряду мощных народных движений в Испании и ее владениях. В этих движениях борьба против сеньориального гнета в деревне и выступления городских низов часто принимали форму сепаратистских восстаний за сохранение средневековых вольностей и привилегий. Кроме того, сепаратистские мятежи феодального дворянства и правящей верхушки городов нередко пользовались военной поддержкой из-за границы и переплетались с восстаниями крестьянства и городского плебса. Это создавало очень сложную расстановку классовых сил. В 30-х и 40-х годах XVII в. в Испании наряду с сепаратистскими мятежами знати в Арагоне и Андалусии вспыхнули мощные восстания в Каталонии и Бискайе.

Восстание в Каталонии началось летом 1640 г. Непосредственным поводом к нему послужили насилия и мародерство испанских войск, предназначенных для ведения войны с Францией и расквартированных в Каталонии в нарушение ее вольностей и привилегий. Восставшие с самого начала разделились на две группировки. Первую составляли феодально-сепаратистские слои каталонского дворянства и патрицианско-бюргерская верхушка городов. Их программой было создание автономного государства под протекторатом Франции и сохранение средневековых вольностей и привилегий. Ради достижения своих целей эти слои заключили союз с Францией и пошли даже на признание Людовика XIII графом Барселонским. Другая группировка включала крестьянство и городской плебс Каталонии, которые выступали с антифеодальными требованиями.

Первыми восстали крестьяне, поддержанные городским плебсом Барселоны. Они убили вице-короля и многих представителей власти. Лозунгом восставших было: «Да здравствует родная земля, смерть предателям!». Восстание сопровождалось погромами и грабежами домов городских богачей. Тогда дворянство и городская верхушка призвали французские войска; раскол движения обнаружился со всей очевидностью. Мародерство и насилия французских войск вызвали еще большее озлобление каталонских крестьян. Начались стычки крестьянских отрядов с французами, которых они считали иноземными захватчиками. Напуганные ростом крестьянско-плебейского движения и обескураженные недостаточной помощью Франции, рассматривавшей вмешательство в дела Каталонии лишь как одно из средств в борьбе с Испанией, дворянство и городская верхушка Каталонии примирились в 1653 г. с Филиппом IV на условиях сохранения их вольностей.

Поводом к восстанию городского плебса в Бильбао и окрестного крестьянского населения послужило повышение в 1632 г. налога на соль, против чего возражала и администрация провинции Бискайя. Однако городской совет Бильбао и городские богачи не поддержали требований плебса, в ответ на что начались погромы их домов. Раздавались угрозы обратиться за военной помощью к иностранным государствам (Франции). Было выдвинуто требование установления равенства имуществ. Сформировались вооруженные отряды из городской бедноты и окрестных крестьян. Властям удалось подавить движение, его руководители были казнены. Но несмотря на подавление восстания государственная соляная монополия была отменена.

Военное поражение Испании

В 1648 г. Тридцатилетняя война завершилась Вестфальским миром, но война между Францией и Испанией продолжалась до 1659 г. По Пиренейскому миру, заключенному в этом году, Испания утратила Руссильон и несколько фландрских городов в Испанских Нидерландах. В 1665 г. Филипп IV был вынужден юридически признать независимость Португалии. Таким образом, Испания из самой могущественной европейской державы в первой половине XVI в. через столетие превратилась во второстепенную, все больше терявшую свое значение страну.

Культура Испании в XVI—XVII вв.

Завершение объединения страны, экономический подъем в первой половине XVI в., рост международных связей и внешней торговли, связанный с открытием новых земель, развившийся дух предпринимательства обусловили высокий подъем испанской культуры. Расцвет испанского Возрождения относится ко второй половине XVI—первой половине XVII в.

Политика испанского абсолютизма была гибельной не только для экономики страны. Церковь и инквизиция преследовали все передовое и прогрессивное в науке и культуре. Однако реакция не смогла задушить творческих сил испанского народа, вынесшего на своих плечах тяжесть восьмисотлетней борьбы с арабами и продолжавшего бороться в годы разгула реакции. «...Если испанское государство мер-

тво, то испанское общество полно жизни, и в каждой его части бьют через край силы сопротивления»[1].

Своеобразие испанского Возрождения состояло в том, что испанская культура этого периода больше, чем в других странах, была связана с народным творчеством. Выдающиеся мастера испанского Возрождения черпали свое вдохновение в песенном и эпическом народном творчестве, отразившем страстное стремление испанского народа к красоте, его мечты о лучшем будущем, протест против существующих порядков.

В условиях разгула католической реакции и засилья инквизиции распространение идей Возрождения в философской форме и развитие передовой науки были крайне затруднены, поэтому особенно широкое и яркое воплощение гуманистические идеи получили в Испании в искусстве и литературе.

Важнейшими центрами образования были ведущие испанские университеты в Саламанке и Алкале. Расширение экономических связей, «революция цен», невиданный рост торговли потребовали разработки ряда экономических проблем. Несмотря на сильное влияние средневековой схоластики и католицизма, Саламанкский университет в середине XVI в. стал важным центром экономической мысли в Европе. В поисках ответа на вопрос о причинах роста цен экономисты Саламанки создали ряд ценных экономических исследований по теории денег, торговле и обмену, разработали основные принципы политики меркантилизма. Однако в испанских условиях эти идеи не могли получить практического воплощения.

К первой половине XVI в. относится деятельность выдающегося испанского гуманиста, теолога, анатома и медика Мигеля Сервета (1511—1553). Он получил блестящее гуманистическое образование и примыкал к радикально-демократическому течению Реформации. В своем богословском трактате «О заблуждениях троичности» Сервет выступал против одного из христианских догматов — «троичности бога» в одном лице (бог-отец, бог-сын и бог-дух святой). Это обстоятельство и связи Сервета с анабаптистами вызвали преследование его со стороны инквизиции. Книга Сервета была сожжена, а сам он бежал во Францию, где занялся комментированием и подготовкой к изданию античных авторов. Сервет первым в Европе пришел к открытию малого круга кровообращения. В 1553 г. он анонимно издал трактат «Восстановление христианства», в котором критиковал не только католицизм, но и ряд догматических положений Кальвина. В том же году Сервет, находясь проездом в Женеве, был арестован, обвинен в ереси и по настоянию Кальвина сожжен на костре вместе со своей книгой.

В области литературы первая половина XVI в. характеризуется господством авантюрных, рыцарских и сентиментально-пасторальных романов. Они уводили читателя в неведомые сказочно богатые страны, увлекали рассказами о дерзких авантюрах и любовных приключениях во вкусе испанских дворян-конкистадоров. Манерная и сти-

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 10, с. 433.

лизованная литература льстила вкусам пресыщенной и избалованной придворной аристократии.

Излюбленным жанром городской литературы делается «плутовской роман». Герои его большей частью бродяги и шарлатаны, не считающиеся в выборе средств для достижения материального благосостояния. Печать деградации, лежавшая на испанском городе, уже в XVI в. коснулась и «плутовского романа», который в отличие от бодрого и жизнеутверждающего духа городской литературы Нидерландов, Англии и Франции был в основном пессимистичен.

В конце XVI и в первой половине XVII в. в Испании появились произведения, вошедшие в сокровищницу мировой литературы. Пальма первенства, несомненно, принадлежит Мигелю Сервантесу де Сааведра (1547—1616).

Выходец из обедневшей дворянской семьи, Сервантес прошел полный лишений и приключений жизненный путь. Служба секретарем папского нунция и солдатом (он участвовал в битве при Лепанто), сборщиком податей и армейским поставщиком, пятилетнее рабство в Алжире и двукратное тюремное заключение ознакомили Сервантеса со всеми слоями общества, обогатили жизненным опытом, дали возможность глубоко изучить нравы и пороки окружавшей его среды.

Литературную деятельность он начал с сочинения театральных пьес, из которых только глубоко патриотическая «Нумансия» получила широкое признание. В 1605 г. появилась первая часть его великого творения «Хитроумный идальго дон Кихот Ламанчский», а в 1615 г. — и вторая часть. Задуманный как пародия на выродившийся жанр рыцарского романа, «Дон Кихот» вышел далеко за пределы первоначального авторского замысла. Он является подлинной энциклопедией испанской жизни: свойственные литературе Возрождения реалистическая манера, глубокий гуманизм, проникновение во внутренний мир человека сочетаются в романе Сервантеса с народностью образов, разящей сатирой, ярким национальным колоритом и драматичностью.

Обедневший и лишившийся рассудка идальго дон Кихот — это сама феодальная Испания, обнищавшая, униженная, но тщеславная и тешащая свое больное воображение картинами былого величия. Глубина образов, человечность и высокохудожественный реализм сделали бессмертным дон Кихота и имя его автора.

Прочными традициями обладал испанский народный театр. Бродячие труппы актеров ставили в основном два типа пьес: средневековые мистерии, в которых изображались «жития святых» и творимые ими «чудеса», и короткие комедии, фарсы, в которых били ключом народный юмор, смелая находчивость и оптимизм.

В Испании, как и в других европейских странах, в то время развивались два направления в драматургии: гуманистическое и народное, восходящее к средневековым традициям. Постепенно эти два течения сближались, переплетались и в итоге родилась национальная испанская драматургия, сочетавшая литературные формы Ренессанса с самобытным национальным содержанием. Создателем национальной испанской драматургии заслуженно считается Лопе де Руэда. Юве-

лир по профессии и актер-любитель, Руэда настолько увлекся театром, что променял свое спокойное и доходное ремесло на полную превратностей карьеру руководителя бродячей труппы актеров. Он играл на сцене, сам писал и ставил пьесы испанских драматургов, игравшиеся на площадях городов и сел.

Наиболее ярким и талантливым драматургом того времени был Лопе Феликс де Вега Карпьо (1562—1635). Пройдя жизненный путь, полный приключений и авантюр, Лопе де Вега, дворянин по происхождению, на склоне лет принял священнический сан. Богатый жизненный опыт, выдающийся талант и пылкость воображения позволили Лопе де Вега с неизменным успехом выступать в самых разнообразных жанрах: поэзии, драматургии, романе, религиозной мистерии. Одних пьес он написал свыше двух тысяч, из которых сохранилось лишь четыреста. Мастерство интриги доведено в произведениях Лопе де Вега до совершенства. Он является создателем жанра комедии «плаща и шпаги». Подобно Сервантесу, Лопе де Вега изображает в своих реалистических произведениях, проникнутых духом гуманизма, людей самых различных социальных положений — от королей и вельмож до крестьян и бродяг. Однако, несмотря на свои демократические симпатии, Лопе де Вега был убежденным сторонником абсолютной монархии и верным сыном католической церкви. В его произведениях даже король-деспот всегда окружен ореолом величия, а народный патриотизм неизменно приобретает царистскую окраску. «Король есть король, и поэтому надо молчать и терпеть» — вот мнение о королевской власти, высказанное одним из его персонажей. Лучшие пьесы Лопе де Вега «Фуэнте Овехуна», «Девушка с кувшином», «Валенсианская вдова» и в наше время не сходят со сцены.

Творчество последователей Лопе де Вега — Тирсо де Молина (1571—1648) и Кальдерона де ла Барка (1600—1681) — уже не столь ярко. Заслугой Тирсо де Молина было дальнейшее усовершенствование драматургического мастерства и придание своим произведениям подлинной чеканности формы. Отстаивая свободу индивидуума и его право наслаждаться жизнью, Тирсо де Молина тем не менее защищал непоколебимость принципов существующего строя и католической веры. Ему принадлежит создание первого варианта «Дон Хуана» — темы, получившей в дальнейшем такую глубокую разработку в драматургии и музыке.

Кальдерон — придворный поэт. Подавляющее большинство его пьес религиозно-морализующего содержания. От Ренессанса и гуманизма у него осталась лишь форма, но и та приняла присущий стилю барокко стилизованный, вычурный характер. Демократические симпатии и гуманистические мотивы заглушаются у Кальдерона настроениями неотвратимости жестокого рока.

Кальдероном заканчивается «золотой век» испанской литературы, сменяющийся длительным периодом упадка. Народный театр с его демократическими традициями, реализмом и здоровым юмором был почти задушен. Пьесы светского содержания стали ставиться только на сцене придворного театра, открывшегося в 1575 г., и в аристократических салонах.

Одновременно с расцветом литературы в Испании отмечается большой прогресс в области изобразительного искусства, связанный с именами таких выдающихся художников, как Доменико Теотокопули (Эль-Греко) (1547—1614), Диего Сильва де Веласкес (1599—1660), Хусепе де Рибейра (1591—1652), Бартоломео Мурильо (1617—1682).

В творчестве Эль-Греко еще отразились религиозно-мистические, средневековые настроения, повлиявшие как на форму, так и на содержание его произведений, в большинстве своем посвященных библейским сюжетам. Произведения Веласкеса — классический образец испанского Ренессанса в области живописи. Одинаково блестяще проявивший себя как пейзажист, портретист и баталист, Веласкес вошел в историю мировой живописи как мастер, в совершенстве владеющий композицией и колоритом, искусством психологического портрета.

Рибейра, творчество которого сложилось и расцвело в испанском Неаполе, испытал на себе значительное влияние итальянской школы живописи. Полотна его, выдержанные в прозрачных, светлых тонах, отличаются реализмом и выразительностью. В картинах Рибейры, как и в работах Эль-Греко, преобладали сюжеты религиозного содержания.

Бартоломео Мурильо был последним крупным живописцем испанского Возрождения. Его многочисленные картины на религиозные сюжеты, проникнутые лиричностью и поэтическим настроением, выполнены в нежных, дымчатых тонах и поражают богатством мягких переливов красок. Им написано много картин бытового содержания, изображающих сцены из жизни простых людей его родного города Севильи; особенно удавались Мурильо образы детей.

Во второй половине XVII в. живопись в Испании утратила свою демократическую направленность. Этот упадок характерен для всей культурной жизни Испании в последующий период.

Глава 28

НИДЕРЛАНДСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. РЕСПУБЛИКА СОЕДИНЕННЫХ ПРОВИНЦИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

§ 1. НИДЕРЛАНДСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Нидерланды к началу XVI в.

Нидерланды — область в низовьях рек Мааса, Рейна и Шельды, вдоль побережья Северного моря. В XIV—XV вв. большинство расположенных на этой территории графств, герцогств и сеньорий, находившихся, как правило, в ленной зависимости от Священной Римской империи или от Франции, были объединены под властью герцогов Бургундских. В 1477 г. герцог Карл Смелый, воевавший с Францией и швейцарскими кантонами, погиб в битве при Нанси, а войско его было разбито. Чтобы получить поддержку в борьбе с Францией, его наследница Мария Бургундская вступила в брак с Максимилианом Габсбургским, который впоследствии стал германским императором. Так Нидерланды попали под власть австрийских Габсбургов. В дальнейшем Габсбурги приняли все меры, чтобы, поставив Нидерланды в особое положение внутри империи, фактически превратить их в свои наследственные владения, распространяя свою власть на все новые и новые области [(в 1523 г. — Фрисландию, в 1528 г. — Утрехт и Оверэйссел, в 1536 г. — Хронинген и Дренту, в 1543 г. — Гелдерн (Хелдер)]. Эти присоединения были подтверждены Аугсбургским миром 1548 г., по которому империя брала Нидерланды под свое покровительство на условиях уплаты ими практически символической квоты общеимперского налога. Ленные связи с империей, и то в слабой форме, сохраняли лишь Гелдерн, Утрехт и Оверэйссел. «Прагматическая санкция» 1549 г. установила неделимость семнадцати провинций Нидерландов при наследовании их последующими суверенами. Этими провинциями были: Артуа, Эно (Геннегау), Люксембург, Намюр, Фландрия, Брабант, Лимбург, Турне, Мехельн, Французская Фландрия (Лилль, Орши, Дуэ), Зеландия, Голландия, Утрехт, Фрисландия, Гелдерн (Хелдер), Хронинген, Оверэйссел (с Дрентой). Церковная Льежская область пользовалась особым правовым статусом.

В политическом устройстве Нидерландов шла борьба двух направлений. С одной стороны, существовал правительственный аппарат во главе с императором, а позднее королем Испании и специальным «фландрским советом» при нем. Практически же Нидерландами обычно управлял наместник (генеральный статхаудер). При наместнике имелись три совета с совещательными правами — государствен-

ный, состоящий из крупнейших вельмож. где обсуждались все важнейшие дела; финансовый, ведавший финансово-податными вопросами, и тайный, занимавшийся подготовкой законопроектов, важных административных распоряжений, а также рассматривавший апелляции, поданные на имя наместника. В последних двух советах должности замещались в основном королевскими легистами и образованными выходцами из служилого дворянства. Центральным судебным органом был Главный совет, заседавший в городе Мехельне. Наместнику подчинялись также статхаудеры провинций, обладавшие на местах значительной военно-административной властью. Весь этот централизованный аппарат чем дальше, тем больше набирал силу, унифицировал законы, налогово-податную и судебно-административную системы, вмешивался в дела местного самоуправления, осуществляя волю монарха и его наместника. Централизация политической и экономической жизни, которая достигалась при этом, служила реакционной цели порабощения Нидерландов иноземными династами.

С другой стороны, в Нидерландах существовали унаследованные от времени сословной монархии представительные учреждения — Генеральные и «земельные» штаты, важнейшей прерогативой которых было вотирование налогов, испрашивавшихся властями. Кроме того, в городах и местечках имелись самоуправления (магистраты), где господствовали патриции, бюргеры, богатые купцы, а каждая провинция и город обладали своими особыми вольностями, привилегиями и автономией, неприкосновенность которых они настойчиво защищали от произвола властей. Поэтому монарх в Нидерландах был несколько ограничен в своих действиях.

Нидерланды были очень важны для Карла V. В середине XVI в. они вносили в казну 2 млн. гульденов ординарных налогов, тогда как Италия давала 1 млн., а Испания и ее колонии — по 0,5 млн. Нидерланды были также важнейшим военным плацдармом для ведения операций против Франции и некоторых немецких князей. Определенные выгоды извлекали из своей принадлежности к владениям Карла V и Нидерланды: их купцы и мануфактуристы получали обеспеченные рынки сбыта на подвластных Карлу V территориях, доступ в колонии и защиту своих торговых интересов в иноземных странах.

Однако уже во второй половине царствования Карла V бесконечные вымогательства налогов, разорительные династические войны, пренебрежение хозяйственными интересами страны подрывали экономику и финансы Нидерландов, вызывали острое недовольство. Назревавший общий конфликт имел и более глубокие причины, чем непопулярность политики Карла V; они коренились в самом характере социально-экономического развития Нидерландов.

Экономическое развитие Нидерландов в XVI в.

К середине XVI в. в Нидерландах быстро разлагались феодальные отношения, развертывался процесс первоначального накопления и зарождались капиталистические формы хозяйства. На небольшой территории страны к этому времени насчитывалось около 300 городов и свыше 6500 деревень с населением примерно в 3 млн. человек. Плот-

ность населения в провинции Голландия составляла в среднем свыше 70 человек на квадратный километр, и половина ее жителей приходилась на города. Примерно также обстояло дело во Фландрии. Нидерланды часто называли «страной городов».

Не все 17 провинций Нидерландов экономически были развиты одинаково. Условно их можно разделить на три группы: центральный промышленный район — Фландрия и Брабант; северо-западная торгово-промышленная группа, состоявшая в основном из Голландии и Зеландии; окраинные, отсталые, по преимуществу сельскохозяйственные провинции — Артуа, Люксембург, Намюр, Гелдерн, Оверэйссел. Такие провинции, как Фрисландия, Утрехт, занимали промежуточное положение.

Во Фландрии и Брабанте товарное производство и товарно-денежные отношения, а также купеческий капитал, широко укоренившиеся уже с XIV в., в XVI в. стали питательной средой для развития капиталистических отношений. К этому времени цеховое ремесло в городах заметно разложилось. Многие, особенно наиболее богатые в прошлом суконодельческие цехи пришли в упадок. Например, в Ипре в 1517 г. насчитывалось 600 работающих ткацких станков, а к 1545 г. осталось 100. Богатые мастера все больше обособлялись в замкнутые касты, а подмастерья теряли реальные шансы стать когда-либо самостоятельными мастерами.

На смену разлагавшемуся цеховому ремеслу выдвигались капиталистические мануфактуры, которые возникали в свободных от цехового принуждения деревнях и новых городских центрах, таких, как Хондсхот, Ниве Керке (Фландрия) и др. Мануфактуры Хондсхота в конце XV в. производили 15—20 тыс. кусков саржи в год, а в 1563 г. — уже 97 795 кусков. Население города к 60-м годам XVI в. достигло 20 тыс. человек. В окрестностях Ауденара ковроткачи-надомники, попавшие в кабалу к скупщикам-мануфактуристам, составляли к 1540 г. 12—14 тыс. человек. Общий объем промышленного и ремесленного производства Нидерландов в 1570 г. оценивался примерно в 50 млн. гульденов.

Антверпен — крупнейший порт Нидерландов превратился в центр складывавшегося мирового капиталистического рынка. Валовой объем нидерландского экспорта к 1560 г. составлял около 16 млн., а импорта — около 20—22 млн. гульденов в год. В гаванях Антверпена порой скапливалось свыше 2 тыс. судов одновременно. На товарную и фондовую биржи ежедневно сходились тысячи купцов, финансистов и менял разных национальностей; в городе размещались также конторы всех крупных банкирских домов Европы: Фуггеров, Вельзеров, Шетцев, Гримальди, де Гаро и др. В Антверпен не только стекались товары, произведенные мануфактурами и ремесленниками Фландрии и Брабанта. Здесь на мануфактурах отделывали английские сукна, вырабатывали стеклянные изделия, мыло, печатали книги и т. д.

Изменения коснулись и сферы поземельных отношений. Феодальное дворянство Фландрии и Брабанта, не умевшее приспосабливаться к новым экономическим условиям, беднело, запутывалось в долгах, а

его земли постепенно переходили в руки ростовщиков, бюргеров, монастырей. Последние владели во Фландрии почти половиной всех земель. Феодальные отношения разлагались. Большинсто крестьян Фландрии и Брабанта были уже лично свободными арендаторами земли феодального типа, внося ренту деньгами и натурой, согласно условиям договоров. Отработки, личные повинности становились редкостью.

Различные категории крестьян хозяйствовали по-разному. Фермеры и богатые крестьяне нанимали батраков, совершенствовали агротехнику, внедряли плодосменный севооборот, доходные технические культуры, стойловый откорм скота. Революция цен с присущей ей дороговизной на сельскохозяйственные продукты шла на пользу фермерам и богатым крестьянам, производившим их в большем количестве на продажу. Зато беднота попадала в руки ростовщиков и быстро разорялась. Что касается горожан — патрициата и бюргеров, то они обычно сдавали свои земли в аренду типа испольщины, а то и сохраняли феодальные формы экспуатации селившихся на них держателей. Таким образом в деревнях Фландрии и Брабанта буржуазные веяния с большим трудом пробивали себе путь.

В Голландии и Зеландии также были заметны большие экономические сдвиги. Цеховые отрасли ремесла, особенно сукноделие, переживали тяжелые времена. В крупнейшем сукнодельческом центре Голландии — Лейдене — объем годовой продукции упал с 24 017 полукусков сукна в 1530 г. до 5035 в 1563 г. В то же время в окрестностях крупных городов развивалось свободное ремесло, в льно- и шерстоткачестве, судостроении возникали различные формы мануфактур. Такие же формы складывались в пивоварении, в производстве кирпича, извести, рыболовстве и мореходстве. На лов сельди во время путины выходили одновременно сотни рыбачьих судов — бойсов. Доход северных провинций от лова сельди и других сортов рыбы в 60-х годах XVI в. оценивался примерно в 6—7 млн. гульденов против 400 тыс., приходившихся на долю Фландрии. В это время Голландия располагала примерно 800 судами грузоподъемностью от 200 до 700 тонн и еще большим числом мелких судов. Количество матросов и портового люда исчислялось десятками тысяч.

Росла и торговля северных провинций, сосредоточенная в таких городах, как Амстердам, Энкхёйзен (Голландия), Мидделбюрх, Флиссинген (Зеландия), Девентер, Кампен (Оверэйссел), и других, торговавших главным образом с ганзейскими городами, Англией, Русским государством. Вывозили сыр, масло, скот, рыбу, сукна; ввозили хлеб, лён, лес, железо, вина. Амстердамские купцы вели также значительную посредническую торговлю и фрахтовые операции.

Аграрный строй северных провинций отличался определенным своеобразием. В Голландии, Фрисландии, Дренте феодальные отношения не получили такой завершенной формы, как во Фландрии и Брабанте; в двух последних провинциях, кроме того, сохранилась значительная прослойка искони свободного крестьянства, а в Северной Голландии большая часть крестьян была приписана к графскому домену и пользовалась многими льготами по сравнению с дворянски-

ми крестьянами. Особыми привилегиями обладали и крестьяне Кеннемерланта, где они в своей массе были лично свободными арендаторами либо наследственными владельцами земель (eïgenerffden). Эти последние составляли зажиточную верхушку деревни, узурпировавшую общинные земли. Дворяне и клирики владели в Голландии примерно половиной лучших земель. Во Фрисландии дворянам принадлежало лишь около 10% земель, а монастырям — до 40%. Крестьянское землевладение и товарное производство в этих провинциях держались прочно, а в Дренте крестьянское землевладение даже преобладало.

В большинстве северных провинций большое значение имели гидротехнические сооружения: плотины, шлюзы, дамбы, без которых было невозможно не только земледелие, но и проживание в этих низменных районах. Строительство и уход за дамбами требовали большого числа наемной рабочей силы, материалов, расходов, которые покрывались взимавшимся сбором с крестьян — особым «дамбовым налогом». Очень больших расходов требовало и осушение залитых водой земель — польдеров. В Нидерландах сложилась искусная техника этих работ. Повышенные затраты окупались лишь при условии возделывания доходных технических, садово-огородных и высокоурожайных культур или ведения интесивного мясо-молочного животноводства. Поэтому на вновь осушенных богатыми горожанами польдерах складывались фермерские хозяйства. Специализация целых дистриктов на возделывании отдельных культур или на отраслевом животноводстве привела к складыванию районов «торгового земледелия», возникновению и здесь фермерских хозяйств.

Многие села из-за малоземелья стали промысловыми (ловля рыбы, торфодобыча, прядение шерсти). Значительная часть населения их была потребителем хлеба, который привозился из Прибалтики. Дворянство в Голландии и Фрисландии не пользовалось особенным влиянием. Как правило, дворяне не вели собственного хозяйства, и в XVI в. их материальное положение сильно пошатнулось. Несколько сильнее позиции дворянского землевладения были в Зеландии, аграрный строй которой был близок к фландрскому. Зато Гелдерн и Оверэйссел, неразвитые аграрные провинции, оставались оплотом феодального дворянства, сохранившего и свое экономическое значение, и политический вес за счет жесткой феодальной эксплуатации крестьянства.

Сходное положение было и в окраинных провинциях юга и юго-востока страны — Артуа, Эно, Люксембурге, Намюре. Процесс первоначального накопления и эволюции аграрных отношений одерживал некоторые успехи и в них, но шел замедленно, и крестьянство здесь испытывало наибольшие тяготы.

Несмотря на внешнюю однородность экономического развития центральной и северной торгово-промышленных групп провинций, между ними имелись и существенные различия. Капиталистические мануфактуры Фландрии и Брабанта подавляющую часть своей продукции сбывали на внешних рынках, связанных с Испанией и Англией: их шерстоткачество развивалось на привозной испанской и английской шерсти и преуспеяние в значительной степени зависело от

того, как складывались у Нидерландов взаимоотношения с этими странами. Торговля Антверпена была в основном посреднической, в ней большую роль играли иноземные купцы, тогда как местное купечество больше занималось обслуживанием торговли: транспорт, склады, маклерство и т. д. Сколько-нибудь значительным собственным флотом Антверпен не обладал. В крупных старых городах Фландрии и Брабанта средневековое бюргерство и цеховые корпорации, несмотря на их ослабление, занимали еще достаточно прочные экономические и политические позиции. Гораздо влиятельнее, чем на Севере, особенно с учетом валлонских провинций (Эно, Артуа и др.), были здесь дворянство и духовенство.

Северная группа провинций тяготела не к Антверпену и Фландрии, хотя экономические связи с ними и имели место, а к таким городам, как Амстердам, Энкхёйзен, Флиссинген, Мидделбюрх, Девентер; их основные рынки сбыта и сырья находились в Прибалтике и были независимы от Испании. Кроме того, эти провинции располагали мощным морским флотом. Из 1400 нидерландских кораблей, прошедших в 1500 г. пролив Зунд в Балтийском море, 1040 принадлежали голландцам. Внутренний рынок Голландии, Зеландии, Фрисландии был более емким и связанным как с внешней торговлей (хлеб, лес), так и с местным ремеслом и мануфактурами.

Цехи, феодальное землевладение, дворянство и церковь не имели в экономически развитых провинциях Севера того влияния, каким они пользовались в центральных и южных провинциях. Поэтому, хотя мануфактуры Фландрии, Брабанта, Турне и Валансьена по объему продукции значительно превосходили мануфактуры северного района, мануфактурное производство, фермерство, свободное крестьянское землевладение, торговля и мореходство в Голландии, Зеландии, Фрисландии опирались на гораздо более прочную базу.

Социальные последствия экономических изменений

Процесс первоначального накопления, возникновение капиталистического уклада в экономике Нидерландов сопровождались глубокими социальными изменениями. Экономическая и политическая почва уплывала из-под ног дворянства; средневековое бюргерство и феодальное крестьянство разлагались; мелкие непосредственные производители города и деревни — цеховые и свободные ремесленники, крестьяне — нищали и экспроприировались в массовом масштабе, превращаясь в деклассированных пауперов и бродяг. Те из них, кто находил работу, подвергались жестокой эксплуатации. Рабочий день длился 12—14 часов, оплата была низкая, жилищные условия крайне тяжелые. Уделом остальных было бродяжничество, нищенство или тюрьма и истязания.

Немногим лучше было положение тех бедных крестьян и ремесленников, которые еще не были выброшены на улицу. Чрезмерный труд всей семьи, включая детей, работа в подсобных промыслах на скупщиков, долговая кабала, голодовки делали беспросветным их существование и лишь благотворительность и сбор подаяния (с разрешения местных властей) спасали многих из них от голодной смерти.

Бедствия эти усугубляла хищническая политика иноземных монархов. Они хозяйничали в стране и давили ее налогами, разоряли династическими войнами, поддерживали внутреннюю реакцию в лице верной им феодальной аристократии, католической церкви, патрициата, реакционной цеховой верхушки. Нарождавшиеся новые классы — буржуазия и предпролетариат болезненно испытывали на себе последствия реакционной политики иноземного абсолютизма, разрушавшей торговлю и промышленность Нидерландов. Острые социальные конфликты становились неизбежными.

Они вылились в ряд восстаний, из которых наиболее крупным было народное движение 1534—1535 гг. в северных провинциях под руководством революционных анабаптистов и Гентское восстание 1539—1540 гг. Оба они отличались большой остротой и сложностью социальных противоречий, которые проявились позднее.

Усиление феодально-католической реакции. Филипп II

Уже политика Карла V характеризовалась нараставшей реакционностью. С 1521 г. стали издаваться особые законы — «плакаты» — против еретиков, учреждается трибунал инквизиции, а после массовых народных выступлений под руководством революционных анабаптистов в 1534—1535 гг. преследования еретиков становятся особенно жестокими. Беспрерывные династические войны подорвали финансы Нидерландов. Лишь четвертая и пятая войны с Францией поглотили свыше 7 млн. гульденов. Из «золотой жилы» императорской казны Нидерланды превратились в «должника». Их государственный долг к 1555 г. достиг 8 млн. гульденов.

В 1555 г. Карл V отрекся от престола (см. гл. 27). Сыну своему Филиппу II он отдал Испанию с ее колониями, Нидерланды, итальянские владения и Франш-Контэ. Если для Карла V Испания была важной составной частью его владений, то для Филиппа II она стала главнейшей. Вся политика Филиппа II определялась интересами испанского дворянства, которое, подавляя слабые ростки капитализма в Испании, стремилось к беспощадному ограблению подвластных стран и распространению феодально-католической реакции на всю Европу.

Для достижения своих целей Филипп II наметил следующие меры: сохранить в Нидерландах испанские войска, введенные туда во время войны с Францией; сосредоточить фактическую власть в стране в руках узкой группы членов Государственного совета (консульты), рабски преданных монарху; увеличить число епископов с 4 до 18, дав им полномочия инквизиторов для искоренения ересей. Этим монарх не ограничился: чтобы освободиться от долгов, он в 1557 г. объявил государственное банкротство, от чего нидерландские банкиры понесли огромные убытки.

Нововведения Филиппа II задели интересы различных слоев населения Нидерландов. Закон 1559 г. об учреждении новых епископств означал, что отныне «плакаты» против еретиков будут применяться со всей жестокостью. Оговорка о назначении епископами лишь богословов с университетским образованием отнимала выгодные епископские синекуры у дворян, а намерение содержать епи-

скопов за счет монастырей грозило пребендам аббатов, также выходцев из дворян. В 1560 г. в Испании была повышена вывозная пошлина на шерсть, в связи с чем ввоз ее в Нидерланды сократился со 40 до 25 тыс. кип в год. Затем нидерландским купцам закрыли доступ в испанские колонии. Англо-испанский конфликт парализовал нидерландско-английскую торговлю, что оставило без работы тысячи людей.

Поскольку все эти акты исходили от чужеземных правителей, они приобретали характер национального угнетения, и их проводники в Нидерландах — наместница Маргарита Пармская и ее клеврет кардинал Гранвелла заслужили всеобщую ненависть в стране.

Назревание революционной ситуации

Под влиянием указанных выше причин, а также в связи с ростом дороговизны и голодом в 1562—1566 гг. в Нидерландах началось сильное брожение среди городской бедноты, рабочих мануфактур, крестьян. Местами происходили голодные бунты. На арену открыто выступил кальвинизм. С начале 60-х годов кальвинистские консистории в крупных торгово-промышленных центрах (Турне, Валансьене, Антверпене, Хондсхоте и других местах), которыми руководили в большинстве случаев богатые купцы и мануфактуристы, перешли к организации массовых выступлений. На кальвинистские проповеди, проходившие обычно в окрестностях городов по ночам, стекались тысячные толпы бедного люда, привлеченного не только религиозным рвением, но и щедро раздававшейся там консисториями милостыней. В Валансьене, Антверпене, ряде местечек Западной Фландрии вооруженные кальвинисты силой освободили арестованных единоверцев. Все большее число людей приходило на проповеди с оружием, и эти проповеди выливались затем в подлинные вооруженные смотры. Наиболее передовая часть народных масс в борьбе против феодальных порядков видела путь к уничтожению всех эксплуататоров и всякой эксплуатации. Среди руководителей и идеологов народных масс встречались и такие, которые тебовали введения всеобщего христианского равенства и свободы. Дело шло к восстанию.

В оппозицию к правительству теперь встала и значительная часть нидерландского дворянства, ядро которой сначала группировалось вокруг трех оппозиционных вельмож, членов Государственного совета — принца Оранского и графов Эгмонта и Горна. Дворяне были недовольны нарушением их привилегий королем и надеялись поправить свои финансы за счет секуляризации монастырских земель, реформировав церковь в угодном им духе. В связи с этим в их среде стало распространяться лютеранство и кальвинизм. Видя подъем народного движения, дворяне, с одной стороны, были не прочь использовать его в своих интересах, но с другой — опасались того, что оно сметет их самих. Поэтому они решили взять на себя роль «посредников» между волновавшимся народом и правительством и таким образом достичь своих целей. Выполняя волю дворян, оппозиционные вельможи стали критиковать в Государственном совете правительство и потребовали восстановления «вольностей»

страны, отмены или смягчения «плакатов» против еретиков, вывода испанских войск, отставки Гранвеллы.

Дворянская оппозиция добилась выполнения двух последних требований, чем снискала себе известную популярность у буржуазии и народа, но на дальнейшие уступки правительство не пошло, и борьба обострилась. В ноябре 1565 г. оппозиционные дворяне создали союз («Компромисс»), объединивший около 500 человек, и подписали соглашение, в котором обязывались довести борьбу до победного конца, оказывать друг другу взаимную помощь, но не допустить народного бунта. Свои требования они сформулировали в специальном обращении к правительству. 5 апреля 1566 г. члены союза вручили обращение наместнице Маргарите Пармской. Они требовали восстановления вольностей страны, смягчения «плакатов», созыва Генеральных штатов, указывая, что невыполнение их требований может вызвать «всеобщее волнение и бунт», первыми жертвами которого станут дворяне. Скромная одежда дворян дала повод одному из вельмож презрительно обозвать их гёзами, т. е. нищими. Кличка эта была подхвачена, и позднее ею именовались все нидерландские революционеры и борцы за независимость.

Маргарита Пармская лишь обещала довести просьбу дворян до сведения короля и до его решения временно ограничить преследования еретиков. Между тем обстановка в стране все более накалялась. Летом 1566 г. союз дворян заключил соглашение с консисториями о совместных действиях и получил от них деньги для вербовки солдат в Германии.

Классовые интересы богатых буржуа, возглавлявших консистории, более тесная связь с массами толкали их на путь революционных действий. Они заявляли, что если их требования не будут удовлетворены, то надлежит истреблять священников, громить церкви и разрушать изображения святых.

Испанские власти оказались политически изолированными. Даже господствующие сословия видели, что старыми методами править уже невозможно. В стране создалась революционная ситуация.

Расстановка классовых сил накануне революции

Дворянские оппозиционеры в своем подавляющем большинстве не были настроены революционно. Лишь некоторая их часть по мере развития событий перешла в лагерь революции и освободительной войны, честно сражаясь с испанцами, но политически блокируясь с умеренными элементами.

Оппозиционное крупное купечество выступало против «крайностей» испанского абсолютизма, предпочитало политические компромиссы, отрицало «крайности» и «нетерпимость» своих радикальных единоверцев и блокировалось с умеренным кальвинистским дворянством.

Нидерландская буржуазия еще не отделилась полностью от средневекового бюргерства, ее антагонизм по отношению к феодализму и испанскому абсолютизму окончательно не созрел. Лишь передовая ее часть в лице мануфактуристов, купцов новой формации, нарождавшейся буржуазной интеллигенции начинала осознавать свои

классовые интересы. Она приняла кальвинизм, взяла в свои руки управление консисториями; ей объективно принадлежала роль гегемона в надвигающейся буржуазной по своим объективным задачам революции.

Главной движущей силой надвигавшейся революции был городской плебс, включавший в себя довольно разнородные элементы: городских поденщиков, цеховых подмастерьев и учеников, портовый люд, матросов, рабочих мануфактур, а также крестьянство и экспроприированных пауперов. Народные массы стояли за самые решительные действия.

Но это лишь общая схема, в которую сложность социально-политических конфликтов революционной эпохи и местные особенности вносили значительные изменения.

Иконоборческое восстание 1566 г.

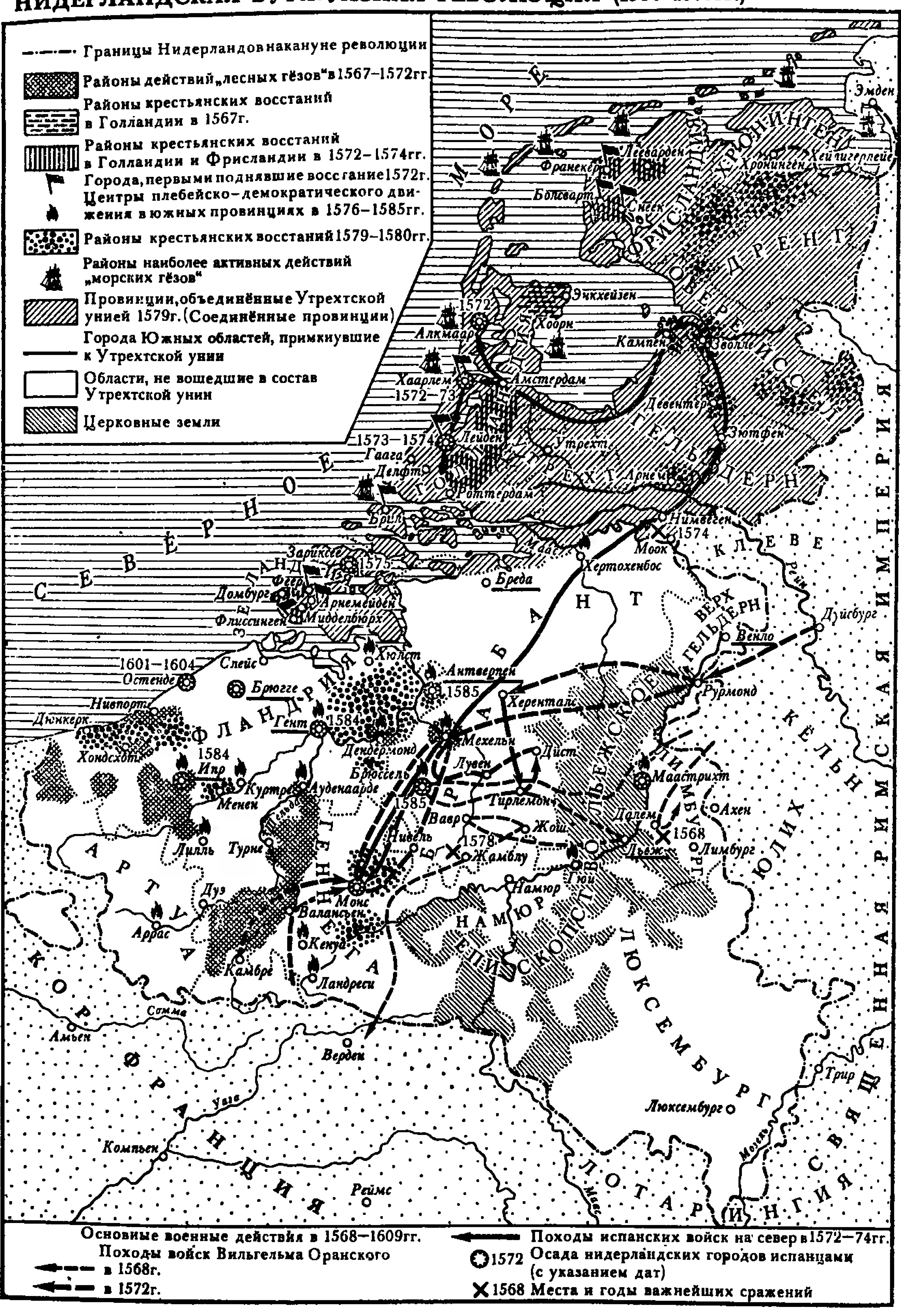
Первым актом начавшейся нидерландской буржуазной революции и освободительной войны было иконоборческое восстание. 11 августа 1566 г. вооруженные народные отряды, подстрекаемые консисториями, начали погромы церквей, истребление икон, статуй святых и прочих предметов католического культа в окрестностях Хондсхота, Армантьера, Касселя. Церковные драгоценности порой уничтожали, но чаще собирали и использовали на нужды благотворительности.

В Антверпене инициаторами восстания выступили ремесленники и городская беднота. В Турне в погромах церквей помимо горожан участвовало до 800 крестьян. Руководящую роль там играли купцы и консистории. За счет конфискованных церковных ценностей были навербованы отряды из бедняков, которые охраняли город. Повстанцы сожгли финансовые и поземельные документы монастырей и церквей. То же самое происходило в Валансьене.

В Мидделбюрхе (Зеландия) иконоборцы при поддержке богатых лиц и некоторых членов магистрата принудили власти освободить арестованных еретиков. В Утрехте действия иконоборцев носили ярко выраженный социальный и политический характер. Наместница оценивала их не только как «ниспровержение религии», но и как «уничтожение судопроизводства и всего политического порядка».

Всей своей силой восстание обрушилось против оплота испанского владычества — католической церкви. В одной лишь Фландрии погрому подверглись 400 церквей, а по всем Нидерландам — 5500. Восстание постепенно распространялось с юга на север. Руководили им обычно кальвинистские консистории, а местами — отдельные дворяне-кальвинисты, члены союза. Базой восстания были Фландрия, Брабант, Турне, Голландия, Зеландия, Утрехт. Слабее оно распространялось в окраинных аграрных провинциях, охватив там лишь некоторые крупные города. Власти оказались бессильными. 23 августа 1566 г. наместница вынуждена была заявить об отмене инквизиции, смягчении «плакатов», допущении кальвинистских проповедей там, где они уже были ранее распространены, и об амнистии членам союза дворян. Окончательно решить все эти вопросы должен был Филипп II.

НИДЕРЛАНДСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1566-1609гг.)

Успех восстания мог быть закреплен лишь в случае развития движения и сплоченности тех сил, которые выступили с оружием в руках. Однако ни консистории, ни тем более союз дворян не оказались способными взять власть в свои руки. Они хотели «попугать» правительство и добиться с ним соглашения, но испугались сами, увидев размах движения и услышав возгласы восставших масс: «Поповской крови и имущества богачей!» Поэтому маневр наместницы, рассчитанный на раскол движения, удался. Союз дворян безоговорочно принял ее условия, самораспустился, а многие члены его, как и лидеры аристократической оппозиции граф Эгмонт и принц Оранский, начали преследовать иконоборцев. Консистории вели переговоры с правительством, добиваясь новых уступок, но многие из них уже отрекались от своего участия в восстании и руководстве им.

Примиренческая, нерешительная тактика консисторий лишила движение руководства. В большинстве городов кальвинистские проповедники призывали массы восставших «прекратить мятежи» и повиноваться властям. Правительство воспользовалось этим, чтобы разоружить народные отряды, начало собирать свои военные силы и перешло в наступление. К весне 1567 г. иконоборческое восстание потерпело поражение, а вместе с ним поражением завершился и первый этап Нидерландской революции. В Мадриде спешно готовили карательный поход в Нидерланды под руководством герцога Альбы.

Террористический режим герцога Альбы в Нидерландах

Летом 1567 г. герцог Альба во главе отборного испанского войска вступил в Нидерланды. Он не мог и не желал понимать сущности событий, происходивших в стране. Как верноподданный слуга короля, Альба стремился лишь выполнить порученное: ликвидировать привилегии Нидерландов, подчинить их произволу испанских чиновников, разместить испанские войска во всех важных пунктах, подавить всякие проявления социально-политического протеста и еретичества, выжать побольше золота, хотя бы ценой полного разорения страны.

Был учрежден «совет по делу о мятежах», прозванный «кровавым советом», число жертв которого за время правления Альбы превысило 8 тыс. человек. Среди казненных были вожди аристократической оппозиции графы Эгмонт и Горн, дворяне, некоторые купцы, но больше всего бедного люда.

Началось установление испанских порядков. Хозяевами страны стали инквизиторы, испанские чиновники, распоясавшиеся солдаты. Чтобы подорвать значение Генеральных штатов и обеспечить бесперебойное получение денег, Альба решил ввести постоянный налог, включивший в себя единовременный 1%-ный налог со всех недвижимых имуществ, 5%-ный — с продажи недвижимости и 10%-ный — с продажи всех товаров.

Введение 10%-ного налога (алькабалы) в экономических условиях Нидерландов, где товар доходил до потребителя через добрый десяток посредников, означало полную хозяйственную катастрофу, но Альба не желал слушать уговоров даже верных испанских при-

служников об отмене своего нелепого решения и согласился лишь подождать с введением алькабалы до 1571 г.

Партизанская народная борьба против испанского абсолютизма

Кровавый террор герцога Альбы испугал малодушных, но в сердцах храбрых патриотов он разжег гнев и желание отомстить врагам родины. Леса Фландрии и Эно стали убежищем вооруженного рабочего люда, ремесленников, крестьян. Их отряды истребляли мелкие группы испанских солдат, попов и монахов (доносивших испанцам на патриотов), судейских чиновников. Казни испанских пособников осуществлялись по приговорам подпольных консисторий. Эти «лесные гёзы» пользовались поддержкой населения, снабжавшего их продовольствием и сообщавшего о действиях властей и передвижениях войск.

На севере партизанская борьба приняла несколько иную форму. Там матросы, рыболовы, портовый люд, некоторые судовладельцы и дворяне-кальвинисты сели на корабли и повели войну против испанцев на море, используя как базы порты Англии, временно помогавшей им ради ослабления своего противника — Испании. «Морские гёзы» захватывали и топили испанские суда и целые караваны, нападали на приморские городки, везде, где могли, истребляли испанцев и их пособников. Увидев успешность их действий, принц Оранский, укрывшийся в Германии, стал выдавать «морским гёзам» каперские свидетельства на право ведения войны против Альбы и посылать им своих офицеров.

Политика принца Оранского и дворянской эмиграции

На путь борьбы с испанским деспотизмом встал и принц Оранский, вокруг которого в Германии группировались бежавшие из Нидерландов дворяне. Но намерения принца Оранского и его приверженцев были иными, чем у народных партизан. В окружении принца вынашивались планы союза с иноземными государствами — немецкими лютеранскими князьями, Францией, Англией — ценой раздела Нидерландов. Один из таких проектов предусматривал передачу Фландрии и Артуа Франции, Голландии и Зеландии — Англии, а Брабант и еще некоторые провинции, формально связанные ленными отношениями с империей, предполагалось включить в ее состав на правах курфюршества Брабантского во главе с курфюрстом — принцем Оранским. Такие проекты означали борьбу с Испанией не во имя нового, а ради возвращения к отжившим порядкам с некоторым их изменением. Вместе с тем дворянские эмигранты не теряли еще и надежды на возможность путем военного нажима заставить Филиппа II пойти на уступки и затем договориться с ним за счет интересов прогрессивных сил Нидерландов.

Эти планы и связанные с ними дипломатические переговоры держались в глубочайшей тайне. Внешне же принц вел себя как «искренний патриот», а его влиятельные приверженцы в Нидерландах всячески создавали ему авторитет «самоотверженного и бескорыстного» борца за свободу страны. С помощью немецких протестантских князей и французских гугенотов войска принца Оранского в

1568—1572 гг. несколько раз вторгались в Нидерланды, чтобы завоевать их южные и центральные провинции, где он рассчитывал получить наибольшую поддержку. Однако все свои надежды принц возлагал на иноземных наемников, которые жаждали лишь грабежа, не желал вступать в связь с отрядами «лесных гёзов» и опираться на народ. Такая политика и стратегия были порочны, и все военные операции принца Оранского в Нидерландах терпели неудачи.

Восстание 1572 г. и зарождение буржуазной республики на севере страны

1567—1571 годы для Нидерландов были периодом жестокой реакции, направляемой герцогом Альбой. В 1571 г. он ввел алькабалу. Хозяйственная жизнь Нидерландов оказалась дезорганизованной: расторгались сделки, закрывались мануфактуры, лавки, терпели банкротство торговые компании и банки. Алькабала была заменена огромным налогом.

В этой обстановке караван «морских гёзов», которых королева Елизавета, опасаясь конфликта с Испанией, изгнала из английских портов, 1 апреля 1572 г. овладел городом Брилем, расположенным в дельте Рейна. Это событие в условиях вновь назревавшей революционной ситуации послужило сигналом к началу всеобщего восстания в северных провинциях. 5 апреля восстал и впустил в город отряды гёзов городской люд Флиссингена. Вслед за этим отпали от испанцев города Феер, Арнемёйден, Энкхёйзен и др. Крестьяне также поддерживали «морских гёзов», создавали отряды самообороны, истребляли отряды испанцев. «Морские гёзы» наносили испанцам удары на море. Так начался второй этап Нидерландской буржуазной революции и освободительной войны, заложивший основу будущей республики Соединенных провинций.

Ни герцог Альба, ни принц Оранский не смогли оценить всю важность этих событий. Альба, который видел главного врага в принце Оранском и его союзниках (французских гугенотах), пренебрежительно отнесся к «бунту мужиков» на севере страны. Заявив: «Это не важно», он двинул свои войска под стены Монса, захваченного братом принца Людовиком Нассауским.

Принц Оранский, целиком погруженный в огранизацию своей военной экспедиции, «узнав о народном движении, не проявил никакого удовольствия. Наоборот, он жаловался, что эти небольшие успехи (восставших на севере.— *Авт.*) помешают главному мероприятию, которое он готовил»,— писал в своих «Анналах» Гуго Гроций, голландский политический деятель, юрист и историк XVII в. Это «главное мероприятие» принца потерпело поражение, как и предыдущие. Оно сыграло лишь ту положительную роль, что отвлекло силы испанцев и позволило восстанию на севере развиваться без больших помех. Оранский оказался тем не менее достаточно гибким и дальновидным политиком, чтобы, хотя и с опозданием, понять перспективы, которые открывал успех повстанцев в северных провинциях. Он стал сближаться с буржуазными кругами и консисториями, направлявшими движение на севере.

Тем временем на севере «морские гёзы», городские ополчения (стрелковые гильдии), заново сформированные из городского плебса

и ремесленников, консистории стали на время господами положения. Они объединили вокруг себя и те революционно и антииспански настроенные элементы, которые не порвали с католической верой, но презирали и ненавидели католических попов, отправлявших в застенки инквизиции всех, кто осмеливался обличать пороки церковного клира и произвол испанских властей. Против испанцев выступили и дворяне-кальвинисты северных провинций, возглавив отряды повстанцев. Революционные силы повсеместно наступали, свергали реакционные магистраты городов и вмешивались в управление городскими делами. Крестьяне в ряде мест разгромили монастыри и поместья дворян — сторонников Испании, захватили принадлежавшие им земли, прекратили выплату церковной десятины. Но делалось это стихийно, без законодательного закрепления проводимых мер.

Богатое купечество северных провинций, поддерживавшее политический союз с кальвинистски и антииспански настроенными дворянами-оранжистами, вынуждено было временно мириться с действиями революционных масс. Постепенно оно начало прибирать власть к своим рукам, закрепившись в магистратах городов и штатах провинций. Одним из важных шагов в этом направлении было призвание принца Оранского. Аристократическое происхождение принца, связи с иноземными монархами, популярность как борца против испанского деспотизма делали его авторитетным лицом, приемлемым для различных слоев общества.

Генеральные штаты Голландии и Зеландии, практически взявшие власть в свои руки, на дордрехтской сессии в июле 1572 г. признали принца Оранского статхаудером Голландии и Зеландии, вручив ему верховное военное командование, высшую исполнительную власть и право назначения и смещения (с ведома штатов) всех высших должностных лиц.

В октябре 1572 г. принц прибыл в Голландию. Его интересы не совпадали полностью с целями призвавшей его купеческой олигархии. Он стремился к гораздо большей самостоятельности и, используя свой пост, добивался расположения дворян и симпатии консисторий, за которыми стояли народные массы. Купеческую олигархию это не очень беспокоило. Она надежно контролировала принца через штаты и понимала, что демагогические его заигрывания лишь укрепляют складывающийся режим, придавая ему популярность.

Период с 1573 по 1575 г. был тяжелым для восставших. Поняв свою ошибку, Альба всеми силами обрушился на «мятежников». Вооруженный народ повсюду оказывал отчаянное сопротивление испанцам. Семь месяцев (декабрь 1572 г.— июль 1573 г.) героически оборонялись жители осажденного Хаарлема, и лишь голод принудил их капитулировать. Еще больший героизм проявили жители осажденного Лейдена (май — октябрь 1574 г.), борьба которых закончилась победой. Восставшие провинции широко и с большим успехом применяли метод затопления водой территорий, занятых испанцами, несмотря на связанные с этим тяжелые материальные потери.

Теперь и в Мадриде поняли, что политика герцога Альбы в Нидерландах провалилась, и в конце 1573 г. он был отозван в Испанию. Но вплоть до 1575 г. испанцы еще продолжали наступать.

Восстание 4 сентября 1576 г. «Гентское умиротворение»

Дон Луис Рекезенс, сменивший Альбу на посту наместника в Нидерландах, оказался в тяжелом положении, хотя и добился в первое время некоторых военных успехов. Денег не было. Испанские наемники годами не получали жалования, были деморализованы героическим сопротивлением восставшего народа. 5 марта 1576 г., после скоропостижной смерти Рекезенса, власть перешла в руки Государственного совета, где заседали испанские прислужники, не способные овладеть положением. Более того, летом 1576 г. испанские войска, требуя жалования, восстали, захватили цитадели в ряде городов (Алост, Гент, Антверпен), грабили и терроризировали население. В ответ в центральных провинциях и на юге вспыхнуло давно уже назревавшее восстание.

4 сентября 1576 г. отряд брюссельской городской «милиции» под командованием офицеров-оранжистов при сочувствии и поддержке горожан арестовал членов Государственного совета. Владычеству испанцев пришел конец. Начался третий этап революции и освободительной войны, ознаменовавшийся распространением ее на всю территорию страны.

Народные массы всюду брались за оружие: шли аресты испанцев и их прислужников, вооруженные силы повстанцев блокировали засевших в цитаделях взбунтовавшихся испанских солдат, вводили новые порядки. Негодование против испанцев было всеобщим: оно охватило и дворян, и даже часть католического духовенства.

В октябре 1576 г. в Генте собрались Генеральные штаты, взявшие власть в свои руки. По составу участников они не отражали перемен, происшедших в жизни страны. В них заседали представители патрициата, консервативного купечества, католического духовенства. Депутаты северных провинций выступали довольно решительно, но дебаты затянулись.

Тем временем взбунтовавшиеся испанские наемники продолжали свои бесчинства. 4 ноября 1576 г. они совершили вылазку из антверпенской цитадели и подвергли город разгрому и грабежу. Считают, что было убито и замучено свыше 8 тыс. горожан, сожжено до тысячи домов. Общий ущерб оценивался в 24 млн. гульденов. Это побудило Генеральные штаты поспешить с выработкой соглашения, которое было опубликовано 8 ноября. «Гентское умиротворение» формально являлось мирным договором между восставшими в 1572 г. северными провинциями и провинциями, остававшимися до 1576 г. под властью испанцев. Но фактически его значение было гораздо шире: в нем нашли отражение сложившаяся в 1576 г. общая расстановка классовых сил и устремления тех социальных группировок, которые желали соглашения с Филиппом II, а не углубления революции и освободительной войны. Оно предусматривало: вывод испанских войск; отмену «плакатов» против еретиков и законов, введенных Альбой; освобождение арестованных на их основании

лиц; компенсацию тем, чьи имущества были конфискованы испанцами.

В то же время прокламировались сохранение суверенитета Филиппа II, католической веры, запрет кальвинистского богослужения, война объявлялась только мятежным испанским войскам, предложение о конфискации церковных земель было отклонено.

Политический статус Голландии и Зеландии оставался автономным, но им запрещалось распространять кальвинизм или поддерживать его за своими пределами.

Обострение классовой борьбы

После прибытия в Нидерланды нового испанского наместника дона Хуана Австрийского Генеральные штаты, вопреки воле прогрессивных сил и противодействию принца Оранского, завязали с ним переговоры. В феврале 1577 г. был подписан «Вечный эдикт», и дон Хуан, обязавшийся соблюдать «Гентское умиротворение», признавался наместником Филиппа II. Но уже в июне дон Хуан, намереваясь восстановить прежние порядки, захватил цитадель в Намюре и начал военные действия против войск Генеральных штатов.

Это вызвало новый подъем социально-политической борьбы, изменивший расстановку сил во Франдрии, Брабанте и южных провинциях. Кажущееся единство первых дней рассеялось, как туман. Шел ускоренный процесс политического самоопределения борющихся классов и группировок, расслаивание их на враждующие между собой или соперничающие фракции. Происпански настроенные дворяне, городской патрициат, реакционные слои бюргерства и купечества, связанные своими экономическими и политическими интересами с Испанией, сплачивались в единый блок феодально-католической реакции, искавший соглашения с Филиппом II.

Кальвинистская буржуазия, претендовавшая на роль руководителя восстания, мелкобуржуазные и плебейские массы городов, в ряде случаев устанавливавшие контакты с крестьянами и бывшие главной движущей силой революционного и освободительного движения, сплачивались в другой блок.

Приверженцы принца Оранского, рекрутировавшиеся из антииспански настроенных кругов дворянства, умеренных слоев бюргерства и купечества, занимали промежуточное положение, пытались играть роль «примирителей» борющихся сил.

После измены дона Хуана прокатилась новая волна народных восстаний, в ходе которых свергались реакционные магистраты, арестовывались сторонники испанцев, изгонялись католические священники. В Брюсселе, Антверпене, Ипре, Генте были созданы революционные «комитеты восемнадцати» («18»), тесно связанные с консисториями. Членами «18» были кальвинисты — буржуа, адвокаты, цеховые ремесленники, лавочники, купцы. Своей главной задачей комитеты считали организацию обороны городов и прилегающей сельской местности от испанцев; но постепенно «18» стали вмешиваться во все области городского управления, контролировать действия магистратов, играя роль революционных органов власти.

В Брюсселе «18» оказывали давление на Государственный совет и Генеральные штаты. Летом и осенью 1577 г. они потребовали от Генеральных штатов удаления реакционеров и испанских пособников из государственного аппарата, всеобщего вооружения народа, реорганизации Государственного совета.

Однако действия «18», кальвинистских консисторий и народных масс были разрознены, революционная буржуазия не смогла выдвинуть из своей среды авторитетных руководителей общегосударственного масштаба. Этим воспользовался принц Оранский, который уже давно лелеял мечту перебраться из Голландии, ставшей периферией, в Брюссель, где находились центральные органы власти восставших провинций. Осенью 1577 г. он прибыл в Брюссель, где, опираясь на энергичную деятельность своих сторонников, добился назначения на пост руварда (наместника) Брабанта.

Происпанские силы тем временем попытались закрепиться во Фландрии, сделав ее столицу Гент своим центром. Однако восстание гентского плебса в октябре 1577 г. сорвало эти планы. Лидер дворянских реакционеров герцог Арсхот и другие заговорщики были арестованы, а хозяевами города стали «18» и консистории. Борьба против католических реакционеров кипела и в других районах.

Генеральные штаты и их сторонники были растеряны. Напуганные мощным размахом народных выступлений, они видели выход в их подавлении и сговоре с силами феодально-католической реакции. Такой же в основном политики в это время придерживался и принц Оранский. Понимая, что достигнуть своих целей он сможет легче всего если подчинит себе Государственный совет и Генеральные штаты, принц настойчиво расширял круг своих приверженцев (оранжистов) в этих правительственных органах. И принц Оранский добился своего, становясь постепенно хозяином и в Государственном совете, и в Генеральных штатах.

Демократическое движение в Генте

Особенно острая борьба шла в Генте. Здесь «18» вопреки «Гентскому умиротворению» ввели свободу кальвинистского богослужения; правительственные войска были изгнаны из города и заменены формированиями из городского плебса, которыми командовали кальвинистские буржуа. «18» конфисковали церковное имущество и обратили вырученные от их распродажи средства на городские нужды и оплату своих войск. В знак протеста против политики Генеральных штатов и принца гентцы прекратили выплату налогов.

Гентцы заключили союз с другими городами Фландрии и Брюсселем, а также установили прочные контакты с крестьянскими отрядами самообороны, созданными во Фландрии. Во Фландрии в это время, по словам одного современника, разгорелась настоящая крестьянская война. Крестьяне не получили от Генеральных штатов ни земли, ни освобождения от феодальных повинностей. Одновременно они подвергались грабежам и насилиям как со стороны испанских войск, так и мародерствовавших иноземных наемников, которые были приглашены «для защиты страны» принцем Оранским и покорными ему Генеральными штатами. Итогом были мощные

крестьянские восстания, прокатившиеся во Фландрии в 1578—1579 гг. и жестоко подавленные войсками Генеральных штатов.

Аррасская и Утрехтская унии 1579 г.

Осенью 1578 г. католическое дворянство провинций Артуа и Эно («недовольные») подняло открытый мятеж против Генеральных штатов, обвиняя их в потворстве «бунтовщическим элементам», и стало вести переговоры с новым испанским наместником в Нидерландах Александром Фарнезе. 6 января 1579 г. «недовольные» заключили с ним официальный союз (Аррасская уния), цель которого определялась следующим образом: «Добиться соглашения с католическим королем, нашим законным повелителем и государем».

В мае 1579 г. соглашение было подписано в Аррасе и затем ратифицировано штатами провинций Артуа, Эно, Лилля, Дуэ и Орши, чем официально признавалась их капитуляция перед Испанией. Соглашение предусматривало признание Филиппом II «Гентского умиротворения», «Вечного эдикта», вывод испанских войск, сохранение католицизма и восстановление ранее существовавших политических порядков.

23 января 1579 г. отложившиеся провинции, ядро которых составляли Голландия, Зеландия, Фрисландия и Утрехт, в ответ на этот акт подписали текст Утрехтской унии. К ней присоединились и крупнейшие города Фландрии и Брабанта, в том числе и Гент.

Утрехтская уния, формально не отвергая «Гентского умиротворения», ставила главной целью ведение революционной войны против Испании до победного конца. Она прокламировала единство и взаимопомощь отложившихся провинций, предусматривала меры по обеспечению их обороны, финансированию военных расходов, регулированию денежных курсов, компенсацию лицам, владения которых были конфискованы, формулировала в общих чертах основы политического устройства. Испанскому абсолютизму в нем места фактически не оставалось, хотя формально суверенитет Филиппа II над Нидерландами сохранялся. Провозглашалась свобода совести, но не богослужения, которое было запрещено католикам.

Решительные действия северных провинций в ответ на измену реакционного дворянства Артуа и Эно, независимость их позиции вызвали недовольство принца Оранского, который даже после подписания Аррасской унии не оставлял надежд на возможность достигнуть соглашения с дворянской контрреволюцией. Поэтому принц подписал текст Утрехтской унии лишь в мае 1579 г., после того как дворянские контрреволюционеры южных провинций капитулировали перед Филиппом II.

Низложение Филиппа II

Теперь настало время покончить с фикцией суверенитета Филиппа II. Но правящие круги отложившихся провинций боялись, что переход к республиканской форме правления развяжет революционную инициативу консисторий и народных масс. Поэтому они провели ряд мер, предупреждающих такую возможность. В августе 1579 г. принц организовал подавление демократического движения

в Генте. На севере были подавлены крестьянские восстания, вспыхнувшие в окраинных провинциях — Оверэйсселе, Фрисландии, Хронингене, Дренте, Гелдерне, а вооруженные народные силы, находящиеся под влиянием консисторий (стрелковые гильдии), были лишены права впредь принимать участие в решении городских и общегосударственных дел, чего они добились в ходе восстания 1572 г. Лишь после этого 26 июля 1581 г. Филипп II был объявлен низложенным.

Поражение революции на юге страны и его причины

Принц Оранский и Генеральные штаты в феврале 1582 г. призвали в страну в качестве ее «губернатора» брата французского короля герцога Анжуйского, ничтожного, но властолюбивого авантюриста. В январе 1583 г., используя свои войска, герцог предпринял попытку захватить Фландрию и Брабант и подчинить их Франции. Эта попытка была подавлена силами вооруженного народа, но она имела гибельные последствия.

Теперь во Фландрии и Брабанте со всей очевидностью сказались результаты политики принца Оранского и послушных ему Генеральных штатов. Революционные силы были подорваны. Использование иноземных войск и вручение верховной власти герцогу Анжуйскому скомпрометировали в глазах народных масс саму идею войны за независимость. На время перед лицом успешного наступления испанских войск в крупнейших городах — Брюсселе, Антверпене, Ипре, Брюгге, Генте — революционно-демократическое движение вновь одержало верх. Была организована оборона городов. Но даже героическая оборона — смерть вооруженного восстания. Начались измены. В частности, глава гентского демократического движения Имбизе был изобличен в ведении предательских переговоров с испанцами и казнен. Используя свой перевес в силах, разрозненность действий осажденных городов, проводя искусную политику и стратегию, Александр Фарнезе принудил их по очереди к капитуляции. С падением Антверпена 17 августа 1585 г. революция и освободительная война во Фландрии и Брабанте потерпели поражение.

Существенную роль в таком исходе сыграли и те экономические особенности Фландрии и Брабанта, о которых говорилось ранее, а также связанная с ними расстановка классовых сил. Зависимость местных мануфактур от испанских рынков сбыта и сырья подорвала их деятельность после разрыва с Испанией. Наиболее радикальные и предприимчивые слои буржуазии эмигрировали в Голландию, увозя с собой капиталы, секреты производства, квалифицированных рабочих. Города обезлюдели. Революционные силы были дезориентированы изменами своих руководителей и репрессиями властей. Наоборот, позиции реакционных слоев бюргерства, дворянства и духовенства, связанных своими интересами со средневековьем и Испанией, укреплялись. Усиливавшийся военный натиск испанцев решил дело. Таков был результат третьего этапа, начавшегося восстанием 4 сентября 1576 г. и закончившегося падением Антверпена.

Республика Соединенных провинций в конце XVI в.

Иначе складывалось положение на севере. Там после низложения Филиппа II на основе Утрехтской унии возникла республика Соединенных провинций. Буржуазия и купечество Голландии и Зеландии успешно использовали передышку, которую дало восстание 1576 г. Отмена испанских законов и распоряжений властей, нарушавших нормальный ход хозяйственной жизни, изгнание реакционеров из городских магистратов, проведение ряда прогрессивных реформ способствовали тому, что, несмотря на осложнения, связанные с войной, экономика этих провинций шла по пути подъема.

Этот подъем был ускорен все возраставшим приливом эмигрантов из промышленных городов южных провинций. С середины 80-х годов и без того не очень развитые экономические связи с центральными и южными провинциями полностью порвались.

Расстановка классовых сил в республике несколько изменилась по сравнению с положением, существовавшим в 1572 г. Купеческая олигархия уже прочно держала в своих руках бразды правления, а консистории все больше оттеснялись на положение оппозиции. Летом 1584 г. от руки наемного убийцы, подосланного испанцами, погиб принц Оранский, жизненный путь и политическая карьера которого были сложны и извилисты.

Лидер аристократической оппозиции, а затем дворянской эмиграции, организатор нескольких походов против герцога Альбы, он с 1572 г. возглавил отложившиеся провинции, способствуя консолидации национальных сил, вступивших в борьбу против Испании. Самим фактом перехода на сторону революции и освободительной войны как глава вооруженных сил и исполнительной власти принц внес свой вклад в дело борьбы с Испанией и создания республики. Тем не менее он остался аристократом до мозга костей, усвоившим эразмианский религиозный скептицизм. Ловкий политик и дипломат, велеречивый оратор, потоком выспренних слов умевший столь ловко маскировать свои истинные цели, что получил прозвище «Молчаливый», мастер политических компромиссов и интриг, но посредственный полководец — таким был принц. Заигрывая с радикальной кальвинистской буржуазией и плебейством, принц на самом деле их презирал. Внутри страны он искал себе союзников в лице оппозиционного дворянства, богатого купечества, консервативного бюргерства, а за рубежом — в лице немецких протестантских князей, французских гугенотов, герцога Анжуйского и королевы Елизаветы, маскировавших свои захватнические цели личиной «защитников» нидерландского народа. Практически принц Оранский был лидером дворянского крыла в нидерландской буржуазной революции и олицетворял собой политический союз между буржуазией и кальвинистским дворянством Нидерландов. В силу своей классовой ограниченности он не понимал существа событий, которыми пытался управлять. Крушение планов принца стало очевидным уже в период заключения Утрехтской унии, и уход его с политической арены не имел серьезных последствий для судеб республики.

Социальная основа, на которой развивался оранжизм как политическое течение, стремившееся играть на противоречиях между радикальной буржуазно-демократической оппозицией и правящей купеческой олигархией, продолжала существовать и после смерти принца. Для сохранения своего политического господства правящая купеческая олигархия по-прежнему опиралась в борьбе с Испанией не на силы вооруженного народа, а искала помощи у иноземных государей. Она готова была даже поступиться суверенитетом республики и встать в той или иной форме под покровительство иноземной державы (даже ценой утраты республиканской формы правления), лишь бы эта последняя взяла на себя ведение войны против Испании.

После смерти принца статхаудером стал его сын Мориц Нассауский (1585—1625), но переговоры с французским королем Генрихом III и с английской королевой Елизаветой о передаче одному из них суверенитета над страной продолжались. Оба они отказались от сделанных им предложений, однако в 1585 г. Елизавета согласилась послать в Соединенные провинции в качестве губернатора своего фаворита графа Лейстера. Лейстер стремился превратить республику в бесправный придаток Англии и разменную монету ее своекорыстной внешней политики. Наконец, он повел предательские переговоры с испанцами, а когда об этом стало известно Генеральным штатам, поднял мятеж. Мятеж был подавлен, а Лейстер отозван в Англию (1587). Лишь эти события вместе с опытом, извлеченным из плачевных итогов двукратных приглашений герцога Анжуйского (в 1578 и 1582 гг.), побудили правящую купеческую олигархию республики покончить со столь опасными комбинациями и перейти к политике равноправных отношений с другими государствами.

Перемирие 1609 г.

В 1585—1609 гг. республика Соединенных провинций в союзе с Францией (до 1598 г.) и с Англией продолжала вести войну против Испании. Руководил военными операциями Мориц Нассауский, талантливый полководец и организатор. Опираясь на возраставшую экономическую мощь республики и беззаветное самопожертвование народа, Мориц отвоевал временно оккупированные испанцами земли республики и перенес военные действия на территорию захваченных испанцами Южных Нидерландов. Одновременно военно-морские силы республик, используя ослабление Испании после разгрома «Непобедимой Армады» (см. гл. 27), вели энергичные действия на ее морских коммуникациях и в колониях.

После ряда тяжелых военных поражений Испания вынуждена была в 1609 г. заключить с республикой перемирие на 12 лет. По договору признавалась фактическая независимость республики Соединенных провинций, ее право вести торговлю с португальскими колониями в Ост-Индии. Устье реки Шельды было объявлено закрытым для торговли, что обрекло Антверпен на экономическое разорение, а Амстердаму обеспечило условия для небывалого расцвета. Заключение перемирия 1609 г. знаменовало собой победу революции и освободительной войны в северной половине Нидерлан-

дов. Маленький народ, пошедший по пути экономического и социального прогресса, вдохновленный идеями освободительной войны и революции, одержал победу над одной из сильнейших феодальных монархий Европы, ведшей несправедливую, захватническую войну. Так завершился четвертый этап революции и освободительной войны (1585—1609), итогом которого было образование республики Соединенных провинций и признание ее де факто Испанией.

Характер Нидерландской буржуазной революции

Нидерландская буржуазная революция XVI в. занимала особое место среди буржуазных революций мануфактурного периода. Маркс писал: «Революция 1789 года имела своим прообразом (по крайней мере, в Европе) только революцию 1648 года, а революция 1648 года — только восстание нидерландцев против Испании. Каждая из этих революций ушла на столетие вперед по сравнению со своими прообразами не только по времени, но и по своему содержанию» [1].

Особый характер Нидерландской революции по сравнению с революциями 1648 и 1789 гг. обусловливался тем, что в Нидерландах в тот период буржуазия была еще политически незрелым классом, неразвитым был и ее классовый антагонизм по отношению к дворянству и абсолютизму. Идеологическим знаменем революции была религиозная доктрина Кальвина. «...Кальвинизм создал республику в Голландии...» [2], — писал Ф. Энгельс, а внешне революция приняла форму освободительной войны против Испании. В условиях войны за независимость затушевывалась социальная сущность событий, так как на первый план выдвигались военные действия против испанцев и их союзников. Поэтому нидерландская буржуазия в еще большей степени, чем английская, особенно в лице ее экономически наиболее сильной части — крупной торговой буржуазии, поддерживала союз не с крестьянством и городским плебсом, а с дворянством. В противоположность обуржуазившемуся английскому «новому дворянству» XVII в. нидерландское дворянство в своем подавляющем большинстве оставалось феодальным, и потому союз с ним был сопряжен с гораздо большими уступками феодальным элементам со стороны нидерландской буржуазии, чем в Англии XVII в.

Победа была одержана лишь на севере, где сложились более благоприятные социально-экономические и политические предпосылки.

§ 2. ЮЖНЫЕ НИДЕРЛАНДЫ И РЕСПУБЛИКА СОЕДИНЕННЫХ ПРОВИНЦИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Южные Нидерланды в первой половине XVII в.

Вновь захваченные испанцами южные провинции Нидерландов были превращены в испанский протекторат (1598) под номинальным суверенитетом дочери Филиппа II Изабеллы (до 1633 г.) и ее мужа Альберта Габсбурга (1598—1621). Экономика этих провинций переживала тяжелые времена. Цвету-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 114.
[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 308.

щие в прошлом Фландрия и Брабант постепенно превращались в аграрное захолустье. В их захиревших городах снова расцветала цеховая исключительность, а цеховые мастера, патрициат и средневековое бюргерство заняли господствующее положение. В деревне дворяне и католическая церковь сохранили в неприкосновенности свои средневековые привилегии. Вновь введенные законы установили жестокую систему взыскания недоимок с крестьян. В целом были введены порядки, очень близкие к испанским, а во внешней политике слепо выполнялись указания Мадрида.

Экономическое развитие республики Соединенных провинций в первой половине XVII в.

Республика Соединенных провинций в результате доведенной до конца революционной борьбы против иноземного господства стала первой буржуазной республикой, в то время как во всех остальных странах Европы еще господствовал феодализм. Правда, незрелость Нидерландской революции сказалась в том, что проведенные экономические преобразования носили половинчатый характер. Впоследствии это привело к хозяйственному застою, но на первых порах республика быстро шла по пути экономического прогресса.

Шерстоткацкие мануфактуры Лейдена в начале XVII в. производили 70—120 тыс. кусков тканей в год. В Роттердаме и других городах развивалось производство шелковых и льняных тканей. На верфях Амстердама и Заандама строились корабли всех типов не только для нужд самой республики, но и для иноземных заказчиков. В рыболовецком флоте насчитывалось до 2000 кораблей, а годовой улов рыбы оценивался в 22 млн. гульденов.

Главные капиталы были сосредоточены во внешней торговле и мореплавании. Господство торговой буржуазии в экономической жизни республики объясняется тем, что Нидерланды переживали еще мануфактурный период развития капитализма, когда «торговая гегемония обеспечивает промышленное преобладание» [1]. В середине XVII в. флот Соединенных провинций состоял из 4300 судов (не считая мелких). Он почти вдвое превосходил флоты Англии и Франции, взятые вместе. Общий торговый оборот провинций достигал 75—100 млн. гульденов в год. Очень оживленной была, в частности, торговля с Россией. Испанский агент писал по этому поводу: «Надо принять во внимание, что самая большая торговля, которую голландцы ведут теперь и вели долгие годы и которую они считают наиболее обеспеченной... это торговля с севером, главным образом — с Московией».

В XVII в. огромные прибыли стала давать торговля рабами. За вторую его половину голландские работорговцы продали до 500 тыс. рабов в Америку.

Все возраставшее значение в торговле республики приобретала основанная в 1602 г. Ост-Индская торговая компания, которой заправляли богатейшие амстердамские купцы, хотя ее филиалы (камеры) размещались также в Мидделбюрхе, Роттердаме, Делфте,

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 764.

Хоорне и Энкхёйзене. Главные владения компании находились на Молуккских и Зондских островах, но фактории располагались по всему побережью Индийского океана, в Африке, Индо-Китае, Китае. Среднегодовой дивиденд акционеров составил в XVII в. 18%. Достигалось это самыми варварскими методами: истреблялось и обращалось в рабство население целых островов, для поддержания высоких монопольных цен уничтожались заросли пряностей на огромных территориях. Голландские колонисты чинили жестокий произвол и безнаказанно грабили коренное население колоний. Так начала осуществлять свою «культурную миссию» в колониях первая буржуазная страна в Европе.

Амстердам занял былое место Антверпена как центра складывавшегося мирового товарного и кредитно-финансового рынка. Доля его в торговле всей республики за XVII в. составляла в среднем 46,5%. Здесь возникли страховые компании, а в 1609 г. был создан банк, который занимался депозитными (прием вкладов) и кредитными операциями широкого масштаба.

Значительные изменения произошли в сельском хозяйстве республики. Земли дворян и духовенства, перешедших на сторону испанцев, были конфискованы и раскуплены городскими буржуа и богатыми крестьянами. В Голландии и Фрисландии это было равносильно почти полной ликвидации феодальных поземельных отношений. Однако церковная десятина была сохранена, хотя она и выплачивалась теперь консисториям. Зато в Гелдерне и Оверэйсселе поземельные отношения сохранили свой феодально-средневековый характер. Там купеческая олигархия возложила на плечи крестьян экономические издержки своего политического союза с дворянством. Продукты сельского хозяйства и сельскохозяйственный экспорт облагались многочисленными налогами, так же как и земля. В этих условиях рентабельным оказалось лишь высокотоварное фермерское хозяйство, тогда как рядовое крестьянство по-прежнему едва сводило концы с концами и разорялось.

Политическое устройство республики

Государственное устройство республики основывалось преимущественно на положениях Утрехтской унии. Основное законодательство, важнейшие общегосударственные вопросы (вотирование налогов, объявление войны, заключение мира и международных договоров и т. д.) относились к компетенции Генеральных штатов. Каждая провинция в них, независимо от числа депутатов, имела один голос. Депутаты голосовали в соответствии с инструкциями, полученными от избирателей (императивный мандат), и решение должно было приниматься единогласно. Этот партикуляристский оттенок был ослаблен тем, что устанавливался принцип арбитража статхаудеров в том случае, если Генеральные штаты не приходили к согласованному решению, но последние обычно старались избегать подобных прецедентов.

Кроме Генеральных штатов существовал федеральный Государственный совет, решения в котором принимались простым большинством голосов. Он ведал преимущественно текущими и военными

вопросами. Председательствовал в нем статхаудер, а его фактическим заместителем был «великий пенсионарий». Эту должность обычно как противовес статхаудеру занимал ставленник правящей купеческой олигархии. Значение пенсионария было тем большим, чем Мориц Нассауский чаще всего находился при войсках. Голоса в Государственном совете распределялись согласно размерам налоговых квот, вносимых провинциями. Поэтому Голландия и Зеландия располагали 5 местами из 12. Чтобы верховодить в Государственном совете, им достаточно было перетянуть на свою сторону одну-две провинции.

Статхаудер, обладавший большой военной и административной властью и занимавший обычно этот пост в нескольких провинциях одновременно (Мориц был статхаудером Голландии, Зеландии, Утрехта и Оверэйссела), пользовался широкими полномочиями, что придавало политической структуре республики монархический оттенок.

Провинциальные штаты обладали большой автономией в решении местных дел. Социальный состав их депутатов и процедура работы были различны. В Голландии дворянство имело в штатах лишь один голос, духовенство не было представлено, а правящая купеческая олигархия располагала 18 голосами из 19. В Гелдерне и Оверэйсселе в штатах преобладало дворянство. Зато в штатах Фрисландии вместе с дворянами заседали 30 депутатов от крестьян и 11 от горожан. Правом участия в выборах депутатов обладало лишь очень небольшое меньшинство жителей Соединенных провинций.

Практически преобладание в республике Соединенных провинций оставалось за правящей купеческой олигархией Голландии и Зеландии, располагавшей действенными средствами давления на менее развитые провинции.

Социально-политическая борьба в республике в первой половине XVII в.

Положение широких трудовых масс города и деревни в республике было тяжелым. Политически они остались бесправными. Продолжительность рабочего дня, как и до революции, составляла 12—14 часов, а реальная заработная плата была низка, поскольку цены на основные потребительские товары в республике превышали уровень цен во всех европейских странах из-за корыстной таможенно-налоговой системы, введенной купеческими заправилами. Трудящиеся массы республики, писал Маркс, уже в 1648 г. «больше страдали от чрезмерного труда, были беднее и терпели гнет более жестокий, чем народные массы всей остальной Европы» [1].

Поэтому вся первая половина XVII в. в истории республики была наполнена острыми классовыми конфликтами. В 1618 и 1638 гг. происходили волнения среди подмастерьев-суконщиков в Амстердаме. В 1643 г. имели место выступления сукноделов в Лейдене, а в 1645 г.— волнения среди подмастерьев, требовавших улучшения условий труда. Оживилась деятельность «кнехтгильдий» (объединения

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 763.

наемных рабочих и подмастерьев), которые из организаций взаимопомощи постепенно развивались в профессиональные организации, боровшиеся за улучшение условий труда. Крестьяне, страдавшие от тяжелых налогов, малоземелья и сохранившихся феодальных пережитков, также волновались. В частности, в середине XVII в. происходили крестьянские выступления в Зеландии, Оверэйсселе и Хронингене.

Конфликты имели место и внутри класса буржуазии. Мануфактуристы, чтобы обеспечить конкурентоспособность своих товаров, нуждались в установлении высоких ввозных и низких вывозных пошлин. Правящая купеческая олигархия, однако, весьма мало заботилась о нуждах мануфактуристов, отстаивала выгодную ей систему свободы торговли и оттесняла своих собратьев по классу, группировавшихся вокруг консисторий, от кормила правления. Конфликт между двумя фракциями буржуазии принял политический характер.

В конце второго десятилетия XVII в. в республике сложились три политические группировки. Статхаудер Мориц Нассауский и группировавшееся вокруг него дворянство преуспевавшее на военной службе и поддерживавшее стремление Морица расширить свою личную власть, хотели скорейшего возобновления войны. Они настаивали также на расширении прав центральных правительственных органов, более тесном объединении провинций. Поэтому сторонников Морица называли унитаристами.

Мориц Нассауский получил поддержку и со стороны политической группировки, сложившейся вокруг консисторий. К ней принадлежали слои буржуазии, связанные с мануфактурами и внутренним рынком, широкая мелкобуржуазная прослойка и находившийся под влиянием консисторий городской плебс. Эта группировка резко выступала против эгоистической торговой политики купеческой олигархии, которая, прикрываясь личиной «свободы торговли», пренебрегла интересами национальной промышленности и сельского хозяйства. Даже в разгар войны богатые голландские купцы поставляли испанским войскам продовольствие и снаряжение, цинично оправдывая это тем, что испанцы все равно получат желаемое от купцов других стран, хорошие барыши будут потеряны, а финансирование войны затруднено. В укреплении власти статхаудера консистории видели средство обуздать произвол купеческой олигархии. Идеологическим знаменем этой группировки был ортодоксальный кальвинизм, проповедником которого был идеолог консисторий Гомар; сторонников его прозвали гомаристами.

В третью группировку входили правящая купеческая олигархия Голландии и ее союзники в других провинциях. Эта группировка отстаивала традиционную автономию провинций, право купеческой олигархии сохранять в своих руках власть и безгранично обогащаться, а теории «народного суверенитета» гомаристов противопоставляла концепцию «суверенности» Генеральных штатов, т. е. самой себя. Против догмы Гомара олигархи выдвигали учение теолога Арминия, проповедовавшего веротерпимость. Эта группировка

получила кличку провинциалистов, или арминиан. Самой влиятельной внутри нее была фракция, которую возглавлял великий пенсионарий Голландии Ян фан Олденбарнефелт.

Поняв опасность создавшейся против него коалиции гомаристов и унитаристов, Олденбарнефелт попытался расколоть ее, а потерпев неудачу, начал готовить восстание. Но он просчитался, ибо раскол произошел среди самих провинциалистов, умеренные элементы которых заколебались и поддержали статхаудера. Выступления сторонников Олденбарнефелта были подавлены, а сам он был арестован и казнен 13 мая 1619 г.

Таким образом одна из фракций купеческой олигархии потерпела поражение, но существенных перемен в республике не последовало: во главе ее по-прежнему оставались купеческая олигархия и оранжисты.

Возобновление войны. Вестфальский мир

В 1621 г. военные действия возобновились. Характер их несколько изменился. Теперь вопрос стоял не столько об освобождении от испанского господства, сколько о закреплении и расширении успехов, достигнутых по перемирию 1609 г., а военные операции стали составной частью Тридцатилетней войны (см. гл. 35).

Осью внутриполитической жизни республики вновь сделалась война. Правящая купеческая олигархия чинила множество препятствий Морицу Нассаускому, мешала успешному исходу осады Антверпена вплоть до снабжения осажденного в нем испанского гарнизона оружием и продовольствием, так как опасалась, что включение его в состав республики создаст грозную конкуренцию Амстердаму. Оранжисты стремились продлить войну, которая их кормила и укрепляла их престиж внутри страны. Кальвинистская оппозиция чем дальше, тем больше обнаруживала свои слабые стороны. Лишенная крупных вождей, неспособная создать общенациональное самостоятельное движение, она все чаще плелась в хвосте у оранжистов, а былой ее радикализм мельчал. Вестфальский мир 1648 г. (см. гл. 35) означал конец войны между республикой Соединенных провинций и Испанией. По нему независимость республики получила юридическое международное признание; формальная связь ее с Германской империей была ликвидирована; устье Шельды по-прежнему оставалось закрытым для торговли; к республике был присоединен ряд городов и территорий Брабанта и Лимбурга, но как бесправные политически «союзные земли».

Культура Нидерландов XVI в.

Возникновение в XVI в. капиталистического уклада и связанные с этим изменения в социальной жизни породили в Нидерландах прогрессивные формы идеологии и культуры, соответствовавшие запросам новых общественных сил, которые вступали в борьбу против феодализма и его идеологии — католицизма. Большое место в этом прогрессивном идейном движении принадлежало гуманизму и выдающемуся его представителю первой половины XVI в. Эразму Роттердамскому (1466—1536). Незаконнорожденный сын роттердамского бюргера Эразм поступил в городскую школу Роттердама, а

затем завершил свое школьное образование в славившейся в те времена девентерской городской школе. В 1486 г. Эразм поступил в монастырь. Покинув монастырь, он (с 1496 г.) проходил курс в Парижском университете. Эразм окончательно закрепляет за собой репутацию выдающегося ученого-гуманиста и публициста изданием «Похвалы Глупости» (1509). Сильный в критике пороков современного ему общества, католических богословов и их невежественных заблуждений, Эразм оставался тем не менее в лоне католической церкви и отверг Реформацию даже в ее умеренном лютеранском варианте (подробнее об Эразме см. гл. 25).

Отвлеченная, умозрительная веротерпимость Эразма приобрела политический оттенок у его последователя Дирка Фолкертсзона Коорнхерта (1522—1590). Известный гуманист, он, однако, не замыкался в тиши кабинета, а энергично отдавался политической деятельности, занимая посты секретаря и нотария Хаарлема, а также государственного секретаря Голландии при Вильгельме Оранском. Он стремился популяризировать гуманистические идеи, переводя на голландский язык произведения античных авторов и сочиняя вирши для риторических обществ. Порвав с католицизмом, Дирк Коорнхерт фактически остался либертином правого толка. Он считал, что каждый верующий может исповедовать христианство по своему усмотрению, за что подвергался резким нападкам консисторий, давших ему прозвище «кузнеца всех ересей».

Идеи Коорнхерта были восприняты многими богатыми купцами и аристократами, в том числе Олденбарнефелтом и Вильгельмом Оранским, и использованы ими во вполне определенных политических целях. Под покровом «гуманной веротерпимости» ими насаждались идеи «классового мира», третировался непримиримый дух кальвинизма; осуществлялась полная свобода торговли, включавшая колониальный разбой и продажу оружия испанцам, сражавшимся против республики. Пресловутые «гуманизм» и «веротерпимость» принца и купеческих олигархов были лишь сопутствующим моментом, тогда как определяющее значение имел достигавшийся при их помощи политический и экономический эффект.

Крупной фигурой нидерландского гуманизма был также Филипп Марникс фан Синт Алдехонде (1538—1598). Выходец из аристократической семьи, он получил блестящее образование. Его гуманизм был действенным. Марникс стал убежденным кальвинистом, активным членом «союза дворян», а затем ближайшим советником и приближенным принца Оранского, разделяя его аристократическое неверие в гений и силы народа. Свою литературную деятельность Марникс подчинял запросам политической борьбы. Его трактат «Улей святой римской церкви» (1569) явился обличительным антикатолическим памфлетом, а песня «Виллелмуслид» стала национальным гимном Нидерландов.

Более широкое поле деятельности, чем гуманизму, в общественной и культурной жизни Нидерландов в XVI в. принадлежало так называемым риторическим обществам. Это были самодеятельные группы любителей словесности, поэзии, публицистики, существо-

вавшие почти во всех нидерландских городах и даже во многих деревнях. Риторические общества устраивали спектакли, литературные вечера, диспуты на злободневные богословские и общественно-политические темы. Социальный состав их участников был весьма пестр. В некоторых обществах преобладал патрицианско-аристократический элемент, но в большинстве случаев ведущая роль в них принадлежала представителям интеллигентных профессий, мелким лавочникам, ремесленникам, богатым крестьянам. Не случайно поэтому риторические общества стали очагами не столько гуманистической, сколько антиправительственной и реформационной деятельности. В Лейдене, Амстердаме и других городах северных провинций многие члены риторических обществ примкнули к революционным анабаптистам и активно участвовали в организованных ими в 1534—1535 гг. народных выступлениях. Съезд риторических обществ Фландрии в Генте летом 1539 г. явился прологом к знаменательному в истории Нидерландов гентскому восстанию 1539—1540 гг. Позднее среди членов риторических обществ получил распространение кальвинизм.

Развивалась и народная литература. Наиболее типичными ее формами были короткие юмористические рассказы, близкие по форме к немецким шванкам. Из них сложилась серия рассказов о Тиле Уленшпигеле, сметливом, предприимчивом и неунывающем парне из народа, использованная позднее писателем Шарлем де Костером для написания известного романа «Тиль Уленшпигель». В песенном народном творчестве самыми яркими произведениями являются полные пафоса революционной и патриотической борьбы песни нидерландских гёзов.

В области изобразительных искусств наибольших успехов достигла живопись. Вершиной национально-реалистического жанра были замечательные произведения Питера Брейгеля Старшего, прозванного за его демократические симпатии «Мужицким». Брейгель (1525—1569) создал ряд полотен в стиле примитивов, проникнутых глубокой симпатией к простому народу, пониманием его жизни, стремлений, горечи и обид. Такие его картины, как «Крестьянский танец», «Избиение младенцев», «Слепые», занимают видное место среди мировых шедевров. Свою манеру П. Брейгель проявил и в создании жанра реалистического пейзажа. Кисть П. Брейгеля отличают четкость рисунка, сочность красок, лаконичность композиции.

Культура Южных Нидерландов в первой половине XVII в.

В отвоеванных испанцами провинциях чем дальше, тем больше во всех областях культурной жизни воцарялись застой и реакция. Славившийся прежде своими гуманистическими традициями Лувенский университет превратился в оплот иезуитов и католического мракобесия. От гуманизма была взята лишь его формальная сторона, поставленная на службу запросам и нуждам победивших сил реакции. Соответствующие перемены произошли и в деятельности риторических обществ. Фламандский язык был полностью изгнан из государственного и судеб-

ного делопроизводства и заменен латинским и французским. Театр не шел дальше постановок католических мистерий.

Единственной областью, где сохранились идеи гуманизма и Возрождения, было изобразительное искусство, достигшее вершины в творчестве Петера Пауля Рубенса (1577—1640) и его школы. Блестящий живописец здоровой красоты человеческого тела, певец могучей природы, автор поразительных по своей динамической силе сцен охоты, П. Рубенс добивался большой внешней выразительности и декоративности, присущих стилю барокко. Из учеников П. Рубенса наибольшей известностью пользовались портретист Антонис ван Дейк (1599—1641), жанрист Якоб Йорданс (1593—1678) и выдающийся мастер фламандского натюрморта Франс Снайдерс (1579—1657).

Формирование голландской национальной культуры

Процесс национального развития Нидерландов был сложен и противоречив. С одной стороны, развитие капиталистических отношений, успехи политической централизации страны в предреволюционный период, общенациональный характер первого акта революции — иконоборческого восстания 1566 г.,— распространение с 1576 г. революции и освободительной войны на всю территорию Нидерландов создавали предпосылки для развития самостоятельной нидерландской нации или бинационального государства. В нем ведущее положение занимали бы две языково-национальные группы — валлонская, говорившая па французском диалекте, и голландско-фламандская. С другой стороны, различия в языке, сильные следы местного партикуляризма порождали довольно сильные центробежные тенденции и осложняли весь ход национального развития. Победа революции лишь в одной части страны, разделение территории по географическим, а не по этнически-языковым рубежам внесло новый элемент в решение этого сложного вопроса.

Фламандско-валлонская группа провинций, оставшаяся под властью Испании, была отброшена назад в своем национальном развитии, формировалась позднее как малая бинациональная страна.

Иным был путь формирования нидерландской нации и национальной культуры. Упрочение буржуазных производственных отношений, государственный суверенитет, приобретенный ценой успешного завершения освободительной войны против Испании, способствовали развитию нидерландской нации и складыванию общегосударственного нидерландского языка.

Центром научной и культурной жизни республики стал государственный университет в Лейдене, основанный в 1575 г. Позднее университеты были также созданы в Хронингене, Утрехте и других городах.

Национальный язык постепенно приобрел господствующее положение в литературе и гуманитарных науках. Сложилась целая плеяда литераторов, писавших на национальном языке: в области лирического жанра — П. Хоофт (1581—1647), в области драматургии — Иост ван Фондел (1587—1679) и Х. Бредеро (1580—1618).

В частности, на нидерландском языке написана патриотическая хроника П. Хоофта по истории Нидерландов. Гуманистическое и народное направления постепенно сливались в общую национальную литературу. По своему социальному содержанию произведения литераторов этого времени были насквозь буржуазны: воспевали освященные кальвинизмом буржуазную предприимчивость, скопидомство, филистерское благонравие мещанского быта, возвеличивали нидерландскую нацию.

Яркое выражение буржуазная идеология нашла в экономических и политических трактатах Питера де ла Курта, Алтузия, Гуго Гроция. Питер де ла Курт (1618—1685), богатый лейденский мануфактурист, написал несколько экономических трактатов, в которых защищал неограниченную свободу деятельности в промышленности, торговле, ремесле, науке, осуждая цеховые корпорации и монопольные купеческие компании. Одновременно де ла Курт приукрашивал условия жизни трудящихся классов республики.

Гуго Гроций (1585—1645) был крупным дипломатом, политическим деятелем, юристом и историком. В своих трудах «О свободном море» (1609) и «О праве войны и мира» (1625) Гуго Гроций дает развернутую теорию «свободы морей», призванную юридически обосновать колониальную и внешнеторговую экспансию купеческой олигархии республики и теорию международного права, базирующуюся на принципе договорных взаимоотношений государств. «Анналы» Гуго Гроция остаются по сей день ценным источником по истории Нидерландов XVI—XVII вв. Если правовые концепции Гуго Гроция были прогрессивными для того времени, то его политические взгляды антидемократичны. Государственную власть он считал компетенцией представительных органов и монархов, право восстания против которых допускал лишь в тех исключительных случаях, когда тиран вынашивал планы, ведущие к гибели всей нации (намек на Филиппа II). Политическая биография Гуго Гроция вполне соответствовала его убеждениям. Ярый приверженец Яна фан Олденбарнефелта, он был приговорен к пожизненному заключению. Совершив успешный побег, Гуго Гроций провел остаток жизни за границей на службе у иноземных коронованных особ.

В XVII в. сложилась знаменитая национальная голландская школа живописи. Она вдохновлялась принципами буржуазного реализма, смыкавшегося порой с натурализмом, и была демократической по своему духу. Период до 1640 г. был временем ее формирования. Ведущая его фигура — Франс Халс (1580—1666), блестящий портретист-реалист, создатель жанра группового портрета членов стрелковых гильдий и других корпораций. Жанровая живопись периода расцвета голландской школы (1640—1670) была представлена такими выдающимися мастерами, как Адриан фан Остаде, Херарт Терборх, Питер де Хоох, Ян Веермеер Делфтский. Из пейзажистов этого времени выделялись своим талантом Ян фан Хойен, Соломон фан Рёйсдал (ок. 1600—1670) и др. Но подлинной вершиной голландского реализма по праву считается великий Рем-

брандт Харменс фан Рейн (1606—1669). Рембрандт работал в разных жанрах — групповом и индивидуальном портрете, монументальной станковой и исторической живописи, плодотворно трудился в области офорта. В технике живописи им был разработан принцип светотени.

Глубина психологической трактовки образов Рембрандта, его демократический гуманизм, гордый отказ льстить пошлым вкусам толстосумов породили неизбежный конфликт между художником и его буржуазной клиентурой, отвернувшейся от прославленного мастера. Личная трагедия надломила его силы, и Рембрандт умер, всеми забытый, в крайней нужде.

Глава 29

ИТАЛИЯ В XVI И В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Италия к началу XVI в.

Территория, которую занимает современная Италия, в XVI—XVII вв. продолжала оставаться разделенной на множество отдельных феодальных государств и городов-республик. На северо-западе, в области, граничащей с Францией, находилось крупное герцогство Савойское, включавшее и Пьемонт. На побережье Генуэзского залива господствовала торговая республика Генуя, на северо-востоке, на побережье Адриатического моря,— торговая республика Венеция. В Ломбардской равнине, на торговых путях из Центральной Европы в Италию, лежали владения торгового и промышленного города Милана. В центре Апеннинского полуострова, перерезая его с запада на северо-восток, были расположены папские владения. Наиболее крупным из самостоятельных городов-государств Средней Италии являлась Флоренция. На юге полуострова, включая остров Сицилию, было расположено Неаполитанское королевство, в котором правила Арагонская (испанская) династия.

Аграрные отношения в Италии

В Северной и Центральной Италии быстрее, чем в других областях, развились товарно-денежные отношения и товарное производство, что способствовало спорадическому возникновению уже в XIV—XV вв. в ряде городов и их сельских округах раннекапиталистических мануфактур. А это в условиях преобладания городов над феодалами привело и к разложению крепостничества раньше, чем в других итальянских областях. Здесь (за исключением Пьемонта и Савойи) крепостной труд исчез, крестьяне стали лично свободными, но из наследственных чиншевиков превратились в краткосрочных арендаторов-испольщиков или в безземельных батраков.

Сокрушив политическое могущество феодалов, города, однако, сохраняли обычно феодальные земельные отношения в деревне. Более того, в интересах обеспечения городов хлебом и сырьем горожане не только не лишили большинства феодальных владельцев их земель и большей части доходов, но многие из них сами превратились в феодальных землевладельцев. Множество городских чиновников вели строгий надзор за исполнением крестьянами их повинностей. В Северной и Центральной Италии существовали крупные поместья, доходы с которых землевладельцы собирали через управителей; кроме того, была распространена сдача землевладельцами земель крестьянам в субаренду через посредников — крупных арендаторов — на условиях испольщины.

Главные города государств Северной и Центральной Италии — Флоренция, Милан, Венеция, Генуя превратились в феодальных эксплуататоров подчиненного им сельского населения, что препятствовало развитию капитализма в деревне. Крестьян разоряли систематически взимаемыми поборами, грабили в бесконечных междоусобных войнах, которые вели друг с другом итальянские государства. Они страдали от стихийных бедствий — наводнений, засух, неурожаев. У крестьянина оставался единственный выход для отсрочки собственной гибели и гибели своего хозяйства: надеть на шею петлю ростовщического займа. В Италии XV—XVI вв. ростовщичество процветало.

Разоренные крестьяне устремлялись в города, где находили новых господ и эксплуататоров в лице хозяев мануфактур, купцов, судовладельцев и цеховых мастеров.

Иначе складывались экономические отношения в Папской области и Неаполитанском королевстве. Здесь крупные феодальные землевладельцы в XV в. превратились в независимых феодальных властителей, произвольно распоряжавшихся имуществом и трудом своих крестьян. Развитие товарно-денежных отношений в этих условиях вело к захвату феодалами всей торговли сельскохозяйственными продуктами. Феодалы прибирали торговлю к своим рукам двумя путями. Первый путь — уничтожение крестьянских пашен, превращение их в пастбища, снос крестьянских дворов и переход к крупному товарному овцеводческому хозяйству. Второй путь — ликвидация наследственных крестьянских держаний и замена их краткосрочной испольной арендой (на срок от 2 до 6 лет). Тяжелые условия аренды разоряли крестьян. Кроме того, они лишались права свободной продажи остающейся у них доли урожая и могли продавать ее только своему сеньору. Это вынуждало крестьян продавать урожай на корню или даже будущий урожай по самым низким ценам.

Доведенные до отчаяния крестьяне бежали в леса, в горы, сменяли труд земледельца на «разбойничий промысел», получивший на юге Италии широкое распространение как форма борьбы против феодальной эксплуатации.

Аграрные отношения в Савойе, Пьемонте и на острове Сардиния приближались к французским формам. Здесь не было массового обезземеливания. Сохранилось наследственное крестьянское держание и различные формы крепостной зависимости от помещиков. В 60-е годы XVI в. указы герцога Эммануила Филиберта предоставили крестьянам возможность добровольного выкупа из крепостной зависимости при согласии сеньора. Указы эти остались мертвой буквой; крепостное право сохранилось практически вплоть до французской революции конца XVIII в.

В областях с развитым ремеслом и промышленностью в аграрной сфере имели место изменения другого рода. Застой, а то и упадок отдельных отраслей городского производства и связанных с ними промыслов привели к переселению части горожан в деревню. Значительная часть сельских ремесленников полностью пере-

ключалась на занятия земледелием. На этой основе сложилась система парцеллярной потогонной аренды. Арендаторы парцелл — карликовых земельных участков — добывали пропитание ценой изнурительного труда. Но имелись и положительные сдвиги. В целях повышения доходности земли совершенствовалась агротехника, развивались интенсивные отрасли: разведение шелковичных червей, выращивание садово-огородных культур и т. п.

Италия в период итальянских войн 1494—1559 гг.

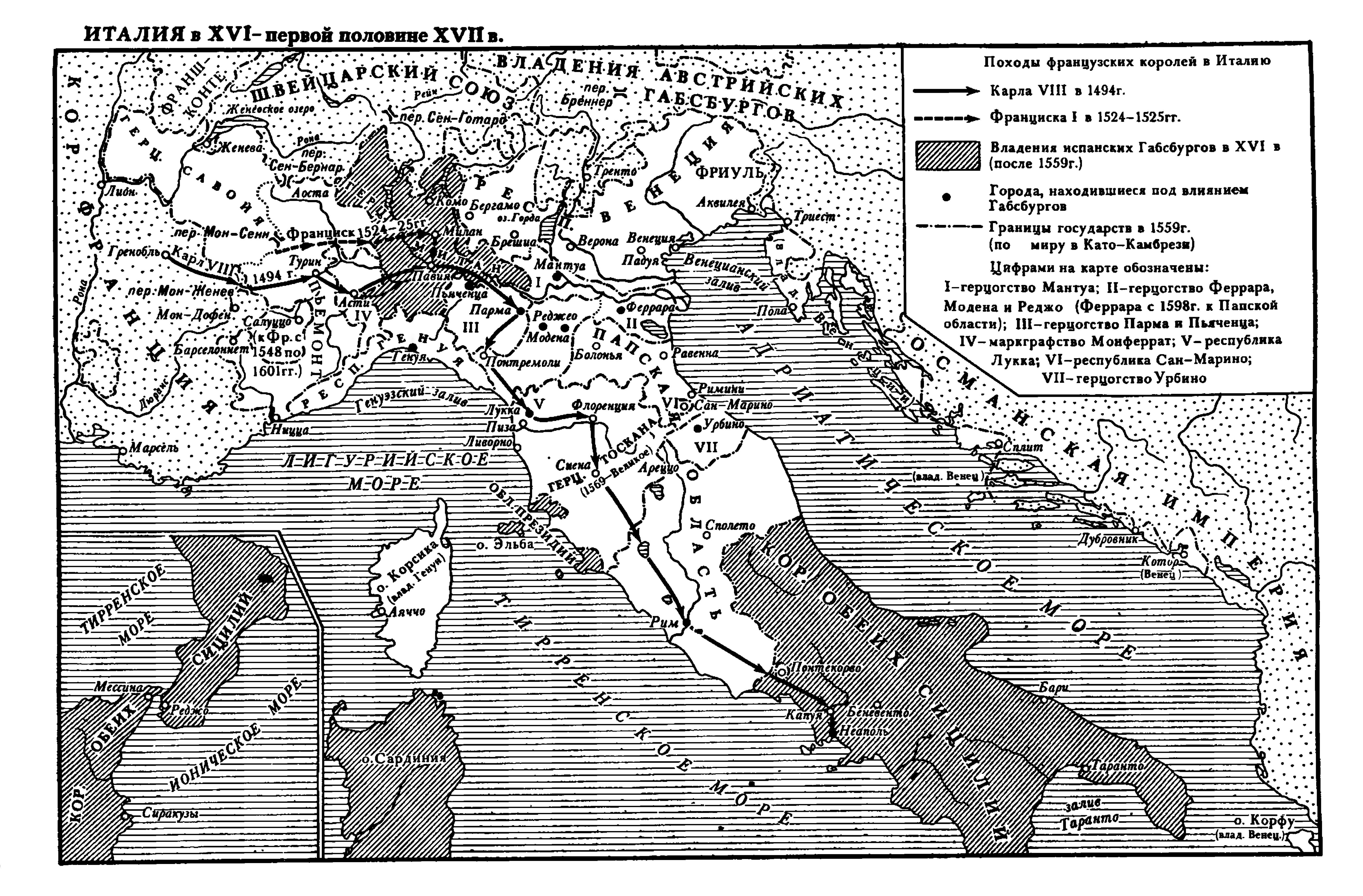
Французская армия в 1494 г. почти без сопротивления прошла через всю Италию и захватила Неаполь. Мелкие североитальянские властители, враждовавшие друг с другом, без сопротивления подчинялись французам, каждый из них старался извлечь выгоду для себя из этого нашествия. Завоеватели грабили, убивали, жгли то, что не могли захватить. Германский император, испанский король и Венецианская республика образовали антифранцузскую коалицию. К враждебной французам лиге присоединился также изменивший Карлу VIII герцог Милана Лодовико Моро. Под натиском коалиции французы вынуждены были уйти из Италии.

Новое нашествие на Италию французы начали в 1499 г. при преемнике Карла VIII Людовике XII. На этот раз предлогом для вторжения послужили претензии Людовика XII на Милан и другие итальянские земли. Лодовико Моро бежал, Милан был захвачен французами. Теперь в союзе с французскими захватчиками выступали Венеция, враждовавшая с Миланом, и римский папа Александр VI Борджа. Последний с помощью французского короля задумал создать государство в Италии для своего сына — Чезаре Борджа. Даже среди современных ему итальянских тиранов Чезаре Борджа выделялся преступлениями, вероломством, предательствами. С помощью наемных отрядов, оплачиваемых римским папой, а также путем ряда убийств и обманов, при содействии французов Чезаре Борджа захватил в свои руки почти всю Романью и был провозглашен герцогом. Папа Александр VI торжественно благословил нового герцога на правление.

Опасным соперником французских захватчиков в Италии являлась Испания. С начала XVI в. и до 1559 г. на итальянской земле происходят военные действия: ее грабят французские, испанские и германские (испанский король Карл I в 1519 г. был избран императором Германии Карлом V) войска. Итальянские правители из корысти или из страха выслуживаются перед иноземцами, изменяют, предают, перебегают из лагеря одного завоевателя в лагерь другого.

Истощение воюющих сторон вынудило их заключить в 1529 г. мир в Камбрэ. В отношении Италии мирный договор содержал следующие пункты: за Карлом признавался титул короля Италии; ему отдавалось Неаполитанское королевство; герцогство Миланское получил его союзник Франческо Сфорца; Флоренция отдавалась Александру Медичи. После острого конфликта императора Карла с папством, в результате которого в 1527 г. Рим был захвачен гер-

ИТАЛИЯ в XVI– первой половине XVII в.

манскими войсками и подвергся варварскому разрушению и грабежу, папа Климент VII пошел на соглашение с захватчиками. В 1530 г. Карл V был коронован папой.

Фактически мирный договор в Камбрэ отдавал Италию под власть испанского короля. С этого времени наступает разгул феодально-католической реакции. Испанские наместники в Италии вместе с католической церковью, напуганные успехами реформационного движения в Европе, жестоко преследуют прогрессивных мыслителей и ученых, вводят строжайшую цензуру. Испанский абсолютизм, мелкие феодальные государи-тираны и католическое духовенство объединяются в борьбе за сохранение и укрепление в Италии старых отживающих феодальных отношений.

Флоренция сделала попытку сопротивляться навязанному ей испанцами и папой в правители ненавистному Медичи. В 1529 г. во главе города был поставлен видный представитель республиканской партии «плакс», последователей Савонаролы, Кардуччи. Командовать армией пригласили известного кондотьера Малатеста Бальоне, несмотря на то что известность он приобрел главным образом изменами своим нанимателям. Комиссаром республики в городе Эмполи, который связывал Флоренцию с Пизой и морем, был назначен приверженец республики Франческо Ферруччи. С небольшими силами он более полугода удерживал этот пункт, снабжал осажденную Флоренцию продовольствием, одержал ряд блестящих побед над испанскими отрядами. Между тем Бальоне бездействовал, отсиживался за стенами Флоренции и допустил окружение города.

Тогда правительство Флоренции поручило дело спасения республики Ферруччи. Он был облечен диктаторскими полномочиями. Им был разработан смелый план освобождения Флоренции от осады путем обходного движения небольшого отряда и одновременного нападения на неприятеля с двух сторон. Ферруччи блестяще выполнил свою часть плана. Но Бальоне предал республику: он сообщил план военных действий командующему испанскими войсками и обещал ему не выходить из города.

В итоге Ферруччи и его отряд погибли смертью героев, а Флоренция оказалась в руках предателя Бальоне, который принудил республиканцев капитулировать и признать власть Медичи. Александр Медичи ознаменовал свое воцарение жестоким террором.

В областях, попавших под непосредственную власть Карла V, — в Неаполитанском королевстве, Ломбардии, в ряде отдельных городов (Лукке, Сиене и др.) — были уничтожены все органы самоуправления и установлена неограниченная власть испанских губернаторов, или самодержавный режим мелких владетелей. Все попытки вооруженных восстаний против иноземного ига или собственных тиранов жестоко подавлялись испанскими войсками.

Борьба за итальянские земли между Испанией и Францией закончилась лишь в 1559 г. миром в Като-Кабрези, закрепившим победу Испании и господство испанских Габсбургов. Под непосредственную власть Испании попали вся Южная Италия и Сицилия (Неапо-

литанское королевство), Сардиния и Миланское герцогство. Мелкие государства — Тоскана, Монферрат, Генуя, Феррара, Парма, Модена и др. — фактически оказались в полной зависимости от испанцев, власть в них принадлежала ставленникам Испании. Независимость сохранили лишь Папская область, Венеция и Савойя.

Итак, со второй половины XVI в. при сохранении прежней политической раздробленности большая часть Италии превращается фактически в одну из испанских провинций. Мелкие итальянские владетели смотрели на испанский двор как на опору своей власти, во всем ему подражали и повиновались. Под влиянием Испании власть в итальянских государствах приобретает абсолютистско-бюрократический характер.

Примером может служить Тоскана, которая, за исключением небольшой республики Лукки, оказалась полностью под властью Медичи. В 1569 г. Медичи получили от папы титул великих герцогов тосканских. Власть герцога была абсолютной, был создан централизованный бюрократический аппарат и небольшая постоянная армия. Опорой власти Медичи становится уже не городская буржуазия, а землевладельческое дворянство. Во внутренней политике Медичи стремились к консервации феодальных отношений в деревне, укреплению дворянского землевладения. В ряде пунктов великого герцогства тосканского были расположены гарнизоны испанских войск, что одновременно укрепляло и власть герцогов и их зависимость от Испании.

Экономический упадок Италии

Перемещение главнейших торговых путей из Средиземного моря в Атлантический океан, грабительские походы в Италию французов, испанцев, немцев, связанные с этим контрибуции, налоги и прямой грабеж подорвали экономику итальянских городов. В областях Италии, попавших под власть Испании, торговля и промышленность намеренно подавлялись в интересах испанской казны.

При Карле V правительство Испании прибегало к порче монеты как к средству спасения от финансовых затруднений. Это отрицательно отразилось на торговле. При Филиппе II вместе с усилением полицейского режима и террора инквизиции Италия подчиняется системе регламентирования торговли и промышленности, разорявшей страну ради интересов той же испанской казны. Купцам под угрозой смертной казни запрещалось вывозить хлеб за границу испанских владений. Мельникам, торговцам хлебом, вином и другими продуктами разрешалось торговать лишь на месте своего постоянного жительства. Они не имели права выезжать и открывать где-нибудь отделения. Наконец, торговцы, промышленники, как и крестьяне, подвергались тяжелому налоговому обложению. Однако во второй половине XVI в. экономическое положение итальянских государств и городов несколько улучшилось. Гражданские войны во Франции, в Нидерландах, торжество феодальной реакции в германских землях улучшили для итальянских промышленников и купцов хозяйственную и торговую конъюнктуру. Временные выгоды дало и расширение торговых связей с Испанией, Португалией и их колониями. В это время наблюдается не только стабилизация, но и рост торговли и промышленности в ряде

итальянских городов и государств. Венецианский флот вплоть до 70-х годов XVI в. господствовал в восточной части Средиземного моря. С 1521 по 1602 г. производство сукон возросло с 3,5 до 29 тыс. кусков. Подъем наблюдался в судостроении, книгопечатании, шелкоделии, стекольном производстве и др.

Генуя стала крупнейшим банковским центром, связав свою торговлю и финансы с Испанией. Она была и одним из крупнейших экспортеров шелковых и парчовых тканей. Расширились и торговые связи Флоренции с европейскими странами. Порт Ливорно стал крупнейшим центром испанской транзитной торговли. С 1374 по 1593 г. число заходивших в него ежегодно судов возросло с 417 до 2266. В Милане некоторого подъема достигла металлообработка, развивалось производство предметов роскоши, прикладного искусства, парчовых тканей. Оживились на некоторое время торговые связи между итальянскими землями и городами.

Однако подъем длился недолго. В XVII в. повсеместно отмечался резкий хозяйственный упадок. В Генуе число шелкоткацких станков сократилось с 1579 по 1676 г. с 8 до 2,5 тыс. Изготовление сукон во Флоренции снизилось к 1602 г. до 17 тыс. кусков. Англичане и голландцы вытеснили Венецию с рынков Турции и других стран Ближнего Востока. В Милане в 1580 г. насчитывалось 70 суконных мастерских, в 1616 г. их осталось лишь 15. В Кремоне в 1611 г. числилось 1300 купцов, в 1648 г. — 44. Население Кремоны в 1584 г. достигало 46 тыс. человек, а во второй половине XVII в. сократилось до 13 тыс. человек. В целом свертывались судоходство и судостроение, торговля и промышленность многих итальянских городов, сокращалось число их жителей.

В этой обстановке упадка производительных сил богатая часть торговой и промышленной буржуазии изымает значительную часть вложений из сферы производства, а порой и торговли. Все больше ее капиталы обращаются в сфере европейского кредита, как коммерческого, так ростовщического. Особенно процветает кредитование ими королей Франции, Англии, Испании. Многие итальянские купцы-банкиры переселяются в столицы и крупные торговые города этих и других стран Европы. Другая их часть приобретает земельную собственность, превращается в земельную аристократию феодального типа. Идет процесс феодальной реакции. Изъятие капиталов из торговли и промышленности наряду с ростом феодального землевладения сопровождалось постоянным увеличением государственной задолженности почти во всех государствах Италии. Постоянный недостаток денег у правителей этих государств привел к распространению практики сдачи налогов на откуп или продажи государственных регалий частным лицам. Договоры на право взимания налогов, получившие в период испанского господства широкое распространение, приравнивались к процентным бумагам, передавались по наследству, могли продаваться другим лицам. Не менее часто, особенно в Папском государстве, прибегали также к системе продажи должностей — синекур, именовавшихся «вакантными должностями». Покупатель таких должностей получал особые привилегии, а также пожизненную рен-

ту, которую выплачивали из поступлений определенных налогов, зачастую специально с этой целью вводимых. Все это способствовало превращению ранее предприимчивой, деловой зарождающейся буржуазии в паразитическую, зависимую от властей прослойку, отвлекало крупные денежные средства от производства. Упадок торговли и промышленности не отразился на жизни аристократии при дворах правителей итальянских государств. Напротив, князья увеличивают расходы на содержание двора, на строительство дворцов и церквей, на торжества и театральные представления, блестящие празднества и увеселения. Поэтому, в то время как население промышленных и торговых центров сокращалось, столицы итальянских государств по-прежнему были густо населены; интенсивный рост и развитие некоторых из них приходится именно на XVI—XVII вв. Неаполь в начале XVI в. насчитывал немногим более 100 тыс. жителей, к середине столетия он имел уже 200 тыс., а к середине XVII в. — более 400 тыс. жителей. Население Рима возросло в течение XVI в. с 30—40 тыс. до 100 тыс., а в конце XVII в. достигло 140 тыс. жителей.

При дворах испанских вице-королей, князей, высшего духовенства благодаря заказам различных учреждений, монастырей и соборов кормились обслуживающие аристократию врачи, художники, писатели, ремесленники, торговцы, бесчисленные слуги и огромное количество бедняков, пришедших из деревень в поисках случайного заработка. Но города как экономические центры часто были не в состоянии предоставить городскому населению занятия и заработок; они выкачивали из окружающих деревень большую часть тех средств, которые шли на удовлетворение потребностей жившего в роскоши господствующего класса, на содержание государственного и церковного аппарата, на подачки многочисленной прослойке бедноты и нищих.

Феодально-католическая реакция

Политика испанских повелителей в захваченных ими итальянских землях определялась исключительно интересами крупного дворянского и церковного землевладения. Освобожденные от налогов дворяне скупали земли разоренных крестьян и горожан. Земля скапливалась в руках немногочисленных аристократических фамилий. Правительство принимало меры для закрепления неделимости крупной феодальной земельной собственности. Вводится система майоратов, т. е. обязательного перехода по наследству всего поместья к старшему сыну. Законом устанавливается неотчуждаемость поместий.

Помещики в Неаполитанском королевстве в XVII в. получили право казнить своих крестьян, ссылать их на галеры. Устанавливается полный произвол помещиков в отношении крестьянских повинностей. Страна превращается в оплот феодализма, где процветают давно отжившие наиболее грубые формы феодальной эксплуатации.

Народная борьба против испанского ига и феодального гнета

Народная борьба против ига иноземных и собственных угнетателей в условиях господства испанской военщины велась непрерывно в весьма своеобразной форме: по всей Италии действовали вооруженные отряды, по терминологии власть имущих — разбойничьи. Против этих отрядов велась жестокая борьба: участ-

ники их, попадавшие в руки правителей, подвергались публичным изощренным пыткам и мучительным казням. Но ликвидировать вооруженные отряды разбойников правителям не удавалось, им приходилось временами даже вступать в переговоры с этими отрядами, заключать с ними соглашения, платить им дань.

В отдельных итальянских государствах и городах народная борьба против завоевателей и феодального гнета приобретает более организованную форму — форму вооруженных восстаний.

В 1506 г. против французов, захвативших Геную, вспыхнуло восстание. Французы и представители городского патрициата, сотрудничавшие с французами, были изгнаны из города. На помощь горожанам пришли крестьяне. Главарем восставших стал красильщик шелка Рапло да Нови, избранный дожем. Восстание было подавлено в результате осады Генуи французской армией и флотом под предводительством самого Людовика XII в союзе с войсками изгнанной знати. Город был вынужден к сдаче и уплате большой контрибуции, власть французов была восстановлена.

В 1512 г. произошли восстания против французов в городах Брешии и Бергамо, жестоко подавленные. В 1516 г. жители города Палермо (остров Сицилия) напали на дворцы испанского вице-короля и местной знати, а в следующем 1517 г. восстание распространилось на значительную часть Сицилии. Присланные из Неаполя войска подавили восстание.

В 1532 г. в Лукке (старинном центре шелковой промышленности) в связи с резким сокращением производства шелка произошло так называемое восстание страччони (мотальщиков шелка). Восставшие овладели городом, создали народное ополчение. С помощью наемных войск патрициат Лукки подавил восстание и жестоко расправился с его участниками. Но освободительные идеи не были удушены. В 1546 г. в Лукке был организован крупный заговор с грандиозной программой освобождения тосканских городов — Флоренции, Пизы, Сиены, Ареццо — из-под власти Медичи, ограничения светской власти пап, объединения городов Северной и Центральной Италии в единую федерацию, введения гражданской и религиозной свобод. Во главе заговора стоял один из начальников городского ополчения Франческо Бурмалакки. О заговоре узнал герцог Козимо Медичи, обратившийся за помощью к императору Карлу V. Бурмалакки был арестован и казнен.

В конце XVI в. в Калабрии была создана широко разветвленная организация, одним из участников которой был Кампанелла, автор утопического сочинения «Город Солнца», подготовивший восстание против испанцев. Восстание было назначено на 10 сентября 1599 г. Участники организации вошли даже в сношения с турками с целью обеспечить себе помощь турецкого флота. Но нашлись предатели. Заговор был раскрыт, участники его схвачены, частью казнены, частью брошены в тюрьмы.

Наиболее крупными были выступления народных масс в 1647—1648 гг. в Сицилии и Южной Италии. Ремесленники и плебейство города Палермо в 1647 г. взяли штурмом дворец испанского вице-ко-

роля, много испанцев было убито, в городе была провозглашена республика. Восстание распространилось на большую часть Сицилии. Программа восставших носила не только освободительный, но и антифеодальный характер: были выдвинуты требования отмены налогов, изгнания «дурных правителей», проведения уравнительных мероприятий. Во многих районах крестьяне начали расправляться с феодалами. Зажиточные горожане, напуганные народным движением, предоставили в распоряжение феодалов цеховую милицию; вице-король обещал выполнить все требования восставших, что внесло раскол в их лагерь. Совместным силам феодалов, испанских войск и цеховой милиции удалось подавить восстание.

В июле 1647 г. произошло восстание в Неаполе под лозунгом «Долой налоги!». Поводом послужило введение испанским вице-королем налогов на съестные припасы. Возглавил восставших рыбак Томмазо Аньело, сокращенно Мазаньелло. Восставшие сожгли дома сборщиков налогов, налоговые документы, освободили заключенных из тюрем, осадили крепость, где укрылись вице-король и феодалы. В Неаполь стали собираться окрестные крестьяне, восстание распространилось на весь юг Италии. Крестьяне разрушали замки и монастыри, жгли налоговые документы и записи крестьянских повинностей. Народная армия разбила испанские войска. Вице-король обещал выполнить требования восставших, но в то же время тайно организовал убийство Мазаньелло. Восставшие объявили войну Испании, отменили феодальные повинности и привилегии дворян, провозгласили Неаполитанскую республику. Зажиточные слои горожан, напуганные широким размахом народного движения, заколебались, начали отходить от восстания. Среди восставших произошел раскол: одни стояли за сохранение независимой республики, другие обратились за помощью к Франции. Крестьяне действовали неорганизованно. В апреле 1648 г. испанские войска с отрядами итальянских феодалов захватили Неаполь и произвели кровавую расправу над участниками движения. Но и подавив восстание, испанцы вынуждены были отменить часть налогов.

Упадок земледелия

Насильственное восстановление отживших сеньориальных порядков приводит к полному упадку сельского хозяйства. Итальянским землям не хватает собственного хлеба, его начинают ввозить из-за границы. Но крестьяне не в состоянии покупать хлеб. Систематическое недоедание ведет к развитию среди населения тяжелой болезни — пеллагры, которая получила название «лепра италика» (итальянская проказа).

Победа феодально-католической реакции привела к экономическому упадку страны и сопровождалась для итальянского народа тяжелыми социальными бедствиями.

Культура Италии в XVI и в первой половине XVII в.

Расцвет гуманизма и Возрождения, начавшийся в Италии в XIV—XV вв., продолжался и в первой половине XVI в. В переломный период, когда после бурного роста городов начинает ощущаться их экономический упадок, в области культуры по-прежнему выступают крупные мыслители и ученые, создаются гениальные

произведения искусства. Это время получает название Высокого Возрождения. В живописи, скульптуре, архитектуре творчество великих мастеров Флоренции, Венеции, Милана и других городов достигает совершенства. Итальянское искусство этого периода оказывает большое влияние на все страны Европы.

Яркий расцвет искусства в XVI в. объясняется тем, что экономический и связанный с ним духовный подъем, характерный для XIV—XV вв., не оборвался внезапно, а в литературе, изобразительном искусстве и некоторых отраслях науки сложились уже такие традиции и профессионально-технические навыки, которые не могли бесследно исчезнуть.

Итальянский язык

Развитие итальянской культуры тесно связано с формированием итальянского языка. С XIII в. среди многочисленных местных диалектов на первое место начинает выдвигаться тосканский, или флорентийский, диалект, который лег в основу итальянского литературного языка. Творчество великих поэтов и писателей — Данте, Петрарки, Боккаччо, прославившихся повсюду, содействовало этому. Трактаты Данте «О народной речи» и «Пир», его «Божественная комедия» положили начало складыванию единого, общенародного языка. После Данте большинство итальянских писателей пользуются флорентийским диалектом. Леонардо да Винчи, Джордано Бруно, Галилео Галилей, Кампанелла и другие писатели и ученые Возрождения развивали итальянский язык. В 1582 г. во Флоренции была создана Академия Круска, выпустившая в 1612 г. первый большой словарь итальянского языка.

Изобразительное искусство в XVI—XVII вв.

Одной из наиболее ярких, характерных фигур среди множества блестящих талантов Высокого Возрождения, «титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености»[1] являлся Леонардо да Винчи (1452—1519) — гениальный мыслитель, многосторонний ученый-исследователь, архитектор, инженер, конструктор и художник. Биография его раскрывает все своеобразие условий культурной деятельности в Италии того времени. Леонардо — внебрачный ребенок бюргера Флоренции, нотариуса, члена одного из привилегированных цехов, владельца поместья в окрестностях местечка Винчи, близ Флоренции. Мать Леонардо — простая крестьянка из горного местечка Анкано. В 14 лет Леонардо был отдан в ученики в мастерскую Верроккьо, флорентийского скульптора, живописца и золотых дел мастера. Здесь Леонардо вместе с другими талантливыми учениками проходил десятилетний курс обучения. В 1476 г. кончаются годы ученичества Леонардо, наступает самостоятельная жизнь. Леонардо работает на заказчиков.

В 1481 г. Леонардо получает заказ от монахов монастыря Сан-Донато написать картину на тему «Поклонение волхвов». В процессе работы у него возникает множество научных проблем, которые он должен разрешить: это вопросы анатомии человека, перспективы

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 346.

и т. д. Леонардо работает над художественным произведением как ученый-исследователь. Но во Флоренции Леонардо не мог найти заработка, он вынужден обратиться к правителю Милана Лодовико Моро с предложением своих услуг, главным образом в качестве военного инженера. Леонардо был принят на службу в звании «герцогского инженера».

Миланский период жизни Леонардо да Винчи отмечен не только его работами, связанными с придворной службой, но и рядом крупных картин, прославивших его имя как художника. К этому периоду относится величайшее произведение Леонардо «Тайная вечеря», написанное им на стене трапезной миланского монастыря Санта Мария Делле Грацие. Монахи заказали Леонардо картину на религиозный сюжет. Из евангельского рассказа о «тайной вечере» Леонардо выбрал момент, когда Иисус сказал ученикам: «Один из вас предаст меня». С поразительным реализмом и художественной силой переданы те чувства, которые вызвали слова о предательстве у апостолов. Негодование, гнев, изумление, горе простых честных людей, узнавших, что среди них нашелся предатель, — вот подлинный сюжет картины Леонардо. Это глубочайший протест гениального сына итальянского народа против измены, вероломства, предательства, царивших среди тогдашних правителей.

Кроме живописных работ Леонардо продолжает свои записи, которые он вел всю жизнь о живописи, анатомии, механике и т. д. В Милане Леонардо встречается с гениальным архитектором Браманте, с ученым математиком Паччиоли.

В 1499 г. обрывается миланский период жизни Леонардо. Французская армия захватывает Милан. Для Леонардо наступают годы скитаний. Он едет в Венецию, затем возвращается после 18-летнего отсутствия во Флоренцию и поступает на службу к Чезаре Борджа.

С 1503 г. Леонардо снова во Флоренции. Он получает от Сеньории крупный заказ — расписать одну из стен нового зала дворца Сеньории. Сюжет должен был прославить победу флорентийских наемных войск над миланскими наемными войсками в битве при Ангиари 29 июля 1440 г. Леонардо сделал лишь эскиз, но фрески не написал. Он отдает свое время другим занятиям, которые не приносили никакого дохода и казались современникам просто блажью: он работает над проектом канала по реке Арно, отдает много времени проектам летательных аппаратов. В этот же период Леонардо пишет знаменитый портрет Джоконды, но на «Битву при Ангиари» у него времени не находится.

Тяжелая нужда заставляет Леонардо принять приглашение французского правителя Милана герцога Шомона приехать в Милан для выполнения архитектурных, гидротехнических и художественных работ. В Милане Леонардо разработал проект судоходного канала от Милана до озера Комо. Но вскоре испанцы вытеснили французов из Милана и отдали город под власть герцога Массимильяно Сфорца, сына Лодовико Моро. Леонардо приходится бежать из Милана в Рим. Здесь он не выдержал обстановки невежества, разврата и хап-

жества папского двора. Леонардо согласился на приглашение французского короля Франциска I переехать во Францию.

Великий сын итальянского народа умер во Франции в 1519 г. Неутомимый исследователь, всю свою жизнь стремившийся принести практическую пользу своему народу — осушить болота, провести каналы, улучшить условия земледелия, наконец, создать разнообразные орудия для облегчения человеческого труда, — должен был тратить свою энергию на удовлетворение прихотей мелких тиранов, на устройство для них празднеств и развлечений или служить им в качестве военного инженера в междоусобных войнах, разорявших страну. Гениальные проекты и гипотезы Леонардо да Винчи в области техники (целый ряд проектов механизмов, станков, аппаратов для усовершенствования производства, для ирригации, вплоть до проектов летательной машины тяжелее воздуха), в области медицины, архитектуры и многих других отраслей знания не могли быть осуществлены в условиях того времени.

Одновременно с Леонардо да Винчи живут и работают множество талантливых художников и скульпторов, инженеров, писателей, ученых. Среди деятелей итальянского Возрождения всемирную известность получили Микеланджело Буонарроти (1475—1564), Рафаэль (1483—1520), Тициан (1477—1576), Джорджоне (1477—1510), архитектор Браманте (1444—1514) и целая плеяда других талантливых художников. По своему социальному положению все они были цеховыми ремесленниками, выполняли заказы тогдашних властителей Италии — римских пап, кардиналов, монастырей, правителей итальянских государств, богатых горожан. Поэтому сюжеты их произведений чаще всего носили религиозный характер. Но и в форме библейских сюжетов и персонажей художники реалистически изображают человеческие чувства, прогрессивные идеи, создают образы современников. В «Тайной вечере» Леонардо да Винчи моделью художнику служили итальянские крестьяне. Многочисленные «мадонны» Рафаэля, в особенности знаменитая «Сикстинская мадонна», воплощают образ женщины-матери, отображают земную материнскую любовь и нежность. Микеланджело в своих скульптурах и картинах дает яркое воплощение мужества и силы человека, пафоса борьбы и созидания. Тициан, художник венецианской школы, один из самых замечательных колористов, на своих многочисленных полотнах ярко, реалистически воспевал красоту человека и окружающей его обстановки. Его «Кающаяся Магдалина» — прекрасная молодая девушка — является полной противоположностью аскетическому идеалу классического средневековья. Портреты Тициана раскрывают не только внутренний мир его современников, но отображают напряженную тяжелую историческую атмосферу эпохи. Страшное впечатление взаимной подозрительности, недоверия, коварства вызывает знаменитый групповой портрет художника «Папа Павел III с племянниками». В бессмертных произведениях Джорджоне — «Спящая Венера», «Юдифь», «Сельский концерт» — красота человека сливается воедино с прелестью пейзажа, что создает впечатление чудесной гармонии.

Разорение, феодально-католическая реакция и контрреформация во второй половине XVI в. привели к упадку изобразительного искусства. С разложением цехового строя изменяется положение художников в итальянском обществе. Вырабатываются новые формы обучения художников. Ранее художники проходили обязательный курс ученичества в мастерских цеховых мастеров, по окончании ученичества сами становились мастерами, членами цехов. Во второй половине XVI в. создаются художественные академии («Академия рисунка» во Флоренции в 1563 г.; «Академия Св. Луки» в Риме в 1577 г.; «Академия вступивших на верный путь» в Болонье в 1585 г.) как объединения художников для изучения искусств древности и мастеров Возрождения. В академиях пытаются установить непререкаемые художественные каноны исходя из убеждения, что в искусстве уже достигнут высший предел совершенства, что остается лишь рабски следовать имеющимся образцам. Академии становятся рассадниками оторванных от природы и далеких от жизни народа условных форм искусства. Художники отходят от реалистического изображения природы и людей. Фигуры и лица приобретают утонченный характер, формы изображаются неестественно хрупкими, изощренно изящными. Новое художественное направление, получившее название «маньеризм», особенно распространилось в Риме и Флоренции. Парадный портрет, парадные алтарные образа, декоративные росписи, бьющие на эффект, торжественные религиозные и исторические композиции — главные формы академической живописи. Условная, торжественно придворная манера академий вполне удовлетворяла вкусам, господствовавшим в придворных кругах Италии, и служила делу католической контрреформации, придавая особую торжественность церковным обрядам. Господствующие классы и церковь хорошо оплачивают служащее их классовым интересам искусство. Получившие известность, вошедшие в моду художники не только приобретают богатство, но и причисляются к кругу привилегированных людей. Наиболее видными представителями академической живописи были братья Карраччи, основатели Болонской школы живописи.

Но реакции не удается побороть и задушить реалистические традиции итальянской живописи. Виднейшим представителем реалистического течения был Караваджо (1573—1610). Отвергая академические каноны, он снова провозглашает требования тщательного изучения природы, народного быта. Караваджо писал натюрморты, бытовые и религиозные сцены в смелой реалистической манере, с простой, лишенной всякой изощренности композицией. Влияние Караваджо на современников было очень велико. В большинстве крупных итальянских городов появляются художники, выступающие против придворного условного искусства и маньеризма. Реалистические произведения Караваджо нашли последователей в Испании, Фландрии, Голландии и Франции.

Наука

В конце XV — начале XVI в. итальянская философская, историческая и политическая мысль имеет блестящих представителей. Профессор Падуанского, а затем Болонского университета Пьетро Помпонацци (1462—1524),

рационалист и скептик, в своем нашумевшем трактате «О бессмертии души» (1516) открыто выступил против христианского учения о бессмертии души, обосновал ряд положений материализма о неразрывной связи мышления с материей, о подчинении материального мира естественным законам. Он развил теорию двойственной истины и обосновал этой теорией необычайно смелое для того времени требование разграничить области науки и религии, требовал невмешательства религии в научное исследование. Характерно для обстановки первой четверти XVI в., что Помпонацци преследованиям не подвергался и до конца своих дней оставался профессором Болонского университета.

Это были последние годы кратковременного периода «вольномыслия» верхов католической церкви. Начиная со второй трети XVI в. представители материалистической философии подвергаются жестоким преследованиям инквизиции, кончают жизнь на костре, как Джордано Бруно (1548—1600) (см. гл. 36), Джулио Ванини (1585—1619) и др. Галилео Галилей (1564—1642) — астроном, физик и философ-материалист — был условно осужден инквизицией на пожизненное тюремное заключение и до конца жизни находился под наблюдением. Но жестокий террор не задушил передовой мысли. Джордано Бруно — последователь и продолжатель космологического учения Коперника — выступал против церковного учения о сотворении мира богом. Джулио Ванини в своих философских сочинениях, главное из которых носило название «Об удивительных тайнах природы — царицы и богини смертных» (1617), утверждал, что церковное учение о боге выдумано духовенством с целью обмана народа, чтобы держать его в рабстве и невежестве.

Большую известность приобрел политический мыслитель, историк и дипломат Никколо Макиавелли (1469—1527). Его главное произведение «Государь» предназначалось для практического руководства государственным людям. Коренным злом, губящим Италию, он считал ее политическую раздробленность, а основной причиной этого зла — существование светской власти римского папы. Макиавелли рассматривал в своем сочинении те качества, которыми должен обладать диктатор, способный объединить Италию. Для достижения этой цели Макиавелли считал пригодными все средства — обман, вероломство, клятвопреступление, убийство, предательство. Наилучший в условиях его времени государь, учил Макиавелли, должен сочетать в себе качества льва и лисицы, обладать великим искусством лжи и лицемерия, устранять противников при помощи яда и кинжала, беспощадно расправляться с непокорными подданными. Взгляды Макиавелли получили широкое распространение среди феодальных и буржуазных правителей.

Термин «макиавеллизм» стал нарицательным и обозначает вероломную политику, не брезгающую никакими средствами ради достижения поставленных целей.

Макиавелли написал также «Историю Флоренции», в которой проводит идею, что Италию губят тираны, кондотьеры, а главное — язва папства, препятствующая объединению страны. В трактате «О воен-

ном искусстве» Макиавелли доказывал, что наемные войска и кондотьеры приведут итальянский народ к гибели: спасение он видел в переходе к системе постоянной народной армии.

Те же характерные для государственных деятелей XVI в. взгляды на историю как на арену преступлений и борьбы низменных страстей отдельных лиц — жажды власти, корысти, зависти, вероломства и т. п. — развивает и Франческо Гвиччардини (1483—1540), автор крупных работ: «История Италии», «Заметки политические и гражданские».

Италия этого периода дала человечеству и политического мыслителя противоположного направления. В условиях испанского ига и католической реакции XVII в. в Южной Италии выдающийся представитель утопического социализма Томмазо Кампанелла (1568—1639) пишет в тюрьме, где он провел 27 лет, свое знаменитое произведение «Город Солнца, или Идеальная республика» (первые издания вышли в 1623, 1637, 1642 гг.). В этом сочинении нашли свое отражение мечты об уничтожении социального неравенства и частной собственности, о справедливой общественной организации производства и распределения, о признании труда делом почетным и обязательным для всех.

В «Городе Солнца», о котором рассказывает вернувшийся из дальнего плавания генуэзец, нет частной собственности, все трудятся, люди гармонично развиты в физическом и духовном отношении, каждый получает по потребности, для защиты от нападений мужчины и женщины проходят военное обучение, народ избирает правителей государства, нет праздных тунеядцев. Такими чертами характеризует Кампанелла свой идеал человеческого общества, противопоставляя его тяжкой действительности.

Кампанелла не только ранний социалист-утопист, он был активным борцом против испанского ига, против схоластики и иезуитов. Кампанелла подвергался преследованиям инквизиции за свой ранний философский трактат «Философия, доказанная чувствами» (1590). В 1598 г. он был арестован по обвинению в заговоре против испанцев и приговорен к пожизненному заключению. Однако в 1628 г. по приказу папы его выпускают из тюрьмы, в 1634 г. он эмигрирует во Францию, где умирает в 1639 г.

Литература

В итальянской литературе XVI и первой половины XVII в. ясно намечаются два направления: одно — придворное, аристократическое, другое — отражающее настроения, враждебные установившемуся в Италии режиму.

Уже в XV в. в связи с подавлением демократических городских движений и установлением власти тиранов многие писатели и ученые стремятся приспособить литературу ко вкусам новых властителей, сделать ее достоянием узкой касты. Центром литературной жизни была Флоренция, в которой господствовали банкиры Медичи. Медичейский кружок поэтов — Лоренцо Медичи (1448—1492), Анджело Полициано (1454—1494) и другие — культивировал утонченный эстетизм, аристократическую мораль, воспевал рыцарские подвиги и турниры («Стансы на турнир» Полициано). В Ферраре при дворе гер-

цогов Д'Эсте Маттео Боярдо (1434—1494) создавал рыцарскую поэму «Влюбленный Роланд». В противоположность аристократической тенденции Боярдо, идеализировавшего рыцарство, один из крупнейших поэтов Высокого Возрождения Лодовико Ариосто (1474—1533), тоже служивший при дворе Д'Эсте, в своей поэме «Неистовый Роланд» иронически освещает рыцарские похождения Роланда, потерявшего разум от любви.

Феодально-католическая реакция XVI в. утвердила господство аристократического направления в итальянской литературе. В отличие от гуманистического идеала совершенного гармонического человека аристократия выдвигает свой идеал «совершенного придворного», изображенный в произведении Д. Б. Кастильоне (1478—1529) «Придворный». Развивается вычурная галантная поэзия, пасторальный роман и драма (Саннадзаро «Аркадия», 1502; Торквато Тассо «Аминта», 1573). Во второй половине XVI в. в атмосфере контрреформации, преследования инквизицией и иезуитами всего несогласного с католической догматикой появляется поэма Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим» (1593). В ней драматично отразился кризис гуманизма: еще живы гуманистические мотивы — жизнерадостность, любовь к человеку, восхищение природой, но они отступают перед прославлением католицизма и фанатической религиозной борьбы крестоносцев с неверными, напоминавшей современникам борьбу против Реформации.

В официальной поэзии получает господство вычурный, манерный, упадочный стиль, получивший название «маринизм» по имени неаполитанского поэта Марино (1569—1625). Поэтическое творчество оскудевает, ничего крупного, талантливого не создается.

Литературе, культивируемой при дворах правителей, противостоит направление, борющееся против зол, разъедающих Италию того времени. К произведениям этого направления относятся «Сонеты» гениального скульптора и художника Микеланджело Буонарроти, проникнутые гневным гражданским пафосом, содержащие острую сатиру на римских пап, духовенство, монашество, рыцарство. Лучшими произведениями этого жанра являются «хвостатые сонеты» и пародийные поэмы Франческо Берни (1498—1535), «Бальдус» Теофило Фоленго (1491—1544). В XVII в. мужественную борьбу с реакцией вели в своих статьях и письмах Галилео Галилей; сатирик Траяно-Боккалини (1556—1613), выступавший против испанского гнета; борец за лучшее будущее, автор утопического произведения «Город Солнца» Кампанелла и множество других писателей и ученых.

Ни жесточайший террор инквизиции, ни гнет испанских завоевателей не сломили их веры в торжество разума, в великую силу народа. Крупнейший представитель этого направления Томмазо Кампанелла в своих сонетах («К поэтам» и др.) требует от искусства служения народу, выполнения высокого гражданского долга.

Театр

Театральное искусство Италии также развивается по двум линиям. Одна — народная «Комедия масок», близкая по сюжетам к народной жизни, с элементами острой социальной сатиры. Характерной особенностью «Комедии ма-

сок» было широкое применение свободной импровизации актеров. Традиции народного фарса сочетаются здесь с элементами гуманистической комедии и драмы. Традиционные персонажи, подвергающиеся осмеянию: купец Панталоне, дворянин Капитан, лже-ученый Доктор и др. Коллективы актеров «Комедии масок» образовали первые профессиональные театральные группы. К концу XVI в. в связи с наступившей реакцией сатирическая острота «Комедии масок» притупляется, актерское искусство вырождается, застывает в трафаретных формах, устанавливаются стандартные типы масок.

К народному театру примыкают по социальной направленности сатиры и лучшие драматургические произведения этого времени — комедии Макиавелли «Мандрагора» (1514), Аретино «Лицемер» (1512), Джордано Бруно «Подсвечник» (1582), бичующие ханжество католического духовенства, суеверие, бессмыслицу схоластики.

Другая линия развития итальянского театра XVI в. — придворный театр. Здесь главное внимание обращено на пышность и роскошь постановок, которые сопровождаются музыкой, танцами, пением, необычайными декоративными эффектами, фейерверками. В придворных театрах ставятся античные пьесы, создаются специфические жанры — драматическая пастораль «Аминта» Торквато Тассо (1573), «Верный пастух» Гварини (1585), мифологическая и пасторальная опера («Дафна», текст Ринуччини, музыка Пери, 1594). Влияние итальянского театра сказалось на театрах Франции, Англии и Испании.

* * *

Успехи в экономическом развитии, достигнутые итальянскими городами в XIV—XV вв., не привели к объединению страны, к созданию единого национального рынка. В связи с тем что не создалось общности экономической и общности территории, складывание итальянской нации затормозилось. Городское сословие разобщенных итальянских областей, несмотря на его политическое преобладание в отдельных городах-государствах (во Флоренции, Венеции, Генуе, Сиене, Пизе и т. д.) и на появление в этих городах зачатков капиталистического производства, не развилось в класс национальной буржуазии.

Провинциальный сепаратизм, ожесточенная междоусобная борьба с соседними городами-государствами характеризуют политику стоящих у власти представителей городского сословия. Ни один город не выдвинулся в качестве столицы, объединившей всю страну; древняя столица Италии Рим под властью пап, которые стремились к всемирному господству католической церкви, превратился в препятствие национальному объединению. Ради сохранения светской власти в своем феодальном владении — в Церковной области — папы вели политику ослабления других мелких феодальных владетелей, натравливая их друг на друга, призывали сильные соседние государства к вмешательству во внутренние дела Италии. Экономически и политически раздробленная территория в XVI в. становится легкой добычей

крупных централизованных монархий — Франции и Испании, которые вступают из-за нее в длительную кровавую борьбу. Испанский абсолютизм вышел победителем в этой борьбе и фактически превратил бо́льшую часть итальянских земель в испанскую провинцию.

Господство Испании и наступление католической контрреформации повлекли за собой тяжелые последствия. В обстановке феодально-католической реакции гибнет блестящая гуманистическая культура итальянских городов, оказавшая громадное влияние на культурное развитие всей Европы. Итальянский народ, разоренный иноземными армиями, церковными поборами, собственными феодальными властителями, не покоряется, он ведет борьбу против своих угнетателей и испанских захватчиков. Наряду с действиями мелких, разрозненных вооруженных отрядов вспыхивают более крупные вооруженные восстания, но они подавляются объединенными силами испанцев и местных властей.

Глава 30

АНГЛИЯ В XVI В.

Развитие промышленности

Англия XVI в. отличалась от других стран Европы тем, что разложение феодальных отношений и зарождение капиталистического производства происходили в ней более интенсивно, и не только в городе, но и в деревне. Это было началом того процесса экономического развития страны, который привел ее в середине XVII в. к буржуазной революции, а через два столетия, в XIX в., Англия превратилась в самую могущественную капиталистическую державу.

Экономическому развитию Англии в XVI в. способствовало то обстоятельство, что после переворота в торговле, связанного с великими географическими открытиями, она оказалась в центре новых мировых морских торговых путей. Однако решающее значение имели явления, происходившие во внутренней жизни Англии. Ликвидация в XV в. барщинной системы хозяйства и освобождение крестьян от личной зависимости создали благоприятные условия для развития мелкотоварного крестьянского хозяйства и его разложения как важного фактора процесса образования капиталистического уклада в стране, а также для перехода формирующегося нового дворянства к буржуазным методам ведения хозяйства. Успехам развития капитализма в деревне и городе способствовало и то, что первоначальное накопление — эта предыстория капиталистического способа производства — происходило в Англии гораздо интенсивнее, чем в других странах. Экспроприация крестьянства, составлявшая основу этого процесса, совершалась здесь в классической форме.

Колониальный грабеж соседней Ирландии был другим рычагом первоначального накопления в Англии.

В XVI в. главной отраслью английской промышленности стало сукноделие, и ему прежде всего обязана Англия ростом своего богатства с этого времени. Крупные суконные предприятия, утверждал один памфлетист начала XVII в., «являются источником жизни и краеугольным камнем для всей торговли и промышленности королевства». Уже в XI в. главную статью английского вывоза составляли шерсть и овчины. К середине XIV в. из Англии вывозилось около 32 тыс. мешков шерсти и только 5 тыс. кусков сукна, но не прошло и ста лет, как соотношение изменилось — вывоз шерсти снизился до 9 тыс. мешков, а сукна вырос до 55 тыс. кусков. К середине XVI в. ежегодный вывоз сукна возрос почти в 3 раза (147 тыс. кусков), тогда как вывоз шерсти почти не увеличился (5—6 тыс. мешков). В 60-х годах XVI в. экспорт английского сукна в другие страны со-

ставлял 81,6% всего экспорта Англии; в конце 90-х годов только через лондонский порт ежегодно вывозилось в другие страны более 152 тыс. кусков сукна различных сортов. Английское сукно в это время вывозилось в Нидерланды, Францию, страны Северной Европы, Ближнего Востока, Африки. В Россию «сукно-лундыш» (лондонское сукно) стало импортироваться с середины XVI в.; из Москвы его доставляли в Иран, Крымское ханство и Ногайскую Орду, а в XVII в. русские купцы привозили его даже в далекие земли Сибири.

Сукноделие получило широкое распространение главным образом на юго-западе и на востоке Англии, в особенности в деревнях и местечках, где не было цехового режима, стеснявшего своей регламентацией производство и ограничивавшего конкуренцию. Имущественное расслоение среди ткачей и других ремесленников-сукноделов происходило гораздо быстрее, чем среди прочих ремесленников. Кроме того, повышение спроса на английские сукна как в самой Англии, так и в других странах стимулировало проникновение в производство сукна накопленных в торговле капиталов и переход от мелкого производства к крупному, к мануфактуре. Этому переходу способствовали и успехи английского овцеводства, и наличие дешевой рабочей силы, созданной процессом имущественного расслоения крестьянства и огораживаниями. В XVI в. децентрализованная мануфактура стала широко распространенной формой крупного производства в шерстяной промышленности, хотя было немало и крупных централизованных суконных мануфактур, объединяющих несколько сотен рабочих. Вырабатывались шерстяные ткани разных сортов: тонкие сукна (Западная Англия), грубые (Северо-Западная Англия), камвольные (т. е. изготовленные из чесаной пряжи) и другие сорта шерстяных тканей (Восточная Англия).

Во второй половине XVI в. в Манчестере и других городах Ланкашира возникла и стала быстро развиваться новая отрасль текстильной промышленности — хлопчатобумажное производство. Сырье для него — хлопок-сырец и хлопковую пряжу — бесперебойно поставляли английские купцы главным образом из стран Леванта.

Производство шелка, полотна, кожи и кожевенных изделий успешно развивалось в Нориче и Колчестере, чулок и кружев — в графстве Ноттингемшир, замков, ножей и других скобяных изделий — в Бирмингеме и Шеффилде, стекла и мыла — в Лондоне и Бристоле. В этих отраслях производства тоже стали появляться мануфактуры. В XVI в. в Англии возникло сахароварение. Английский сахар стали вывозить в Нидерланды и Германию. Важную роль в развитии сахароварения сыграл импорт английскими купцами сахара-сырца из Марокко.

Свинец и олово с древнейших времен добывались на полуострове Корнуолл и наряду с шерстью являлись важными предметами английского вывоза. Во второй половине XVI в. увеличивается добыча этих металлов и их вывоз в другие страны. Выплавка чугуна и железа развивалась главным образом в Сессексе, Глостершире и Южном Уэльсе, богатых залежами руды и лесом и являющихся старинными центрами металлургии страны. Применялись доменные печи. Начи-

ная с 40-х годов XVI в. в Сессексе больших успехов достигло производство артиллерийского вооружения — новых пушек и ядер, которые стали вывозиться в другие страны Европы, в Марокко и Турцию. Удлиненные и меньшего калибра стволы этих пушек в отличие от прежних были отлиты из чугуна, что значительно повысило их боевые качества. Больше изготовлялось и пороха. Но техника производства железа в XVI в. была примитивной, каменный уголь в металлургии почти не применялся. Поэтому железо было низкосортным, производилось его гораздо меньше, чем требовалось, и недостаток покрывался посредством ввоза из других стран, главным образом из Швеции.

Каменный уголь еще с XIV в. применялся в Англии главным образом для отопления жилищ, но в XVI в. его начали использовать в производстве, что стимулировало увеличение его добычи. Центром этой добычи стал город Ньюкасл (в графстве Нортумберленд), откуда уголь перевозили морем в Лондон и другие города, а также за границу.

На судоходных реках и во многих портах побережья строилось много судов различных типов. Жители побережья занимались ловлей сельди и китобойным промыслом; центром добычи сельди был Ярмут (Восточная Англия).

В развитии производства в Англии XVI в. немаловажную роль сыграли опытные мастера — эмигранты из других стран Европы, фламандские ткачи, французские гугеноты — специалисты по шелку и трикотажным изделиям, рудокопы и мастера по обработке цветных металлов из Южной Германии.

Несмотря на значительные успехи в развитии мануфактуры, в Англии XVI в. по-прежнему преобладало мелкое ремесленное производство, в том числе и в сукноделии. Во многих городах еще сохранялся цеховой строй. Многие из этих «старых городов» приходили в упадок, так как цеховое ремесло не выдерживало конкуренции мануфактур, развивавшихся в деревнях и местечках. Но зато быстро росли Лондон, Бирмингэм, Шеффилд, а также Манчестер, Лидс, Галифакс, новые города, образовавшиеся в XVI в. из центров сельской промышленности.

Начало аграрного переворота в деревне

Успехи сукноделия, резко увеличившийся спрос на английскую шерсть сначала в соседней Фландрии, а потом и в самой Англии вызвали значительные изменения в аграрных отношениях. С повышением цен на шерсть овцеводство в Англии стало выгоднее земледелия, и многие лорды начали превращать земли своих поместий в пастбища. Они захватывали не только общинные угодья, но и сгоняли своих крестьян-держателей с наделов, снося при этом крестьянские дома и целые деревни, а захваченные земли обычно огораживали частоколом, канавами, живой изгородью. Огороженные земли дворяне сдавали в аренду крупным фермерам-скотоводам за высокую ренту, а иногда и сами разводили на этих землях большие стада овец или превращали их в парки для охоты. «Ваши овцы... стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже лю-

дей и опустошают целые поля, дома и города», — писал Томас Мор. Этот процесс насильственной экспроприации английского крестьянства получил название огораживания.

Многие зажиточные крестьяне стремились освободиться от стеснительных общинных порядков землепользования, мешавших им повысить доходность своего хозяйства; они тоже захватывали и огораживали общинные пастбища и свои наделы, способствуя таким образом разорению односельчан. Число людей, лишенных средств существования, увеличил и роспуск всех военных дружин крупных феодалов, проведенный Генрихом VII (1485—1509). Важную роль в процессе экспроприации крестьянства сыграла также церковная реформация, проведенная при Генрихе VIII (1509—1547).

Около трети земель Англии находилось во владении церкви, составляя «религиозную твердыню традиционных отношений земельной собственности»[1]. Реформация сопровождалась упразднением всех монастырей и конфискацией короной их земель и имущества. Монастырские земли были частью розданы королевским фаворитам в качестве подарков, частью проданы дворянам, фермерам, различным земельным спекулянтам и богатым горожанам. Среди новых собственников было немало землевладельцев нового типа, стремившихся получить с приобретенных монастырских земель как можно больше дохода. Они стали увеличивать ренту, а также интенсивно огораживать земли, массами сгоняя крестьян, державших эти земли по обычаю и пользовавшихся наследственными правами на свои наделы. После ликвидации монастырей лишилась источника существования также и большая часть монахов.

Во второй половине XVI в. вследствие роста городского населения повысился спрос на хлеб, мясо и другие продукты сельского хозяйства, для ведения которого требовались выделенные из общинных угодий компактные участки земли, что также способствовало распространению огораживаний и экспроприации крестьян. Как утверждалось в одном сельскохозяйственном трактате начала XVII в., один акр огороженной земли стоил полтора акра общинной земли.

Таким образом в Англии создавалась масса обезземеленных, лишенных средств к существованию и крова людей, вынужденных продавать свою рабочую силу владельцам мануфактур и крупных ферм за самую низкую заработную плату. Процесс насильственного обезземеления английских крестьян дворянами был основной чертой аграрного переворота, посредством которого старое, феодальное землевладение в Англии превращалось в новое, буржуазного типа и совершался переход к капиталистической организации сельского хозяйства. «В Англии, — говорит В. И. Ленин об аграрном перевороте, — это пересоздание шло революционно, насильственно, но насилия производились в пользу помещиков, насилия производились над крестьянскими массами, которые изнурялись поборами, выгонялись из деревень, выселялись, вымирали и эмигрировали»[2].

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 734.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 252.

Большую часть земель, захваченных посредством огораживаний, дворяне, как уже указывалось, сдавали в аренду фермерам. Наиболее богатые фермеры переходили к эксплуатации наемного труда сельскохозяйственных рабочих — коттеров и малоземельных крестьян — и таким образом становились капиталистическими фермерами. «Старое землевладение, лендлордизм, при новой, свободной, чисто капиталистической аренде»[1], — так характеризовал Ленин буржуазные аграрные порядки, которые складывались в Англии в результате огораживаний. К концу XVI в. из представителей различных социальных групп деревни и города — зажиточных крестьян, мелких и средних дворян, купцов и предпринимателей — уже образовался слой богатых капиталистических фермеров, уплачивающих землевладельцам капиталистическую ренту, более высокую, чем старая фиксированная феодальная рента. Возросло и количество сельскохозяйственных рабочих и малоземельных крестьян-коттеров. Зажиточные хозяева в деревне нередко наделяли бедняков клочьями земли на условиях краткосрочной аренды, что, однако, не давало этим беднякам возможности существовать без продажи своей рабочей силы. Ничтожный земельный надел коттера был для сельских предпринимателей выгодным средством привязать рабочих к своему хозяйству и усилить их эксплуатацию.

Изменения в имущественном положении английских крестьян, а также сами акты насильственного сгона крестьян с земли и захватов общинных земель наносили сильный удар по порядкам общинного землевладения, ослабляли сопротивление крестьянской общины натиску дворян-огораживателей; богатые крестьяне, превращающиеся в фермеров, разлагали общину изнутри.

В английской деревне центральных и юго-восточных графств капиталистический уклад развивался быстрее. На эти графства приходилось наибольшее количество огороженных земель, экспроприированных крестьян и разрушенных крестьянских домов.

Кровавое законодательство против экспроприированных. Мануфактурные рабочие

Мануфактурные предприятия и фермерские хозяйства в XVI в. были не в состоянии поглотить всю массу согнанных с земли крестьян. Толпы безработных, нищих и бродяг заполнили города и дороги Англии. Короли стали издавать свирепые законы против бродяг и нищих, которые Маркс назвал «кровавым законодательством против экспроприированных». Генрих VIII разрешил собирать милостыню только старым и неспособным к труду нищим, а работоспособных бродяг приказывал бичевать и после этого брать с них клятвенное обязательство возвратиться на родину и «приняться за труд». Если паупер после первого наказания не перестанет бродяжничать, его должны были бичевать второй раз и, кроме того, отрезать половину уха, а если он будет задержан в третий раз, то приказывалось казнить его как преступника. По закону, изданному Эдуардом VI (1547—1553), уклоняющийся от работы безработный

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 383.

отдавался на время в рабство тому, кто донесет властям, что он является бродягой. Хозяин имел право плетьми принуждать паупера-раба ко всякой работе, продать, завещать его по наследству и т. д. Паупера-раба за самовольный уход в первый раз осуждали на пожизненное рабство и клеймили, выжигая на щеке или на лбу слово «slave» (раб), за второй побег ставили ему на лице второе клеймо, а в случае побега в третий раз казнили как государственного преступника.

Эти кровавые законы имели своей целью предотвратить опасность восстаний экспроприированных, обеспечить приток дешевой рабочей силы в промышленность и сельское хозяйство и подчинить массу бывших крестьян и ремесленников — еще недавно самостоятельных мелких хозяев — новому для них режиму наемного труда, воспитать из них послушных рабочих, безропотно несущих на себе гнет капиталистической эксплуатации.

«Революция цен» понизила реальную заработную плату английских рабочих и способствовала обогащению капиталистов, а массовая экспроприация крестьян и ремесленников в XVI в. создавала множество лишенных средств к существованию людей, вынужденных за самую низкую заработную плату продавать свою рабочую силу. Мало того, заработная плата снижалась и введением королевских законов относительно наемного труда. Особое значение среди них имел так называемый статут о подмастерьях, изданный в 1563 г. Елизаветой (1558—1603). По этому статуту всякий в возрасте от 20 до 60 лет, не имеющий определенных занятий, был обязан работать у того хозяина, который пожелает его нанять; до истечения контракта о найме ему запрещалось бросать работу, а продолжительность рабочего дня устанавливалась от зари до зари. Размер заработной платы должны были определять мировые судьи в графствах (т. е. представители интересов нанимателей) в соответствии с временем года и местными ценами на товары.

Мануфактурные рабочие в Англии XVI в. получали всего несколько пенсов в день; рабочим деревенских мануфактур, имевшим обычно небольшое крестьянское хозяйство, платили еще меньше, чем городским рабочим. Кроме того, часть заработной платы выдавалась товарами, что было очень выгодно предпринимателю, так как фактически давало ему возможность снижать плату. В крупных мануфактурах начинал применяться дешевый женский и детский труд. В деревне фермеры повышали цены на продукты сельского хозяйства и снижали заработную плату сельскохозяйственным рабочим, перекладывая таким образом на плечи трудящихся уплату высокой ренты лендлордам. По этим причинам в Англии XVI в. реальная заработная плата рабочих намного отставала от роста цен на товары; в 1600 г. она составляла около 47% реальной заработной платы 1500 г.

Развитие торговли

Сдвиги в экономике Англии XVI в. сопровождались ростом внутренней и внешней торговли. Сложился единый национальный рынок. Мануфактуры и увеличение числа наемных рабочих расширили его емкость. В XIV—XV вв. торговля с Италией и странами Востока велась главным образом при

посредничестве венецианских купцов, а торговля со странами Северной Европы находилась в руках немецких купцов, входивших в Ганзейский союз. В XVI в. монополия как тех, так и других была уничтожена. Всю внешнюю торговлю Англии взяли в свои руки крупные торговые компании английских купцов, получившие ряд привилегий от правительства: Восточная, Московская, Марокканская, Левантийская и Гвинейская компании. В 1600 г. была организована Ост-Индская компания, положившая начало английскому проникновению в Индию. Корона обычно продавала таким крупным компаниям патенты на монопольное право торговли в определенном районе, что избавляло их от конкуренции и позволяло произвольно повышать цены на товары. Быстро росло и английское судоходство.

Внешняя торговля велась торговыми компаниями без посредников и на английских кораблях, превосходивших своими мореходными качествами корабли многих стран. Вывозились изделия английского производства, особенно шерстяные ткани, а ввозилось кроме предметов роскоши сырье, необходимое для отечественной промышленности, — хлопок, сахар-сырец, селитра, красители и др. Особенно успешно во второй половине XVI в. английские купцы торговали с Марокко, Турцией и подвластными ей странами Леванта. Они отняли у венецианцев монополию в посреднической торговле на Средиземном море, а в левантийской торговле, получив от турецкого султана важные выгоды, заняли господствующее положение, оттеснив французских купцов на второй план. Внешняя торговля приносила английским купцам большие барыши. Например, в странах Леванта английское тонкое сукно и олово продавалось по ценам, более чем в 2,5 раза превышающим их цены в Англии, а хлопок продавался в Англии по цене, превышающей в 3,5 раза его покупную цену в странах Леванта.

Английские купцы и предприниматели во второй половине XVI в. стали занимать деньги у лондонских ростовщиков, отказавшись от услуг банкиров Антверпена, итальянских и южнонемецких городов, у которых они прежде делали займы. Королевское правительство тоже стало занимать деньги у английских ростовщиков. В Лондоне была открыта биржа, начался расцвет Лондонского Сити, центральной части города, где сосредоточивались банковские конторы и крупные торговые предприятия. Быстро поднималось экономическое значение города, он превращался в крупнейший порт мира, чему немало способствовал разгром Антверпена испанцами в 1576 г. Возросло также торговое значение Бристоля и Ливерпуля, крупных портов на Западном побережье Англии.

Изменения в социальном строе Англии

Аграрный переворот и начало развития капиталистического уклада в деревне XVI в. усилили процесс расслоения английских феодалов на старое и новое дворянство, начавшийся еще в XV в. Старое дворянство не могло приспособиться к буржуазной экономике. Источником ее существования по-прежнему оставалась либо феодальная рента, получаемая с держателей земель, либо доход от выгодных должностей при дворе короля и в церкви. «Революция

цен» привела к резкому понижению реальной стоимости обычных рент, составлявших главный источник дохода старого дворянства. Кроме того, упразднение монастырей уничтожило богатую и влиятельную группу аристократии — аббатов и приоров, с которой многие светские аристократы были связаны родственными узами. Феодальное дворянство в Англии начало материально оскудевать. Непомерная расточительность и большие долги, за которые обычно приходилось расплачиваться своей землей, — таковы черты старого дворянства этого времени. Политические позиции его были также в значительной степени подорваны усилением королевской власти, установившимся при первых Тюдорах английским абсолютизмом и возвышением новой знати. В этом была причина различных антиабсолютистских заговоров и мятежей, которыми сопровождалось все столетие царствования Тюдоров. К старому дворянству принадлежали представители старинных аристократических фамилий, уцелевшие после войны Алой и Белой розы и репрессий Тюдоров, а также часть аристократии, созданной Тюдорами из своих фаворитов путем земельных пожалований. В массе своей дворянство северных графств оставалось феодальным, но и в остальных графствах страны далеко не все мелкие и средние дворяне порвали с феодализмом.

В то же время многие представители мелкого и среднего дворянства и даже некоторые аристократы, преимущественно в передовых в экономическом отношении графствах, стали быстро превращаться в буржуазных землевладельцев, в так называемое новое дворянство, или джентри. Они энергично экспроприировали и огораживали общинные и крестьянские наделы, широко применяли в своих поместьях труд коттеров и бедных крестьян в качестве наемной рабочей силы, переходили к сдаче своих земель в аренду фермерам, вводили агротехнические улучшения для повышения доходности своих поместий; их поместья были тесно связаны с рынком.

В условиях перехода к капиталистическим формам производства в сельском хозяйстве земля становилась объектом выгодного вложения капитала, и богатые крестьяне, горожане и чиновники XVI в. охотно приобретали землю. Многие из них таким образом вливались в ряды нового дворянства, усиливая его буржуазные черты. Этому способствовало то, что в Англии в отличие от других стран не было сословной замкнутости дворянства, дворянами становились не по происхождению, а по земельному богатству, и всякий, кто приобретал земельную собственность в количестве, достаточном для того, чтобы вести образ жизни дворянина, был обязан получить от короля дворянский титул.

В течение XVI в. земельные владения нового дворянства быстро увеличивались за счет захватов общинных угодий и крестьянских участков, покупки монастырских земель (после упразднения монастырей) и поместий разорившихся аристократов. Кроме того, преуспевающие дворяне нередко занимались и предпринимательством в сфере промышленности и торговли, увеличивая свое состояние.

Появление и подъем нового дворянства имели еще одно важное последствие. На почве заинтересованности в развитии капитали-

ческих форм хозяйства началось сближение этого дворянства с поднимающимся классом буржуазии. «Эти землевладельцы, — писал Маркс о новом дворянстве, — с одной стороны, поставляли промышленной буржуазии необходимые для существования мануфактур рабочие руки, а с другой стороны, были способны придать сельскому хозяйству направление, соответствующее состоянию промышленности и торговли» [1]. Кроме того, в Англии XVI в. богатые горожане сами приобретали и арендовали земли и превращались в дворян-землевладельцев и крупных фермеров. Это также способствовало сближению буржуазии и нового дворянства. Так в XVI начал складываться союз нарождающейся буржуазии и нового дворянства, сыгравший важную роль в буржуазной революции XVII в.

В условиях аграрного переворота XVI в. и начала развития капитализма в деревне усилился процесс имущественного расслоения в среде крестьянства. Как уже говорилось, некоторые зажиточные крестьяне стали переходить к аренде земли у дворян и к эксплуатации наемного труда, превращаясь таким образом в капиталистических фермеров, в то время как значительные массы крестьян все более становились безземельными батраками и малоземельными держателями, полукрестьянами-полупролетариями.

Борьба английского крестьянства за землю

Однако при указанных выше экономических и социальных изменениях в Англии XVI в. господствовал феодальный строй и капиталистическое производство развивалось лишь как новый уклад в его недрах. Большая часть земли оставалась феодальной собственностью, и основная масса крестьян находилась на положении феодально зависимых держателей земли у дворян.

В таких условиях вопрос о том, какой класс и каким образом будет ломать средневековые аграрные отношения и создавать свободную от феодальных ограничений буржуазную собственность на землю — либо новое дворянство в союзе с буржуазией, либо крестьянство, — решался в острой борьбе. Английские крестьяне активно выступали против феодального гнета и огораживаний. В 1536—1537 гг. северные графства были охвачены восстаниями против Реформации; основной движущей силой восставших были крестьяне. Летом 1549 г. началось самое значительное после восстания Уота Тайлера крестьянское выступление, охватившее графства Девоншир и Корнуолл (Юго-Западная Англия), графства Норфолк и Сеффолк — район интенсивных огораживаний в Восточной Англии.

В местечке Уиндем (Норфолк) крестьяне сломали изгороди, которыми окружил свои земли местный лендлорд. Скоро большая часть графства была охвачена восстанием. К нему присоединилось много пауперов, ремесленников, зажиточных крестьян и даже часть мелких и средних дворян, рассчитывавших использовать восстание в борьбе с земельной аристократией. Во главе восставших встали мелкий дворянин Роберт Кет и его брат Вильям. Кет повел вооруженные отряды крестьян к столице графства, крупному экономическому центру Во-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 222.

сточной Англии — городу Норичу, но после того как городские власти не пустили их в Норич, восставшим пришлось расположиться лагерем в лесу, недалеко от города, на Маусхолдском холме. Отряды Кета росли и вскоре насчитывали около 20 тыс. вооруженных людей. Кет был «капитаном» восставших; он укрепил лагерь, превратил Маусхолдский холм в неприступную позицию, установил строгую дисциплину в отрядах. Под вековым дубом он разбирал жалобы окрестных крестьян на сеньоров и улаживал споры между членами его отрядов. Жители соседних деревень и городов снабжали восставших продовольствием; даже норичская буржуазия была вынуждена поддерживать с армией Кета дружеские отношения, хотя тайно готовила измену.

В лагере под Норичем была выработана так называемая Маусхолдская программа восставших, переданная правительству в виде петиции. Основные требования этой программы были направлены против крупных землевладельцев: снижение ренты, запрещение превращать фригольд в копигольд, лишение лордов права пользоваться общинными угодьями, уничтожение манориальных судов, ликвидация остатков крепостного права. В этой программе отсутствовали требования уничтожения дворянской земельной собственности и всех форм поземельной зависимости крестьян, а также передачи им в собственность земельных участков. Крестьяне просили короля исполнить все статуты Тюдоров против огораживаний, однако не запрещать огораживаний, произведенных для разведения шафрана — выгодной технической культуры. Это исключение, равно как и общая умеренность требований, было следствием влияния участвовавших в выработке программы зажиточных крестьян, которые начинали сами огораживать земли с целью повысить доходность своего хозяйства. Несколько других статей выражали интересы мелких дворян.

Разумеется, эта программа не могла удовлетворить беднейшие слои восставших крестьян и городского плебса. Добиваясь уничтожения дворянского землевладения и всех форм феодальной зависимости, они требовали имущественного уравнения дворян и крестьян. «Мы, — заявляли эти крестьяне, — снесем изгороди, засыпем канавы и дадим возможность каждому пользоваться общинным пастбищем. Мы желаем свободного, одинакового и равноправного пользования всеми вещами». Некоторые участники восстания предлагали ввести общность имущества.

Правительство, стремясь выиграть время для сбора сил, необходимых для подавления восстания, пообещало удовлетворить часть требований крестьян. Однако восставшие не расходились. Более того, они взяли Норич, и вскоре им удалось разгромить посланный против них отряд правительственных войск. Тем не менее попытки руководимых Кетом крестьян соединиться с восставшими в Девоншире и Корнуолле оказались безуспешными. Осада Ярмута, предпринятая отрядами Кета, тоже окончилась неудачей. Правительству предоставилась возможность уничтожить очаги восстания поодиночке. После подавления восстания в Юго-Западной Англии в Норфолк против Кета была направлена большая армия, усиленная отрядом немецких

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В АНГЛИИ XVI–начала XVII в.

Район восстания под руководством Роберта Кета (1549г.)

Районы отдельных выступлений (1549г.)

Район восстания в юго-Западной Англии (1549г.)

Граница графств, охваченных восстанием против огораживаний в 1607г.

и итальянских наемников, а также местными ополчениями норфолкских и сеффолкских дворян. Использовав измену норичской буржуазии, правительственные войска взяли Норич, в то время как в лагере восставших обострилась борьба между революционными и умеренными элементами, возглавляемыми Кетом, который даже попытался покинуть лагерь. Но эта попытка была сорвана рядовыми участниками восстания, требовавшими решительных действий.

27 августа 1549 г. произошло сражение, в котором армия крестьян была разгромлена правительственными войсками. Накануне восставшие совершили непоправимую ошибку: они оставили свой укрепленный лагерь в лесу и приняли сражение в долине, где оказались беззащитными против конницы немецких наемников. Кет бежал с поля сражения еще до его исхода. После разгрома крестьянских отрядов дворяне учинили кровавую расправу над восставшими. Взятые в плен Роберт и Вильям Кет были повешены.

Во второй половине XVI в. крестьянские выступления против огораживаний происходили в ряде других графств. Борьба английских крестьян за землю была прогрессивной борьбой за буржуазно-крестьянский аграрный переворот, за свободное от гнета феодализма крестьянское хозяйство, за расчистку пути для развития капитализма в Англии через разложение мелкотоварного крестьянского хозяйства. Это при капиталистической аренде обеспечило бы наиболее быстрое развитие производительных сил в стране и создало бы для народных масс наиболее благоприятные из всех возможных при товарном производстве условия существования. Но эта борьба потерпела поражение, так как движению английских крестьян, как и всякому другому крестьянскому движению, были присущи черты, ослабляющие его, — стихийность, недостаточная сознательность и организованность, локальный характер выступлений. Кроме того, английская буржуазия выступила союзником нового дворянства, а различные в имущественном отношении слои крестьян по-разному относились к борьбе с огораживаниями, к вопросу о земле.

Особенности абсолютизма в Англии

С 1485 по 1603 г. Англией правили короли из династии Тюдоров; они значительно укрепили свою власть, сделав ее, по существу, неограниченной. Генрих VII успешно боролся с крупными феодалами, противниками усиления королевской власти в стране. «Звездная палата», созданная им для наблюдения за исполнением статутов о роспуске вооруженных дружин знати, превратилась в грозный суд короля по делам политической измены, каравший противников королевского абсолютизма. В первой половине XVI в. была усилена власть английского короля над слабо связанными с Лондоном окраинами — Уэльсом, Корнуоллом и северными графствами, для управления которыми были созданы специальные учреждения.

Английскую абсолютную монархию отличал от абсолютистских монархий других стран ряд особенностей.

Бюрократический аппарат Тюдоров на местах был слабым. Местное самоуправление, как и при сословной монархии, продолжало играть важную роль — через него в графствах и приходах приводи-

лись в исполнение все королевские указы. Важные должности в графствах и городах занимали главным образом представители джентри и привилегированной верхушки городской буржуазии.

Для усиления своей власти Тюдоры смогли использовать также парламент. Нижняя палата парламента, состоявшая главным образом из мелких и средних дворян и верхушки буржуазии городов, беспрекословно утверждала законы, внесенные королем; верхняя палата, в которую входили в основном представители аристократии, получившей от Тюдоров большие земельные пожалования, также была покорной королю.

Эти две особенности английского абсолютизма объяснялись тем, что в Англии к XVI в. силы крупных феодалов — главных противников абсолютной власти короля — были в результате войны Алой и Белой розы и репрессий Тюдоров основательно подорваны, а в парламенте и органах местного самоуправления вследствие процесса обуржуазивания широких слоев среднего и мелкого дворянства не проявлялся резкий антагонизм между заинтересованными в усилении власти короля дворянством и буржуазией.

Еще одной особенностью английского абсолютизма было отсутствие постоянной армии. Тюдоры обращали главное внимание на создание сильного военного флота, а английская армия сохраняла характер старинного ополчения, собираемого и экипируемого за счет свободных подданных короля, в соответствии с их имущественным достатком.

Реформация в Англии

Важным средством укрепления абсолютизма при Тюдорах явилась реформа церкви в Англии, которая началась при Генрихе VIII. Поводом к ее проведению послужил отказ папы римского разрешить развод короля Генриха VIII с его первой женой Екатериной Арагонской, родственницей Карла V. В ответ на этот отказ английский парламент в 1534 г. освободил церковь Англии от подчинения Риму и «Актом о супрематии» провозгласил главой церкви короля; при этом было объявлено о сохранении всех католических догматов и обрядов.

В основе разрыва с Римом лежало стремление английских дворян и королевской власти использовать церковь как орудие абсолютизма и в то же время завладеть ее землями и имуществом. Парламентскими актами 1536 и 1539 гг. в Англии были закрыты все монастыри, а их имущество и земли конфискованы королем; в 1545 г. были закрыты все часовни, имуществом которых также завладела корона. Эти конфискации в конечном итоге увеличивали земельные владения дворянства и буржуазии, но секуляризация монастырских имуществ значительно пополнила королевскую казну.

Реформация проводилась путем жесточайшего террора. От англичан требовали полного подчинения новой организации церкви. За отрицание ее основных принципов полагалась смертная казнь. Опасаясь роста народной оппозиции к новой церкви, Генрих VIII запретил самостоятельно читать и толковать Библию мастеровым, поденщикам, земледельцам и слугам, потому что они могли истолковать ее в духе радикальных сектантских учений.

Активнейшими деятелями Реформации были Томас Кромвель — канцлер королевства — и Томас Кранмер, занявший после Реформации пост архиепископа Кентерберийского.

При Марии Тюдор (1553—1558), дочери Генриха VIII от первого брака, ярой католичке, вышедшей замуж за Филиппа II Испанского, в Англии восторжествовала католическая реакция. Опираясь на недовольные абсолютистской политикой слои дворянства, главным образом из экономически отсталых районов Англии, Мария восстановила католичество и стала преследовать деятелей Реформации, за что и получила от них прозвище «Кровавой». Однако Мария не решилась возвратить церкви монастырские земли и имущества, отнятые короной при ее отце и перешедшие в руки светских владельцев.

После смерти Марии английская корона перешла к Елизавете I (1558—1603), дочери Генриха VIII от второго брака, не признанного папой. При Елизавете абсолютизм особенно укрепился. Она восстановила реформированную церковь, в чем ее поддержало большинство дворян и буржуазии. При ней была составлена окончательная редакция англиканского символа веры (так называемые «39 статей»), которую принял парламент в 1571 г. Хотя в новом вероучении заметно влияние кальвинизма, епископальная организация, характерная для католической церкви, была оставлена.

Церковь, созданная в Англии Реформацией, стала называться англиканской. Она заняла среднее положение между католической и протестантской церквами. В «39 статьях» признавались и протестантские догматы об оправдании верой, о Священном писании как единственном источнике веры и католический догмат о единоспасающей силе церкви (с некоторыми оговорками). Церковь стала национальной и превратилась в важную опору абсолютизма, ее возглавлял король, а духовенство подчинялось ему как часть государственного аппарата абсолютистской монархии. Богослужение совершалось на английском языке. Отвергалось учение католической церкви об индульгенциях, о почитании икон и мощей, было уменьшено число праздников. Вместе с этим признавались таинства крещения и причащения, была сохранена церковная иерархия, а также литургия и пышный культ, характерные для католической церкви. По-прежнему взималась десятина, которая стала поступать в пользу короля и превратилась в важное средство обогащения короля и новых владельцев монастырских земель. Корона, передавая монастырские земли светским собственникам, одновременно передавала им также право на десятину, ранее собираемую монастырями. Так в Англии появился слой светских лиц, получавших десятину, — «импроприаторов».

Внутренняя политика Тюдоров

Тюдоры выражали и охраняли интересы своей классовой опоры — феодального дворянства. Особенно ярко это проявилось в их попытках остановить огораживания и развитие крупных шерстяных мануфактур. Огораживания разрушали феодальную деревню, они обостряли недовольство крестьян и увеличивали число нищих и бродяг в стране, угрожая серьезными социальными потрясениями. Абсолютная монархия была заинтересована в сохранении крестьянства как класса

феодального общества еще и по той причине, что важнейшей статьей ее доходов были налоги, взимаемые с крестьян; из крестьян набиралось главным образом и военное ополчение. Поэтому Тюдоры, опираясь на свое право верховных сеньоров всех земель Англии, издали ряд законов против огораживаний. Парламентским актом от 1489 г. запрещалось при огораживаниях уничтожать дома и строения. Генрих VIII запретил скотоводам держать более 2 тыс. овец, а скупщикам ферм — владеть более чем одной фермой; он предписал огораживателям восстановить все разрушенные со времени воцарения его отца (1485) крестьянские хозяйства и постройки. В первой половине XVI в. были назначены две королевские комиссии для расследования случаев огораживаний и наказания всех нарушителей этих законов. Во второй половине XVI в. также издавались законы против огораживаний.

Однако законодательство против огораживаний оказалось безрезультатным. Тюдоры пытались остановить огораживания, сохраняя феодальную собственность дворян на землю и все их привилегии, что существенно облегчало дворянам экспроприацию крестьян. Дворяне-огораживатели в графствах и приходах не подчинялись актам против огораживаний, срывали работу комиссий для расследования случаев огораживания. Они всякими способами скрывали от королевских комиссаров действительные размеры огороженных ими земель, произведенные разрушения, количество овец. Контроль за исполнением этих актов на местах осуществляли мировые судьи, местные дворяне, часто сами заинтересованные в огораживаниях, или их участники.

Генрих VIII создал специальную палату для сборов платежей, которые все дворяне как его вассалы обязаны были вносить в казну короля в случае отчуждения своих земель, передачи их по наследству, опеки и т. д. Этой мерой Генрих рассчитывал укрепить феодальную структуру землевладения в Англии в условиях интенсивно происходившего в XVI в. процесса перехода земель в руки буржуазных элементов, а также увеличить доходы короны.

Тюдоры поощряли развитие сукноделия в Англии, но в то же время они пытались законодательным путем остановить рост шерстяных мануфактур и упадок цехового ремесла. Акт 1555 г. о ткачах сильно ограничивал число станков, которые имел право держать суконщик в городе или в деревне; специальный акт запрещал заниматься сукноделием вне городов. Елизавета пыталась другими законодательными мерами предотвратить упадок цехового ремесла в городах и ограничить развитие сельских мануфактур. Но это не могло остановить рост суконных мануфактур.

В то же время Тюдоры политически объединяли под своей властью всю страну; подавляли выступления мятежной знати, поощряли развитие торговли, предоставляя торговым компаниям ряд льгот, поддерживали колониальную экспансию, судостроение и мореплавание, работорговлю, морское пиратство, издавали свирепые законы о рабочих и против бродяг и нищих, жестоко подавляли народные движения. Они старались протекционистскими мерами поддерживать развитие отечественного производства, устанавливали высокие

пошлины на импорт готовых изделий из других стран, выдавали денежные субсидии торговым и промышленным предприятиям, запрещали экспорт сырья и продовольствия. При Елизавете корона широко практиковала продажу монополий и патентов на все виды производственной деятельности. Все это обеспечивало абсолютизму Тюдоров поддержку со стороны подымающегося класса буржуазии и примыкающего к нему нового дворянства, которые на первых порах весьма нуждались в защите их интересов сильной монархией. Используя эту поддержку, Тюдоры смогли укрепить свою власть и разрешить ряд важнейших задач внешней и внутренней политики.

В общем политика Тюдоров была противоречивой. С одной стороны, они стремились сохранить незыблемость феодального строя, с другой — оказывали покровительство деятельности буржуазных элементов. В этой противоречивости политики английской монархии отразилось влияние возникавшего в недрах феодального общества капиталистического уклада, часть доходов от которого Тюдоры пытались использовать в интересах класса феодалов.

Колониальная экспансия

При Тюдорах усилилась английская колониальная экспансия. Первой английской колонией была соседняя Ирландия, завоевание которой началось еще в XII в. Английские завоеватели лишили ирландцев самых богатых и плодородных областей и оттеснили их в горы, леса и болота. Это обрекло Ирландию на длительный застой — феодально-патриархальные отношения господствовали в ней вплоть до начала XVII в. Жили ирландцы родовыми общинами — септами и кланами, насчитывавшими до 5—6 тыс. родственников, а их общественная жизнь регулировалась так называемыми брегонскими законами, представлявшими собой свод «варварского» права Ирландии, кодифицированный еще в 438 г. н. э. В случае убийства человека преступник, как во времена варварских «правд», уплачивал родным убитого вергельд — «эрик». Значительное количество земель продолжало находиться как общая собственность в распоряжении кланов.

В XVI в. в непокоренной и раздробленной на самостоятельные владения части Ирландии королевская власть отсутствовала, что облегчало Тюдорам подчинение острова. Ирландия представлялась английскому дворянству и буржуазии весьма заманчивым объектом грабежа и важным опорным пунктом для утверждения господства Англии на море и в борьбе с Испанией. Они требовали от Тюдоров превращения Ирландии в покоренную английскую колонию (в начале XVI в. англичане владели только юго-восточной прибрежной полосой, называемой Пэль). Генрих VII и затем Генрих VIII укрепили здесь свою власть. Парламент Пэля мог созываться лишь с разрешения английского короля и обсуждать только те законы, которые были предварительно обсуждены в Лондоне. В 1541 г. Генрих VIII присвоил себе титул короля Ирландии. Реформация и связанная с ней конфискация монастырских земель в Ирландии явились важным средством подчинения острова. Но большинство ирландцев осталось католиками, чем много раз пытались воспользоваться Рим и Испания в борьбе с Англией.

Важным средством ограбления и подчинения Ирландии англичанами во второй половине XVI в. стали массовые конфискации земель ирландцев и передача их английским колонистам. Обычно земли конфисковывались по обвинению в государственной измене, для чего применялись провокации и использовалась религиозная борьба. Первая массовая конфискация была проведена при Марии Тюдор. Воспользовавшись распрями между ирландскими вождями двух соседних с Пэлем графств — Лейкс и Оффали — и лордами Пэля, английские власти объявили действия вождей мятежом и конфисковали земли в обоих графствах. Конфискованные земли были розданы на очень выгодных условиях английским военным и чиновникам; ирландцам же оставили $^1/_3$ земель, причем это были самые худшие земли.

При Елизавете английские власти в Ирландии, вмешавшись в борьбу ирландских вождей в Манстере (Юго-Западная Ирландия), спровоцировали восстание против англичан, которое возглавил граф Десмонд, а затем, жестоко подавив его, конфисковали в 1586 г. большую часть земель жителей этой обширной провинции. Земли были розданы крупными участками английским колонистам — главным образом представителям знати и фаворитам королевы — с условием их заселения англичанами и введения английской системы феодальных отношений.

Активная колонизаторская политика Тюдоров в Ирландии усилила борьбу ирландцев за освобождение своей страны от гнета английских захватчиков. В 1594 г. на севере Ирландии, в Ольстере, началось большое народное восстание, во главе которого стали графы Тирон и Тирконель. Восставшие требовали свободы вероисповедания для католиков, назначения чиновников из ирландцев, устранения стеснений, введенных английской короной в области торговли. Вожди восставших составили Северную лигу, создали и обучили армию, насчитывавшую до 16 тыс. человек. Эта армия нанесла английским войскам серьезное поражение на реке Блекуотер. Положение англичан было критическим: южные районы Ирландии поддерживали восставших, которые ждали денежной и военной помощи от Испании. Елизавета послала на подавление восстания 22-тысячную армию во главе с графом Эссексом. Но восстание подавить не удалось, и Эссекс начал вести с восставшими переговоры о перемирии, за что был отозван из Ирландии и впал в немилость. Новый наместник Ирландии Маунтджой повел против ирландцев опустошительную войну. Английские войска уничтожали мирное население, сжигали деревни, истребляли посевы. В 1603 г. восстание было жестоко подавлено. Новый король Яков I Стюарт конфисковал земли в шести графствах Ольстера; большую их часть он роздал английским и шотландским колонистам с условием ведения хозяйства по английскому образцу.

Конфискация земель в Ирландии и их колонизация англичанами не были формой буржуазного аграрного переворота. Вследствие этих мер в стране создавалось крупное землевладение английских колонистов, а ирландцы были насильственно лишены земли и превращены в мелких арендаторов на очень тяжелых условиях, присущих колони-

альному грабежу эпохи первоначального накопления. Массовое обезземеление и грабеж ирландцев явились одним из моментов процесса первоначального накопления в Англии. Многие из экспроприированных ирландских крестьян эмигрировали в Англию и другие страны, пополнив там ряды наемных рабочих.

Вместе с экспансией в Ирландии английские колонизаторы предприняли попытки проникнуть на Американский материк. Но на пути этой экспансии стояла Испания, обладавшая богатыми колониями в Америке и усилившаяся в 1581 г. в результате присоединения Португалии со всеми ее колониями. С середины XVI в. борьба Англии с Испанией приняла форму контрабандной торговли с колониями Испании и пиратского грабежа ее портов и судов, перевозивших американское золото и серебро.

Пират Френсис Дрейк (позднее адмирал королевы Елизаветы) с небольшой эскадрой, пройдя через Магелланов пролив, ограбил испанские города по побережью Чили и Перу, где были приготовлены большие запасы золота и серебра для отправки в Европу. Потом Дрейк пересек Тихий океан, побывал на Молуккских островах и, обогнув мыс Доброй Надежды, в 1580 г. вернулся с огромной добычей в Англию, совершив, таким образом, первым из англичан кругосветное путешествие. Вскоре фаворит королевы Уолтер Рэли захватил часть Восточного побережья Северной Америки, названную им в честь Елизаветы Виргинией, и основал там первую английскую колонию. Однако английские колонисты не выдерживали тяжелых условий жизни на новом континенте: часть их погибла, а другая покинула Америку. Новая английская колония в Виргинии была основана в 1607 г. Лондонской торговой компанией.

Правительство Елизаветы поощряло действия пиратов. В Англии возникли специальные купеческие компании для снаряжения пиратских экспедиций против испанцев. Елизавета и многие представители высшей знати Англии были пайщиками ряда таких компаний. Пиратские экспедиции наносили громадный ущерб Испании, достигавший 3 млн. дукатов в год, и явились одним из источников первоначального накопления в Англии.

Английские моряки наживались не только на пиратских экспедициях. С 1562 г. английские корсары начали вывозить из Африки в испанские колонии в Америке негров-рабов, положив начало английской работорговле.

Англо-шотландские отношения

Другой сосед Англии, Шотландия, в XVI в. была самостоятельным королевством. В ее горной самой отсталой части господствовали феодально-патриархальные отношения; товарное производство развивалось медленно, городов было мало; жители занимались скотоводством и охотой и жили еще родовыми общинами — кланами. Во главе кланов стояли вожди, которые эксплуатировали крестьян, взимая с них различные поборы, главным образом натурой.

Южная Шотландия развивалась быстрее, население ее наряду со скотоводством занималось и земледелием, а товарное производство сделало большие, чем на севере, успехи. Купцы городов Южной

Шотландии вели оживленную торговлю с европейскими странами. Особенно быстро развивались связи с экономически развитой Англией; в Шотландию переселялись многие англичане.

Вследствие медленного развития экономических связей между областями страны процесс политического объединения Шотландии в XVI в. еще не закончился (отсутствовала даже единая денежная система). Крупные феодалы Южной Шотландии и вожди кланов в северной части страны сохраняли свою независимость и вели войны между собой. Города Юга были более заинтересованы в развитии связей с другими странами, и прежде всего с Англией, чем в объединении с отсталым Севером Шотландии.

Экономически слабая, раздираемая внутренней борьбой Шотландия стала в XVI в. объектом захватнических устремлений Англии, а также Франции и Испании. Она была вовлечена в их борьбу, что привело в конечном итоге к потере ею независимости. Особенно активной в борьбе за Шотландию была Англия.

В 1542 г. король Шотландии Яков V Стюарт умер. Шотландская корона перешла к его малолетней дочери, правнучке Генриха VII Тюдора, Марии Стюарт. Ее отправили во Францию, где воспитывали католичкой, а Шотландией в качестве регентши стала управлять мать королевы — Мария Гиз, представительница могущественного во Франции рода Гизов. На территорию страны были введены французские войска, которым удалось изгнать английскую армию. В результате Шотландия подпала под власть французской короны. Французские войска оккупировали важнейшие крепости страны, а высшие должности в государстве оказались в руках французской знати. Особенно укрепились французы, когда Мария Стюарт стала женой короля Франциска II, который получил часть доходов шотландской короны в уплату долга за военную помощь против англичан.

В это время в Шотландии усилилось движение за реформу церкви под знаменем кальвинизма. Кальвинизм получил широкое распространение не только среди горожан, но и среди значительной части феодалов (особенно на юге), которые рассчитывали при помощи реформации завладеть церковными богатствами и использовать пресвитерианский строй новой церкви для усиления своих позиций в борьбе против Стюартов, отдавших страну под власть католической Франции. Был создан союз кальвинистов — конвенант. Идеологом шотландской реформации стал Джон Нокс (1514—1572), бывший священник англиканской церкви, который эмигрировал во время католической реакции из Англии и прожил несколько лет в Женеве среди кальвинистов. Нокс в своих проповедях призывал к свержению королевы-католички.

Когда в Шотландии вспыхнули народные выступления против католической церкви, кальвинисты начали военные действия против французов. Это использовала Елизавета Тюдор: она помогла шотландским кальвинистам оружием и деньгами, рассчитывая с их помощью не только подчинить Шотландию, но и избавиться от опасной претендентки на английскую корону в лице своей кузины Марии Стюарт. Папа и католические державы связывали свои планы свер-

жения Елизаветы с престола с возведением на ее место Марии Стюарт, которая, по их расчетам, должна была навсегда покончить с реформацией в Англии. В 1559 г. Мария и ее муж приняли титул английских королей. В ответ на это Елизавета послала свой флот против Шотландии, который помог шотландским кальвинистам одержать победу. Они добились подписания в Эдинбурге договора, по которому французские войска выводились из Шотландии и власть в стране переходила в руки совета из 12 представителей аристократии (5 из них назначались парламентом, а 7 — королевой), объявлялась свобода вероисповедания, а Мария Стюарт и ее муж должны были отказаться от своих прав на английскую корону. Шотландский парламент поспешил воспользоваться этой победой и ввел в стране пресвитерианский строй церкви, а также приступил к секуляризации церковных богатств, раздавая большую их часть аристократии.

Но Мария, находясь во Франции, отказалась признать Эдинбургский договор. Гизы уже готовились к новой интервенции в Шотландию, но этому помешала смерть Франциска II. После смерти мужа Марии пришлось возвратиться в свое королевство, где внутренняя борьба разгорелась с новой силой. В Шотландии Мария вышла замуж за своего двоюродного брата лорда Генриха Дарнлея, родственника Тюдоров. Она приблизила к себе католическую знать и преследовала кальвинистов. Мария Стюарт получала денежную помощь от папы и Гизов и установила секретные связи с католической знатью в Англии, тайно готовившей мятеж против Елизаветы. Со своей стороны Елизавета субсидировала борьбу шотландских кальвинистов, возглавляемых графом Мюрреем. В 1567 г. шотланские кальвинисты подняли восстание против Марии, обвинив ее в связях с убийцами ее мужа Дарнлея. Гугенотские войны не позволяли Франции активно вмешаться в борьбу в Шотландии. Вскоре оказавшись в руках восставших, Мария была вынуждена отречься от престола в пользу своего малолетнего сына Якова VI. Она бежала из плена, но это не спасло ее. Войска, посланные ею против восставших, потерпели поражение, и ей пришлось покинуть Шотландию. Елизавета, у которой Мария искала убежище, заключила ее в замок.

Таким образом, в конце 60-х годов XVI в. французское влияние в Шотландии ослабло, у власти оказались проанглийские элементы из кальвинистов, а сама Мария — в плену у Елизаветы.

Обострение борьбы с Испанией

Поскольку католические силы в Европе являлись орудием испанской политики, Елизавета поддерживала не только шотландских кальвинистов, но и гугенотов во Франции и восставших в Нидерландах.

В 1569 г. в северных графствах Англии вспыхнуло вооруженное восстание, его возглавляли представители феодальной знати, недовольные усилением абсолютизма при Елизавете. Их целью было посадить на трон «законную» королеву Марию Стюарт, освободив ее из заключения, восстановить католичество и подчинить Англию папе. Вожди восстания тайно получали денежную помощь и инструкции от папы и испанского короля, поддерживали связь с Марией; намечались высадка в Северной Англии испанских войск из Нидер-

ландов и выступление католической знати Шотландии. Восставшим феодалам удалось за демагогическим лозунгом восстановления «истинной веры» на время скрыть свои классовые и антинациональные цели и повести за собой довольно широкие слои народа, использовав обострение социальной борьбы в северных графствах и направив ее против абсолютистской политики Елизаветы и английской реформации. Восставшие создали значительную армию, которая, овладев важнейшими пунктами на севере, пыталась направиться на юг с целью поднять восстание в остальных графствах страны и взять Лондон.

Королевским войскам удалось остановить отряды повстанцев. Елизавета опиралась на дворянство и буржуазию большинства графств Англии, понимавших, что победа мятежников-феодалов серьезно ослабит королевскую власть в стране, приведет к разгулу феодально-католической реакции и подчинит Англию ее главной сопернице — Испании. В то же время в северных графствах крестьяне и городская беднота, вопреки религиозным лозунгам восстания, начали борьбу против феодалов. Страх перед антифеодальной войной в своем тылу заставил мятежных феодалов отступить на севере и распустить многочисленные крестьянские и городские отряды, примкнувшие к их армии. Нидерландская революция и войны с турками на Средиземном море предотвратили испанскую интервенцию. При таких обстоятельствах восстание на севере было подавлено правительственными войсками. Многие главари восстания успели бежать в Шотландию, а затем в Испанию и Рим, откуда они продолжали борьбу против Елизаветы.

В 1570 г. папа Пий V издал буллу о низложении Елизаветы как незаконной королевы, об отлучении ее от церкви как еретички, об освобождении ее подданных от присяги верности и о запрещении повиноваться ей. Испанским агентам удалось организовать ряд заговоров английских католиков с целью провозглашения Марии королевой Англии. В частности, участники заговора Бабингтона предполагали убить Елизавету, освободить Марию, поднять восстание католиков в Англии и Ирландии и тем самым помочь высадке в Англии испанских и французских войск, которые должны были захватить Лондон, расправиться со сторонниками Елизаветы, уничтожить ненавистный испанцам английский флот и восстановить католицизм. Участники этого заговора были связаны с папой, Филиппом II, Гизами, Марией Стюарт. Но правительство Елизаветы через своих агентов внимательно следило за подготовкой заговора и оказалось в курсе всей тайной переписки Марии. Заговорщиков удалось схватить и казнить, а Мария как государственная преступница была предана специальному суду, который вынес ей смертный приговор, встреченный в Лондоне всеобщим одобрением. В феврале 1587 г. ее обезглавили. Незадолго до этого Елизавета закрепила английское влияние в Шотландии, заключив союз с Яковом VI. Яков обязался не поддерживать Испанию, не помогать шотландским и ирландским католикам, за что бездетная Елизавета обещала признать его наследником английской короны.

Казнь Марии Стюарт явилась серьезным поражением католической реакции в Европе. Папа особой буллой призвал католиков к войне с Англией. Филипп II в качестве претендента на английский престол снарядил для осуществления вторжения в Англию большой флот — «Непобедимую Армаду», состоявший главным образом из тяжелых кораблей, имевших на борту более 20 тыс. отборных солдат и около 3 тыс. орудий. Флот насчитывал 134 корабля. Армада должна была пройти в Дюнкерк, взять на борт испанский отряд в 17 тыс. солдат из армии, находившейся в Нидерландах, а затем высадить десант в устье Темзы, недалеко от Лондона. Испанцы рассчитывали, что их вторжение будет поддержано восстанием английских католиков.

В Англии война с Испанией получила значение борьбы за национальную самостоятельность. Были созданы сухопутная армия для отпора десанту и защиты Лондона и флот, насчитывавший около 200 боевых и транспортных кораблей. Большую часть этого флота составляли частные купеческие и пиратские суда, присланные различными городами Англии; ими командовал Дрейк. В противоположность испанскому английский флот состоял из легких, быстроходных кораблей и был лучше вооружен артиллерией. Испанские пушки по своим боевым качествам уступали английским. В соответствии с этим была принята такая тактика: избегать генерального морского сражения, но активно атаковать отдельные корабли и мелкие соединения на флангах и в тылу Армады. Экипажи английских судов состояли из моряков, прошедших хорошую школу в торговом или рыболовном флоте и нередко участвовавших в пиратских налетах на испанские корабли. Многие английские пираты и мореходы приняли участие в сражении с Армадой. Англичанам помогал голландский флот.

Летом 1588 г. Армада вышла из испанского порта Ла-Коруньи и через несколько дней достигла английских вод у Плимута; отсюда она направилась к Дюнкерку. Это был момент, удобный для атаки со стороны английского флота, и он им воспользовался. Морское сражение длилось две недели. В итоге Армада не смогла дойти до Дюнкерка и соединиться с сухопутными войсками; она была оттеснена в Северное море, потеряв большое количество кораблей. Это заставило командование Армады начать отступление. Английские пираты и сильный южный ветер не позволили совершить обратный путь через Ла-Манш, пришлось возвращаться вдоль берегов Шотландии и Ирландии. Разразившаяся буря разбросала корабли Армады и завершила ее разгром. В Испанию возвратилось 43 корабля.

Победа английского абсолютизма над мятежной аристократией и поддерживающими ее силами международной католической реакции закрепила политическое объединение Англии и спасла ее от угрозы чужеземного владычества. Как отмечал Маркс, опасность, угрожавшая самостоятельности Англии со стороны католической реакции, сделала пребывание Елизаветы во главе правительства *«вопросом национального значения»*[1].

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. VII, с. 379.

Гибель Армады серьезно подорвала морское могущество Испании, что открывало перед Англией возможность осуществить большие колониальные захваты и ускорить посредством грабежа колоний процесс первоначального накопления и развития капитализма в метрополии. В 1596 г. английские корабли разгромили испанский флот в гавани Кадиса. В последние годы царствования Елизаветы флот английской Ост-Индской компании, созданный в 1600 г., побывал на «Островах пряностей» (Молуккских островах) и в индийском порту Сурат, положив начало торговле Англии с Индией. После того как в 1612 г. англичане разбили португальскую эскадру близ Сурата, компания создала в этом городе свою постоянную факторию.

Обострение социальных противоречий в Англии в конце XVI и в начале XVII в.

В конце XVI в. в Англии в связи с «революцией цен», экономической политикой абсолютизма и войной с Испанией возросли дороговизна и налоговый гнет, что вызвало резкое недовольство народных масс. Кроме того, ряд графств пострадали от неурожаев и голода, в деревне шел процесс огораживаний, города были переполнены пауперами, а успехи развития мануфактур и разложения цеховой системы ухудшили положение ремесленников и городской бедноты. На этой почве в английских городах и деревнях участились волнения. Летом 1595 г. произошли волнения подмастерьев и городской бедноты Лондона. В центре страны, в графстве Оксфордшир, затронутом огораживаниями и пострадавшем от неурожая и голода, в сентябре 1596 г. плотник Бертелемью Стэр начал призывать народ к восстанию, с тем чтобы уничтожить изгороди, убить всех дворян графства, отнять у них хлеб и раздать его беднякам и затем двинуться в Лондон для объединения с подмастерьями. Но власти узнали о готовящемся восстании от предателя и своевременно приняли меры для ликвидации начавшегося движения. Пять главных организаторов этих волнений были казнены. В 1598 г. выступления против налогового гнета и дороговизны происходили в Линкольншире и Ланкашире, а также в окрестностях Лондона. Среди народных масс, особенно в городе, несмотря на жестокие религиозные преследования, распространялись различные радикальные еретические учения, проповедовавшие социальное равенство.

Во второй половине XVI в. в условиях успешного развития капитализма среди буржуазии и нового дворянства стала складываться оппозиция абсолютистскому режиму. Она выступала под знаменем кальвинизма, поскольку эти классы не удовлетворял половинчатый характер королевской Реформации. Английские кальвинисты хотели очистить официальную церковь от остатков католицизма, поэтому их называли пуританами (от латинского слова «purus» — чистый). Пуритане стремились также освободить церковь от подчинения королю. Среди пуритан было два направления. Умеренные пуритане — так называемые пресвитериане — выдвигали требование установить в Англии кальвинистскую церковь, подчиненную общенациональному церковному Синоду. Идеологами пресвитериан были теологи из Кембриджского университета У. Траверс и Т. Картрайт. Радикальные

пуритане — индепенденты, расхождения которых с пресвитерианами выявились в середине 80-х годов, — отвергали принцип единой национальной церкви, считая, что каждая религиозная община должна быть независимой. Идеологами индепендентов были проповедники Р. Браун и Г. Барроу.

Наряду с требованием церковных реформ пуритане противопоставляли старой морали свои идеалы скопидомства и стяжательства, являвшиеся идеалами буржуазии на ранней стадии развития капиталистических отношений. Они осуждали развлечения, веселые праздники, игры, театр и музыку. Вместе с этим пуритане считали, что все люди должны покорно и активно выполнять свои обязанности в земной жизни, что в личном успехе каждый должен видеть свидетельство божественного предопределения его к спасению.

Но успехи пуританизма в Англии объясняются не только тем, что его этика и идеал «дешевой церкви» гораздо полнее по сравнению с другими реформационными учениями соответствовали интересам английской буржуазии и нового дворянства. Выдвинув на первый план непосредственные отношения между богом и человеком, пуритане высоко подняли личную ответственность каждого за свое поведение в обществе и роль в нем религиозной общины. Это позволило им создать в отличие от англиканской церкви более строгую и эффективную систему религиозно-морального воздействия через общину на бедных и духовного их подчинения буржуазно-дворянскому меньшинству, что было очень важно для этих классов в обстановке острой социальной борьбы в Англии XVI в. Основными методами такого воздействия пуританского духовенства были: проповеди на собраниях общины и обязательное посещение их всеми ее членами, обучение их катехизису, периодический обход всех семей членов общины и активное вмешательство в их личные дела, назидательные беседы с провинившимися, наказания за проступки, налагаемые перед всей общиной и в определенной последовательности, вплоть до изгнания из общины.

В последние годы царствования Елизаветы буржуазные элементы начали тяготиться той опекой, которую осуществлял абсолютизм в отношении производства и торговли, стесняя свободу конкуренции и предпринимательской деятельности. В 1601 г. парламент резко протестовал против практики продажи короной патентов на монопольное производство разных товаров. Этот протест поддерживали народные массы Лондона, и королева была вынуждена запретить продажу монополий. Однако впоследствии это запрещение не соблюдалось. Это были первые признаки назревающего разрыва буржуазных слоев Англии с абсолютизмом, разрыва, который в 40-х годах XVII в. привел к английской буржуазной революции, уничтожившей господство феодализма и абсолютистское государство.

Культура Англии в XVI в.

В XVI в. вместе с процессом развития капитализма в Англии и экономическим и территориальным объединением страны продолжался также процесс национальной консолидации английского народа. Интенсивно шло слияние местных диалектов в единый общеанглий-

ский язык. Этому немало способствовали передвижения экспроприированных крестьян и бедноты в поисках работы. Образование единого централизованного государства в той степени, в какой оно способствовало росту буржуазных отношений в Англии, содействовало образованию английской нации. Однако при господстве феодального строя, в рамках феодально-абсолютистской монархии, не могли завершиться ни процесс образования английской нации, ни процесс создания национального государства — их завершила лишь английская буржуазная революция XVII в.

В Англии XVI в. значительные успехи сделала гуманистическая культура. В начале XVI в. центром гуманизма был Оксфордский кружок, в который входили наиболее крупные гуманисты того времени: Линэкр, Гросин, Колет и Эразм Роттердамский, проживавший некоторое время в Англии. Их деятельность была посвящена главным образом изучению античности и древних языков. Но быстрое общественное и государственное развитие Англии в это переломное время поставило перед английскими гуманистами ряд острых социально-этических и политических проблем, имевших важное значение для разных слоев английского общества. Они их решали различно, потому что социальная ориентация взглядов английских гуманистов в XVI в. не была одинаковой, и это все явственнее проявлялось на протяжении этого века.

Крупнейшим гуманистом первой половины XVI в. был Томас Мор (1478—1535). Он родился в семье лондонского адвоката, получил образование в Оксфордском университете и при Генрихе VIII занимал ряд высоких государственных постов. Будучи лордом-канцлером королевства, он выразил несогласие с королем по вопросу Реформации, был обвинен в измене и казнен. Важнейшее произведение Мора «Утопия» (1516) — утопическое произведение, в котором он изобразил идеальный общественный строй на вымышленном острове Утопия и противопоставил его порядкам тюдоровской Англии.

Большинство гуманистов того времени в своей положительной программе не пошли дальше возведения в моральную норму свободной и активной деятельности каждой отдельной личности и признания частной собственности как непременного условия такой деятельности и счастья человека. Мор, следуя гуманистическому идеалу о полном удовлетворении потребностей человека и развитии его способностей, пришел к мысли о необходимости для осуществления этого идеала уничтожить частную собственность и классовые различия как источник всех социальных бедствий. Суть счастья, полагал он, состоит в удовольствиях, и частная собственность должна быть уничтожена, потому что «похищать чужие удовольствия, добиваясь своих, несправедливо». «Где только есть частная собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел», — говорится в «Утопии». В первой книге этого произведения Мор ярко показал страдания народных масс в Англии в период первоначального накопления и тем самым осудил нарождавшиеся капиталистические отношения. «Заго-

вором богачей» называл он современное ему английское общество. Мор является одним из ранних представителей утопического социализма. Идеальные социальные порядки на острове Утопия были основаны на общественной собственности, на полном социальном и политическом равенстве и всеобщей обязанности трудиться. Все жители были обязаны заниматься ремесленным и земледельческим трудом, а основной производственной и общественной организацией была семья. Продукты, выработанные семьями, сдавались на общественные склады, откуда их получала каждая семья по потребности. Рабочий день длился 6 часов, и все свободное время утопийцы посвящали занятиям науками.

Во второй половине XVI в. на первое место в художественной литературе выдвинулась драматургия. В стране было много странствующих трупп актеров, несмотря на то что им угрожали суровые наказания, как «бродягам». В Лондоне в конце XVI в. насчитывалось 9 театральных зданий, не считая частных театров в богатых домах. Крупнейшим из них был театр «Глобус», основанный в 1599 г. на паевых началах. Этот театр был рассчитан на широкого зрителя: окруженный высокой деревянной оградой двор овальной формы служил зрительным залом для простого народа. Вдоль ограды были расположены галереи для зажиточных горожан и ложи для знати, а сцена находилась посредине двора. Английская драма XVI в. создавалась под сильным влиянием народных вкусов и гуманистических идей. Это нашло свое наиболее яркое выражение в творчестве гения английского народа Уильяма Шекспира (1564—1616).

Предки Шекспира были крестьянами, но его отец переселился в город Стрэтфорд на реке Эйвон и вскоре разбогател, занимаясь торговлей и выделкой кож. В этом городе прошли детские и юношеские годы великого драматурга. Он закончил обучение в местной школе, а с шестнадцати лет, когда отец разорился, был вынужден сам зарабатывать на жизнь. В 1585 г. Шекспир переехал в Лондон, где начал работать в театре актером, а затем стал пайщиком театра «Глобус». Для этого театра он начал писать пьесы; его драматургическая деятельность продолжалась с 1590 по 1612 г.

Шекспир в своих комедиях и трагедиях с огромной силой изобразил мысли и чувства людей, освобождающихся от оков феодализма, от свойственных этому строю воззрений, привычек и этики. Все его творчество проникнуто высокими гуманистическими идеями уважения к человеку независимо от его происхождения, пола, расы. Он утверждал право каждого человека на свободное чувство и мысль. Гамлет говорит: «Что за мастерское создание — человек! Как благороден разумом! Как бесконечен способностью! В обличии и движении — как сходен с ангелом! В постижении — как сходен с божеством! Краса вселенной! Венец всего живущего!» Творчество Шекспира было проникнуто надеждой на победу гуманистических идеалов, верой в неограниченные возможности человека.

Шекспира возвышает над многими гуманистами его времени то, что он, исходя из своих гуманистических убеждений, прозорливо разглядел антигуманное существо новых нравов, которые утверж-

дались в английском обществе с развитием капиталистических отношений и выражались в реальной жизни в откровенном хищническом эгоизме, в своеволии свободных индивидов, в ничем не сдерживаемом их стремлении добиться личного благополучия, хотя бы ценой зла, причиняемого другим людям. Разумеется, Шекспир не мог осознать социальный источник этих утверждавшихся новых нравов. Он рассматривал порожденное ими зло лишь с этической точки зрения, как следствие нарушения гуманистической морали индивидами-эгоистами. В своих знаменитых трагедиях — «Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Макбет», «Тимон Афинский», «Юлий Цезарь», «Кориолан» и др., большая часть которых была написана во второй период его творчества (1601—1608), он изобразил плеяду таких эгоистов, хотя сюжеты этих трагедий взяты из жизни разных народов в различные эпохи истории. Главными пороками, извращающими отношения между людьми, Шекспир считал корыстолюбие, жажду наживы и власть денег, лицемерие и ложь, порождавшие человеконенавистничество. Благородные герои гибнут, но, несмотря на их трагический конец, Шекспир сохраняет веру в человека, в конечное торжество гуманных отношений между людьми. Шекспир ярко отразил конфликт гуманистических идеалов эпохи Возрождения с жестокой действительностью нарождавшегося буржуазного общества, показав, что новые отношения, которые утверждались вместо феодальных, тоже враждебны гуманистическому идеалу человека.

В исторических хрониках, составляющих особый цикл его пьес из истории Англии («Генрих VI», «Ричард III», «Король Джон», «Генрих IV», «Генрих V», «Генрих VII» и др.), он изобразил процесс консолидации страны под властью сильного монарха, борющегося против мятежных сил крупной знати и внешнего врага, и показал прогрессивность победы королевской власти в этой борьбе. Создавая грандиозную картину развития средневековой Англии от короля Иоанна Безземельного до Генриха VIII, Шекспир отвергал средневековую мистическую точку зрения на ход истории, но не преувеличивал и роль личности, что было характерно для исторической литературы эпохи Возрождения. Влияние народа на ход событий, его отношение к историческим деятелям и событиям явственно выступает в пьесах Шекспира. Крупнейшими драматургами второй половины XVI в. были также Кристофор Марло и Бен Джонсон.

Во второй половине XVI в. на основе роста национального сознания в Англии повысился интерес к прошлому страны, что привело к появлению ряда исторических сочинений в форме хроник, среди которых наибольшую популярность имели изданные в 1578 г. «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» Р. Холиншеда; ими пользовался Шекспир, когда писал свои пьесы-хроники. В. Кэмден наряду с историческими сочинениями составил большое политико-экономическое и географическое описание Англии и Ирландии. Р. Хаклуит, отвечая возросшему интересу буржуазно-дворянских кругов к географическим открытиям и колониальной экспансии, опубликовал в 1598 г. собранные им документы о путешествиях и открытиях англичан.

Под влиянием гуманизма излюбленным жанром в английской живописи XVI в. стал портрет; в нем реалистические приемы изображения вытесняли прежний схематизм и условность в изображении человека. Этому немало способствовал крупный немецкий художник-гуманист Ганс Гольбейн Младший, который был одно время придворным художником Генриха VIII и написал ряд портретов в реалистической манере. В архитектуре было заметно стремление перейти от средневековых приемов зодчества к новой архитектуре эпохи Возрождения. Так, в XVI в. появился английский национальный стиль в архитектуре — «тюдор».

Во второй половине XVI в. формировались взгляды Фрэнсиса Бэкона (1561—1626) — английского гуманиста и философа, родоначальника английского материализма и вообще опытных наук новейшего времени[1]. Бэкон был сыном лорда — хранителя печати при Елизавете Тюдор. После окончания Кембриджского университета он несколько лет пробыл в Париже при английском после, затем имел юридическую практику в Лондоне, в 1584 г. стал членом парламента, а при Якове Стюарте — лордом — хранителем печати, канцлером Англии и был вознагражден за службу королю титулами барона и виконта.

Ф. Бэкон был идеологом буржуазии и нового дворянства эпохи первоначального накопления. В своих философских работах, главная из которых «Новый Органон» (1620), он утверждал, что чувства человека составляют источник знания. Исходя из этого, он подверг резкой критике средневековую схоластику и разработал индуктивный метод познания человеком природы, главными чертами которого были «индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперимент»[2]. Благодаря этому методу, утверждал Бэкон, наука даст человеку власть над природой, увеличит его могущество и улучшит его жизнь. «Человек — мастер своей судьбы», — поучал он, и советовал индивиду направить свой ум на познание ценности всех вещей с точки зрения достижения собственного счастья, «заботясь об этом непрестанно». При этом, как гуманист, он считал, что для достижения счастья главным являются не деньги, а душевные качества человека — его талант, мужество, отвага, стойкость, скромность, трудолюбие. Однако этика Бэкона явно приобретала черты буржуазного индивидуализма. Он возвел предприимчивость и личный успех в добродетель, оправдывал обогащение и все его пути и средства — колониальную экспансию, торговлю и мореплавание, ростовщичество, наживу от королевских монополий, т. е. все виды деятельности буржуазии в эпоху первоначального накопления и успешного развития капиталистического уклада. Приобретение богатства — не только источник счастья для индивида, но, если оно соединяется с добродетельным поведением приобретателя, оно превращается в общее благо. «Добродетель с помощью богатства становится общим благом». Но при этом Бэкон предупреждал: «Остерегайтесь того, чтобы, делая слепок, не разбить

---

[1] См.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 142.
[2] См. *там же*.

оригинал. Потому что бог создал любовь к самим себе оригиналом, а любовь к ближнему — слепком».

В своих политических взглядах Бэкон был сторонником абсолютной монархии английского типа — сильный король должен опираться на парламент и управлять страной вместе с ним. Свои этические и социально-политические взгляды Бэкон изложил в произведении «Опыты и наставления, нравственные и политические», которое впервые было издано в 1597 г., быстро получило популярность и несколько раз переиздавалось.

* * *

После смерти Елизаветы в 1603 г. английский престол перешел к новой династии Стюартов. В период царствования Якова I (он же Яков VI, король Шотландии) и Карла I в стране сложились экономические, политические и идеологические предпосылки буржуазной революции, усилился кризис абсолютизма, первые симптомы которого появились при Елизавете, возникла революционная ситуация. Английская буржуазная революция началась в 1640 г. Она положила начало новой истории человечества.

Глава 31

ФРАНЦИЯ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

К началу XVI в. Франция почти завершила свое территориальное объединение и была сплоченным и сильным государством. Последнее крупное герцогство — Бретань — соединилось с Францией в результате браков французских королей Карла VIII, а затем Людовика XII с герцогиней Бретонской; это соединение было окончательно оформлено торжественным актом 1532 г. Немногочисленные теперь крупные феодальные сеньоры принуждены были поступить на службу к могущественному королю и вошли в состав придворной знати. Вдали от Парижа, на юге Франции, вельможи, правда, пытались вести себя довольно самостоятельно. Их местные распри принимали подчас характер феодальных усобиц; они пробовали даже по старому феодальному обычаю «отъезжать» от своего государя и переходить на службу к другому, например к императору. Но французские короли были уже достаточно сильны для того, чтобы наказывать непокорных вассалов и «разъяснять» им непривычное для них понятие государственной измены.

О трудном и медленном пути объединения Франции напоминало также существование в ряде окраинных провинций местных сословных учреждений — провинциальных штатов, которые имели право договариваться с правительством о размерах налога, падавшего на данную провинцию, и распределять налоги между плательщиками (Лангедок, Прованс, Дофинэ, Бургундия, Бретань, Нормандия). Франция была самым большим по территории и по количеству населения (15 млн.) централизованным государством в Европе. Но в отличие от Англии, для которой XVI век был началом быстрого и успешного капиталистического развития, Франция экономически развивалась значительно медленнее, соответственно не происходило радикальных изменений и в ее социальной структуре.

Сельское хозяйство и аграрный строй

Основой экономики страны было сельское хозяйство. Абсолютное большинство ее населения жило в деревне. Города, за исключением Парижа (в котором насчитывалось в XVI в. свыше 300 тыс. человек), Лиона, Марселя и Руана, были невелики, их промышленность носила по преимуществу ремесленный характер. Господство товарно-денежных отношений при медленном проникновении капитализма в сельское хозяйство, отсутствии благоприятных условий для широкого экспорта хлеба (но вино вывозилось в больших количествах) консервировало мелкое крестьянское хозяйство. Ни дворянство, ни буржуазия еще не были заинтересованы в создании крупного хозяйства. Французские сеньоры давно уже забросили собственную запашку и

раздали землю крестьянам в держание за денежную ренту (см. т. 1, гл. 9).

Развитие товарно-денежных отношений и господство денежной ренты привели к важному последствию. Требование сеньором уплаты денег в определенные сроки, необходимость денежных займов для расширения и улучшения производства (распашка нови, осушка болот, покупка инвентаря), несомненно имевших место при общем хозяйственном подъеме в XVI в., и особенно увеличение бремени государственных налогов влекли за собой рост крестьянской задолженности. В деревню просачивался ростовщический капитал, и росло влияние буржуазии, а также (хотя и в меньшей мере) разбогатевшей верхушки крестьянства.

Буржуазия и вышедшее из нее чиновное дворянство — «люди мантии» (gens de robe) в больших масштабах скупали как права сеньора на взимание феодальной ренты, так и в особенности крестьянские держания. Они же давали ссуды под залог земли, в форме так называемой конституированной ренты, при которой проценты по займу выплачивались либо натурой, либо деньгами из расчета раскладки на всю площадь хозяйства должника, подобно тому как уплачивался феодальный ценз. Поэтому ипотека, устанавливавшаяся часто на несколько поколений, становилась похожей на ценз и называлась сверхцензом (surcens). Сверхценз не был сеньориальным платежом и уплачивался не сеньору, а заимодавцу. Он отягощал крестьянское хозяйство и очень часто приводил к вынужденной продаже крестьянской земли.

Влияние буржуазии и «людей мантии» в деревенской жизни усиливалось и другими путями. Покупая землю, они, как правило, не создавали своего хозяйства, а сдавали приобретенную землю арендаторам из крестьян на условиях краткосрочной аренды. К этому же времени относится и распространение испольной аренды (métayage) как переходной формы от феодального держания к капиталистической аренде.

Все эти разнообразные повинности и платежи опутывали крестьянские хозяйства сетью тяжелых обязательств и затрудняли его развитие.

Процесс первоначального накопления имел место и во Франции, но формы его были своеобразны. Здесь не было столь массовой и протекавшей в быстром темпе экспроприации крестьянства, как в Англии. Тем не менее все возраставшая товарность сельского хозяйства, увеличение налогового бремени, за счет которого феодально-абсолютистское государство вело войны и стремилось компенсировать дворянству потерю им доходов от фиксированной феодальной ренты, падавшей в результате «революции цен», усиление ростовщической эксплуатации и т. п. ускоряли процесс имущественного расслоения французского крестьянства. Городская буржуазия, «люди мантии», а также разбогатевшие «крепкие мужики», управители дворянских поместий (régisseurs), генеральные откупщики доходов с больших сеньорий — все они, разжиревшие на грабеже забитых нуждой крестьян, теснили деревенскую бедноту, часть которой разорялась,

продавала свою землю и уходила в города в поисках работы. Как и во всех европейских странах, где протекал процесс первоначального накопления, бродяжничество стало бичом Франции. Уже в первой половине XVI в. во Франции были изданы ордонансы против «бродяг». Как система «кровавое законодательство» получает свое оформление несколько позже. «Во Франции, — говорит Маркс, — где экспроприация совершилась иным способом, английскому закону о бедных соответствуют Муленский ордонанс 1566 г. и эдикт 1656 года» [1]. Бродячий люд пополнял ряды неквалифицированных рабочих для зарождавшихся во Франции капиталистических мануфактур.

Промышленность и торговля в XVI в.

Крупные капиталы во Франции находили свое приложение преимущественно в торговле, кредитно-откупных операциях, в мануфактурах. Открытие Америки и морского пути в Индию имело для Франции меньшее значение, чем для Испании, Португалии, Нидерландов и Англии. Тем не менее общее оживление торговли коснулось и Франции. Выросла роль ее западных и северных портов (Бордо, Ларошели, Нанта, Сен-Мало, Дьеппа и др.). Дальнейшее развитие получила торговля по Средиземному морю со странами Востока через Марсель, Лангедокские города втягиваются в торговлю с Испанией и Италией.

Большое значение имела сухопутная торговля. Лион с его ярмарками, поощряемыми французскими королями, превратился в один из центров европейской торговли и в важнейший международный денежный рынок. Здесь заключались крупные финансовые сделки, реализовывались внешние и внутренние государственные займы, заключаемые европейскими государствами, которые вели в XVI в. почти непрерывные войны и нуждались в кредите.

Нажитые в торговле, на кредитовании государства, на откупах, капиталы начали проникать в производство. Сначала владельцы капиталов организовывали сбыт, затем овладевали производством, ставя в зависимость от себя многих производителей в городе и деревне. На этой основе возникают капиталистические мануфактуры преимущественно рассеянного и смешанного типа, главным образом в текстильном производстве. Таким путем, например, происходила в Бретани и в Мэне перестройка полотняного и суконного производств, которые стали работать на экспорт. Появились и быстро развивались новые отрасли, особенно производство предметов роскоши: шелка, бархата, золотой и серебряной парчи, художественного стекла, эмалевых и фаянсовых изделий. Развивались горнодобывающие и металлургические предприятия, которые в связи с военным значением пользовались особыми привилегиями.

Складывание внутреннего рынка

Развитие промышленности и торговли, территориальное объединение страны и политика абсолютизма, имевшая целью покровительство национальным производительным силам, способствовали дальнейшему развитию внутреннего рынка. Только за период с 1489 по 1515 г.

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 734 (прим.).

королевскими ордонансами было санкционировано открытие и восстановление около 400 ярмарок и рынков, хотя на этом пути существовали еще значительные преграды в виде таможенных застав на границах отдельных провинций, плохих водных и сухопутных дорог, различия мер и весов и т. д. Ордонансы воспрещали местным сеньорам препятствовать плаванию купцов по крупным рекам. Проводились работы по расчистке фарватеров рек и улучшению торговых дорог, усиливалась их охрана и т. д.

Обострение социальной борьбы

По мере развития капиталистических отношений в промышленности, т. е. укрепления мануфактур, старинные товарищества подмастерьев — компаньоннажи — все больше превращались в организации, ведущие борьбу с мастерами и предпринимателями за повышение заработной платы и общее улучшение условий труда. Правительство запрещало компаньоннажи, но они продолжали существовать нелегально и оказывали организующее влияние на выступления подмастерьев, которые превращались, по существу, в наемных рабочих. Впрочем, в компаньоннажах еще был жив старый цеховой дух; они не понимали значения солидарности всех подмастерьев и рабочих независимо от отрасли производства и враждовали между собой. Шумные потасовки и драки подмастерьев разных союзов в каком-нибудь небольшом или среднем городе — обычное явление в жизни старой Франции.

В XVI в. разразились крупные классовые столкновения.

Печатное дело, возникшее уже в пору упадка цеховой системы, требовало вложения крупных капиталов и поэтому развивалось в форме централизованной мануфактуры. Тем не менее некоторые старые формы организации и даже средневековая терминология еще продолжали существовать в этой отрасли производства. Наемные рабочие назывались подмастерьями, а организации, создававшиеся для защиты их интересов, — по-прежнему компаньоннажами.

В XVI в. типографские рабочие организовали несколько стачек, требуя улучшения условий труда и повышения заработной платы. Первой из них была стачка типографских подмастерьев в Лионе и в Париже 1539 г. Правительство сразу же стало на сторону хозяев, запретив ордонансом того же года всякие союзы подмастерьев. Борьба, однако, продолжалась до 1544 г., но закончилась поражением подмастерьев. Вторично движение среди рабочих печатников Парижа и Лиона возникло в 1571—1572 гг. На этот раз сплоченность и решительность подмастерьев привели их к частичной победе: был ограничен срок ученичества, несколько улучшены условия труда.

Жесткий налоговый гнет вызывал возмущение городского плебса. Одним из самых крупных выступлений было восстание 1548 г. на юго-западе Франции — в Гиени, Пуату, Сентонже, Лимузене. В Бордо волнения переросли в открытое восстание: был убит губернатор, а председатель бордоского парламента и городской магистрат оказались вынужденными прикинуться «сочувствующими» делу восстания. Правительство направило в Бордо войска, которые жестоко расправились с восставшими.

Увеличение налогового бремени, попытки дворян произвольно повышать размеры феодальных повинностей и платежей крестьян, гнет ростовщического капитала обостряли социальные противоречия в деревне. В отдельных сеньориях и округах Франции не прекращались выступления крестьян. Однако в первые две трети XVI в. в источниках нет указаний на восстания, которые охватывали бы более или менее значительные районы и втягивали большие массы крестьян, подобно крестьянским восстаниям конца XVI в.

Дворянство

Французское родовитое дворянство в XVI в. делилось в основном на две группы, отличавшиеся уже не положением на той или другой ступени феодально-иерархической лестницы, а близостью к королю, положением на ступенях лестницы, ведущей в королевские покои. Члены царствующей династии, титулованные крупные сеньоры, а также счастливцы, облагодетельствованные королевским фавором, составляли высший слой дворянства, придворную аристократию. Они жили на средства, выкачиваемые из своих имений, но придворный обиход требовал таких больших расходов, что им постоянно приходилось прибегать к милости короля. Они получали от него пенсии, подарки и вознаграждения за службу на придворных должностях и в гвардии. Все они расточительностью и щедростью поддерживали блеск и славу своего сословия и его главы — короля Франции.

Остальная масса дворянства жила в провинциях на постепенно скудеющие доходы — на феодальную ренту со своих крестьян-держателей и за счет службы в королевской армии. Дворянство в целом являлось основной опорой французского абсолютизма, который постепенно устанавливался во Франции. В короле оно видело своего покровителя и свою защиту от готовых вспыхнуть крестьянских и городских восстаний.

Буржуазия, чиновничество и «финансисты»

Богатые и зажиточные горожане, умножавшие свое благосостояние под покровительством сильной королевской власти, начали частично переходить к капиталистической эксплуатации. Но многие из них предпочитали стать чиновниками обширного административно-судебного аппарата, покупая свои должности за деньги. «Французская буржуазия, — говорит Маркс, — становится особенно влиятельной благодаря тому, что организуется в виде парламентов, бюрократии и т. д., а не так, как в Англии, благодаря одной торговле и промышленности» [1]. Скупая вместе с тем крестьянские держания и дворянские сеньории, высшее чиновничество («люди мантии») приобретало дворянское звание и жило главным образом на доходы от своего землевладения. Это была наиболее богатая и влиятельная часть дворянства, в XVI в. враждовавшая с обедневшими родовитыми дворянами («дворянством шпаги») и знатью.

Значительная прослойка буржуазии служила в финансовых учреждениях монархии или брала на откуп взимание налогов. Почти все косвенные налоги сдавались на откуп компани-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 28, с. 322.

ям откупщиков, или, как их называли тогда, «финансистов», которые при помощи собственного аппарата, пользуясь поддержкой и средствами принуждения государства, выколачивали у населения суммы, иногда намного превосходившие размеры откупов. «Финансисты» составляли себе огромные состояния. Беспощадные вымогательства этих компаний вызывали не только протесты населения, но и отпор со стороны центральной власти, стремившейся повысить доходы казны и считавшей иногда полезным рядиться в тогу «защитников народа». Тогда начинались суды, конфискация имущества у зарвавшихся дельцов, аресты и ссылки. Но система продолжала существовать, и в трудную минуту правительство снова прибегало к помощи своих кредиторов, закладывая вперед ту или иную статью государственного дохода или занимая деньги под очень высокие проценты. Это был почти узаконенный грабеж народного достояния. В этом отношении «финансисты» солидаризировались с верхами дворянства, которое, составляя блестящее окружение самого блестящего из королей Европы, беззастенчиво грабило казну при помощи синекур, пенсий и просто подачек, щедро расточаемых королем, королевой и многочисленными фаворитами и фаворитками.

Впрочем, дворянство не гнушалось принимать и непосредственное участие в производимом откупщиками грабеже, получая от них взятки за высокое покровительство или участвуя через подставных лиц в их операциях. Ко всему этому присоединялась широко практикуемая в XVI в. система внутренних государственных займов, которые играли во Франции большую роль в ускорении процесса так называемого первоначального накопления.

Таким образом, часть французской буржуазии уже в XVI в. стала для своей страны ростовщиком, наживавшим огромные капиталы на податной системе дворянского государства. Это обстоятельство обусловило еще одну черту, имевшую для буржуазии пагубные последствия: меньшую предприимчивость по сравнению с буржуазией английской или голландской. В промышленности, торговле и мореплавании французская буржуазия отставала от своих конкурентов. Наибольшие денежные капиталы оставались в финансовой непроизводительной сфере.

Французский абсолютизм

Социально-экономические изменения, происходившие во Франции в XVI—XVII вв., и связанное с ним обострение классовой борьбы заставили господствующий класс искать новую, более подходящую к условиям того времени форму государства. Таковой стала абсолютная монархия, которая несколько позже приняла во Франции свою наиболее завершенную форму.

Основы абсолютной монархии были заложены при трех преемниках Людовика XI — Карле VIII (1483—1498), Людовике XII (1498—1515) и Франциске I (1515—1547). Генеральные штаты в это время перестали созываться. Вместо них иногда созывались нотабли, т. е. немногочисленные собрания назначенных королем лиц. Король имел в своем распоряжении большую армию и собирал налоги при помощи своего аппарата. Все управление сосредоточивалось в королевском

совете, но самые важные дела решались в узком кругу близких советников короля. Несколько стесняли власть короля парламенты, особенно парижский. Он регистрировал указы короля и финансовые эдикты и имел право доводить до его сведения свои соображения об их соответствии обычаям страны или духу предшествующего законодательства. Это право называлось правом ремонстраций, и парламент очень его ценил, видя в нем известную форму участия в законодательной власти. Но заседания с личным присутствием короля (lit de justice) делали регистрацию королевских указов и эдиктов обязательной.

Содержание большой армии и разрастающегося бюрократического аппарата, раздача пенсий знати и дворянству требовали больших средств. Расходы покрывались двумя путями: непрестанным повышением налогов, т. е. грабежом внутри страны, и грабительскими войнами. Прямые налоги с 3 млн. ливров в конце XV в. выросли до 9 млн. ливров к середине XVI в. и продолжали расти. Правда, «революция цен» шла еще быстрее, чем рост налогов, и отчасти компенсировала их повышение. Широкая экспансия осуществлялась на международной арене. Едва завершив объединение страны, французская монархия устремилась на захват итальянских земель. Бедневшее французское дворянство жаждало добычи, денег и славы. Французские купцы, торговавшие с Востоком, не прочь были превратить итальянские гавани в транзитные пункты французской восточной торговли. Итальянские походы занимают всю первую половину XVI в. (1494—1559). Начавшись походами французов в Италию, они скоро осложнились борьбой и соперничеством Франции с державой Габсбургов и переросли в столкновение этих двух наиболее крупных держав в Европе.

Реформационное движение во Франции

Вторым важным событием первой половины XVI в. было реформационное движение, которое получило во Франции своеобразный характер. Во Франции не было условий, столь же благоприятных для Реформации, как в Германии. Усиление королевской власти, шедшее рука об руку с политической консолидацией страны, способствовало тому, что так называемая галликанская, т. е. национальная, французская церковь, не порывая с Римом, сумела оградить себя от чрезмерных претензий папы и закрепила эту обособленность в прагматической санкции Карла VII (1438). Было провозглашено верховенство собора над папой; капитулам аббатств и соборов предоставлялось право выбирать епископов и аббатов на освободившиеся должности, отменялись папские аннаты, а судебные права курии ограничивались правом апелляции к папе как к последней инстанции лишь по делам вероучения.

По мере того как королевская власть превращалась в абсолютную, короли стремились подчинить себе церковь и превратить ее в свое послушное орудие. Важный шаг в этом направлении был сделан Франциском I, заключившим с папой в 1516 г. так называемый Болонский конкордат. По этому соглашению к королю отошло право назначать кандидатов на высшие церковные должности с последующим их утверждением папой, но зато право папы на получение аннатов

частично было восстановлено. Король мог подолгу не замещать вакансий и брать в свою пользу доходы с церковных бенефициев. Он мог жаловать их своим приближенным. Благодаря этому доходы католической церкви — крупнейшего землевладельца Франции — в большей степени оказались в распоряжении короля. Назначение на высшие церковные должности превратилось в королевское пожалование. Епископами и аббатами назначались преимущественно вельможи и дворяне, которые интересовались больше доходами, чем церковными обязанностями, предоставляя ведать делами паствы за сравнительно ничтожное вознаграждение своим викариям, т. е. заместителям, людям обычно скромного происхождения.

Церковный галликанизм превратился в галликанизм королевский, церковь сделалась государственным учреждением, церковные доходы — средством вознаграждения дворянства. Поэтому во Франции, особенно на севере страны, не было такого недовольства Римом, какое существовало до Реформации среди немецких князей и дворянства.

Однако и во Франции происходили социально-экономические перемены, которые способствовали распространению реформационных идей. Один из умеренных французских реформаторов Лефевр д'Этапль еще до Лютера высказывал идеи, близкие к реформационным.

Лютеранские идеи стали распространяться во Франции в начале 20-х годов XVI в. К этому времени относится первое выступление Сорбонны (богословского факультета Парижского университета) против «ереси». Было сожжено несколько упорствующих еретиков. Однако Франциск I, поддерживавший в это время протестантских князей в Германии против своего врага императора, воздерживался от преследования еретиков. Для раннего периода Реформации во Франции характерны два момента: протестантизм распространялся более или менее равномерно по всей стране; он распространялся исключительно в среде третьего сословия — буржуазии и ремесленников. Среди ремесленников реформационные идеи усваивались главным образом подмастерьями и наемными рабочими, особенно страдавшими от эксплуатации: для них протестантизм был формой выражения социального протеста. Обособившиеся в замкнутую привилегированную группу цеховые мастера, покупавшие у короля патенты на звание мастера за довольно значительную сумму, в основном держались королевской веры, т. е. католицизма. Что же касается крестьянства, то оно в основной своей массе осталось чуждым реформации.

Терпимое отношение правительства к протестантам кончилось, когда адепты новой веры перешли в середине 30-х годов к более решительным выступлениям. В октябре 1534 г. в связи с арестами нескольких протестантов в Париже и даже в королевском дворце были расклеены афиши, составленные приверженцами Реформации. Это выступление было сочтено неслыханной дерзостью, и католики-фанатики заявили решительный протест. Король был вынужден принять серьезные меры. 13 января 1535 г. было сожжено 35 лютеран и около 300 заключено в тюрьму.

К этому же времени относится зарождение на французской почве нового реформационного течения, получившего позднее общемировое распространение, — кальвинизма. В 1536 г. вышло в первом издании «Наставление в христианской вере» Жана Кальвина. Автор этого сочинения из-за религиозных преследований вынужден был бежать за границу.

С 40-х годов начинается второй период Реформации во Франции, связанный с распространением кальвинизма в среде дворянства, купечества и в низах католического духовенства, причем главным образом на юге Франции. Успехи кальвинизма и его воинствующий характер вызвали ответные меры правительства. При Генрихе II была учреждена «Огненная палата» для суда над еретиками, которая приговорила многих протестантов к сожжению на костре.

Предпосылки гражданских войн

К моменту окончания походов в Италию во Франции уже остро чувствовалось большое внутреннее брожение, охватившее самые различные слои населения. Росту брожения способствовали не только последствия сдвигов социально-экономического характера и изменения в политической надстройке страны в связи с укреплением абсолютизма, но и незначительность успехов, одержанных Францией в итальянских походах.

Продолжавшиеся процессы разложения феодальных отношений и зарождения капиталистического уклада в недрах феодализма с неизбежностью обостряли социальные противоречия.

Естественно, что трудящиеся, страдавшие от все возраставшего гнета налогов, последствий «революции цен» и переплетения феодальной эксплуатации со становящейся все более ощутимой эксплуатацией капиталистической, не могли мириться с таким положением, и социальный протест с их стороны принимал все более острые формы. Одной из форм протеста был отход от католицизма, освящавшего своим авторитетом феодальный порядок, и обращение в кальвинизм и даже в анабаптизм, которые получали все большее распространение среди городского плебса — подмастерьев и прочего бедного люда городов, в некоторых местах и крестьянства.

С другой стороны, стала сказываться реакция на политику абсолютизма в среде господствующего класса. Острое недовольство обнаруживалось в кругах провинциальной знати и дворянства, которые еще не расстались с мечтой о возврате «доброго старого времени», когда не только крупный сеньор, но и рядовой дворянин мог вести себя независимо по отношению к королю, переходить на службу к другому государю и воевать с другими сеньорами, в том числе и с самим королем. Эти настроения находили отклик и среди придворной аристократии, недовольной ростом власти бюрократии и «выскочек» из «людей мантии», всегда склонных к безоговорочной поддержке абсолютизма.

Оппозиционные настроения не проявлялись особенно резко, пока Франция организовывала походы в Италию: дворянство и аристократия в значительно степени кормились ими, «беспокойные» социальные элементы поглощались военным наемничеством, горожане и

крестьяне надеялись, что с окончанием войны наступит облегчение их участи.

Однако результаты войн не оправдали ничьих надежд. То, что было награблено в ходе войн, было быстро прожито дворянством. Хозяйственные ресурсы страны истощались. Вместо снижения налогов правительство вводило новые и увеличивало старые, но и они оказывались недостаточными, чтобы удовлетворить потребности государства и его опоры — дворян. Теперь пришло в движение и дворянство, требуя новых пожалований, должностей, пенсий и ведения выгодных войн. Назревал серьезный внутренний конфликт.

Расстановка классовых сил накануне гражданских войн

Обстановка, сложившаяся во Франции накануне гражданских войн (обычно их называли религиозными войнами), отличалась переплетением самых противоречивых социальных и политических интересов, приобретавших к тому же религиозную окраску. Тем не менее эти тенденции объединялись в два основных направления.

Первое из них — антифеодальная оппозиция эксплуатируемых масс — феодально-зависимого крестьянства и городского плебса. К этому же направлению примыкала и оппозиция зарождавшейся буржуазии (купечества и мануфактуристов), в среде которой было немало приверженцев кальвинизма. Буржуазия еще не представляла собой класса, экономически достаточно сильного и осознавшего свои классовые интересы; она нуждалась в покровительстве абсолютизма, поскольку использовала выгодную для себя политическую централизацию страны. В существовавших во Франции того времени социально-экономических условиях борьба крестьянства и городского плебса, даже в случае открытых вооруженных выступлений масс, не могла перерасти в буржуазную революцию, так как зародившиеся элементы капиталистического производства не пришли еще в непримиримое противоречие с феодальным строем и отсутствовал класс-гегемон (т. е. буржуазия), способный возглавить революцию.

Опасным для этих слоев объективно был не королевский абсолютизм, игравший тогда известную прогрессивную роль, а силы феодальной реакции, стремившейся повернуть страну вспять. Поэтому, хотя городской плебс и крестьянство и выступали с оружием в руках против существующих порядков, их борьба на всем протяжении гражданских войн была во многом отлична от феодально-сепаратистской реакции. Впрочем, эта крестьянско-плебейская оппозиция существующему социальному и политическому порядку не была устойчивой. Ее часто увлекали различные группировки горожан и даже господствующего класса на путь таких выступлений, которые не соответствовали собственным интересам крестьянско-плебейских масс. Лишь на последнем этапе гражданской войны, когда бедствия народа из-за грабежей и бесчинств соперничающих феодальных клик достигли высшей степени, а последние представители династии Валуа с полной ясностью показали свое бессилие предотвратить нависшую над страной катастрофу, выступления народных масс приобрели определенность и оказали наибольшее влияние на ход событий.

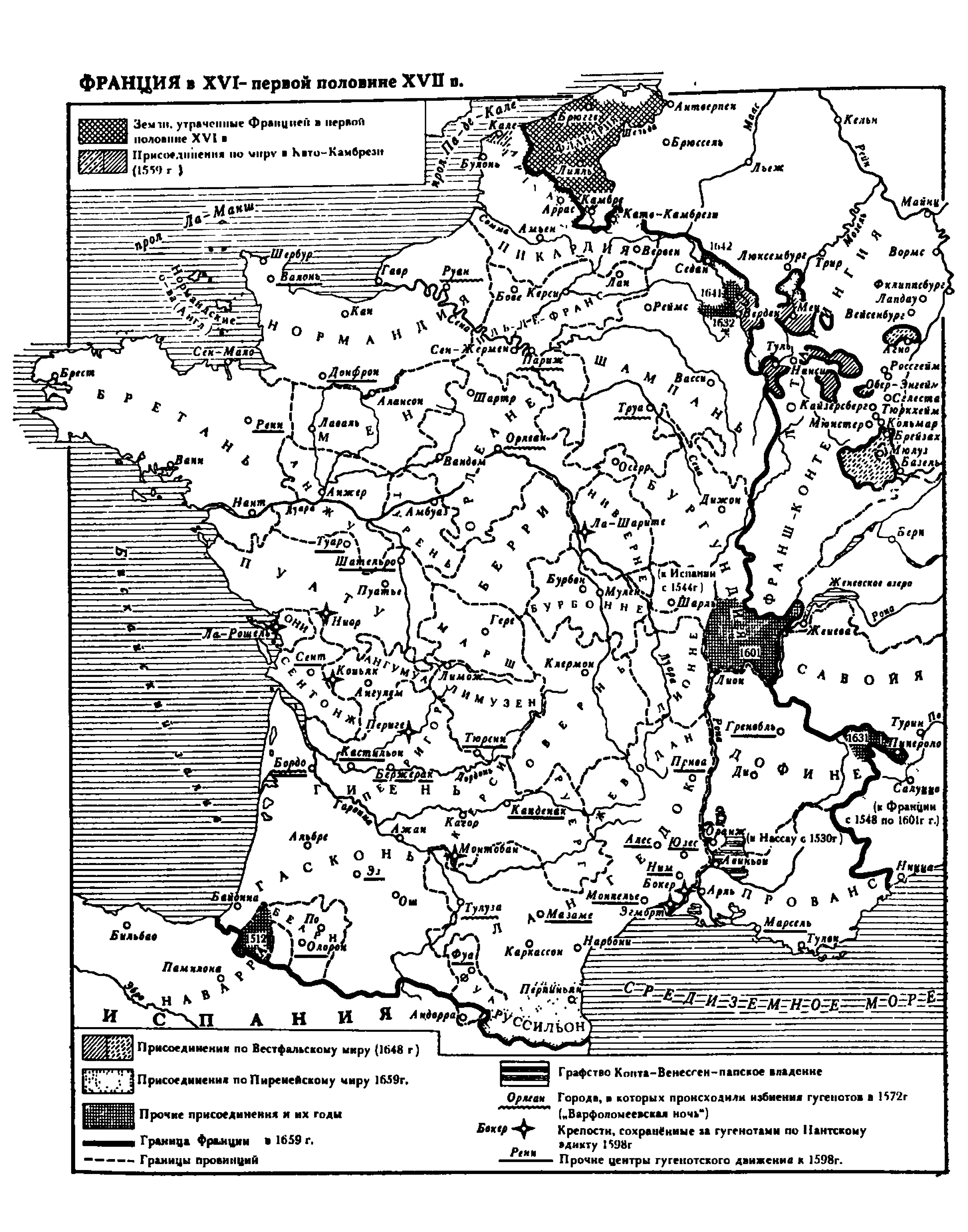
Силы феодальной реакции представляли собой другое направление антиабсолютистской оппозиции. Ядром их были еще сохранившиеся остатки сепаратистской феодальной аристократии в провинции и при дворе. Главную опору ей давали связи в среде рядового дворянства. Зависимость последнего от милостей и щедрости аристократии, возможности, которыми та располагала для оказания протекции своим приверженцам при дворе и в армии, сохранение, хотя и в значительно измененном виде, вассальных связей — вот те узы, которые часто привязывали дворянство к своим непосредственным сеньорам, вопреки общей тенденции подчинения дворянства в целом своему королю.

Своеобразие обстановки заключалось еще и в том, что феодальная реакция выступала не сомкнутым фронтом, а как две соперничающие клики, претендовавшие на власть в стране. При этом каждая из них существовала в более или менее определенных географических границах.

Первая группа локализовалась преимущественно в южных областях Франции. Некоторые из них были сравнительно недавно присоединены к владениям французской короны и сохранили много вольностей и привилегий. Поскольку королевская власть предпочитала предоставлять высшие должности в центральном аппарате и церковной иерархии дворянству северных и центральных провинций, аристократия и дворянство юга чувствовали себя обделенными и видели средство к улучшению своего экономического положения в секуляризации церковных владений, чего они могли достигнуть, приняв кальвинистскую Реформацию. Приверженцы феодально-аристократической партии назывались гугенотами (от западношвейцарского eidguenots). Их вождями были представители боковой линии царствующей династии — король Наваррский Антуан Бурбон (после его смерти в 1562 г. — его сын Генрих Наваррский, будущий король Генрих IV), принц Конде, а также адмирал Гаспар де Колиньи.

Вторая феодально-аристократическая партия образовалась в основном в северо-восточных и центральных провинциях Франции. Эта группа и географически, и по существу была ближе к королевскому двору, а следовательно, и к доходам казны. Члены королевского совета и верхушка церковной иерархии были выходцами из этой группы. Но именно поэтому она находилась под более бдительным контролем королевской власти, самостоятельность ее действий была более стеснена, чем у южан, и она особенно болезненно реагировала на все увеличивающееся засилье «выскочек» из числа «людей мантии» и незнатного, служилого дворянства при дворе. Вождем этой партии был герцог Франсуа Гиз, главнокомандующий королевской армии, и его брат кардинал Лотарингский Карл Гиз. Гизам принадлежало до полутора десятка церковных должностей и имений, поэтому они считали себя защитниками престола и «истинной» веры (т. е. католической), хотя король опасался этих своих «защитников» не меньше, чем своих «врагов» — гугенотов.

Понятно, что при таких условиях религиозный вопрос о делении на гугенотов и католиков имел скорее второстепенное значение. Религия была зачастую вопросом тактики, и в ходе гражданских войн

ФРАНЦИЯ в XVI- первой половине XVII в.
Земли, утраченные Францией в первой половине XVI в
Присоединения по миру в Като-Камбрези (1559 г.)
Присоединения по Вестфальскому миру (1648 г)
Присоединения по Пиренейскому миру 1659г.
Прочие присоединения и их годы
Граница Франции в 1659 г.
Границы провинций
Графство Конта-Венессен-папское владение
Орлеан Города, в которых происходили избиения гугенотов в 1572г („Варфоломеевская ночь")
Бокер Крепости, сохранённые за гугенотами по Нантскому эдикту 1598г
Ренн Прочие центры гугенотского движения к 1598г.
прол. Ла-Манш
прол. Па-де-Кале
Нормандские о-ва (Англ.)
НОРМАНДИЯ
БРЕТАНЬ
ПИКАРДИЯ
ИЛЬ-ДЕ-ФРАНС
ШАМПАНЬ
ЛОТАРИНГИЯ
ФЛАНДРИЯ
ОРЛЕАНЕ
МЕН
АНЖУ
ТУРЕНЬ
БЕРРИ
НИВЕРНЕ
БУРГУНДИЯ
ФРАНШ-КОНТЕ
ПУАТУ
ОНИ
АНГУМУА
СЕНТОНЖ
МАРШ
БУРБОННЕ
ЛИОННЕ
ЛИМУЗЕН
ОВЕРНЬ
ПЕРИГОР
ГИЕНЬ
КЕРСИ
РУЕРГ
ЖЕВОДАН
ЛАНГЕДОК
ДОФИНЕ
САВОЙЯ
ПРОВАНС
ГАСКОНЬ
БЕАРН
НАВАРРА
ИСПАНИЯ
РУССИЛЬОН
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Антверпен
Брюгге
Шельда
Брюссель
Маас
Кельн
Рейн
Льеж
Майнц
Кале
Булонь
Лилль
Аррас
Камбре
Като-Камбрези
Сомма
Амьен
Вервен
Люксембург
Трир
Мозель
Вормс
Шербур
Гавр
Руан
Валонь
Бове
Керси
Лан
Седан
Филиппсбург
Ландау
Вейсенбург
Реймс
Верден
Мец
Кан
Сена
Сен-Жермен
Париж
Сен-Мало
Брест
Туль
Нанси
Агно
Россгейм
Обер-Энгейм
Селеста
Тюркхейм
Кольмар
Брейзах
Мюлуз
Базель
Кайзерсберг
Мюнстер
Васси
Донфрон
Шартр
Алансон
Труа
Ренн
Лаваль
Орлеан
Ванн
Вандом
Осерр
Нант
Луара
Анжер
Амбуаз
Дижон
Ла-Шарите
Берн
Туар
Шательро
Пуатье
Бурбон
Мулен
(к Испании с 1544г)
Шароль
Женевское озеро
Рона
Женева
Ниор
Ла-Рошель
Гере
Сент
Коньяк
Ангулем
Лимож
Клермон
Лион
Перигё
Гренобль
Турин
Пинероло
Тюренн
Кастильон
Бержерак
Дордонь
Прива
Ди
Салуццо
(к Франции с 1548 по 1601г г.)
Бордо
Гаронна
Кагор
Канденак
Ажан
Альбре
Монтобан
Алес
Юзес
Оранж (к Нассау с 1530г)
Авиньон
Ним
Бокер
Арль
Эгморт
Монпелье
Ницца
Эз
Ош
Байонна
Тулуза
Мазаме
Марсель
Тулон
Бильбао
По
Олорон
Нарбонн
Каркассон
Памплона
Эбро
Фуа
Перпиньян
Андорра
1512
1601
1631
1632
1641
1642

многие дворяне не раз меняли свое вероисповедание. Современники всегда отличали гугенотов-дворян, или «политических гугенотов» как их тогда называли, от «религиозных гугенотов» (преимущественно буржуазии и городского плебса), для которых принадлежность к кальвинизму была выражением их социального протеста против существующего порядка.

Эта расстановка классовых сил верна, разумеется, лишь в общем. Классовая борьба эксплуатируемых масс, вмешательство внешних сил, местные условия и чрезвычайно сложная общественная структура того времени — переходного от феодализма к капитализму — все это накладывало свой отпечаток и превращало каждое событие гражданских войн в сложный клубок столкновений противоречивых интересов, в котором подчас сами участники событий не могли разобраться и наметить нужную им линию поведения.

Начало гражданских войн

Обстановка, сложившаяся во Франции после окончания итальянских войн и заключения мира в Като-Камбрези (1559), ускорила развязку. В этом же году умер Генрих II. При сменившем его на престоле юном Франциске II власть захватили Гизы, родственники его жены — шотландской королевы Марии Стюарт. При дворе началась распря между Гизами с их сторонниками и приверженцами ближайших родственников короля — Бурбонов. Авторитет королевской власти падал. Офицеры и солдаты, оставшиеся после заключения мира без дела и без жалованья, волновались. Они собрались в Фонтенбло, требуя уплаты просроченного жалованья и пенсий. Герцог Гиз уговаривал их разойтись, кардинал Лотарингский пригрозил виселицей. Участники сборища разошлись, затаив злобу. Многие из них принадлежали к южному, кальвинистски настроенному дворянству и были связаны с враждебными Гизам Бурбонами.

В 1560 г. партия Бурбонов составила заговор. Во главе его стоял принц Конде. Он намеревался отстранить от власти Гизов, созвать Генеральные штаты, захватить короля, находившегося в это время в Амбуазском замке, и, действуя от его имени, обеспечить права Бурбонов и свободу протестантизма. Все это должно было совершиться под флагом «освобождения короля от тирании Гизов». Однако Амбуазский заговор был раскрыт, и многие мятежные дворяне казнены. Гизам удалось уговорить Антуана Бурбона и Конде явиться ко двору, где они были арестованы. Как главных виновников мятежа их предали суду; Конде приговорили к казни. Его спасла лишь неожиданная смерть Франциска II в декабре 1560 г.

На престол вступил брат покойного короля Карл IX, десятилетний мальчик. Регентшей при малолетнем короле была его мать королева Екатерина Медичи, поделившая власть с Антуаном Бурбоном. Борьба при дворе приняла ожесточенные формы.

Генеральные штаты 1560 г.

Положение продолжало оставаться крайне напряженным. Оформившаяся в это время королевская придворная партия решила использовать все возможности, чтобы предотвратить готовую разразиться гражданскую войну. Ее руководящее ядро состояло из той части придвор-

ной аристократии, которая окончательно связала свои интересы с абсолютизмом, и из верхушки «людей мантии». В ее состав входило многочисленное парижское и провинциальное чиновничество. Ее поддерживала часть дворянства и городов, особенно на севере. В религиозном вопросе эта партия, не отступая от католицизма, старалась примирить две враждующие группы — католическую и гугенотскую. Современники называли эту партию «политиками». Главой ее был канцлер Лопиталь.

«Политики» и партия Гизов настояли на созыве в декабре 1560 г. Генеральных штатов, рассчитывая на поддержку штатами своих политических планов. Канцлер Лопиталь выступил с большой речью, в которой говорил о необходимости примирения: «Откажемся от этих дьявольских слов — политические партии, крамола и восстания, лютеране и гугеноты, паписты, — и будем называться просто христианами». Однако расчеты Лопиталя и «политиков» не оправдались. Заседания Генеральных штатов проходили в бесплодной дискуссии, причем каждая из соперничавших групп домогалась преобладания в штатах. Тогда правительство распустило собрание, как неспособное к решению стоявших перед ним задач.

Уже в 1559 г. во всей Франции начались волнения в городах и выступления мятежных дворян. Затем в борьбу включилась и знать. В марте 1562 г. герцог Гиз, проезжая с отрядом солдат через местечко Васси, напал на гугенотов, собравшихся в риге и распевавших религиозные гимны. Было убито несколько человек и ранено около 100 участников собрания. Это событие взволновало всю Францию и послужило толчком к открытой вооруженной борьбе гугенотов.

Первый период гражданских войн (1559—1572)

Гражданские войны длились с 1559 по 1598 г. Число сражавшихся на той и другой стороне было сравнительно невелико. В целом историю гражданских войн во Франции можно разбить на три периода, определенных следующими рубежами: 1) Варфоломеевской ночью (1572); 2) созданием Католической лиги (1576); 3) Нантским эдиктом (1598).

Первый период не отличался особым ожесточением. Инициатива почти всегда принадлежала гугенотам. Армии сражавшихся были невелики: на содержание больших армий не хватало денег. Сражались не только дворяне. XVI век — время наемных армий. Кто не прибегал к наемникам, рисковал потерпеть поражение. В королевской армии сражались французы, немцы, испанцы, итальянцы, швейцарцы, греки и др. С самого начала гражданская война во Франции осложнилась вмешательством извне. Гугенотов поддерживала Англия и протестантские князья Германии. Гизы находились на жалованье у Филиппа II — короля Испании. Королевская партия опиралась на Париж, лозунгом которого было: «Единый король, единый закон, единая вера».

Первый этап войны завершился в августе 1570 г. заключением в Сен-Жермене мира, который был вершиной успехов гугенотов. Протестантское богослужение допускалось по всему королевству, протестантам разрешалось занимать государственные должности. В качестве

гарантии исполнения условий мира им были предоставлены в полное владение четыре крупных города-крепости: Монтобан, Коньяк, Ларошель и Лашарите. Довольно равнодушная к вопросам религии Екатерина Медичи считала, что ей в данный момент выгоднее сблизиться с гугенотами, для того чтобы иметь противовес партии Гизов. Она призвала гугенотов ко двору. Адмирал де Колиньи сделался главным советчиком молодого короля и всячески старался приобщить его к своим политическим планам. Он полагал, что для поддержки внутреннего мира необходимо продолжение войны с национальным врагом Франции, т. е. с Испанией, ибо, говорил он, «характер французов (он имел в виду дворян) таков, что они, взяв в свои руки оружие, не желают выпускать его и обращают его против собственных сограждан в том случае, если не могут обратить его против внешнего врага». Франция должна помочь мятежным Нидерландам в их борьбе против испанского ига, и эта помощь может привести к тому, что Нидерланды будут присоединены к французской короне. Было ясно, что исполнение подобных планов чрезмерно усилило бы гугенотов, и Екатерина решила уничтожить гугенотских вождей. В такой обстановке была отпразднована свадьба Генриха, короля Наваррского, с сестрой короля Маргаритой Валуа. Этот брак был подготовлен для закрепления мира между гугенотами и королем. Теперь им решили воспользоваться с иными целями.

К свадьбе в Париж съехались гугенотская аристократия и представители дворянства из южных провинций. 18 августа свадьба была отпразднована, а 22 августа Колиньи был ранен при выходе из Лувра неизвестным, оказавшимся наемным человеком Гизов. Екатерина и Карл IX, боявшиеся влияния Колиньи и усиления гугенотов, решили использовать ярую ненависть Гизов к гугенотским вождям и покончить с ними разом, рассчитывая при этом на содействие со стороны католического парижского населения, ненавидевшего бедных, но спесивых дворян-гугенотов.

Купеческий старшина Парижа, предупрежденный Гизом, заранее принял все меры. Домá гугенотов были отмечены накануне белыми крестами. 24 августа в день святого Варфоломея между 2 и 4 часами ночи раздался набат. Началось избиение застигнутых врасплох гугенотов. Колиньи был убит одним из первых. Генрих Наваррский и принц Конде, жившие в Лувре, спаслись, перейдя в католичество (позднее они бежали из Парижа и снова стали протестантами). Резня продолжалась несколько дней и перекинулась в провинцию. В Париже только к полудню 24 августа было убито 2 тыс. гугенотов. Погибли дворяне-гугеноты, многие парижские купцы и ремесленники, подозреваемые в кальвинизме, и даже иностранцы — немцы и особенно фламандцы.

Второй период (1572—1576). Монархомахи

Если двор, устраивая побоище, думал устранить гугенотов и, лишив их вождей, привести к покорности, то он жестоко ошибся. Южные города действительно были вначале напуганы, но вскоре среди дворянства на юге вспыхнуло восстание; к дворянству присоединилась партия фанатически настроенных «рьяных» каль-

винистов и ремесленников. Начался второй период гражданских войн. От предыдущего он отличался двумя чертами: во-первых, гугеноты, убедившись, что они составляют меньшинство в стране, и не надеясь осуществить свои требования в общегосударственном масштабе, создали на юге особую организацию — гугенотскую конфедерацию — настоящее «государство в государстве» со своей армией, системой налогов и самоуправлением. Началась массовая конфискация церковных имуществ. Во-вторых, целью гугенотов стала смена «вероломной» династии, т. е. борьба не столько против Гизов, сколько против Валуа.

Восстание на юге оформило свою идеологию в памфлетах так называемых монархомахов (тираноборцев). В них нашли отчетливое выражение взгляды гугенотов на государство и на желательный для них политический порядок. В памфлетах прокламировалось право подданных на свержение и даже на убийство монархов, забывших свой долг и превратившихся в тиранов. В одном из памфлетов, выпущенных под псевдонимом Юния Брута, «Иск к тиранам» («Vindiciae contra tyrannos») автор утверждал, что «только бог правит неограниченно, земные же государи — божьи вассалы. Бог может свергнуть вассала, если тот нарушит клятву, данную им народу». Эта публицистика выглядит, на первый взгляд, как теория общественного договора и народного суверенитета, и многие буржуазные историки XIX в. считали ее таковой. Но это неправильное толкование идей монархомахов. В их понимании «народ» — это «лучшие», «пэры», «патриции», т. е. все та же феодальная аристократия, «которая представительствует за народ». О настоящем народе монархомахи говорили со страхом: «Берегитесь господства черни, или крайностей демократии, которая стремится к уничтожению дворянства». Каков же, с точки зрения гугенотов, должен быть строй государства? На этот вопрос отвечала знаменитая брошюра Отмана «Франко-Галлия». В ней автор жалуется на потерю дворянством его былого значения, его независимости, его вольностей. Король, власть которого ограничена штатами и знатью, федерация феодальных полугосударств и самоуправляющихся общин на местах — вот политический идеал Отмана, который и пытались осуществить на юге гугенотская знать и дворянство. Ничего положительного такое объединение дать не могло.

После военных действий, последовавших за Варфоломеевской ночью и не всегда удачных для короля, протестантам была подтверждена свобода вероисповедания (кроме Парижа и территории королевского двора), дано право судиться в своих палатах, учрежденных в некоторых королевских судах, предоставлены 8 крепостей кроме полученных раньше и право иметь свою армию. На юге Франции образовалась настоящая федеративная республика с некоторым перевесом в ее строе дворянства и аристократии. Государственное единство Франции, говорит Энгельс, «вследствие реформации, на непродолжительное время было поставлено под вопрос» [1].

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 415.

Третий период гражданских войн. Католическая лига 1576 г.

После смерти Карла IX в 1574 г. его брату Генриху III досталась сильно урезанная территория Франции, так как от нее отпал почти весь юг. Гугеноты теперь не посягали на овладение государственной властью, но активизировалась партия Гизов, которые открыто переходили на путь антидинастической борьбы, намереваясь при удобном случае захватить престол Франции.

Опасаясь, что в случае, если Генрих III не оставит наследника, престол после его смерти перейдет к его ближайшему родственнику Генриху Наваррскому, кальвинисту и вождю гугенотов, Гизы решили создать организацию, аналогичную гугенотской конфедерации на юге. Так возникла Католическая лига (1576). Принадлежность к лиге была объявлена обязательной для всех католиков. Члены ее должны были безусловно повиноваться главе лиги герцогу Генриху Гизу (сыну Франсуа Гиза), претенденту на престол Франции. Цели, которые ставило себе руководство лиги, были очень близки к тем, которые развивал Отман в своем труде «Франко-Галлия», пользовавшемся не меньшим успехом у аристократов-католиков, чем у аристократов-гугенотов: «Восстановление провинций и штатов королевства в их древних правах, преимуществах, вольностях и свободах, каковые были во времена Хлодвига, а даже еще больших и лучших, буде они могут быть изобретены». Это был призыв к политической реакции или, лучше сказать, к политическому многовластию.

Парижская лига 1585 г.

Однако рядовое дворянство и буржуазия, примкнувшие к лиге, выступали в основном против этой реакции и возглавлявшей ее аристократии. Они скоро поняли, что аристократическая верхушка лиги — такие же сепаратисты, как и главари гугенотов. Рядовое дворянство и буржуазия стали под знамена лиги, поскольку она была направлена против гугенотской конфедерации, но не были намерены поддерживать своих вельмож-сепаратистов. Внутренние несогласия ослабляли лигу. Этим воспользовался Генрих III. Опираясь на поддержку дворян и городов в лиге, он объявил себя ее главой.

Но это противоречило планам Гизов, и они перенесли центр своей деятельности в Париж, ведя там усиленную агитацию. Гизы нашли себе поддержку в фанатически настроенных в пользу католицизма слоях столичного населения. Однако Парижская лига не была создана Гизами. Движение возникло самостоятельно в среде плебейства, мелких ремесленников и торговцев. Вождями Парижской лиги были средняя буржуазия и адвокаты, прокуроры, нотариусы. Общее возбуждение и демагогическая агитация Гизов дали лишь толчок к выступлению трудящихся масс и буржуазии Парижа, страдавших от возросшего налогового бремени и от гражданских войн. Эти слои выступали против абсолютизма, и хотя их выступления переплетались с действиями Гизов, по существу они были отличными от них.

Парижская лига начала свою деятельность тайными совещаниями и учреждением комитета, которому было поручено наблюдение за по-

ведением короля. Затем власть в Париже перешла в руки «Комитета 16-ти», в который входили представители от каждого из 16 кварталов.

День баррикад

Король решил разогнать Парижскую лигу и стал стягивать военные силы к Лувру. В ответ на это 12 и 13 мая 1588 г. на улицах Парижа стали строить баррикады. 13 мая в распоряжении короля остались только наемники, и он бежал из Парижа. В конце года, когда в Блуа собрались Генеральные штаты, король позвал к себе на заседание совета братьев Гизов (герцога и кардинала) и приказал убить их. Эти события вызвали в Париже бурю возмущения. Примеру Парижа последовали и другие северные города. Лига стала центром антикоролевского движения. В нее вошли многочисленные города, восстановившие у себя полное самоуправление.

Войска короля были разбиты лигерами. С юга надвигался Генрих Наваррский с большой армией. Генриху III не оставалось ничего другого, как принять его покровительство. Король заключил с Генрихом Наваррским соглашение и явился со своим отрядом к Туру, откуда оба короля двинулись к Парижу. По Парижу поползли зловещие слухи о новой Варфоломеевской ночи, направленной теперь против католиков. Католические проповедники произносили в церквах зажигательные речи и вопрошали: неужели не найдется человека, который отомстил бы королю за смерть Гизов? 1 августа 1589 г. Генрих III был убит лигером. Королем стал Генрих Наваррский — Генрих IV, основатель династии Бурбонов. Но католическая Северная Франция его не признала. Лига выдвинула своим кандидатом одного из Гизов — герцога Майенского. Филипп II, король Испании, не преминул воспользоваться этими событиями, направил войска из Нидерландов и в 1591 г. ввел в Париж испанский гарнизон. Ко всем бедствиям гражданских войн прибавилась еще иностранная интервенция.

Все это переполнило чашу народного терпения. В начале 90-х годов во многих местах вспыхнули крестьянские и городские восстания. В 1592 г. началось крестьянское восстание кроканов. К 1594 г. оно охватило обширную территорию на юго-западе страны — Керси, Перигор, Сентонж, Пуату, Марш и др. Крестьяне громили усадьбы дворян и дома сборщиков налогов и откупщиков. Их лозунгом был клич «на грызунов» («aux croquants»), откуда и их название «кроканы». Дворянство в страхе обратилось за помощью к королевской власти. В Париже в такой же ситуации оказалась зажиточная буржуазия, устрашенная требованиями народа. «Комитет 16-ти» быстро терял свой авторитет, так как его правление нисколько не облегчило положения основной массы населения столицы. Париж готов был признать Генриха Наваррского королем при условии его перехода в католицизм. Генрих IV принял в 1593 г. католичество, и в 1594 г. Париж открыл перед ним ворота. В 1598 г. был заключен мир с Испанией.

Нантский эдикт 1598 г.

Новый король, умный и осторожный политик, равнодушный к вопросам религии, хотел прежде всего примирить враждующие партии и добиться внутреннего мира во Франции. Не жалея денег, он пенсиями и подарками сумел приобрести расположение католических вельмож,

в том числе и семьи Гизов. Одновременно король стремился удовлетворить своих бывших союзников — гугенотов.

В 1598 г. был издан Нантский эдикт, который регулировал религиозный вопрос и политические права гугенотов. Католическая религия была признана господствующей во Франции, а католическое богослужение восстановлено повсюду. Католическому духовенству возвращались его прежние права и имущество. Наряду с католицизмом эдикт допускал исповедание в замках вельмож и рядовых дворян и в южных городах так называемой «реформированной религии» (la religion prétendue réformée). Протестантское богослужение запрещалось в Париже и некоторых других городах. Протестантам разрешалось пользоваться правами и занимать государственные должности наравне с католиками.

Помимо этих постановлений, касающихся веры и составляющих самый эдикт, гугеноты, которые были прежде всего политической партией, получили вольности, не совместимые с порядком централизованного государства: право созывать политические собрания, организованные по образцу Генеральных штатов, содержать при королевском дворе своих представителей для сношений с королем, крепости в качестве гарантии исполнения эдикта (places de sûreté), из которых главными являлись Ларошель, Сомюр и Монтобан. Эти права были оформлены в особых, дополнительных к эдикту статьях и предоставлены лишь на определенный срок, по истечении которого подлежали продлению или отмене. Они представляли собой «королевскую милость», а не эдикт.

Предоставляя гугенотам обширные права, король рассчитывал отменить через несколько лет свою «милость»; кроме того, он полагал, что гугеноты-дворяне постепенно возвратятся в лоно католической веры. И он не ошибся: «политические гугеноты» стали превращаться в роялистов.

Генрих IV и утверждение абсолютизма

Царствование Генриха IV было периодом укрепления абсолютизма, и после длительного периода гражданских войн это свидетельствовало о силе тех общественных интересов, которые были с ним связаны. Абсолютизм был нужен дворянству, так как защищал его привилегии и права на эксплуатацию крестьянства. Не менее нужен он был и буржуазии, еще слишком слабой для того, чтобы претендовать на захват власти, и искавшей у короля защиты от дворянской феодальной вольницы, разбушевавшейся за время гражданских войн. Этому соответствовали теории «политиков»; эти теории выражали интересы широких кругов буржуазии и рядового дворянства, которые единство государства ставили выше интересов религиозного фанатизма.

Экономическая политика абсолютизма

Крестьянские восстания 90-х годов XVI в. напомнили правительству, что эксплуатация крестьянства имеет предел, однако найти основную линию экономической политики было непросто. Дворянское правительство нуждалось в деньгах, так же как нуждалось в них само дворянство. Абсолютизм содержал армию и аппарат государст-

венной власти, поддерживал дворянство, давал субсидии крупным мануфактуристам за счет налогов и займов, а крестьянство — главный налогоплательщик — было разорено.

Генрих IV понимал, что крестьянство должно несколько оправиться, чтобы стать снова платежеспособным. Несмотря на приписываемое ему легендой желание видеть «в крестьянском горшке каждое воскресенье суп с курицей», самое большее, что он мог сделать для облегчения положения крестьянства, заключалось в некотором сокращении государственных расходов. Это позволило понизить прямой налог с крестьян, освободить их от уплаты накопившихся за время гражданских войн недоимок и запретить продавать скот и орудия земледельцев за долги. Однако одновременно с этим были значительно увеличены косвенные налоги (главным образом на соль и вино), которые своей тяжестью ложились на сельские и городские трудящиеся массы.

Содействовало упорядочению государственных финансов то, что министр финансов Сюлли сократил своеволие откупщиков и «финансистов», заставив их принять маловыгодные для них условия при расплате за прежние долги и при оформлении новых откупов. Облегчая бремя прямых налогов, Сюлли, будучи откровенным апологетом старого уклада дворянской жизни, заботился не столько о крестьянах, сколько о дворянах и казне, желая поставить сельское хозяйство в такие условия, при которых оно могло давать дворянам и государству большой доход.

Экономическая политика Генриха IV была направлена прежде всего на поддержку промышленности и торговли. В соответствии с пожеланиями буржуазии и рекомендациями некоторых экономистов, выходцев из буржуазии, например Лаффема, правительство Генриха IV проводило протекционистскую политику и покровительствовало развитию промышленности. Были созданы крупные казенные мануфактуры и поощрялось основание частных (шелковые и бархатные ткани, гобелены, позолоченная кожа для обоев, сафьян, стеклянные, фаянсовые и другие изделия и т. д.). По совету агронома Оливье де Серра правительство пропагандировало и поощряло шелководство, давало мануфактуристам привилегии на основание предприятий и помогало им субсидиями.

При Генрихе IV впервые появилось значительное количество привилегированных мануфактур, получивших звание королевских, из которых многие были по тому времени очень крупными. Например, мануфактура полотна в Сен-Севере, близ Руана, насчитывала 350 станков, мануфактура золотой пряжи в Париже имела 200 рабочих. Первой из них правительство дало ссуду в 150 тыс. ливров, второй — 430 тыс. ливров.

Правительство организовывало дорожные и мостовые работы и строительство каналов; учреждая заморские компании, поощряло торговлю и колониальную деятельность французских предпринимателей в Америке, заключало торговые договоры с другими державами, повышало тарифы на ввозные изделия, боролось за лучшие условия вывоза французских изделий. В 1599 г. был запрещен (правда, не-

надолго) ввоз иностранных тканей и вывоз сырья — шелка и шерсти, «дабы всемерно благоприятствовать выгодным занятиям наших подданных разного рода производствами».

Прекращение гражданских войн, последовавший за ними подъем экономики Франции, протекционистская политика правительства способствовали восстановлению внутренних экономических связей в стране: процесс постепенного складывания общефранцузского внутреннего рынка протекал теперь в благоприятных условиях.

Внутренняя и внешняя политика Генриха IV

Во внутренней политике правительство привлекало вельмож на свою сторону пенсиями и подарками, но не отказывалось и от крутых мер, когда они были неизбежны. В течение 16 лет своего фактического царствования Генрих IV ни разу не созвал Генеральных штатов, предпочитая им более узкие и созываемые по специальным вопросам совещания нотаблей. Таким образом, во внутренней политике вновь возобладало стремление к окончательному утверждению абсолютной монархии. В политической жизни Франции при Генрихе IV усилились две черты, типичные для французского абсолютистского строя, — бюрократизм и централизация.

В 1604 г. чиновники добились официального закрепления за ними права наследовать и продавать должности государственного аппарата при условии уплаты ежегодного взноса (это право называлось «полетта» по имени откупщика Поле, взявшего на откуп взимание данных взносов). Почти все члены королевского совета были из числа «людей мантии». Генрих IV стал систематически посылать на места специальных чиновников (интендантов) для контроля над управлением провинциями.

Во внешней политике король руководствовался принципом государственного интереса и не считался с религией. Он стремился к ослаблению врагов Франции—испанских и австрийских Габсбургов—и поддерживал немецких протестантских князей. Во время приготовления к войне с Габсбургами Генрих IV был убит 14 мая 1610 г. фанатиком-католиком Равальяком.

Людовик XIII. Генеральные штаты 1614 г.

Сыну Генриха IV Людовику XIII было 9 лет, когда он стал королем Франции. Королевский совет провозгласил его мать Марию Медичи опекуншей и регентшей, и Парижский парламент подтвердил это решение.

Воспользовавшись слабостью правительства, вельможи и принцы снова начали смуту, стремясь добиться политического влияния, утраченного при Генрихе IV. Они потребовали созыва Генеральных штатов, которые собрались в 1614 г. Надежды реакционной знати, рассчитывавшей на штаты для продолжения борьбы с абсолютизмом, не оправдались. Палата третьего сословия, состоявшая из провинциального одворянившегося чиновничества и представителей богатых горожан, поддержала правительство и отклонила требования знати, добивавшейся смены правительства и передачи управления государством в руки ее представителей. Тогда знать и часть дворянства перешли к вооруженной борьбе с правительством, причем гугенотские

и католические вельможи и дворяне выступали против абсолютизма единым фронтом. Гражданские войны 1614—1620 гг. кончились победой королевской армии.

Укрепление абсолютизма. Ришелье

Укрепление королевского абсолютизма во Франции осуществилось при первом министре Людовика XIII кардинале Ришелье (1624—1642). До нас дошла огромная деловая переписка Ришелье, его мемуары и «Политическое завещание», в котором он писал: «Когда вы, ваше величество, решили одновременно и предоставить мне доступ в ваши советы, и оказать мне великое доверие в управлении вашими делами, я поистине могу сказать, что гугеноты делили государство с вами, что вельможи вели себя так, как будто они не были вашими подданными, а наиболее могущественные губернаторы провинций чувствовали себя в своих должностях настоящими государями... Моей первой целью было величие короля, моей второй целью было могущество королевства».

Эта политическая программа заслуживает тем большего внимания, что она была полностью осуществлена. Возглавляемое кардиналом правительство уничтожило политическую независимость гугенотов, жестоко подавляло любое выступление вельмож и принцев и лишило власти непокорных губернаторов, создав крепкую систему местного управления, направляемую из центра, который требовал безусловного повиновения. Все это делалось во имя интересов абсолютизма, которые Ришелье отождествил с «общественным благом» (bien public).

Кардиналу Ришелье принадлежит фраза, точно определяющая классовую сущность любой абсолютной монархии. «Народ — это мул, который, привыкнув к тяжести, портится от продолжительного отдыха сильнее, чем от работы». Впрочем, он тут же прибавлял, что работа мула должна быть соразмерной его силам, — дополнение, которое нередко забывалось им самим и было совсем забыто его преемниками. В области экономической правление Ришелье было в значительной части продолжением политики меркантилизма.

Конец гугенотского «государства в государстве»

Правительство начало наступление на политические права гугенотов, не отменяя, однако, основных статей Нантского эдикта. После неоднократных военных экспедиций на юг в 1621—1626 гг. войска короля осадили в 1627 г. оплот гугенотов на западе — крепость и морской порт Ларошель. Город был окружен валом с суши и громадной плотиной в 1500 метров со стороны моря. Англичане попытались, но не смогли прорваться через плотину. В городе начался голод, умерло свыше 22 тыс. жителей. Наконец, 28 октября 1628 г. город сдался. У Ларошели были отняты привилегии и отменено прежнее самоуправление. Но имущественные права горожан сохранились, и им было предоставлено право свободно исповедовать кальвинизм.

Одновременно с этим большая армия была направлена в Лангедок. Юг тоже принужден был капитулировать. По мирному договору в Але («Эдикт милости» 1629 г.) был подтвержден основной текст

Нантского эдикта, но отменены все дополнительные статьи. Гугенотское «государство в государстве» перестало существовать.

Правительство не останавливалось перед крутыми мерами, когда дело шло о подчинении королю его подданных независимо от того, были ли они гугеноты или католики. Оно приказывало разрушать замки мятежных вельмож и дворян, запрещало под страхом смертной казни дуэли (они имели массовый характер и наносили заметный урон дворянскому офицерскому корпусу, который должен был, по мнению правительства, проливать свою кровь только на военной службе). Оно подавляло с необычайной жестокостью, часто по одному подозрению, действительные и мнимые заговоры.

Интенданты и центральный аппарат

Чтобы ослабить самостоятельность местных властей, а также упрочить полицейский аппарат государства, был укреплен созданный еще в XVI в. институт интендантов. Центральная власть отправляла на места чиновников судебных ведомств, облеченных большой административной, финансовой и судебной властью. Они могли быть отозваны в центр по приказу канцлера и назывались «интендантами полиции, суда и финансов», наблюдая над всем местным управлением и вмешиваясь во все сферы провинциальной жизни. Получая эту должность как временное поручение (commission), т. е. не покупая ее, они зависели от центральной власти.

Постепенно осуществлялись важные изменения и в центральном управлении. Послушными исполнителями воли короля и его первого министра были члены королевского совета, представители «дворянства мантии». Все дела вели канцлер и государственные секретари из числа высшего чиновничества. После смерти Ришелье они постепенно превратились в министров.

Укрепление абсолютизма сказалось и на самых старых и независимых от центральной власти судебно-административных учреждениях Франции — на парламентах. Письменные протесты парламентов были воспрещены, а их устные протесты не достигали цели. Чтобы заставить парламенты повиноваться, наиболее строптивым их членам предлагалось продавать свои должности, они подвергались изгнанию и даже тюремному заключению. Под контроль была поставлена и возникшая в это время периодическая печать («Французская газета», 1631), которая была рупором правительственной политики.

Народные восстания первой половины XVII в.

Успехи французского абсолютизма были достигнуты ценой чрезвычайного роста налогов. Ответом на это был новый подъем крестьянско-плебейских восстаний. В период с 1624 по 1642 г. можно отметить три волны больших крестьянских восстаний, не считая постоянных местных вспышек и выступлений плебейских масс в городах. В 1624 г. происходило крестьянское движение в Керси, в 1636—1637 гг. — во многих юго-западных провинциях, наконец, в 1639 г. большое восстание «босоногих» в Нормандии.

Восстание в Керси в 1624 г. было направлено главным образом против налогов, особенно соляного («габели»), наиболее ненавистного из всех налогов абсолютистской Франции. Крестьяне намеревались

захватить город Кагор, но были разбиты отрядами местных дворян, которые жестоко расправились с ними.

Значительно больший размах приняли восстания крестьян и городской бедноты в период 1636—1639 гг., когда Франция открыто вступила в Тридцатилетнюю войну. Увеличение налогов, военные поставки и содержание войск, расквартированных по селам и городам, доводили население до голода и отчаяния.

Восстание началось весной 1636 г. и продолжалось до ноября 1637 г., охватив западные, центральные и южные провинции Франции, всего около четверти ее территории. Отдельные отряды так и не соединились в единую крестьянскую армию, но они доходили иногда до 40 тыс. человек, например в Сентонже, и до 60 тыс. — в Перигоре.

Правительству, которому в это время пришлось отражать вторжение испанских войск, с большим трудом удавалось подавлять отдельные вспышки, но, как только войска уходили, восстание начиналось с новой силой. Восставшие выступали против налогового гнета, сеньориальных платежей и повинностей, церковной десятины, против злоупотреблений бюрократии, особенно судейской. Так как ненависть вызвали главным образом непомерные налоги, к движению примыкала не только городская беднота, но и более зажиточные слои горожан, колебавшиеся между желанием использовать восстание трудовых масс в своих интересах и страхом перед народным выступлением. Весной 1637 г. повстанцы с помощью плебса, который открыл ворота города, заняли даже крупный город Перигора — Бержерак. Поздней осенью 1637 г. королевским войскам удалось подавить восстание, но некоторые отголоски его продолжались до 1638 г.

Причиной большого восстания так называемых «босоногих» в Нижней Нормандии в 1639 г. было усиление налогового гнета. По-видимому, восставшие сами назвали себя «босоногими», дабы показать, как говорил один современник, что налоги довели их до такого состояния, что они уже не могут иметь обуви. Во главе восстания стоял Жак Босоногий, получивший прозвище от наименования повстанцев. Поводом к началу восстания был слух о том, что правительство намеревается ввести монополию на соль, до тех пор не распространявшуюся на Нижнюю Нормандию. Многие местные жители занимались варкой соли, и введение этой меры означало для них разорение, а для всех жителей — сильное повышение цены на этот необходимый продукт.

Восстание началось весной 1639 г. и скоро распространилось по городам и селам Нижней Нормандии. Восставшие убивали сборщиков налогов и тех, кого подозревали в том, что они готовы стать в ряды администрации соляной монополии. К осени 1639 г. армия восставших насчитывала уже до 20 тыс. человек и называла себя «армией страдания». Ее руководители распространяли воззвания, призывавшие к восстанию, рассылали по деревням приказы являться вооруженными к местам сбора и т. д. В основном это была беднота городов и деревень, доведенная до нищеты и отчаяния. Самым популярным лозунгом был призыв не платить налогов. Поскольку увеличение налогов затрагивало и другие слои населения, среди восставших и даже руко-

водителей движения были и буржуа. На некоторое время вся Нижняя Нормандия оказалась в руках восставших. Отдельные вспышки восстания стали перебрасываться за ее пределы. Крупные беспорядки охватили город Кан и столицу Нормандии — Руан. Правительство вынуждено было отозвать с фронта значительные отряды, и только в конце ноября восстание было подавлено. «Армия страдания» была почти полностью истреблена у города Авранш. Попавшие в плен были повешены.

Внешняя политика Франции

Внешняя политика Франции по-прежнему была направлена главным образом против испанских и австрийских Габсбургов, но уже не в Италии, а в Германии. В Тридцатилетней войне Франция сперва (в 1618—1634 гг.) поддерживала своих протестантских союзников, в 1635 г. она вступила в открытую войну с Испанией и с Германской империей.

По Вестфальскому миру (1648) Франция получила большую часть Эльзаса, а по Пиренейскому миру с Испанией (1659) — на юге Руссильон и на севере провинцию Артуа (отошедшую к Габсбургам) и стала самым сильным государством в Западной Европе.

Формирование национальной культуры в XVI и первой половине XVII в.

Завершение объединения страны, укрепление ее экономического единства, нашедшие свое выражение в развитии внутреннего рынка и постепенном превращении Парижа в крупнейший экономический центр, сопровождались в XVI—XVII вв. постепенным формированием национальной французской культуры. Процесс этот шел и углублялся, хотя был очень сложным, противоречивым, замедленным вследствие потрясавших и разорявших страну гражданских войн.

Большие сдвиги произошли в развитии национального французского языка. Правда, в окраинных областях и провинциях Северной Франции еще существовало большое число местных диалектов: нормандский, пикардийский, шампанский и др. Сохранялись еще и диалекты провансальского языка, но все большее значение и распространение приобретал северофранцузский литературный язык: на нем издавались законы, велось судопроизводство, писали свои произведения поэты, писатели, хронисты. Развитие внутреннего рынка, рост книгопечатания, централизаторская политика абсолютизма способствовали постепенному вытеснению местных диалектов, хотя в XVI в. процесс этот был еще далек от завершения.

В XVI в. во Франции получают распространение гуманистические идеи. Отчасти этому содействовало соприкосновение Франции с гуманистической культурой Италии во время походов в эту страну. Но решающее значение имел тот факт, что весь ход социально-экономического развития Франции создавал благоприятные условия для самостоятельного развития подобных идей и культурных течений, которые приобретали на французской почве самобытный колорит. Однако Возрождение носило во Франции довольно заметный аристократическо-дворянский отпечаток. Как и повсюду, оно было связано с возрождением античной науки — философии, литературы — и ска-

залось прежде всего в области филологии. Крупным филологом был Бюде, своего рода французский Рейхлин, изучивший греческий язык настолько хорошо, что говорил и писал на нем, подражая стилю древних. Бюде был не только филологом, но и математиком, юристом и историком. Другим выдающимся ранним гуманистом был Лефевр д'Этапль, учитель Бюде в области математики. Его трактаты по арифметике и космографии впервые создали во Франции школу математиков и географов. Он склонялся к протестантизму и еще в 1512 г., т. е. до выступления Лютера, высказал два принципиальных положения Реформации: оправдание верой и Священное писание как источник истины. Это был мечтательный и тишайший гуманист, испугавшийся последствий своих собственных идей, когда по выступлению Лютера он увидел, к чему это может привести.

Важным событием было основание как бы нового университета наряду с Парижским университетом, так называемого «Французского коллежа» (Collége de France) — открытой ассоциации ученых, распространявших гуманистическую науку.

Подражание античным образцам сочеталось с развитием национальных устремлений. Поэты Жоаким Дюбелле (1522—1560), Пьер де Ронсар (1524—1585) и их сторонники организовали группу, получившую название «Плеяда». В 1549 г. она опубликовала манифест, самое название которого «Защита и возвеличение французского языка» отражало национальные устремления французского Возрождения. В манифесте опровергалось мнение, что лишь древние языки могут воплотить в достойную форму высокие поэтические идеи, и утверждалась ценность и значимость французского языка. «Плеяда» получила признание двора, и Ронсар стал придворным поэтом. Он писал оды, сонеты, пасторали, экспромты. Лирика Ронсара воспевала человека, его чувства и интимные переживания, оды и экспромты по случаю политических и военных событий служили возвеличению абсолютного монарха.

Наряду с освоением и переработкой античного наследства литература французского Возрождения впитывала в себя лучшие образцы и традиции устного народного творчества. Она отражала черты характера, присущие талантливому и свободолюбивому французскому народу: его веселый нрав, смелость, трудолюбие, тонкий юмор и разящую силу сатирической речи, обращенной своим острием против живших за счет народа тунеядцев, сутяг, лихоимцев, своекорыстных святош, невежественных схоластов.

Особое место среди французских гуманистов занимает великий сатирик Франсуа Рабле (родился около 1494 г., умер около 1553 г.). Сын провинциального адвоката, монах, бежавший из своей обители, затем медик, а больше всего филолог и знаток простонародной речи, которую он изучал во время своих многолетних скитаний по Франции, Рабле в своем гениальном романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» создал сатиру на окружающее его общество. Короли и дворяне, готовые драться и проливать кровь своих подданных по самому пустяковому поводу, а в мирное время обжоры и пьяницы, блудливые монахи, попы, схоласты-ученые, забивающие головы своих учеников самой

вздорной тарабарщиной, — таковы излюбленные персонажи романа Рабле. Рабле не собирается перевернуть мир и ограничивается только насмешкой, но в самом «величии» господ он нашел смешную сторону и выставил их на посмеяние. Эта сторона его творчества была понята и высоко оценена по достоинству современниками и потомством.

Но Рабле не только сатирик. Он гуманист и в качестве такового — поборник новой науки. «Каким образом среди сияющего в нашем веке света и возрождения драгоценнейших знаний еще находятся люди, которые не могут или не хотят освободить свое зрение от окутавшего нас готического варварского тумана (т. е. схоластики)?» — спрашивал он. Рабле изображает идеал общества в аббатстве Телем, где живет дружное братство поклонников истинной науки, не знающих ни стеснительных обетов, ни самоистязаний. Вход сюда воспрещен только лицемерам. Единственное правило общежития — «делай, что хочешь», ибо свободный и выросший в благородной среде человек «уже от природы имеет влечение к правде и отвращение к пороку». Но в аббатстве Телем жизнь идет легко и спокойно только потому, что на него работает целая колония мастеров всех специальностей и зависимых крестьян.

Вторая половина XVI в. проходит под знаком спада культурного развития. В это время развивается преимущественно публицистически-памфлетная и мемуарная литература (Агриппа д'Обинье, Франсуа Отман, Брантом). К концу столетия наступает период разочарований, пессимизма и скептицизма, сменивших брызжущий у Рабле жизнеутверждающий оптимизм. Типична в этом отношении фигура выдающегося гуманиста и мыслителя Мишеля де Монтеня (1533—1592). Богатый провинциальный чиновник, он был свидетелем жестоких социальных столкновений, но не принял в них непосредственного участия. В своем главном труде «Опыты» Монтень последовательно проводит мысль, что высшим критерием является человеческий разум, пытливо ищущий истину и критически оценивающий явления. Поэтому Монтеня можно считать одним из основоположников рационалистического мировоззрения.

В конце XVI в. зародилось новое литературное течение, провозвестниками которого являлись Франсуа Малерб (1555—1628) и его группа. Сохраняя традиции «Плеяды» в создании национальной французской литературы, кружок Малерба выступал против дилетантства, за научно-филологический профессиональный подход к литературному твочеству. Несмотря на присущие ему стилизацию, манерность, излишнее подражание античности, это течение сыграло значительную роль в развитии французской литературы.

В XVI в. складываются зачатки национальной французской трагедии, использующей зачастую формы и сюжетные композиции античных авторов. Более отчетливыми национальными чертами обладала в XVII в. зарождавшаяся национальная французская комедия и комический роман, сохранившие связь с народными комедийными жанрами — фарсом и фаблио (Сирано де Бержерак, Скаррон). Великая национальная драматургия, подобная испанской или английской, появилась во Франции в середине XVII в.

В 1635 г. была основана Французская академия, главная задача которой в то время заключалась в усовершенствовании литературного языка.

В области изобразительного искусства идеи и технические приемы Возрождения были воплощены в творчестве ряда мастеров резца и кисти. Глубоко реалистическая трактовка натуры, присущая скульптурным работам Жана Гужона (1510—1568), нашла себе отшлифованную форму в произведениях Жермена Пилона (1535—1590), особенно сильного в жанре скульптурного портрета.

Из мастеров кисти этого времени наиболее известны: С. Руэ (1590—1649), создавший крупные, бьющие на внешний эффект полотна со сценами из античной мифологии; график Жан Калло (1592—1635) и братья Ленэн-Луи (1593—1648) и Антуан (1598—1648), — авторы прекрасных картин на бытовые сюжеты, замечательных по своему реализму, народности и лаконичности изобразительных приемов.

Процесс развития культуры был сложным, противоречивым, и далеко не все, что было создано в это время, вошло в золотой фонд французской национальной культуры. Тем не менее такие важные достижения этого периода, как выработка национального литературного языка, развитие литературы Возрождения, появление рационалистической системы мировоззрения, сформулированной в философской системе Рене Декарта (см. гл. 36), создали условия для пышного расцвета культуры во второй половине XVII и в XVIII в.

Глава 32

СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ В XVI И В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Последний период западноевропейского средневековья — перемещение торговых путей и «революция цен» в XVI в. — принес серьезные перемены и странам Скандинавии: Дании, Швеции, Норвегии. С разложением феодальных отношений, с успехами капиталистического уклада в Западной Европе эти страны, издавна связанные с балтийской и северморской торговлей, получили новые важные рынки сбыта, так как в Европе значительно возрос спрос на скот, зерно и рыбу из Дании, корабельный лес и рыбу из Норвегии, железо и медь из Швеции. Установление торгово-политических связей западноевропейских государств с Россией и Речью Посполитой также пошло на пользу скандинавским странам, лежавшим на кратчайших морских путях между Западной и Восточной Европой.

В противовес большинству западноевропейских стран Северная Европа в XVI и первой половине XVII в. еще переживала укрепление феодальных отношений в основной сфере своей экономической жизни — в сельском хозяйстве. Резко сократился удельный вес податного, свободного от помещичьей кабалы крестьянства, повсеместно выросли подати королю и платежи помещику, усилилась личная зависимость крестьян, означавшая в отдельных районах Дании еще с конца XIV в. прикрепление к земле. Знать, особенно в Дании, вновь заводила крупные хозяйства, поредевшие в эпоху «аграрного кризиса» XIV—XV вв. (см. т. 1), но всего больше наживалась на торговле оброчными продуктами.

В отличие от Дании, аграрное развитие которой было сходно с восточногерманским, в Швеции и Норвегии феодальные поземельные отношения в XVI—XVII вв. еще только приобретали более или менее завершенный характер. Вместе с тем в Скандинавии в XVI—XVII вв. появились капиталистические мануфактуры, особенно в Швеции, возникли торговые компании, снаряжались колониальные экспедиции (больше всего датские).

Реформация скандинавских церквей положительно сказалась на становлении местных литературных языков. Значительного развития достигли разные отрасли науки, светская архитектура и поэзия в духе Возрождения. Уже с конца XV в. распространилось книгопечатание.

Особенности социально-экономического развития скандинавских стран нашли свое выражение в борьбе классов. Антифеодальные крестьянские восстания сопровождались боевыми выступлениями го-

рожан. Нарастание оппозиции податных сословий (к ним после Реформации принадлежало и духовенство) было использовано королевской властью и ее опорой — служилым дворянством — для подрыва власти аристократии и ее могущественных политических органов — старинных государственных советов. Торжество Реформации в ее «королевском» варианте означало и победу государственной централизации над остатками феодального и дофеодального сепаратизма. Ленная система управления в Скандинавии бюрократизировалась. Сословно-представительные органы — риксдаги, там где они созывались, служили опорой королевской власти против знати. Это создавало предпосылки для перехода скандинавских стран от сословно-аристократических монархий к абсолютным.

§ 1. ДАНИЯ

На рубеже XV—XVI вв. наиболее сильным, густонаселенным и экономически развитым из скандинавских государств оставалась Дания — одна из крупных держав тогдашней Европы. В ее состав помимо коренных датских земель — Ютландии с островами — входила богатая область Сконе на юге Скандинавского полуострова, ей принадлежали Фарерские острова, Исландия и Гренландия. Датские короли с 1380 г. были также королями Норвегии, а с 1460 г. — герцогами объединенных Шлезвига и Гольштейна. Кальмарская уния (см. т. 1, гл. 14) трех скандинавских королевств во главе с королями из датской династии все еще была формально в силе, хотя фактическую власть над непокорными шведами датским королям приходилось не раз подкреплять силой оружия или раздачей новых привилегий шведской знати и городам. Сельское хозяйство Дании намного раньше, чем в других скандинавских и в целом балтийских странах, вышло на внешний рынок в крупных для того времени масштабах (это объясняется географическим положением и почвенно-климатическими условиями). Датские товары — зерно, масло, волы, кони, рыба — в растущих количествах сбывались в Северную Германию и Нидерланды. Система землевладения в разных частях государства была неодинакова. В Ютландии вплоть до Реформации оставалось немало крестьян-собственников, а на датских островах Зеландии, Фюн и др., в Сконе и, наконец, в Шлезвиге, север которого населяли датчане, преобладали зависимые держатели — чиншевики (фестеры). На датских островах держатели были крепостными.

Самым крупным из датских городов были Копенгаген (на острове Зеландия), Виборг (в Ютландии), Фленсборг (в Шлезвиге) и Мальмё (в Сконе). Местные купцы постепенно освобождались от конкуренции ганзейцев и богатели. На почве конкуренции из-за вывоза сельскохозяйственных продуктов датское купечество все чаще сталкивалось с помещиками, желавшими торговать без посредников. Но в политическом отношении бюргерство, сравнительно многочисленное уже в XV в., оставалось слабым.

Редкие сословные собрания с участием выборных от городов и от крестьян-собственников не получили в Дании серьезного значения.

Знать, светская и духовная, через государственный совет (риксрод) по-прежнему старалась навязать свою волю монарху. Риксрод выбирал короля и наследника престола, хотя и из одной династии — Ольденбургской, царствовавшей в Дании более четырех столетий (1448—1863). Члены совета управляли крупными ленами, на которые делилась страна, и собирали в свою пользу значительную часть доходов с них. Без согласия совета не могли объявляться войны, вводиться налоги. Риксрод вместе с королем был и законодательным органом, и верховным судом. Однако совет собирался изредка, и усложнявшееся текущее управление все больше переходило к королю и его канцелярии. Социальный подъем богатевшего купечества и обострение противоречий внутри самого господствующего класса создавали в Дании предпосылки для нового усиления королевской власти.

Попытки установления абсолютизма при Кристиане II. Конец Кальмарской унии (1523)

Попытка усилить королевскую власть была предпринята королем Кристианом II (1513—1523), воспитанным в бюргерском духе и получившим хорошее гуманистическое образование. Кристиан II приблизил к себе группу лиц бюргерского сословия, выходцев из Нидерландов, которая оказывала существенное влияние на направление его внутренней и внешней политики. Центральное управление перешло в руки незнатных дворян и даже горожан. Была установлена полная монополия датских горожан на внешнюю торговлю. Светские и духовные магнаты потеряли право покупать для продажи хлеб даже у своих крестьян-держателей, а также продавать им какие-либо товары, привезенные из-за границы. Дворянский произвол в отношении крестьян был несколько ограничен: король удлинил сроки держания чиншевиков и запретил торговать крестьянами, «как бездушным скотом».

Кристиан II строил грандиозные внешнеполитические и внешнеторговые планы, которые по разным соображениям поддерживались как Нидерландами, так и далекой Московией. При поддержке немецкой торгово-ростовщической фирмы Фуггеров и германского императора Карла V датский король (женатый на сестре императора) стремился окончательно подорвать преобладание ганзейцев в североевропейской торговле и под предлогом восстановления Кальмарской унии подчинить себе наконец мятежную Швецию. Во главе войска из немецких наемников Кристиан II дважды вторгался в Швецию и в 1520 г. восстановил там датскую власть. Между тем ганзейская блокада грозила Дании хозяйственным крахом. Высокие налоги и порча монеты королем для финансирования его военных предприятий восстановили против Кристиана горожан и крестьян, не говоря о затаившей злобу аристократии. В 1521 г. против «Тирана» (шведское прозвище короля) восстали шведы, а в 1523 г., ободренные их успехами, западнодатские (ютландские) феодалы открыто отказали в верности королю за нарушение им дворянских вольностей. Уклонившись от борьбы, Кристиан II со своим флотом отплыл в Нидерланды за помощью. Сборник его законов в Дании был торжественно сожжен. Новый король Фредерик I, ставленник знати, заботясь о своей

популярности, стал часто созывать собрания всего дворянства (херредаги). Власть аристократии усилилась, что было использовано ею для нового нажима на крестьян.

Гражданская война 30-х годов. Реформация в Дании

Феодальная реакция 20-х годов, ухудшение положения крестьян вызвали, естественно, их возмущение. Частым явлением стал отказ от уплаты десятины епископам. В 1524—1525 гг. вспыхнуло крестьянское восстание против помещиков в области Сконе. В 1531 г. изгнанник Кристиан высадился в Норвегии и был вновь избран местной знатью на престол, но вскоре обманом взят в плен и заключен в датскую крепость (умер в 1559 г.). После смерти Фредерика I (1533), пока датский риксрод колебался относительно выбора его преемника, вспыхнуло антиаристократическое восстание горожан во главе с бургомистрами Копенгагена и Мальмё под лозунгом возвращения на престол Кристиана II. Горожан на этот раз поддержали ганзейские города во главе с Любеком, а также свободное крестьянство Ютландии. Восставшие выдвигали требования, сходные с требованиями немецких крестьян 1525 г. Восстание переросло в гражданскую войну 1534—1536 гг. («Графскую распрю»), в которой приняли участие ряд княжеств и городов Северной Германии.

Напуганное народным восстанием датское дворянство, от аристократов до мелких помещиков, сплотилось вокруг избранного королем сына Фредерика Кристиана III, которому с трудом удалось установить власть в своих владениях. Горожане Копенгагена сдались лишь после годовой осады. Уцелевших от расправы ютландских крестьян-собственников победители превратили в королевских чиншевиков.

Во время «Графской распри» враждующие лагери аристократических группировок и горожан возглавлялись последователями протестантизма. Еще в середине 20-х годов в датских городах стали выступать лютеранские проповедники. Их проповеди с требованием церковной реформы нашли горячий отклик у горожан, поскольку католическая церковь была не только самым крупным феодальным землевладельцем Дании, не только собственником недвижимости в городах, но и занималась ростовщичеством, а монастыри конкурировали с горожанами. Как и во многих других странах, проповедь церковной реформы встретила поддержку у королевской власти и части дворян, которые намеревались присвоить церковно-монастырские земли, сломить власть католических епископов.

В 1526 г. датский ученик Лютера, священник Ганс Таусен, стал капелланом — домашним священником Фредерика I. Король открыто покровительствовал лютеранам и последовательно урезал права епископов и власть самого папы римского над датской церковью. Кристиан III, воспитанный в духе лютеранского вероучения, вступив в Копенгаген, немедленно издал приказ об аресте католических епископов, лишении их светской и духовной власти и о том, что впредь в Дании должно проповедоваться только «чистое слово божье», т. е. лютеранство. В 1536 г. королем было утверждено новое церковное устройство, одобренное Лютером и близкое к будущему «Аугсбургскому вероисповеданию». Благодаря Реформации королевская

земельная собственность в Дании выросла втрое: королю принадлежало больше половины земель в стране. На содержание государства перешла новая церковная администрация во главе с назначенными им суперинтендантами (впоследствии они вновь стали именоваться епископами). Король получил высшую власть над делами новой церкви, которая превратилась в своего рода новое государственное учреждение.

Реформация в Дании носила, таким образом, королевский характер. Бюргерско-демократические течения в Реформации были подавлены в период гражданской войны 1534—1536 гг. Процесс государственной централизации резко усилился: крупные феодальные держания — лены, на которые делилась страна, стали превращаться в административные округа. За эту уступку короли вознаграждали дворян-помещиков новыми привилегиями. Так, помещики получили полную полицейскую власть над держателями: исполняли судебные приговоры, взимали в свою пользу судебные штрафы и др. Они предприняли большую карательную экспедицию против вольных немецких крестьян Дитмаршена. В 1559—1560 гг. эта своеобразная крестьянская республика на побережье Северного моря пала под натиском датско-немецкого дворянского войска.

Борьба Дании за господство на Балтике

Нарушенная «Графской распрей» балтийская торговля уже с середины XVI в. вступила в полосу нового подъема. Владея обоими берегами Зундского пролива, датские короли издавна контролировали эту торговлю и взимали пошлины с проходивших судов (см. т. 1). Ганзейские города — союзники мятежных жителей Копенгагена и Мальмё — теперь уступили военно-политическое преобладание на Балтике Дании, а торговое — голландцам. Но на жизненно важных для Запада морских путях в богатые сырьем страны Восточной Европы у датчан появился новый соперник — Швеция. Расширить свои балтийские владения стремилось и Польско-Литовское государство. В 1558 г. в борьбу за жизненно необходимый выход к Балтийскому морю вступила и Россия.

Дания воспользовалась распадом Ливонского ордена под ударами русских войск: король Фредерик II (1559—1588) возобновил притязания на эстонские земли, утраченные Данией в XIV в. Датским плацдармом стало эстонское епископство Эзель (остров Сааремаа) и Вик (соседняя часть приморской Эстонии). На почве общей вражды к шведам, прибравшим к рукам север Эстонии, датский король протянул руку Ивану IV. В 1562 г. в Можайске было подписано соглашение, по которому царь — завоеватель Ливонии — жаловал часть последней в лен датскому королю.

Эта экспансия датчан в Прибалтике, наряду с возобновившимися притязаниями Фредерика II на шведский престол, а Эрика XIV шведского — на Сконе, привела к так называемой Семилетней войне со Швецией 1563—1570 гг. Не одержав в жестокой войне решительной победы, датчане все же сумели закрепить за собой остров Сааремаа и право свободной торговли с Россией через Нарву, что было выгодно обеим странам.

Экономическое развитие Дании в первой половине XVII в.

В долгое царствование Кристиана IV (1583—1648) для датских дворян наступил «золотой век». «Революция цен» обогащала в первую очередь феодальное дворянство. Так за столетие, с первой трети XVI по первую треть XVII в., цена земли в Дании поднялась на 400—500%, зерна и волов — на 200—300%. Поэтому помещики расширяли свои домены и выделяли их из общинной чересполосицы, захватывали общинные земли, подвергали крестьян-держателей (фестеров) все возраставшей эксплуатации.

При всем том датский господский домен занял лишь до 8% дворянских земель, велось на нем не столько зерновое, сколько скотоводческое хозяйство, и главный доход дворянам приносила их привилегированная торговля живым скотом, как своим, так и купленным у крестьян. Самовольная торговля скотом, минуя помещика, крестьянам-держателям запрещалась. В пору апогея этой торговли (1610—1620) вывоз волов и быков морем и перегон их из Дании достигал 40—50 тыс. голов в год. Трехдневную еженедельную барщину в середине XVII в. несло менее 20% датских крестьян (так называемые недельщики, освобожденные от оброчных платежей). Продажа крестьян без земли оставалась редкостью.

Бедность и несвобода крестьянства в сочетании с недостатком промышленного сырья сильно мешали росту датской мануфактуры и зарождению капиталистического уклада в целом. Первые мануфактурного типа предприятия были основаны в конце XVI в. казной и обслуживали преимущественно ее нужды в порохе, оружии, обмундировании и бумаге. С начала XVII в. правительство активно проводило политику меркантилизма с целью насаждения мануфактур, особенно шерсто- и шелкоткацких. Были на время отменены цеховые монополии, запрещен импорт мануфактурных изделий и экспорт промышленного сырья, ввозились иностранные рабочие и др. Однако дворяне и купцы предпочитали помещать средства в недвижимость и торговлю и покупать лучшие по качеству иностранные товары. Казна же в середине XVII в. была опустошена и не могла финансировать мануфактуры, многие из них пришли в упадок.

Городское торгово-ремесленное население Дании быстро увеличивалось (в Копенгагене в середине XVII в. было около 30 тыс. жителей), основывались и новые города. Для внешней политики Дании в этот период характерно стремление к колониальной экспансии. Еще в конце XVI в. датчане вновь открыли принадлежавшую им и забытую ими Гренландию. В XVII в. датские мореплаватели высадились на восточном побережье Индии и на островах Карибского моря. В начале XVII в. была основана датская Ост-Индская, а в конце — Вест-Индская компании. Так называемая Исландская компания получила монополию на торговлю с Исландией. В 1636 г. специально для торговли с Россией была учреждена Восточная компания.

Конец XVI — начало XVII в. были для Дании порой большого культурного расцвета. Короли и знать возводили замки-дворцы в заимствованном из Нидерландов стиле северного Возрождения. Именно в это время Дания дала человечеству знаменитого астронома Тихо

Браге (1546—1601), династию ученых-естествоиспытателей Бартолинов, начиная с Бартолина Старшего, автора классического учебника по анатомии. Датские ученые-гуманисты стали записывать народные предания, изучать древнескандинавские языки, рунические надписи на камнях и прочие памятники старины.

Войны с Швецией и внутриполитический кризис середины XVII в.

На международной же арене Дания терпела одну неудачу за другой. За поражением Дании в Тридцатилетней войне, нанесенным войсками Валленштейна (см. гл. 35), последовало новое тяжкое поражение от шведов: в 1643 г. они неожиданно вторглись в Данию с юга, из Германии. Швецию поддерживала Франция, а также Нидерланды. По условиям мира (1645) побежденная Дания лишилась важнейших островов на Балтике — Готланда и Эзеля (Сааремаа), разрешила шведским кораблям беспошлинный проход через Зунд, согласилась на большие территориальные уступки в Норвегии. Дополнительное осложнение датским королям принесли их шлезвиг-гольштейнские владения. После нескольких семейных разделов между королями и их младшими братьями оба герцогства распались на две отдельно управляемые части — королевскую и герцогскую. Герцогская часть выросла к началу XVII в. в богатое и враждебное Дании герцогство Гольштейн-Готторпское, ставшее союзником Швеции против датских королей.

Разорительные войны, проигранные Данией на своей территории, при ухудшавшейся с 40-х годов XVII в. внешнеторговой конъюнктуре повлекли за собой крайнее обострение бедствий народных масс и классовых противоречий. Всеобщую ненависть вызывало в стране огражденное привилегиями замкнутое дворянское сословие, состоявшее из помещиков. В 1625 г. треть дворянских семей (а всего их было около 500) владела тремя четвертями всех дворянских земель. Когда в поисках денежных средств для ведения войн Кристиан IV стал собирать представителей горожан, те начали подавать петиции (особенно ютландские бюргеры в 1629 г.), обвиняя дворян в плохой защите страны, в нарушении городских вольностей, присвоении коронных земель и притеснении крестьян. Однако король вскоре оттолкнул от себя бюргерскую оппозицию, ограничив право податных сословий на подачу петиций. После смерти Кристиана IV реакционная олигархия, состоявшая из крупных землевладельцев — членов государственного совета, — сумела вновь ослабить власть короля — Фредерика III (1648—1670). Внутренний кризис нарастал и разрешился уже в 60-х годах XVII в. победой абсолютизма.

§ 2. ШВЕЦИЯ

В начале XVI в. Швеция и подвластная ей Финляндия оставались малонаселенными, по преимуществу аграрными странами. В сельском хозяйстве преобладали двухполье и посевы ячменя. Города были невелики: самый крупный — Стокгольм — насчитывал в начале XVI в. менее 8 тыс. жителей, ему далеко уступали Сёдерчепинг, Нючёпинг, Кальмар, Або и др. Датские владения в южной Скандинавии почти

полностью отрезали Швеции выход к Северному морю. Однако в средней Швеции (так называемый Бергслаген — «Область горного права») успешно развивалась добыча железа, меди, а с конца XV в. — серебра, и множество мелких производителей — рудокопов, плавильщиков, кузнецов — уже находились в экономической зависимости от горнозаводчиков и купцов — экспортеров металла. В шведском экспорте железу и меди принадлежало важное место наряду с коровьим маслом, кожей и мехами. Внешняя торговля находилась в руках немецких, главным образом любекских, купцов и велась еще почти исключительно с балтийскими странами. В Швецию ганзейцы привозили соль, сукна, пряности, вина.

Феодальные отношения в Швеции отличались значительным своеобразием. Больше половины шведских крестьян (так называемые «скаттовые», от «скатт» — подать) оставались собственниками своих наделов. Это, однако, вовсе не был чистый аллод. Со времен короля Густава I Вазы (см. ниже) право крестьянской собственности на землю было сильно урезано в пользу феодального государства. Широкий круг родственников имел (как и в соседней Норвегии) право преимущественной покупки наследственной крестьянской земли в случае ее продажи. Большую силу в Швеции (как и в Дании) представляла деревенская община с периодическими земельными переделами, причем право на пользование альмендой было пропорционально величине пахотного надела.

Главным видом феодальной эксплуатации крестьян были государственные налоги и повинности, а самой распространенной формой земельной ренты — натуральный оброк. Налоги в казну и в свою пользу взимали знатные королевские ленники, управлявшие пожалованными им на время крупными территориями — ленами.

От податных крестьян все меньше отличались держатели коронной государственной земли, не имевшие на нее владельческих прав. Коронные крестьяне, так же как и крестьяне помещичьи (фрельсовые), тоже сохраняли личную свободу. Однако по закону они были лишь срочными арендаторами земли, распоряжаться ею не могли, и наследственность их держания гарантировалась лишь обычаем и интересами землевладельца. Зажиточные крестьяне, в том числе и держатели, заседали в местных низовых судах и посылали своих выборных на периодические собрания представителей сословий — риксдаги. Помещичьи крестьяне в этих выборах не участвовали.

По природным условиям, а также со времени «аграрного кризиса» XIV—XV вв. крупное помещичье хозяйство было в Швеции редкостью, дворянские земли лежали вперемежку с крестьянскими и подчинялись тем же общинным распорядкам.

Борьба с датчанами. Правители Стуре

Дворянство в Швеции было беднее датского и подчас мало отличалось от верхушки зажиточного крестьянства. Вместе с тем в разделенных озерами и лесами обширных областях страны большую долю политической самостоятельности сохраняла феодальная знать: епископы и крупные светские ленники короля — члены государственного совета. Совет (риксрод) представлял на рубеже XV—XVI вв.

особенно большую силу в связи с тем, что с 1470 г. во главе страны стояли не короли, а правители-регенты, которых тот же риксрод избирал из знатного дома Стуре.

Регенты Стуре энергично стремились создать независимые от риксрода центральное управление и казну и подчинить церковь государству. На четырехсословных собраниях — риксдагах — их поддерживали мелкопоместные дворяне, горожане, горные мастера с рудников Бергслагена и зажиточное крестьянство. Опасаясь абсолютистской политики регентов, часть шведской знати предпочитала им более далекого датского короля, т. е. унию с Данией. В 1517 г. датский король Кристиан II вторгся в пределы страны, использовав феодальную распрю между регентом Стеном Стуре Младшим и католическим архиепископом Швеции Тролле. Высшее шведское духовенство во главе с архиепископом стало на сторону короля. Папа отлучил регента и его сторонников от церкви. В 1520 г. хорошо вооруженные ландскнехты Кристиана II снова пришли в Швецию и разбили шведское ополчение на льду озера Осунд (в Западной Швеции). Стен Стуре Младший умер от ран. Кристиан II торжественно короновался в стокгольмском соборе. Несколько дней спустя он вероломно схватил, судил церковным судом (по инициативе шведских прелатов) как еретиков и казнил свыше сотни присутствовавших на коронации виднейших шведских дворян и горожан; эта расправа получила название Стокгольмской кровавой бани (8 ноября 1520 г.).

Густав Ваза и освобождение от датского владычества. Реформация

Террор Кристиана II и предательство архиепископа Тролле явились последним толчком к всеобщему восстанию против датчан. Восстание разразилось в 1521 г. В нем приняли участие все слои шведского общества, кроме высшего духовенства и части светской знати. Во главе народного движения встал знатный дворянин Густав Эрикссон Ваза, опиравшийся на помощь богатых купцов Любека. Избранный королем на риксдаге в Стренгнесе (на озере Меларен), Густав I Ваза (1523—1560) немедленно расторг Кальмарскую унию и сделал Стокгольм столицей независимой Швеции. С этим согласился и датский король Фредерик I, враг свергнутого Кристиана II.

Испытывая крайнюю нужду в денежных средствах, Густав Ваза, следуя политике регентов Стуре, попытался поправить дело за счет церкви. В Стокгольме с его согласия лютеранские священники получили свободу проповеди. Ранее учившийся в Виттенберге Олаус Петри («мастер Улоф» — крупнейший деятель шведской Реформации и культуры XVI в.) стал проповедником собора в Стокгольме. В 1526 г. он перевел на родной язык Евангелие. В 1527 г. на риксдаге в Вестеросе король, поддержанный в первую очередь дворянством и горожанами, настоял на секуляризации церковных имуществ. В казну отходили замки и крепости епископов, а также все церковное имущество, кроме того, что предназначалось для вознаграждения духовным лицам. Монастыри и их имущества передавались под надзор местных королевских ленников, которые могли отбирать в казну излишки доходов и определять число монахов.

Дворянам были возвращены их земельные дары церкви, сделанные с середины XV в. Эти действия короля и риксдага привели к конфликту с епископами и папой. Реформация и в Швеции была королевско-дворянской. Правительство Густава Вазы сурово подавляло радикальные тенденции среди реформаторов.

В 1539 г. был введен новый порядок управления шведской церковью, разработанный немецкими советниками короля, ярыми приверженцами абсолютизма. Король стал главой церкви. Церковным управлением ведал светский чиновник (суперинтендант) с правом назначать и смещать духовных лиц и ревизовать церковные учреждения, включая и епископства. Епископы сохранялись, но власть их стеснялась советами-консисториями. Новое вероисповедание было официально и навечно признано королем и всеми сословиями на риксдаге 1544 г.

Неудача раннего абсолютизма в Швеции. Эрик XIV

Реформация способствовала укреплению независимого Шведского государства в форме централизованной сословной монархии. Налоговый гнет и вмешательство королевской администрации на местах резко усилились. Долгое правление Густава Вазы прошло в обстановке крупнейших со времен Энгельбректа народных восстаний, жестоко усмиряемых.

Абсолютистские тенденции в Швеции особенно усилились в середине XVI в. На риксдаге 1544 г. власть короля и дома Вазы была объявлена наследственной. Старший сын Густава — Эрик XIV (1560—1568) ознаменовал свое правление новой «кровавой баней» — расправой со знатью. Однако для абсолютизма в Швеции с её крайне слабым бюргерством было еще меньше предпосылок, чем в Дании. Эрик XIV был низложен и умер за решеткой, а его враг, брат и преемник Юхан III пошел на компромисс с дворянством подобно Фредерику I в Дании.

Агрессия Швеции в Прибалтике

В конце правления Густава Вазы, а затем при его сыновьях окрепшее шведское дворянское государство возобновило в крупных масштабах агрессию на востоке, в Прибалтике. Как и датчане, шведы воспользовались распадом Ливонского ордена под ударами Ивана Грозного. Добровольное присоединение к Швеции рыцарства и горожан Северной Эстонии с Ревелем (Таллином) в 1561 г. дало возможность шведским королям в известной мере контролировать балтийскую торговлю России. В ходе Ливонской войны, в 70—80 годах XVI в., на почве общей вражды к усилившемуся Русскому государству (война Швеции с Россией 1570—1595 гг.) наметилось временное сближение Швеции с Речью Посполитой. В 1592 г. тесные династические связи привели к личной унии обоих государств при короле Сигизмунде Вазе (1592—1599), сыне Юхана III и польской королевы Екатерины Ягеллонки. Это принесло шведам новый успех: по Тявзинскому миру с Россией (1595) они получили важный порт — Нарву. Однако уния с Речью Посполитой поставила Швецию под угрозу католической контрреформации и привела в самом конце XVI в. к междоусобной войне польско-шведского коро-

ля Сигизмунда (в Польше — Сигизмунда III), принявшего католичество и исподволь внедрявшего его в Швеции, с его дядей — шведским герцогом Карлом, последним сыном Густава Вазы. Карл, опираясь на среднее дворянство, горожан и зажиточное крестьянство, нанес королю-католику поражение в 1598 г., изгнал его из Швеции и занял престол.

При Карле IX началась длительная шведско-польская война за Прибалтику, а также под предлогом помощи царю Василию Шуйскому против тушинцев и польских интервентов — шведская интервенция в Россию (1609). В 1611 г. шведы заняли Новгород, и сын Карла Густав-Адольф добивался русского престола для своего брата. Подъем народно-освободительного движения в России сорвал эти замыслы. От попыток утвердиться на Беломорском побережье и задушить архангельскую торговлю шведы также вынуждены были отказаться. Однако русское побережье Финского залива и значительную часть русской Карелии Швеция удерживала в течение всего XVII в., отрезав Россию от Балтики (Столбовский мир 1617 г.).

Развитие мануфактурной промышленности. Превращение Швеции в великую державу

В течение XVI в. повышение цен на предметы шведского экспорта, рост балтийской и североморской торговли способствовали обогащению шведских горожан и усилению торговой активности шведских феодалов и самих королей.

С конца XVI в. налаживаются коммерческие связи Швеции с Нидерландами, а затем и с Англией. В стране открываются новые железные и медные рудники, возникают новые города, растет судоходство. Распространению мануфактур, особенно с 20-х годов XVII в., способствовали технические новшества в горном деле и металлургии (усовершенствованные доменные печи, лучшие способы ковки), отчасти принесенные иммигрантами-валлонами из Южных Нидерландов. К середине XVII в. Швеция стала главным экспортером высокосортного железа и меди, а также смолы и дегтя в Европе: ежегодный экспорт железа из Швеции составлял около 18 000 тонн. В условиях малой доходности сельского хозяйства дворяне сами охотно заводили промышленные предприятия, используя и наемный труд, и труд крестьян, обязанных им теми или иными повинностями. Хозяйство шведских дворян глубоко втягивалось в товарно-денежные отношения. При всех этих новшествах Швеция оставалась аграрной страной с преобладанием натурального хозяйства. Главная масса жителей — крестьяне — торговала, как правило, лишь незначительными излишками своей продукции. Все еще широко был распространен натуральный товарообмен. Тяжелые медные деньги (слитки весом по нескольку килограммов) заменяли золотую и серебряную монету, которой не хватало; зимой купцы перевозили выручку в слитках на санях.

Молодая шведская промышленность обслуживала главным образом потребности казны в оружии и обмундировании или работала на внешний западноевропейский рынок. Шведы вывозили преимущественно полуфабрикаты: необработанное полосовое (прутовое)

железо и чугун. В горном деле на подвозе леса и угля, на вывозе металла широко использовались государственные повинности крестьян. Горожане, в свою очередь, не порывали с сельским хозяйством и пасли скот за городскими стенами. Буржуазия была еще крайне слаба и состояла в значительной мере из иностранцев-иммигрантов.

Шведские короли, получавшие большие доходы от казенной торговли металлом, шкурами, мехами, маслом и от обложения частных экспортеров, всемерно покровительствовали внешней торговле. В XVII в. они продолжали политику завоевания балтийского побережья, захватывая устья судоходных рек, впадающих в Балтийское море. Войны на чужой земле стали для шведского дворянства весьма прибыльным делом, и один из государственных деятелей Швеции не без основания пошутил однажды, что если другие государства начинают войну, когда у них есть деньги, то Швеция начинает ее тогда, когда у нее денег нет, чтобы их добыть.

При Густаве II Адольфе (1611—1632) дворянство получило широкие экономические и в меньшей степени политические привилегии; были проведены военные, административные и финансовые реформы, усилившие могущество страны. Польский король Сигизмунд Ваза не оставлял своих притязаний на шведский трон, и война шведских и польских представителей династии Ваза продолжалась. В 1621—1625 гг. шведы захватили у Польши Лифляндию с Ригой и ряд портов в Восточной Пруссии. Взимание пошлин с большой балтийской торговли хлебом обогащало шведскую казну, а захват новых земель в Прибалтике — непосредственно и шведских дворян, многие из которых благодаря королевским земельным дарениям стали прибалтийскими остзейскими крепостниками. В борьбе за балтийское господство Густав-Адольф столкнулся в Северной Германии с Габсбургами, что привело к вмешательству Швеции в Тридцатилетнюю войну (см. гл. 35).

В итоге Тридцатилетней войны шведы овладели важнейшими портами на южном побережье Балтийского и Северного морей, приобрели ряд владений в Северной Германии. Швеция стала самой сильной державой на Балтике, но ее внешнее могущество дорого обошлось народным массам: оно сопровождалось усилением помещичьего, рекрутского и налогового гнета.

Усиление феодально-помещичьего гнета в первой половине XVII в.

Быстрое обогащение шведской казны за счет сборов с торговли и доходов от растущей горно-металлургической промышленности позволило королям пойти навстречу дворянству в его стремлении получить как можно больше поземельных доходов. В руки дворян были переданы бывшие церковные земли, захваченные короной в период Реформации. Короли щедро раздавали новые для Швеции титулы графов и баронов и жаловали дворянам не только коронные земли, но и право сбора налогов с податных крестьян.

К 1652 г. в руках дворян оказалось около 70% всей культурной (пахотно-луговой) площади страны. Основная масса податных и ко-

ронных крестьян попала тем самым в непосредственную зависимость от помещиков. Феодальный нажим обострялся гнетом податей и рекрутчиной. Увеличение объема феодального землевладения сопровождалось созданием крупных хозяйств (скотных дворов, сетерий) и ростом барщинных повинностей.

К концу Тридцатилетней войны недовольство шведского крестьянства стало проявляться особенно резко. В 1638 г. в связи с новыми налогами произошли крестьянские волнения в западной части страны. В 40-х годах участились антипомещичьи выступления, случаи вооруженной расправы с особенно ненавистными дворянами и их управляющими. Крестьяне широко использовали и легальные формы сопротивления: подавали судебные иски, коллективные жалобы и прошения (петиции) местным властям и королеве Кристине (1632—1654) во время сессий риксдага. Карельские и русские крестьяне — новые подданные Швеции — массами уходили в пределы Русского государства или скрывались от рекрутчины в дремучих лесах. Наряду с дворянско-крестьянским антагонизмом обострялось недовольство горожан и лютеранского духовенства быстрым ростом богатства и могущества дворян. В стране открыто говорили о грозящем шведскому народу, и в первую очередь крестьянству, «лифляндском рабстве», т. е. о возможности утверждения такого же жестокого, как в Прибалтике, крепостного права.

В начале 50-х годов, в разгар послевоенных финансовых трудностей (в 1648 г. был заключен Вестфальский мир), Швецию потряс политический кризис. В своем дальнейшем развитии он привел к победе королевской власти над феодальной аристократией, к установлению в 80-х годах XVII в. абсолютной монархии и изъятию значительной части дворянских земель в казну.

Финляндия в XVI—XVII вв. Рост дворянского землевладения. Внутренняя колонизация

Подвластная шведской короне Финляндия делилась, как и Швеция, на несколько провинций (они тоже именовались ленами) во главе с губернаторами и генерал-губернатором в городе Або (Турку). Основную массу населения составляло податное крестьянство финской национальности, но на побережье и на Аландских островах издавна селились шведы. Крупное дворянское землевладение в Финляндии было распространено еще меньше, чем в Швеции, но во второй половине XVI в. владения шведских дворян-помещиков стали быстро расти, что сопровождалось усилением феодального гнета. В 1596—1597 гг. в Финляндии вспыхнуло большое крестьянское восстание («Война дубинок»), которое было жестоко подавлено. Население Финляндии страдало от многократных русско-шведских войн XVI—XVII вв., сопровождавшихся ростом королевских податей и повинностей, хотя в целом эти войны были успешными для шведского государства. По Тявзинскому мирному договору (1595 г.) русская сторона признала сложившуюся фактически ранее границу в Финляндии, прошедшую от Карельского перешейка и восточнофинских озер на север, к Баренцову морю, а не на северо-запад, к Ботническому заливу, как прежде (по миру 1323 г.).

Своеобразной чертой истории Финляндии в XVI—XVII вв. было заселение ее внутренних районов: обитаемая площадь страны по сравнению с XV в. почти удвоилась. Хозяйственной основой этой крестьянской колонизации было трудоемкое подсечно-огневое земледелие; на расчищенных из-под леса землях крестьяне сеяли озимую рожь вместо менее питательного ячменя и собирали невиданно высокие урожаи.

Важное культурное значение имела Реформация и для финнов. Умеренный лютеранский реформатор Михаил Агрикола, по происхождению финн, значительно способствовал развитию финского литературного языка. Сочинения епископа Агриколы, прежде всего перевод Библии (неполный), стали первопечатными изданиями на финском языке.

§ 3. НОРВЕГИЯ

В начале XVI в. Норвегия, формально самостоятельная, имела общего (с 1380 г.) с Данией короля. После чумной эпидемии XIV в. страна, наделенная худшими природными ресурсами, чем ее соседи, так и не вышла из состояния упадка — демографического, хозяйственного, культурного. Преобладающим занятием норвежцев оставалось, как и в предшествующий период, отгонно-пастбищное скотоводство, лесные и морские промыслы. Издавна приходилось ввозить недостающий хлеб. В начале XVI в. крестьяне в основной массе были лично свободными держателями (лейлендингами) земель церкви, короля и немногочисленного дворянства. Как и в соседней Швеции, главным видом феодальной ренты был натуральный оброк. В силу особых естественных условий (горный рельеф и незначительность пахотной площади) помещичьих хозяйств здесь почти не было. Ведущую часть сельского населения составляли крестьяне-собственники, ограниченные в своих поземельных правах лишь в пользу широкого круга родственников (так называемое право одаля). Они отличались зажиточностью и применяли в своих хозяйствах наемный труд хусменов, наделенных участками земли и составлявших заметную часть норвежского крестьянства. Широко распространено было коллективное общинное пользование лесами, пастбищами и рыбными ловлями. Однако в отличие, например, от Дании и даже Швеции, в Норвегии преобладали хуторские поселения.

Городское население в начале XVI в. было в значительной степени иностранным — немецким. В единственном крупном городе страны — Бергене — полновластными хозяевами являлись жители ганзейской фактории. Среди дворян было немало датчан. С 1450 г. королевство Норвегия находилось в «вечной» унии с Данией. Управлял Норвегией государственный совет (риксрод) из нескольких феодальных землевладельцев, духовных и светских, формально выбиравший короля после того, как он уже был избран знатью в Дании. Неравноправное положение страны в рамках унии особенно усилилось с начала XVI в.

Закрепление датского господства в Норвегии. Особенности Реформации

Свободолюбивые норвежские крестьяне не раз поднимались на борьбу против податного гнета и произвола королевских ленников. Их восстания, приобретавшие народно-освободительный характер, подавлялись с помощью датских феодалов, что усугубляло зависимость Норвегии от Дании. Норвежская знать также тяготилась зависимостью от Дании. В 30-х годах XVI в., когда разгорелась «Графская распря» между претендентами на датский, а тем самым и на норвежский престол, местное дворянство встало на сторону Кристиана II. Торжество противников Кристиана II означало поражение и норвежского дворянства, возглавлявшегося последним в Норвегии католическим архиепископом Олафом Энгельбректсоном.

В 1536—1537 гг. датский король и риксрод приняли постановление об упразднении самостоятельного королевства Норвегии и превращении страны в составную часть датской монархии. Хотя это постановление практически не было выполнено, все же старинный норвежский риксрод перестал существовать. Отныне страной управляли королевские чиновники во главе с назначавшимся с 1572 г. штатгальтером (вице-королем) из датчан. Столицей Норвегии стал город Осло, получивший в 1624 г., после опустошительного пожара, новое название Кристиания — в честь Кристиана IV.

Проведенная и в Норвегии Реформация оказалась орудием дальнейшего подчинения страны датчанам и натолкнулась на упорное сопротивление крестьянства, тем более что земли норвежского католического духовенства достались датскому королю и эксплуатация сидевших на них держателей усилилась. После Реформации датский язык стал языком богослужения, а позже и единственным официальным и литературным языком Норвегии (до конца XIX в.). Собственно норвежский язык сохранялся в виде устных говоров преимущественно среди крестьян.

Норвегия с середины XVI в. Экономический подъем

В одном отношении события 30-х годов XVI в. пошли на пользу норвежцам: были изгнаны ганзейские купцы, которые уже давно мешали самостоятельному экономическому развитию Норвегии. Рост атлантической торговли после великих географических открытий, спрос на норвежский лес и рыбу способствовали усилению к началу XVII в. бюргерства и накоплению первых купеческих капиталов. В хозяйствах зажиточных крестьян, а позже и купцов-землевладельцев получили распространение водяные лесопильни. В горном деле в течение XVII в. зарождалось раннекапиталистическое предпринимательство. У норвежцев появился свой торговый флот.

Сельское хозяйство Норвегии также испытало в XVI—XVII вв. сильное воздействие развивающихся товарно-денежных отношений. Как и в других Скандинавских странах, стали расти оброки и особенно налоги. Однако в Норвегии крестьяне не только не были закрепощены, но крестьянское держание с начала XVII в. превратилось по закону в пожизненное. В середине века крестьянам-соб-

ственникам принадлежало в Норвегии около одной трети обрабатываемых земель — больше, чем в Швеции и Дании. В то же время быстро увеличивались ряды сельской бедноты, и полупролетарии-хусмены уже стали особым слоем населения.

В поисках денежных средств и для укрепления своего господства, особенно перед лицом растущей угрозы со стороны Швеции, датские власти в XVII в. возобновили созыв норвежского сословного представительства с участием крестьян-собственников. В 1628—1641 гг. была создана местная армия из крестьян-рекрутов под командованием норвежских офицеров. Это мероприятие, правда, не спасло Норвегию от территориальных потерь: в результате датско-шведской войны 1643—1645 гг. к Швеции отошли области Емтланд и Херьедален. Однако положение норвежцев под властью Дании к середине века несколько улучшилось. Норвегия, не знавшая крепостничества и грубых форм феодальной эксплуатации, сравнительно легко вступила на путь мануфактурно-капиталистического развития, хотя масштабы его еще долго оставались очень скромными.

Глава 33

ВЕНГРИЯ, ТРАНСИЛЬВАНИЯ, МОЛДАВИЯ И ВАЛАХИЯ В XVI В. — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

§ 1. ВЕНГРИЯ

На рубеже XV—XVI вв. сельское хозяйство и промыслы Венгрии достигли определенного прогресса. Увеличилось производство зерна, развивалось виноделие и скотоводство. Успехи в агрикультуре выразились в переходе к двухпольной и трехпольной системам земледелия, в освоении новых земель и в некоторой интенсификации сельскохозяйственного производства. Развитие сельского хозяйства явилось толчком к росту городов и товарного обращения. Хлеб, вино, скот и продукты животноводства сбывались не только на внутреннем рынке, но вывозились в большом количестве в Италию, Германию, Польшу и другие страны. Значительные успехи были достигнуты к XVI в. в разработке горных богатств и в развитии цехового ремесла. Указанные сдвиги в экономическом развитии Венгрии вызвали в господствующем классе стремление к использованию экономического подъема страны исключительно в своих интересах за счет усиления феодальной эксплуатации крестьянства. Результатом этого явилось обострение классовой борьбы в деревне.

Начало XVI в. наряду с общим нарастанием феодальной реакции характеризуется состоянием политической анархии.

Династическая чешско-венгерская уния, явившаяся результатом избрания на венгерский престол чешского короля Владислава (Уласло) II (1490—1516), просуществовала до 1526 г. Вступая на венгерский престол, Владислав принял условия венгерских феодалов, потребовавших у него отменить «новшества» Матьяша Корвина, направленные на усиление централизованной государственной власти, и согласился управлять страной совместно с королевским советом. Особенно возросла власть феодальных группировок при малолетнем сыне Владислава Людовике (Лайоше) II (1516—1526), когда враждовавшие между собой клики магнатов и дворян захватывали государственные доходы, расхищали казну и безжалостно грабили своих подданных.

Крестьянское восстание 1514 г.

Усиление феодального гнета привело весной 1514 г. к крупнейшему в истории Венгрии крестьянскому восстанию, начало которого связано с провозглашением примасом венгерской церкви, кардиналом Тамашем Бакоцем крестового похода против турок.

Среди собравшегося под Пештом многотысячного ополчения крестоносцев, в составе которого было много беглых крепостных и беднейших горожан, стали проявляться повстанческие настроения, вылившиеся в антифеодальное движение. Предводителем крестоносцев был мелкий дворянин Дьердь Дожа, назначенный раньше их командиром. По требованию напуганных дворян король запретил дальнейший набор крестоносцев и приказал Доже немедленно выступить против турок.

Тогда вся пестрая масса крестоносцев, обманутая ложными обещаниями, подняла восстание против феодалов. Дьердь Дожа, оказавшийся подлинным вождем народных масс, обратился ко всем крестьянам королевства Венгрии с призывом присоединиться к восставшим с целью истребления дворян и разгрома их поместий.

Летом 1514 г. крестьянским движением было охвачено почти все королевство. Главные силы восставших под руководством Дожи и его ближайшего соратника пресвитера Леринца успешно прошли через Альфельд, форсировали Тиссу, разгромили армию темешского графа Иштвана Батори и приступили к осаде Темешвара.

Однако Доже не удалось объединить силы многочисленных крестьянских отрядов. Осада Темешвара затянулась. На помощь осажденным пришел трансильванский воевода Янош Запольяи. В ожесточенной битве под Темешваром крестьяне были разбиты, а раненый Дожа попал в плен. Поражению восстания 1514 г. способствовали разобщенность сил восставших крестьян, недостаточное знакомство с основами военного дела, разногласия между различными социальными прослойками крестьянства. Победители казнили Дожу: его посадили на раскаленный железный трон и «короновали» раскаленной железной короной.

Сопротивление отдельных крестьянских отрядов продолжалось и после этого. Только осенью феодалам удалось полностью подавить все очаги восстания. Над повстанцами была учинена зверская расправа: несколько тысяч активных участников восстания были казнены. На крестьян была наложена огромная контрибуция.

Созванное в октябре — ноябре 1514 г. венгерское государственное собрание приняло закон о полном лишении крестьян права перехода, увеличило нормы крестьянских повинностей и таким образом юридически закрепило победу дворянства. Одновременно было введено в жизнь уложение, выработаное в начале XVI в. королевским юристом Иштваном Вербеци (так называемый «Трипартитум»), объявившее дворян и господ единственными полноправными гражданами и собственниками земли. Крестьяне, как и городские низы, оказались бесправной массой, находившейся в подчинении у господ.

Расправа над крестьянством ослабила Венгерское государство и подорвала силы сопротивления венгерского народа грозному наступлению турок, занявших в 1521 г. Белград.

Падение Венгерского государства

В результате битвы с турками при Мохаче в 1526 г. Венгерское государство, разъедаемое внутренними противоречиями, потеряло свою независимость, распалось на части и стало добычей турок и Габсбургов. После поражения при Мохаче венгерские феодалы не стремились мобилизовать все силы на борьбу с турками. Более того, они воспользовались гибелью короля Лайоша II для осуществления своих раскольнических планов; между кликами венгерской знати началась борьба за власть.

Собравшиеся в ноябре 1526 г. в Секешфехерваре представители части магнатов и среднепоместных дворян провозгласили королем Венгрии палача крестьянского восстания 1514 г., крупнейшего магната Яноша Запольяи (1526—1540). Другая часть феодалов, считавшая, что только Габсбурги могут защитить Венгрию от турецкого завоевания, в декабре того же года избрала королем Фердинанда Габсбурга (1526—1564).

Оба короля начали готовиться к войне, но не против турок, опустошавших юг страны, а друг против друга. В 1527 г. Фердинанд нанес войскам Запольяи ряд поражений, занял столицу Буду и вынудил своего противника бежать в Польшу. Лишившись власти, честолюбивый Запольяи обратился за помощью к турецкому султану Сулейману, который воспользовался этим для нового вторжения в Венгрию.

В 1529 г. огромная турецкая армия вступила в Венгрию, захватила большую часть страны и восстановила Запольяи на венгерском престоле.

В 1538 г. между Фердинандом и Запольяи был заключен Варадский мир, по условиям которого власть во всем государстве после смерти Запольяи должна была перейти к Фердинанду. Но перспектива объединения Венгрии встревожила турецкого султана. Он выступил против Варадского мира и в 1540 г. возобновил военные действия. В 1541 г. турки взяли Буду, а все захваченные венгерские земли объявили частью Османской империи. С падением Буды завершился раздел прежде единой страны, сохранявшийся около 150 лет.

Западные и северо-западные земли, населенные словенцами, хорватами, венграми, словаками и закарпатскими украинцами, попали под власть австрийских Габсбургов, избиравшихся венгерскими королями. Все центральные, собственно венгерские земли, а также южные области, населенные венграми и сербами, были оккупированы турками и стали частью Османского государства, а на востоке, где жили влахи и венгры, образовалось Трансильванское княжество, попавшее в вассальную зависимость от турок.

Расчленение Венгерского государства и превращение его территории в арену постоянных опустошительных войн турок с Габсбургами крайне отрицательно сказалось на его экономическом и культурном развитии и принесло народам нищету и рабство.

Венгерские земли под османским игом

Всю оккупированную часть Венгрии турки превратили в свою провинцию — пашалык; Буда стала резиденцией наместника султана — паши, в руках которого была сосредоточена вся военная и административная власть. Позже на территории Венгрии было создано пять провинций — эялетов. Во главе их стояли назначаемые султаном бейлер-беи, которые держали в своем подчинении всех военно-служилых людей, возглавляли феодальное ополчение и осуществляли на данной территории верховную военную и гражданскую власть. Эялет делился на области — санджаки, во главе которых стояли санджак-беи. Важное место в административном аппарате занимали дефтердарии, ведавшие финансовыми делами, и кадии, осуществлявшие судопроизводство.

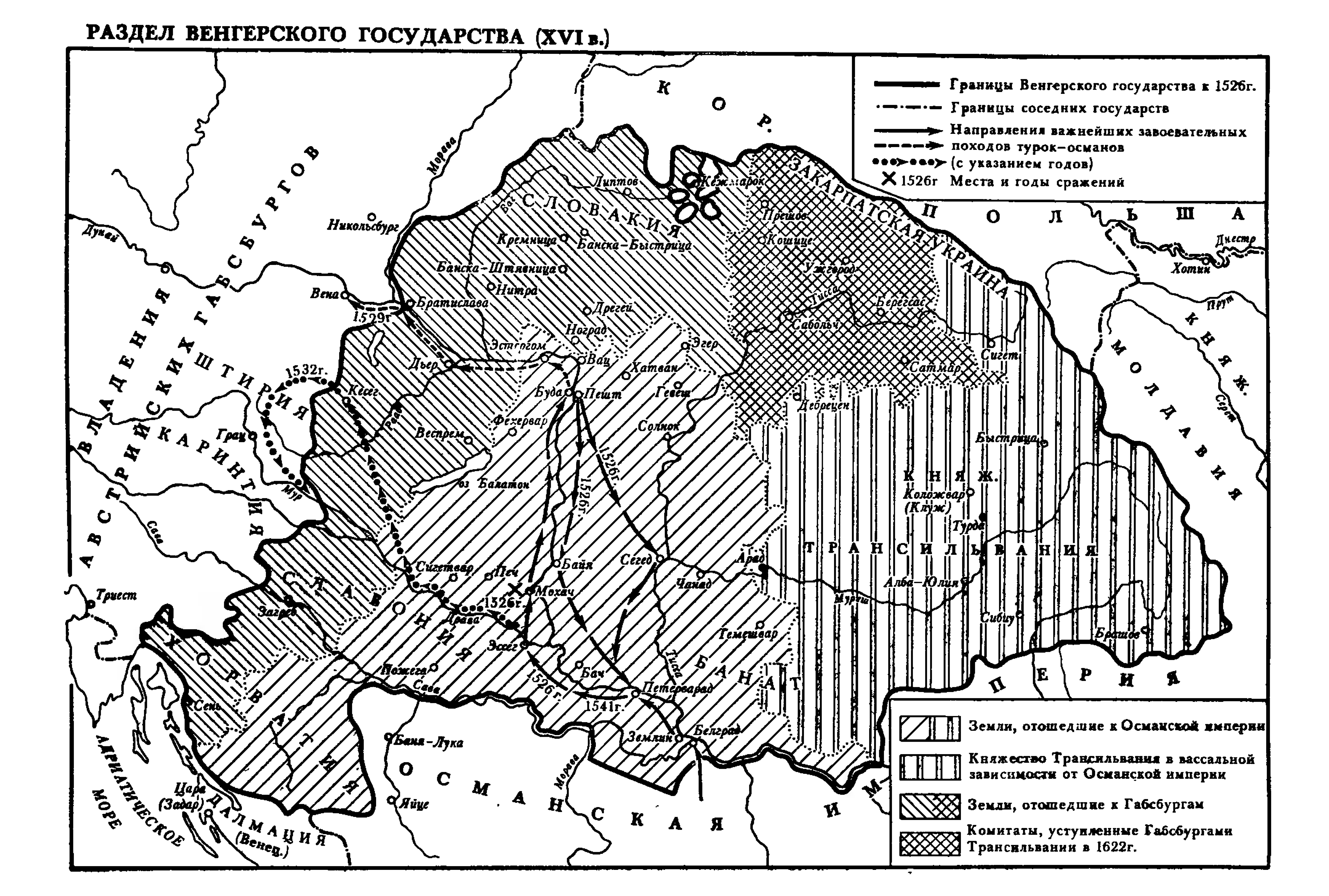
Население подвластной туркам Венгрии было превращено в бесправную массу — райя — и должно было беспрекословно повиноваться завоевателям — служить им и платить налоги. Земля была объявлена собственностью султана: $^1/_5$ земельного фонда находилась в непосредственном владении казны, $^4/_5$ были розданы в качестве ленных держаний военно-служилым людям — сипахиям. Владельцы малых и больших ленов («тимаров» и «зеаметов») по приказу султана должны были являться для участия в походах и приводить с собой всадников в соответствии с получаемым доходом.

Из этого же фонда государственных земель султан раздавал провинциальным сановникам земельные угодья — хасы. Феодальное землевладение носило характер временного лена. Султанское правительство ревниво следило, чтобы оно не стало наследственным и с этой целью постоянно перемещало высших провинциальных военно-административных должностных лиц. Так, например, на должности паши Буды в течение 145 лет сменилось 99 лиц.

Временный характер владения землей и политика постоянного перемещения военно-служилого сословия были важным орудием султана в борьбе за сохранение сильной централизованной деспотической власти. Для трудящихся масс эта политика несла усиление эксплуатации и грабежа. Получая земельный лен, турецкий феодал был заинтересован в максимальном извлечении из него всех возможных доходов в кратчайший срок. Таким образом, турецкая система вела к полному разорению и обнищанию крестьянства.

Турки жестоко эксплуатировали крестьян-райятов. Помимо государственных повинностей, из которых наиболее тягостными были поземельная подать — харадж и государственные работы — авариз (строительство крепостей, дорог, военные перевозки, достигавшие 40 дней в году), венгерские крестьяне были обложены поборами и повинностями в пользу своих землевладельцев: налогом на недвижимое имущество; десятиной с урожая зерновых, садовых и огородных культур, а также со скота; налогами с холостяков; платой за пользование мельницами, лесом, мясными лавками; различными штрафами, фуражной повинностью и т. д. Кроме того, немусульманское население Венгрии платило в казну особый подушный налог — джизью.

РАЗДЕЛ ВЕНГЕРСКОГО ГОСУДАРСТВА (XVI в.)

Османское господство наложило отпечаток и на городскую жизнь. В ходе военных действий многие города (Буда, Эстергом, Вац, Печ, Эгер) были разрушены; об их восстановлении турки не заботились, сооружая только крепости и мечети.

Безжалостное социальное угнетение усугублялось национальным и религиозным гнетом. Турки презрительно относились к немусульманским народам. Часть населения захваченной турками территории оставляла свои родные места и переселялась на территорию габсбургской Венгрии или в Трансильванию. Многие крестьяне, спасаясь от турецких грабителей, бросали земли и переходили к полукочевому скотоводству. К концу XVI в. разрушение производительных сил достигло катастрофических размеров. Опустели тысячи сел, одичали поля, обезлюдели целые районы.

Борьба венгерского народа против османского господства

Захватив Буду, турки не прекратили своего продвижения по стране. В 1543—1544 гг. они овладели городами Печ, Фехервар, Эстергом, Вац, Ноград, Хатван и рядом других. В 1552 г. турки предприняли новое наступление, заняв города Темешвар, Веспрем, Сечень, Дьярмат и крепость Дрегей, небольшой гарнизон которой, возглавляемый выходцем из крестьян Дьердем Сонди, героически сражался с превосходящими силами врага и погиб.

После этого турецкая армия заняла Сольнок и подступила к крепости Эгер, прикрывавшей пути к горнорудным городам. Когда вокруг города сжалось турецкое кольцо, в крепости находилось около 2 тыс. человек. В течение 38 дней осажденное население Эгера, душой которых был капитан крепости Иштван Добо, без какой-либо помощи извне с беспримерной храбростью отражало ожесточенные приступы врага и наносило ему чувствительные удары смелыми вылазками. Наравне с мужчинами крепость защищали женщины и дети. Они восстанавливали разрушенные стены, а во время штурмов опрокидывали на головы турок камни, горящую смолу и с оружием в руках встречали рвущихся на стены янычар. О беспредельную самоотверженность и героизм защитников крепости разбились все атаки турецкой армии, насчитывавшей 100 тыс. человек. Понеся большие потери, деморализованные турецкие войска сняли осаду Эгера и отступили на юг.

В 1566 г. разыгралась эпопея обороны Сигетвара. Направлявшийся с огромной армией к Вене Сулейман решил взять эту важнейшую крепость Задунайской области. Ее защитники в течение многих недель успешно отражали яростные атаки турок. Наконец, 7 сентября, когда вражеская артиллерия полностью разрушила крепость, оставшиеся в живых защитники мужественно погибли в рукопашном бою.

Упорная борьба народов Венгрии сломила наступательную мощь турок и приостановила их продвижение на запад. Селим II, наследник умершего во время осады Сигетвара Сулеймана, вынужден был в 1568 г. заключить с Габсбургами Адрианопольский мир. По его условиям захватнические турецкие походы были прерваны

на 25 лет, хотя грабительские набеги турок продолжались. Против них была создана оборонительная линия, состоявшая из системы крепостей и сторожевых пунктов и протянувшуюся от Адриатического моря до Темешвара.

Венгерские земли под властью Габсбургов

Земли Венгерского королевства, подпавшие под власть Габсбургов, в течение длительного времени служили барьером против дальнейшего турецкого наступления на Центральную Европу. Превратив венгерские земли в оборонительную полосу против турецких нападений, Габсбурги стремились создать там сильный централизованный государственный аппарат, проводя политику ограничения роли сословных учреждений.

Формально Габсбурги сохранили венгерское государственное собрание, но его решения приобретали законную силу лишь после утверждения их королем. На такой же основе были созданы подчиненные венским центральным органам венгерская канцелярия, наместнический совет и венгерская финансовая палата в Пожони (Братиславе). В вопросах военного управления и внешней политики Габсбурги сохранили за собой всю полноту власти.

Габсбурги мало заботились о судьбах порабощенной Турцией части Венгрии. Их политика по отношению к Турции определялась лишь интересами защиты наследственных австрийских земель. Основную тяжесть борьбы с турецкими завоевателями несли не австрийцы, а народы, населявшие Венгрию, и в первую очередь венгерские, словацкие, хорватские и влашские крестьяне.

Взамен уступок, сделанных Габсбургам в области верховной государственной власти, венгерские феодалы получили свободу действий по отношению к угнетаемым массам своего народа, усилив эксплуатацию крепостного крестьянства. Положение крепостного крестьянства габсбургской Венгрии мало чем отличалось от положения сельского населения на захваченных турками землях.

Расширение внутреннего рынка, обусловленное в первую очередь военной конъюнктурой, и увеличение экспорта сельскохозяйственной продукции в западные страны стимулировали развитие в Венгрии товарного производства, что в условиях господства феодализма вело к дальнейшему закабалению и обнищанию крестьянства. Растущий спрос на хлеб и другие продукты сельского хозяйства толкал феодалов к постоянному увеличению своей запашки и захвату общинных земель; в результате создавались крупные домениальные хозяйства, обрабатывавшиеся барщинным трудом. Вопреки законам, ограничивавшим барщину 52 днями в году, феодалы заставляли крестьян работать 2—3 дня в неделю, а в отдельных случаях устанавливалась ненормированная произвольная барщина «по воле господина».

Помимо барщины, крестьяне обязаны были давать землевладельцам девятину со всего урожая и скота, уплачивать поземельный ценз, платить за пользование лесом, пастбищами, мельницами; они подвергались различным штрафам и поборам. Кроме того, крестьяне вносили в казну большие государственные налоги и давали десяти-

ну церкви. Крестьянство было совершенно бесправным и беззащитным в соответствии с законами, принятыми после подавления крестьянского восстания 1514 г.

Бедственное положение народных масс усугублялось непрерывными войнами с турками, а также междоусобной феодальной борьбой и анархией. Крестьяне должны были содержать многочисленные наемные армии, поставлять им продовольствие и фураж. В пограничных районах, переходивших из рук в руки, они в одинаковой мере подвергались насилиям и грабежам как со стороны турецких, так и габсбургских войск. В результате пограничные районы были совершенно опустошены и превращены в дикую степь.

Хищническая эксплуатация и ограбление крестьян вели к разорению и деградации сельского хозяйства. Бедственное положение крепостного крестьянства вынуждено было признать даже правительство. Так, в постановлении государственного собрания 1547 г. указывалось, что «ничто не причинило некогда цветущей Венгрии больше вреда, чем угнетение крестьян, жалобный крик которых доходит до самого бога».

В обстановке феодального засилья, наступления общей политической реакции, усиления хищнической эксплуатации ремесленников в XVI в. в Венгрии начался упадок городов, деградация ремесел и горнорудной промышленности.

Среди причин, тормозивших городское производство, не последнее место занимали сужение внутреннего рынка и реакционная по отношению к городам политика правительства. В угоду венгерским магнатам Габсбурги лишили большинство городов прежних привилегий, ликвидировали или ограничили их самоуправление и подчинили города власти феодалов, что крайне губительно сказалось на развитии городского производства, особенно горного дела, куда стали проникать крепостнические отношения. Города часто облагались разорительными военными контрибуциями и должны были содержать наемные армии.

Господствующее положение в венгерских и словацких городах занимали немцы, которые руководили всей хозяйственной и общественной жизнью. Немецкий патрициат всячески препятствовал венграм и словакам заниматься доходными отраслями ремесла и торговли и полностью отстранил их от участия в городском управлении. Трудящиеся низы городов, главным образом венгры и словаки, подвергались со стороны немецкого патрициата не только жестокой эксплуатации, но и национальному угнетению.

Реформационное движение в Венгрии

Идеи реформации начали проникать в Венгрию уже в начале 20-х годов XVI в., но с особой силой стали распространяться только после потери независимости.

В Венгерском королевстве католическая церковь пользовалась особыми привилегиями. Прелаты церкви возглавляли центральные политические государственные учреждения — придворную канцелярию и королевский совет; они вместе со светскими магнатами заседали в верхней палате государственного собрания. Ко времени ре-

формации в руках церкви были сосредоточены огромные земельные владения и другие материальные ценности. Все население страны платило церкви десятину и облагалось другими поборами и повинностями.

Несметные богатства католической церкви, роскошь и праздность духовенства, наконец, политическое могущество прелатов вызывали ненависть крестьян и горожан и зависть дворянства. Поэтому идеи Лютера, Цвингли, Кальвина и других реформаторов нашли в Венгрии благоприятную почву.

Первыми проповедниками учения Лютера были венгерские студенты, обучавшиеся в Виттенберге и других университетах Германии. Сперва лютеранство было воспринято немецкими бюргерами, но скоро оно стало быстро распространяться среди венгерского и словацкого населения городов.

Параллельно с распространением реформационного учения велась и борьба с ним. С 1523 г. государственное собрание повело с еретиками беспощадную борьбу. В 1525 г. был принят закон о сожжении всех лютеран, но он не смог остановить реформацию.

Особенно широкий размах реформация получила после того, как к ней примкнули магнаты и дворяне, понявшие, что идеи Реформации не только не угрожают их классовым интересам, но сулят немало выгод. Феодалы использовали Реформацию для захвата церковных земель и для подчинения себе церкви. Используя право патроната, они навязывали новую веру своим крепостным.

С середины XVI в. на большей части территории собственно Венгрии наиболее распространенным было швейцарское направление кальвинизма. Как и лютеранство, кальвинизм не был монолитным течением. С самого начала в нем стали проявляться противоречия, отражавшие интересы различных общественных классов. Часть проповедников-кальвинистов стремилась приспособить Реформацию к интересам дворянства и консервативного бюргерства, добивавшихся участия в разделе церковного имущества; другая часть отражала настроения более демократических слоев бюргерства. Эти проповедники обличали пороки феодального строя и ратовали за социальную справедливость, ликвидацию церковной иерархии и демократизацию церкви. Однако к концу 60-х годов XVI в. и лютеране, и кальвинисты стали послушным орудием в руках господствующего класса.

В связи с этим среди угнетенных масс крестьянства, горнорабочих и рабочих-лесорубов в Северо-Восточной Венгрии и Трансильвании все большее распространение получил анабаптизм. Это народное течение, складывавшееся в обстановке социальной и политической реакции, не было связано с призывом к революционному перевороту. Виднейшие представители антитринитаризма Ференц Давид, Тамаш Арань, Лукач Эгри проповедовали скорое наступление «тысячелетнего царства», в котором восторжествует идея социального равенства, братства и вечного мира, но установит это «царство» бог, а не люди.

Успешное распространение реформации продолжалось до последней четверти XVI в. К этому времени почти все население Вен-

грии стало протестантским. Габсбурги вели борьбу с реформацией; их репрессии против реформаторов особенно усилились, когда императором стал Рудольф II (1576—1612). Он приступил к реставрации господства католической церкви в венгерских владениях.

Для борьбы с протестантами Рудольф и его преемники использовали все средства — армию, суд, государственный аппарат и иезуитов. Широкие возможности для контрреформации представились в период 15-летней войны (1591—1606), когда в Венгрию и Трансильванию под предлогом войны с турками была введена крупная императорская армия. По указанию Рудольфа австрийские войска всячески содействовали иезуитам в насильственном возвращении протестантов к католицизму. Зачастую отряды императорской армии осаждали протестантские города и церкви с большей энергией и рвением, чем турецкие крепости. Одновременно венский двор предпринял попытки изъять из компетенции государственного собрания религиозный вопрос и начал массовые судебные преследования протестантов.

Решающих успехов достигла контрреформация в первой половине XVII в., когда поход против протестантов возглавил иезуит, эстергомский архиепископ Петер Пазмань (1616—1637). За короткое время Пазмань добился того, что большинство крупных земельных магнатов порвало с протестантизмом и вернулось в лоно католической церкви. Установленный Аугсбургским религиозным миром принцип cujus regio ejus religio истолковывался Пазманем в том духе, что переходившие в католицизм магнаты и дворяне должны насильственно сделать всех своих крестьян католиками. Большую роль в контрреформации сыграли созданные Пазманем иезуитские школы, в которых дворянская молодежь воспитывалась в духе воинствующего католицизма.

Народные движения

В XVI — первой половине XVII в. Венгрия стала ареной острой классовой борьбы. Весной 1525 г. горняки Бестерце Баньи (Банска Бистрицы) восстали против иноземных компаний Фуггеров и Турзо, которые эксплуатировали серебряные и медные рудники. Причиной восстания были тяжелые условия и крайне низкая оплата труда горняков, обреченных на голодное существование. Непосредственным поводом к восстанию послужила выдача заработной платы неполноценными монетами. Вскоре к рабочим Банска Бистрицы примкнули горняки Кремницы, Банска Штявницы и других городов Средней Словакии. В рядах восставших было немало горожан, занимавшихся предпринимательской деятельностью в горной промышленности и разоренных фуггеро-турзовской монополией. Они требовали изгнания ненавистных им Фуггеров из Венгрии.

В марте 1526 г. восставшие взялись за оружие. Для подавления восстания в Банска Бистрицу были посланы войска, а 13 апреля для «наведения порядка» явился палатин Иштван Вербеци, учинивший над восставшими судебную расправу. Руководители восстания были казнены, их имущество, как и имущество бежавших за границу участников восстания, было конфисковано.

Наиболее распространенной формой антифеодального протеста крестьян сначала было массовое бегство крепостных. В ряде районов крестьяне поднимали против феодалов вооруженные восстания. Так, после относительного затишья, наступившего после подавления восстания Дожи, в 1526 г. вспыхнуло крестьянское восстание в районе между Тиссой и Марошем. Оно началось под лозунгом борьбы против турок, но вскоре переросло в антифеодальное движение. Руководитель восстания Иован Черный провозгласил себя царем, создал хорошо организованную крестьянскую армию и одержал ряд побед над турками и венгерскими феодалами. Восстание продолжалось больше года и только в июле 1527 г. было подавлено войсками Яноша Запольяи.

В 1569—1570 гг. под знаменем одного из народных направлений Реформации — анабаптизма — произошло восстание крестьянства Затисской области. Центром его был город Дебрецен, где долгое время проповедовал Ференци Давид. Он призывал к борьбе с феодалами и с официальной реформированной церковью. Характерные для народной Реформации — анабаптизма — уравнительные идеи быстро распространялись среди крестьянско-плебейских масс. В ожидании тысячелетнего царства (которое, по Давиду, должно было наступить в 1570 г.) в районе Дебрецена собрались многотысячные массы народа. Их возглавил влашский крестьянин Георге Крэчун, объявивший себя избранником божьим. В апреле 1570 г. Крэчун послал плохо вооруженный отряд против турок, который они уничтожили. Крестьяне разуверились в проповедях своего вождя, начали покидать его. Крэчун попал в руки дебреценского патрициата и был казнен.

В начале 70-х годов началось крупное восстание крестьян Хорватии и Словении. Восставшие нападали на дворянские усадьбы и крепости, выступали за установление «общей свободы», под которой они подразумевали освобождение от налогов и феодальных повинностей. Движение достигло кульминационной точки в феврале 1573 г., когда повстанцы заняли город Штубицу и избрали единое руководство во главе с Матием Губецом, которого крестьяне называли своим королем. Повстанческая армия насчитывала свыше 20 тыс. крестьян. Но весной 1573 г. крестьянское восстание было потоплено в крови, а попавший в плен Губец после зверских пыток казнен.

Антифеодальные выступления крестьян не прекращались и в первой половине XVII в. В 1631—1632 гг. крупное восстание против императорской армии и феодального гнета охватило Северо-Восточную Венгрию. В августе 1631 г. в районе Токая собралось около 10 тыс. крестьян. Восставшие избрали совет крестьянских капитанов во главе с Петером Часаром и выработали программу действий, которая предусматривала изгнание Габсбургов и уменьшение феодальных повинностей. В борьбе против иноземного гнета и феодальной олигархии крестьяне надеялись заручиться помощью трансильванского князя Дьердя Ракоци, с которым Часар вел переговоры. Весной 1632 г. императорский генерал Форгач под предло-

гом переговоров заманил Часара в Кошице, учинил над ним суд и казнил. В ответ на это крестьяне перешли к решительным действиям. Но в кровопролитных боях с императорскими войсками отряды восставших были разбиты и рассеяны.

Не утихала и классовая борьба горняков. Источники отмечают многочисленные забастовки и вооруженные выступления словацких горняков и горожан (Банска Штявницы, Годруши, Крупины, Банска Бистрицы, Левице и других городов в 1606, 1610, 1633 гг.).

Важно отметить, что в борьбе против феодального гнета и реакции выступали объединенные общими интересами крестьяне и трудящиеся городов всех национальностей — венгры, словаки, хорваты, сербы, влахи, немцы и закарпатские украинцы.

Культура Венгрии после потери политической самостоятельности

Военно-политическое крушение Венгерского государства и установившееся в стране владычество Габсбургов и турок нанесло сильный удар по тем элементам культуры Возрождения и гуманизма, которые развивались в кругах знати и при королевском дворе.

Однако усиление антифеодальной борьбы и национально-освободительного движения благоприятствовало развитию народной культуры, проникнутой идеей борьбы с врагами. Героические подвиги венгерского народа в борьбе с турками и Габсбургами нашли свое выражение в очень распространенных в XVI в. исторических песнях. Любовью к родине и ее защитникам проникнуты песни Шебештена Тиноди Лантоша (1505—1556), Петера Бернемиссы (1535—1585) и эпос Петера Илошван Шоймоша «История знаменитого Миклоша Толди» (1574). Широкое распространение в народе получили песни венгерских народных певцов, выражавшие чаяния крестьянства и призывавшие к антифеодальной борьбе.

Большую роль в формировании венгерского литературного языка и национальной культуры сыграла Реформация. Протестантские проповедники перевели на венгерский язык Библию (1590) и богослужебные книги, открыли школы и типографии и создали большую полемическую литературу. Реформационное движение содействовало развитию образования и распространению гуманистических идей. Протестантская литература разоблачала реакционную сущность католической церкви и предательство прелатов, а более демократические ее представители выступали против произвола феодалов и выражали сочувствие угнетенным народным массам.

Так, автор первой написанной на венгерском языке хроники (1559) Иштван Секей Бенцеди с сочувствием отзывался о гуситах и о Мюнцере, с негодованием бичевал землевладельцев, которые «пьют кровь» бедного народа. Предательскую роль магнатов и католической церкви разоблачал в своей хронике и баснях трансильванский писатель и издатель Гашпар Хелтаи (1520—1574). Оценивая события крестьянской войны 1514 г., Халтаи оправдывал действия Дожи и осуждал дворянство.

Важные сведения по истории Венгрии и Трансильвании XVI и начала XVII в. содержат работы летописцев и историков Дьердя

Серемп (ок. 1490—1548), Миклоша Иштванфи (1538—1615), Антала Веранчича (1504—1573), Яноша Саларди (1601—1666), Яноша Кеменя (1607—1686) и др.

Крупнейшие поэты Балинт Балашши (1554—1594), участник освободительной войны против турок, и Янош Римаи (1569—1631) в лирических стихотворениях, проникнутых идеями гуманизма, воспели патриотизм своих современников и оказали большое влияние на развитие венгерского литературного языка.

Ценный вклад в развитие венгерской литературы и национального самосознания внес выдающийся писатель, политический деятель и полководец Миклош Зриньи (1620—1664), который в своих работах отстаивал необходимость изгнания Габсбургов и создания централизованного Венгерского государства. Важнейшим произведением Зриньи является эпическая проза «Сигетское бедствие», или «Зриньиада», в которой с большой художественной силой изображена героическая оборона Сигетвара в 1566 г.

В условиях тяжелого иноземного гнета, когда венгерские феодалы и католическое духовенство, предав интересы родины, вступили в союз с Габсбургами, главным носителем и хранителем национальной культуры и выразителем интересов всей страны явились широкие массы народа.

В тесной связи с чешской и венгерской культурой развивалась культура словацкого народа. В XV—XVI вв. в Словакии широко распространилось революционное учение гуситов, воодушевлявшее словацкий народ на борьбу с социальным и национальным гнетом. Большую роль в развитии культуры сыграли «общины чешских братьев», создавшие много школ, преподавание в которых велось на близком и понятном словакам чешском языке. В XVI—XVII вв. на основе словацких диалектов начал формироваться словацкий литературный язык, значительный вклад в развитие словацкой культуры внесли Юро Баноский, Ян Сильван и Бенедикт из Нудожер (1555—1615). В XVI—XVII вв. в Словакии были созданы типографии, в которых печатались книги на словацком, чешском и венгерском языках.

§ 2. ТРАНСИЛЬВАНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

В состав Трансильванского княжества входила территория собственно Трансильвании, а также восточных и северо-восточных комитатов Венгрии. Население Трансильванского княжества состояло из влахов, венгров, немцев и частично закарпатских украинцев. Трансильванские князья, сохраняя известную внутреннюю самостоятельность, находились в вассальной зависимости от Турции: они признавали суверенитет султана, платили ему ежегодную дань и должны были согласовывать с ним внешнюю политику.

Турки поддерживали трансильванских князей, видя в них надежных союзников в борьбе против Габсбургов.

Княжеская власть в Трансильвании была ограничена государственным собранием, в котором заседали венгерские магнаты и

представители трех трансильванских «наций», объявленных привилегированными на основе заключенной еще в 1437 г. «Унии трех наций», представлявшей собой союз дворянства венгерских комитатов, немецкого патрициата городов (саксов) и секейской верхушки [1].

Внутренняя политика трансильванских князей и государственного собрания была направлена на удовлетворение экономических и политических интересов венгерского дворянства и немецкого патрициата за счет усиления эксплуатации и угнетения закрепощенного крестьянства и трудящегося населения городов.

Особенно тяжелым было положение влашского и украинского населения, оттесненного в непригодные для ведения сельского хозяйства горные районы Карпат и вынужденного заниматься скотоводством. Крестьяне Трансильванского княжества в XVI и первой половине XVII в. подвергались такой же жестокой эксплуатации, как и их собратья в габсбургской Венгрии. Непосильные государственные налоги, церковная десятина, неограниченная барщина, девятина, ценз и другие многочисленные повинности и поборы вели к разорению крестьян, тормозили развитие сельского хозяйства. Длительные войны, грабительские набеги турецких войск, а также вторжения габсбургских наемных армий делали положение крестьян еще более тяжелым.

Особенно тяжкие испытания выпали на долю народов Трансильвании во время 15-летней войны (1591—1606) между турками и Габсбургами, когда значительная часть населения была истреблена, а сотни сел и городов полностью уничтожены.

Борьба за восстановление национальной независимости и государственного суверенитета могла быть успешной только при условии вовлечения в нее широких народных масс. Однако из-за опасений, что массовое участие крестьянства может придать национально-освободительному движению антифеодальный характер, трансильванские князья стремились изгнать Габсбургов и объединить под своей властью все земли бывшего Венгерского государства, используя для этой цели не народные движения, а противоречия между Турцией и Габсбургами.

Во время 15-летней войны между турками и Габсбургами Трансильвания была временно оккупирована Габсбургами. В ответ на бесчинства, грабежи и насилия императорской армии вспыхнуло крупное восстание венгерского дворянства, направленное на восстановление нарушенных Габсбургами сословных привилегий.

Руководитель восстания, крупный магнат Восточной Венгрии Иштван Бочкаи вступил в союз с гайдуками, которые и составили основную силу повстанческой армии. Умело используя антифеодальные настроения народных масс, Бочкаи путем обещаний и некоторых уступок привлек на свою сторону крестьянство и тем самым значительно расширил социальную базу движения. В ходе

---

[1] Саксы, или сасы,— немецкое население трансильванских городов; секеи — венгерская этническая группа, жившая в юго-восточной Трансильвании и несшая охрану государственных границ.

восстания императорские войска были разгромлены и изгнаны со всей территории Трансильвании и Восточной Словакии. В 1605 г. дворяне провозгласили Бочкаи правителем Венгрии, а трансильванское государственное собрание избрало его своим князем.

Одержав ряд побед, Бочкаи принудил императора Рудольфа заключить в 1606 г. Венский мир, по которому на всей территории Венгерского королевства восстанавливались сословные привилегии дворянства, была гарантирована свобода вероисповедания, причем Габсбургам пришлось официально признать независимость Трансильванского княжества. Крестьяне по-прежнему оставались бесправными, только около 10 тыс. гайдуков получили свободу и дворянское звание.

В период Тридцатилетней войны (1618—1648) трансильванские князья Габор Бетлен и Дьердь Ракоци I, воспользовавшись благоприятной внешнеполитической обстановкой, предприняли ряд походов против Габсбургов.

Габор Бетлен был одним из инициаторов создания антигабсбургской коалиции всех некатолических держав. Он вел успешные переговоры с Чехией, Голландией, Данией, Швецией и направил посольство в Москву. В союзе с восставшими против Габсбургов чехами Бетлен нанес императорским войскам ряд поражений и занял большую часть Словакии. Однако поражение чехов у Белой Горы (1620) вынудило Бетлена заключить в 1622 г. Никольсбургский (Микуловский) мир, по условиям которого Габсбурги уступили ему в пожизненное владение лишь семь северо-восточных комитатов, включая город Кошице.

В союзе с Голландией, Данией и немецкими протестантскими князьями Бетлен еще дважды предпринимал походы против Габсбургов (1623—1624, 1626), но достичь большего ему не удалось.

Политику Бетлена продолжал Дьердь Ракоци I, который выступал против Габсбургов вместе с Швецией и Францией. По Линцскому миру (1645) вновь была увеличена территория Трансильванского княжества, а за протестантами признавалась свобода вероисповедания.

Укрепление внешнеполитических позиций Трансильванского княжества и успехи, достигнутые им в борьбе с габсбургским великодержавием, были следствием экономического подъема и усиления централизованной княжеской власти. С целью увеличения государственного земельного фонда Бетлен провел проверку всех феодальных держаний и отменил вечные дарения. Тем самым землевладельцы были поставлены в полную зависимость от князя. Много внимания уделял Бетлен усовершенствованию налоговой и финансовой системы, он пытался монополизировать внешнюю торговлю. Протекционистская политика Бетлена по отношению к предпринимателям, ремесленникам и торговцам содействовала расцвету горнорудной промышленности, ремесла и торговли. Развитие ремесла было связано также с притоком бежавших из Германии и Чехии в период Тридцатилетней войны протестантов, среди которых было много искусных мастеров и опытных торговцев.

Трансильванские князья оказывали протестантским беженцам всевозможную помощь. При их дворе нашли убежище многие зарубежные ученые, педагоги, художники, внесшие значительный вклад в развитие образования и культуры. В 50-х годах XVII в. в Шарошпатаке, находившемся во владении трансильванских князей Ракоци, жил и работал великий чешский педагог Ян Амос Каменский.

В первой половине XVII в. Трансильванское княжество достигло значительных успехов в развитии экономики и укрепило свое международное положение. Однако период расцвета Трансильвании оказался непродолжительным. Усиление крепостничества и изнурительные войны стали непреодолимым тормозом для развития сельского хозяйства и ремесленного производства. Уже в середине XVII в. начался хозяйственный застой, перешедший вскоре в затяжной кризис, что в конечном счете привело к полному подчинению Трансильвании Габсбургам.

§ 3. МОЛДАВИЯ И ВАЛАХИЯ

Установление турецкого владычества в Валахии и Молдавии

Дунайские княжества Валахия и Молдавия к середине XVI в. потеряли свою независимость и попали под власть Оттоманской империи. В истории Молдавии и Валахии наступил более чем 300-летний период турецкого владычества. Молдавия и Валахия были разграблены и превращены в объект обычной для турецких завоевателей формы эксплуатации: с них собирали тяжелую дань — харачь, они должны были поставлять военные контингенты и участвовать в походах султанов. Господарский престол стал фактически предметом купли-продажи.

В результате турецкой военно-феодальной экспансии Молдавия и Валахия утратили не только национальную независимость, но и свою территориальную целостность. Так, в 1484 г. турецкие феодалы захватили Килию и Белгород, превратив их в плацдарм и форпосты своей агрессивной политики. В 1538 г. с той же целью турецкие захватчики отторгли от Молдавии Буджак, Бендеры, а также Добруджу. Города-крепости Турну, Джурджу и другие также были превращены в турецкие владения.

Общественный строй, сельское хозяйство. Города

Турция сохранила в Молдавии и Валахии феодальные способы производства и систему господства и подчинения, придав им более жестокую, «азиатскую» форму.

В XVI столетии в зависимых от Оттоманской империи Молдавии и Валахии продолжало господствовать натуральное хозяйство. Население этих княжеств, как и население Трансильвании, занимавшее с древнейших времен плодородные и богатые тучными пастбищами склоны северо-восточной и юго-восточной части Карпатских гор, а также черноземные долины сравнительно многочисленных больших и малых рек — Серета, Прута, Дуная, Днестра и др., занималось главным образом земледелием и животноводством, а также огородничеством и виноградарством, садоводством, пчеловодст-

вом и охотой, рыболовством и иными промыслами. В горной части княжеств и на юге, главным образом в Добрудже и Буджаке, наибольшее развитие получило животноводство, на остальной же территории преобладало земледелие.

Крестьянская семья как основная производственная единица феодально-крепостнического общества Молдавии и Валахии, за счет эксплуатации которой жили светские и духовные феодалы, производила почти все материальные блага: основные орудия труда, одежду, жизненные средства. Крепостные и зависимые крестьяне обязаны были отдавать своим господам-землевладельцам часть продукции домашнего производства. Эти натуральные поставки обычно состояли из домашнего конопляного полотна, шерсти, сукна и т. д. Крупные и средние светские и духовные феодалы не ограничивали свои потребности только продукцией вотчинного и крестьянского домашнего ремесла; они носили богатую одежду местного городского и иноземного производства.

Наряду с городами, являвшимися центрами ремесла и торговли, административными центрами или крепостями, существовали поселения полугородского-полусельского типа. Они не имели укрепленных стен и были больше похожи на деревни, чем на города.

В городах жили главным образом ремесленники различных профессий и специальностей. Ремесленники одной профессии или специальности, объединенные в братства и цехи, обычно жили на улицах, где находились только их мастерские. Во главе ремесленных цехов и братств стояли старосты.

Купцы также были организованы в гильдии, возглавляемые старостами. Торговали предметами ремесла, сельскохозяйственными продуктами, скотом, шерстью, мехами и т. д. .

Города пользовались правом гражданского и судебного самоуправления. Во главе их стояли шолтуз (городской голова) и пыргаре-радцы, которые выбирались из лиц, принадлежавших к верхушке городского населения. Вместе с шолтузом пыргаре-радцы составляли городскую раду (совет). Они руководили городской жизнью, управляли населением городской округи, следили за проведением в жизнь господарских указов, за сбором государственных налогов и выполнением жителями различных повинностей. Но с изменением политики Турции и ослаблением власти господарей значение городского самоуправления падало.

Рост крупного феодального землевладения и закрепощение крестьянства

XVI — первая половина XVII в. были временем роста крупной земельной собственности, что сопровождалось процессом становления и завершения крепостнической системы, начало которой было положено уже в XIV—XV вв.

Пути роста феодальной земельной собственности и закрепощения крестьян-общинников, как зависимых, так и остатков свободных, были разнообразными. Светские и духовные феодалы захватывали общинные и индивидуальные крестьянские земли и облагали их повинностями; одновременно феодалы объявляли принадлежавшие крестьянам земельные участки надела-

ми, резко увеличивая размеры повинностей в разных их формах, в том числе и личных. Происходит экономическое закабаление лично свободных крестьян-общинников и их последующее закрепощение. В ряде случаев общинные земли и индивидуальные земельные участки крестьян переходили к светским и духовным феодалам путем их купли «за свои правые и чистые пинези» (деньги), накопленные в результате эксплуатации крестьянского труда. Распространилась практика господарских земельных пожалований и дарений крестьянских земель, нередко с их обитателями, светским и духовным феодалам, а также монастырям. Кроме того, господари давали боярам, духовным лицам и церковно-монастырским учреждениям право осваивать пустоши неограниченно.

Наряду с ростом феодальной собственности на землю и закрепощением крестьян происходило перераспределение земельной площади и внутри самого господствующего класса в результате актов купли-продажи, обмена. Для расширения земельных владений и закрепощения крестьян светские и духовные феодалы применяли любые средства насилия, обман, вымогательство, посулы и угрозы, судебные и другие штрафы, кабалу, ростовщические операции и т. д.

В руках отдельных феодалов уже в первой половине XVI в. сосредоточились громадные вотчины. Рост крупного феодального землевладения, с одной стороны, и все усиливавшееся закрепощение лично свободного крестьянства, с другой — таковы характерные черты социально-экономической и политической жизни Молдавии, Валахии и Трансильвании на протяжении XVI — первой половины XVII в. Земельная собственность определяла экономическое и политическое положение отдельных представителей и групп господствующего класса, их продвижение по феодальной иерархической лестнице.

Юридическое оформление крепостного права

Государственному оформлению крепостного права в масштабе каждого княжества предшествовали частичные ограничения права крестьянского перехода. Еще задолго до принятия правительством мер к стеснению перехода крестьян светские и духовные феодалы применяли их на практике, с тем чтобы сохранить в своем феодальном хозяйстве рабочую силу. Широко распространенный уход крестьян с земли, их переход на другие земли вызывали недовольство господствующего класса. Молдавские и валашские господари издавали специальные грамоты и указы о сыске беглых крепостных и зависимых крестьян.

Еще задолго до издания «Уложений», запрещавших переходы крестьян от одного владельца к другому, в Молдавии и Валахии сложилось понятие о беглом крестьянине как о человеке, незаконно вышедшем из имения феодала, в котором он жил, и подлежавшем немедленному возвращению к своему прежнему господину-землевладельцу. Валашские и молдавские господари не раз обращались к правителям других стран с просьбой не допускать перехода границы беглыми крепостными крестьянами.

Многие документы молдавской и валашской господарских канцелярий говорят о бегстве крепостных крестьян от своих господ-

землевладельцев и их насильственном водворении «с веревкой на шее» на свои прежние места жительства.

Важным рубежом в истории молдавского и валашского крестьянства являются «Уложения», или «Своды законов» 1646 г. (Молдавия) и 1652 г. (Валахия), окончательно оформившие крепостное право на всей территории Дунайских княжеств. «Уложения» подтверждали собственность феодалов на основные средства производства, прежде всего на землю. Утверждалась крепостная зависимость молдавских крестьян — царан-вечин и валашских вечин-румын — от светских и духовных феодалов. Им предоставлялось право розыска и принудительного возвращения своих беглых крестьян в течение неограниченного срока. Не вводя в жизнь новых правовых норм, «Уложения» юридически оформили те отношения господства, подчинения и внеэкономического принуждения в деревне, которые сложились в Молдавии и Валахии в процессе их социально-экономического развития в предшествующий исторический период.

Положение крестьян и их повинности

Над крепостным и феодально зависимым крестьянством Дунайских княжеств тяготел тройной гнет. Во-первых, крестьян эксплуатировали собственники той земли, которой они пользовались для ведения своего «самостоятельного» хозяйства. Во-вторых, они несли различные налоги и повинности в пользу феодального государства. Наконец, крестьяне являлись основными плательщиками дани турецким поработителям.

По свидетельству летописца первой половины XVII в. Григория Уреке, господарь Иоан Деспот, обложив население «новым налогом, увеличил и без того тягостные повинности». А господарь Иоан Вода Лютый «изо дня в день выдумывал все новые и разные налоги и повинности...».

Грабительская политика турецких поработителей и фискальная система их ставленников — молдавских и валашских господарей, хищничество бояр и духовенства (греческого и местного), взяточничество государственных чиновников и прямой грабеж довели основную массу городского и сельского податного населения до полного обнищания.

Даже такой представитель господствующего класса, как историк Дмитрий Кантемир (1673—1723), который сам был молдавским господарем, говоря о Молдавии, находившейся под османским игом, отмечал, что «крайнее падение сея земли можно видеть из того, что нужда и бедность ежедневно возрастают». По словам Кантемира, молдавские крестьяне были так угнетены, что им едва хватало времени для «промышления себе хлеба». Поэтому «молдавских мужиков можно бы почесть за беднейших людей во всей подсолнечной (т. е. на всей Земле)...».

Настоящим бичом для податного населения являлась система кормлений и отдачи на откуп сбора государственных налогов и повинностей. Откупщики стремились не только извлечь уплаченную господарю откупную сумму, но и превысить ее и тем самым как можно больше нажиться за счет трудового народа.

Классовая и освободительная борьба

На социально-экономический и национально-религиозный гнет трудящиеся массы города и деревни отвечали активным сопротивлением. Классовая борьба молдавского и валашского крестьянства против феодально-крепостнического угнетения была неразрывно связана с освободительной борьбой против иноземного ига, которая по своим движущим силам и характеру также была крестьянской.

Формы борьбы крестьян были чрезвычайно разнообразны, начиная с подачи челобитных господарям и кончая гайдучеством и антифеодальными крестьянскими восстаниями.

Гайдучество, или гайдуцкое движение, зародилось и развивалось вместе с ростом классовой борьбы; оно было известно в Трансильвании, Валахии и Молдавии еще задолго до турецкого завоевания. Особенно гайдучество распространилось и усилилось после установления турецкого господства в Валахии и Молдавии, когда оно приняло национально-освободительный характер. Гайдуки — это народные мстители, выходцы из крестьянской массы и городских низов, боровшиеся против социального и национального угнетения.

В 1604 г. группа духовных и светских феодалов, епископы и другие церковники, великие и малые бояре, бежавшие от гайдуков из соседней Валахии в Молдавию и Польшу, сообщали, что гайдуки преследовали феодалов, отбирали у них имущество и лишали их «покоя», а в ряде случаев и жизни.

Классовая борьба крестьян принимала форму вооруженных антифеодальных восстаний. Так, в 1514 г. произошло крупное крестьянское восстание в Молдавии в районе города Васлуя. Очевидно, крестьянская война в Венгрии и Трансильвании под предводительством Дожи нашла широкий отклик и в Дунайских княжествах. О силе крестьянского восстания 1514 г. в Молдавии можно судить по рассказу летописца Макария, который отмечает, что для подавления этого движения были посланы господарские войска Богдана III и что в результате крупного сражения у города Васлуя погибло очень много повстанцев вместе с их вождем Трифэилом, именовавшимся «царевым сыном».

Молдавский господарь Петр Рареш (1527—1538; 1541—1546) возглавил народную борьбу против турецких поработителей. Крупная победа молдаван над турками в период правления Петра Рареша была одержана в 1538 г. у местечка Стефанешты. Однако вскоре народное выступление было подавлено турецкими войсками.

В 1566 г. в Молдавии вспыхнуло новое крестьянское восстание. В июне этого года в соседней с Молдавией Трансильвании появился претендент на молдавский господарский престол, выдававший себя за Стефана-воеводу. По словам летописца, Стефан-самозванец, собрав вокруг себя «множество гайдуков», пастухов и «другой человеческий сброд», вступил в Молдавию, уговаривая простых людей подчиниться ему и помочь занять господарский престол. Движение росло, повстанцы дошли до города Нямец, желая захватить столицу Молдавии город Яссы.

Господарь Александр Лапушняну, узнав о приближении восставших крестьян, спешно послал навстречу им войско. Противники встретились выше Нямецкой крепости, где и произошло решающее сражение. Господарские военные силы одержали победу над неорганизованной и плохо вооруженной крестьянской массой. Много повстанцев погибло, другие были схвачены, остальные бежали. Стефан-самозванец бежал в Трансильванские горы.

Молдавский господарь Иоан Вода Лютый (1571—1574), используя недовольство крестьян, служилых людей и торгово-ремесленного населения страны, возглавил освободительное движение против турецкого ига. Вместе с пришедшими на помощь отрядом запорожских казаков, полками служилых людей и дружинами народного ополчения Иоан Вода нанес турецкому войску ряд серьезных поражений. Однако в 1574 г. Иоан Вода был взят в плен и казнен.

Одним из крупных вооруженных выступлений крестьян против местных угнетателей и иноземных поработителей было восстание 1591 г.

Кастелян одного из трансильванских городов, находившийся в то время в Молдавии и спасшийся бегством от восставших крестьян, писал: «В Молдавии дела обстоят исключительно плохо; крестьянство держится мужественно и крепко, атакует светских и духовных сановников, если они не удирают, то их убивают; мало кто из светских и духовных сановников остался дома, они даже не осмеливаются показываться на глаза крестьянам; все знатные люди, начиная от воеводы — господаря, покинули страну и бежали: владыки, митрополит, гетман и т. д.». Однако и восстание 1591 г. было подавлено турецким ставленником Ароном Тираном после упорной кровопролитной борьбы.

В конце XVI в. валашский господарь Михаил Храбрый, разгромив турецкие войска и объединив Молдавию и Валахию, а также Трансильванию, провозгласил себя «господарем Валахии, Трансильвании и всего Молдавского княжества». Однако вскоре это объединение распалось, и зависимость входивших в него земель от Турции возобновилась.

Мощный толчок выступлениям крестьян и горожан в Молдавии и Валахии дала народно-освободительная война на Украине в 1648—1654 гг. Под ее влиянием в Молдавии в 1653 г. вспыхнуло крупное восстание торгово-ремесленного населения в Яссах; восстание произошло также в 1656 г. в Валахии. Много молдаван сражалось в рядах казацкого войска против польских феодалов.

Классовая и национально-освободительная борьба трудового населения Молдавии и Валахии против местных угнетателей и иноземных турецких поработителей в различных формах не прекращалась на всем протяжении турецкого владычества.

Русско-валашско-молдавские связи

Прочные торгово-экономические и культурно-политические связи между Дунайскими княжествами и Русским государством были установлены в XV в. Кроме общих экономических и культурных интересов русских, валахов и молдаван сближала борьба против инозем-

ных завоевателей: польско-литовских панов, а с XVI в.— крымских ханов и турецких султанов. Запорожские казаки неоднократно посылали в Молдавию и Валахию свои отряды, сражавшиеся вместе с валахами и молдаванами против турецко-татарских захватчиков.

Экономические, политические и культурные связи Молдавии и Валахии с Русским государством становятся особенно тесными при господарях Василии Лупу (1634—1653) и Матвее Басарабе (1632—1654) благодаря возросшему международному престижу России и ее успехам в войне с шляхетской Польшей за освобождение Украины и Белоруссии.

Русско-молдавско-валашские связи оказали благотворное влияние на развитие культуры в Молдавии и Валахии. Благодаря русской и украинской помощи в 30—40-х годах XVII в. в Дунайских княжествах был основан ряд школ для детей представителей господствующего класса, открыты типографии, оборудование для которых было получено из Москвы, Киева и Львова. В 1640 г. в Яссах открылась Славяно-греко-латинская академия для детей феодальной знати.

Молдаване и валахи, как и некоторые другие народы, порабощенные султанской Турцией, видели возможность избавления от турецкого ига лишь с помощью Русского государства.

Глава 34

БАЛКАНСКИЕ СТРАНЫ ПОД ВЛАСТЬЮ ТУРЦИИ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Положение балканских народов под властью Турции

К началу XVI в. военно-феодальная Османская империя подчинила своей власти почти весь Балканский полуостров. Лишь на далматинском побережье Адриатического моря сохранила независимость Дубровницкая республика, формально признавшая, однако, после битвы при Мохаче (1526) верховную власть Турции. Венецианцам также удалось удержать свои владения в восточной части Адриатики — Ионические острова и остров Крит, а также узкую полосу земли с городами Задар, Сплит, Котор, Трогир, Шибеник.

Турецкое завоевание сыграло отрицательную роль в исторической судьбе балканских народов, задержав их общественно-экономическое развитие. К классовому антагонизму феодального общества добавился антагонизм религиозный между мусульманами и христианами, по существу выражавший отношения между завоевателями и покоренными народами. Турецкое правительство и феодалы угнетали христианские народы Балканского полуострова, чинили произвол. Лица христианского вероисповедания не имели права служить в государственных учреждениях, носить оружие, а за проявление неуважения к мусульманской религии насильственно обращались в ислам или жестоко наказывались.

Чтобы упрочить свою власть, турецкое правительство переселяло на Балканы племена турок-кочевников из Малой Азии. Они селились в плодородных долинах, стратегически важных районах, вытесняя местных жителей. Иногда христианское население выселялось турками из городов, особенно крупных.

Другим средством укрепления турецкого господства была исламизация покоренного населения. Много «потурченцев» выходило из числа взятых в плен и проданных в рабство людей, для которых переход в ислам был единственным способом вернуть свободу (по турецким законам мусульмане не могли быть рабами). Нуждаясь в военных силах, турецкое правительство формировало из христиан, принявших мусульманство, янычарский корпус, который был гвардией султана. Сначала янычар вербовали из числа пленных юношей. Позднее стали проводить систематические наборы наиболее здоровых и красивых мальчиков-христиан, которых обращали в ислам и отправляли на обучение в Малую Азию.

Стремясь сохранить свое имущество и привилегии, многие балканские феодалы, главным образом мелкие и средние, а также городские

ремесленники и купцы принимали ислам. Значительная часть «потурченцев» постепенно теряла связь со своим народом, усваивала турецкий язык и культуру. Все это вело к численному росту турецкой народности и укрепляло власть турок в завоеванных землях. Принявшие мусульманство сербы, греки, албанцы занимали иногда высокие должности, становились крупными военачальниками.

Среди сельского населения широкий характер исламизация приняла лишь в Боснии, некоторых районах Македонии и Албании, но перемена религии большей частью не вела к отрыву от своей народности, к утере родного языка, родных обычаев и культуры. Большинство трудового населения Балканского полуострова, и прежде всего крестьянство, даже в тех случаях, когда оно вынуждено было принять ислам, не было ассимилировано турками.

Крестьяне, обычно объединенные в сельские общины, жили замкнутой жизнью. Они старались не соприкасаться с турецкими чиновниками и феодалами. В ряде областей после турецкого завоевания наблюдались значительные перемещения населения. Жители земледельческих районов нередко переселялись в леса и горы, где легче было защищаться от произвола турецких властей и феодалов. Покинутые ими земли заселялись спускавшимися с гор скотоводами — влахами, постепенно переходившими к земледельческим занятиям. Все это вело к консервации средневековых форм жизни, к стойкому сохранению патриархальных пережитков. Но в упорной борьбе против турецкой власти балканские народы выстояли, сохранив свои языки и культуру.

Земли, входившие в Османскую империю, делились на крупные военно-административные единицы — бейлербейства, или эялеты, которые распадались на санджаки. Первоначально все турецкие владения на Балканском полуострове входили в Румелийское бейлербейство, позднее в окраинных областях были основаны самостоятельные административные единицы. Управители эялетов и санджаков не только обладали гражданской властью, но и были предводителями местного войска. Судебная власть находилась в руках независимых от административных властей судей — кадиев. Эта система военно-феодального и административного управления не распространялась на все балканские земли. В ряде окраинных областей, в горных районах Греции, Албании, в Черногории власть турецкого правительства нередко ограничивалась получением установленной ежегодной дани.

Турецкое завоевание подорвало экономическую мощь и политическое влияние православной церкви на Балканах. У монастырей и церквей турки отняли большую часть земельных владений. Многие церкви обращались в мечети или разрушались. Самостоятельность православных церквей Болгарии и Сербии была ликвидирована. Все православное население Балканского полуострова было передано в ведение греческой патриархии в Константинополе. Лишь в 1557 г. сербскому духовенству удалось добиться восстановления патриархии в Пече. В нее вошла православная церковь Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, Северной Македонии и Западной Болгарии. В составе Константинопольской патриархии сохранило автономию и фак-

тическую самостоятельность Охридское архиепископство. Уплачивая в султанскую казну ежегодно дань, константинопольский и печский патриархи получили широкие права решать духовные, а отчасти и гражданские дела, касавшиеся православных, собирать в свою пользу налоги с населения.

Особенно широкими правами пользовалась Константинопольская патриархия, фактически перешедшая на службу к турецкому правительству. Высшее греческое духовенство нещадно грабило свою паству, проводило политику эллинизации среди славянских народов (насаждение греческих обычаев, применение греческого языка в богослужении и в обучении), заслужив этим их ненависть. В противоположность этому деятельность Печской патриархии была направлена на поддержание в народе народных традиций сопротивления исламизации. Духовенство принимало участие в организации в сербских землях освободительного движения.

Особенности экономического положения балканских стран под турецким владычеством

В XVI в. после тяжелого периода турецких набегов и войн экономическое положение ряда городов балканских стран, ставших военно-административными и торговыми центрами, начало несколько улучшаться. Само турецкое правительство и турецкая армия были заинтересованы в развитии городских ремесел и торговли. Появились некоторые новые виды ремесла, особенно связанные с горным делом и строительством. Цеховые корпорации ремесленников, широко распространившиеся после турецкого завоевания, были цехами восточного типа (эснафы, или руфеты): они представляли собой замкнутые корпорации, отдельные для мусульман и христиан. Деятельность эснафов регламентировалась государством: их права и привилегии фиксировались специальными султанскими указами (фирманами). В цехи были объединены не только ремесленники, но и торговцы.

Турки обычно мало занимались торговлей. Купечество состояло в основном из греков, славян, армян, евреев. Во внешней, а отчасти и во внутренней торговле большую роль играли дубровницкие, венецианские, генуэзские, немецкие купцы. Турецкое правительство, поощряя ввоз промышленных товаров из-за границы, предоставляло иностранным купцам торговые привилегии, снижало им пошлины на ввоз и вывоз товаров, что крайне затрудняло деятельность балканского купечества и наносило ущерб развитию местного ремесла.

Пестрая картина наблюдалась на Балканском полуострове в отношениях между городом и деревней. В большинстве случаев обмен между ними был развит сравнительно слабо. Росту внутренней торговли препятствовала система таможенных пошлин, всевозможные поборы с купцов, монопольные права турецкого государства на торговлю некоторыми товарами или запрещение их вывоза.

Несмотря на все это, для XVI—XVII вв. было характерно увеличение числа мелких торговых и ремесленных центров локального значения. Рост их шел прежде всего за счет прилива сельского населения, что способствовало преобладанию в таких городах местных,

а не турецких ремесленников и купцов, проникновению товарно-денежных отношений в деревню. Особенно выросли города, расположенные на торговых и военных путях, как, например, Белград, Сараево, София, Салоники; в них увеличилось христианское население.

Рост городов по течению больших рек и в приморских районах знаменовал собой на рубеже XVI—XVII вв. известные сдвиги в развитии производительных сил. Перемещение торговых путей из Средиземного моря в Атлантический океан, начавшийся в XVI в. упадок Дубровника и итальянских городов ослабили торговые связи внутренних областей Балканского полуострова с Адриатикой. Но в то же время усилилось значение этих областей в торговле со странами Центральной Европы. Однако несмотря на указанные сдвиги в развитии приморских и некоторых других городов, в целом балканские страны все заметнее отставали в экономическом и социальном отношении от других стран Европы. Это было обусловлено проводимой турецким правительством политикой угнетения покоренных народов и общей отсталостью военно-феодального строя Османской империи.

Феодальные отношения в условиях турецкого владычества

Феодальные отношения у турок-османов находились на более низкой стадии развития, чем у покоренных ими европейских народов. Завоевав Балканский полуостров, турецкое правительство не изменило коренным образом существовавшие там феодальные порядки, стараясь вместе с тем приспособить их к своим нуждам. Кроме владений религиозных мусульманских учреждений (вакуфов) и частных лиц (мюльков) на правах феодальной собственности большая часть земельной площади в Османской империи считалась принадлежащей государству или султану. Эти земли передавались в ленные владения турецким феодалам. Преобладали военные лены: более мелкие — тимары, и более крупные — зеаметы. Их владельцы — сипахи (в произношении балканских народов — спахии) — служили в султанской коннице и обязаны были соответственно величине лена выводить в поход определенное число ратников. Высшие военачальники и чиновники за исполнение своих должностей получали наиболее крупные лены — хассы. Часть земельного фонда оставалась в руках государства, составляя личный домен султана и членов его семьи.

Владельцы ленных земель получали с крестьян земельную ренту и пользовались рядом других феодальных прав и привилегий. Турецкое законодательство строго регламентировало величину ренты феодалов, их отношения с крестьянами. Феодалы не пользовались, например, таким важным правом, как феодальная юрисдикция; их роль в управлении ленами была невелика.

Значительная часть класса феодалов в Турции состояла из мусульман. Однако в первое время после завоевания в балканских землях сохранилось сравнительно много мелких феодалов-христиан, которые стали военными ленниками. С течением времени они принимали мусульманство или теряли свои земли. К XVII в. категория феодалов-христиан почти полностью исчезла в покоренных Турцией землях.

Подавляющая часть населения — феодально зависимое крестьянство (райа) владело наследственно своими земельными наделами. Все взрослые, способные к труду мужчины-христиане уплачивали в султанскую казну подушный денежный налог — хדי, или джизью. Феодалы собирали денежный налог (испендже) и натуральную десятину (ушур) с урожая сельскохозяйственных продуктов, налог со скота и др.

На Балканах, как и во всей Турции, подавляющая часть земледельческого населения была прикреплена к земле и без разрешения феодалов или местных властей не могла покинуть своего надела. Турецкие законы устанавливали 10—15-летний срок сыска беглых крестьян. В горных районах издавна было много скотоводческих общинных поселений. В первое время после завоевания крестьяне-скотоводы по-прежнему уплачивали налоги с каждого дома, делали поставки скотом и продуктами скотоводства; они были более свободны, поскольку, как правило, не передавались частным владельцам.

В ряде районов Балканского полуострова существовали поселения крестьян, которые, живя на государственных землях, вместо уплаты натуральной и денежной ренты обязаны были выполнять отработочную повинность в пользу государства. Они несли военно-вспомогательную или пограничную службу, охраняли и чинили дороги и т. д. Такие крестьяне или получали за свою службу плату, или освобождались от части налогов. Экономическое и правовое положение их было более благоприятным, чем спахийских.

Пора наибольшего могущества Турецкого государства относится к XV и первой половине XVI в. В период правления султана Сулеймана Великолепного (1520—1566) были завершены наиболее крупные завоевания турок в Европе, Африке и Азии. В середине XVI в. Турция представляла собой громадное государство, владения которого раскинулись на трех континентах. Но уже во второй половине XVI в. появились первые признаки ее упадка, которые неуклонно нарастали в следующие столетия и сопровождались существенными изменениями как во внутренних отношениях, так и в международном положении. Этот упадок выразился в постепенном ослаблении центральной власти и росте сепаратистских тенденций местных пашей и чиновников, в оскудении государственных финансов, что вело к ослаблению военных сил Турции и главное — к разложению военно-феодального строя. Изменения в общественно-политической обстановке Европы в XVI в. делали войны против европейских стран все более трудными. Постепенно исчезал один из основных источников дохода турецких феодалов и султанской казны — грабеж завоеванных территорий. Под влиянием военных неудач разлагались, теряли свою боеспособность военные силы османов. Янычары стали заниматься ремеслом и торговлей, приобретали земельные владения. Спахии уклонялись от исполнения военных обязанностей, старались превратить лены в наследственную феодальную собственность. Среди разорившихся турецких феодалов усилилась борьба за землю. Часть феодалов теряла свои владения. Нередко лены попадали в руки торговцев и ростовщиков.

С XVII в. в некоторых районах Балканского полуострова в результате захвата и скупки ленов и крестьянских земель представителями торгово-ростовщического капитала и янычарской верхушкой начал возникать новый вид феодальных земельных владений. Это были чифтлики, владельцы которых пользовались более широкими феодальными правами, чем спахии, и не несли военных обязательств. Власть феодалов над крестьянами стала усиливаться, неуклонно росли налоги и поборы. Правительство, постоянно ощущавшее недостаток средств, повышало государственные налоги. Ослабление центральной власти позволяло местным пашам и чиновникам прибегать к прямому насилию и грабежу беззащитной райи.

Изменения в общественно-экономическом строе Османской империи вызвали обострение социальной борьбы, что проявилось в росте антагонизма между мусульманами и христианами. Положение населения, находившегося под властью Турции, ухудшалось; это способствовало развертыванию на Балканах освободительного движения.

Албания

В XV в. турки систематически совершали опустошительные набеги на Албанию, а в конце XV в. Албания была включена в состав Румелийского эялета. Большая часть албанских феодалов приняла ислам и перешла на службу к турецкому правительству. В равнинных районах Албании была установлена турецкая военно-ленная и административная система, но в горных районах страны власть турок была очень слабой и нередко сводилась к получению ежегодной дани с населения, которую приходилось собирать с помощью военной силы.

Экономика горной части Албании, почти не имевшей хозяйственных и политических связей с соседними государствами и турецкими областями, была чрезвычайно отсталой. Жители занимались скотоводством, а также обработкой мизерных участков земли, отвоеванных у покрытых камнем гор. Нехватка продовольствия, голод были постоянным явлением в этих районах Албании. Это заставляло многих албанцев переселяться в турецкие города, эмигрировать в Италию, а иногда заниматься грабежом и разбоями. Закаленные трудными условиями жизни горцы-албанцы славились как хорошие воины. Их охотно брали наемниками в свои армии европейские правители. Турецкие власти также поощряли набор албанцев в янычарский корпус и свои наемные части.

В горных районах Албании сохранялись патриархальные отношения. Несколько десятков семей, ведших свое происхождение от одного предка, составляли территориальную общину, называвшуюся фисом. В неотчуждаемой собственности фиса находились пахотные земли и пастбища, но каждая семья имела свой дом и личное имущество. Главы семей фиса составляли совет (кувенд). В каждом фисе строго соблюдались местные законы и правила. В большинстве случаев фисы объединялись в более крупные территориальные союзы военно-политического характера. Существование таких союзов позволяло горцам и после турецкого завоевания упорно отстаивать свою свободу. Горцы не допускали в свои земли спахиев, часто отказывались платить налоги, постоянно отражая карательные экспедиции турецких

войск. Будучи не в силах укрепить свою власть в горных районах Албании, турецкое правительство предоставляло им права самоуправления. Некоторые области, такие, как Химара в южной части Албании, Великая Малесия, расположенная около Шкодера, Дукагини в Северной Албании и ряд других, пользовались широкой автономией, управлялись местными общинными властями, а дань уплачивали крайне нерегулярно.

В XVII в., стараясь разъединить албанские общины и укрепить свою власть в стране, турецкие власти усиленно насаждали среди албанцев мусульманство. Стремясь освободиться от уплаты джизье с христиан, размеры которой в XVII в. заметно выросли, албанские крестьяне иногда целыми селениями переходили в ислам. Наиболее широкий характер в XVII в. исламизация приняла в Северной Албании.

Греция

К концу XV в. Османская империя подчинила своей власти все континентальные области Греции — Фракию, Фессалию, Эпир и полуостров Пелопоннес (Морея). На протяжении XVI и первой половины XVII в. между Турцией и Венецией не прекращались войны из-за греческих земель и особенно из-за островов Эгейского и Ионического морей. Родос, Кипр и другие острова один за другим перешли во владение османов.

Войны между Турцией и Венецией, ареной которых обычно являлись греческие земли, набеги корсаров на острова и прибрежные районы, эмиграция населения — все это привело к экономическому упадку страны, к сокращению ее населения. Особенно пострадало земледелие. Торговля и ремесло на островах пришли в упадок. Зажиточные слои населения островов предпочитали вкладывать свои деньги в мореплавание и посредническую торговлю между европейскими странами и Востоком.

Некоторые греческие феодалы после установления турецкой власти приняли ислам и перешли на службу к туркам. Часть феодальной знати, не отказавшаяся от своей религии, но проявившая полную покорность завоевателям, также сохранила свои экономические позиции и пользовалась большим влиянием в управлении страной. Турки оставили в Греции (в отличие от Сербии и Болгарии) во владении церквей и монастырей большую часть их земельных владений. Высшее греческое духовенство приобрело в своих епархиях широкие права над населением, в том числе и судебные.

Таким образом, после завоевания Греции турки были вынуждены пойти на компромисс с очень влиятельными в экономическом и политическом отношении греческими феодалами, сохранив им некоторые права и привилегии. К этому вынуждало и окраинное положение греческих земель, за присоединение которых в течение XVI—XVII вв. не переставала бороться Венецианская республика.

Однако на большинство континентальных территорий, населенных греками, распространялись общие принципы турецкой военно-феодальной системы. Острова, за исключением крупных (Родоса, Лесбоса), управлялись капудан-пашой и пользовались большей самостоятельностью, чем континентальные области. Население островов,

а также Пелопоннеса должно было поставлять турецкому правительству определенное число военных судов.

Наряду с зависимым крестьянством, сидевшим на землях ленников и в вакуфах, в Греции в XVI—XVII вв. сохранилось большое число сельских общин, пользовавшихся правом самоуправления и имевших свой аппарат власти. Общинные старосты — кодзабасы — ведали распределением и сбором налогов, судили крестьян за мелкие проступки, были посредниками в сношениях населения с турецкими властями. Кодзабасы обычно были выходцами из наиболее зажиточных слоев населения; эта должность превратилась в наследственную. Общинное самоуправление существовало и в городах. В некоторых областях, например в Пелопоннесе, представители сельских и городских общин ежегодно собирались для избрания совета провинции, подчиненного представителям турецких властей и греческих общин.

В XVII в. в Греции более быстрыми темпами, чем в других областях Балканского полуострова, шло развитие товарно-денежных отношений и формирование прослойки торговцев и предпринимателей. Сферой их деятельности являлись как сами греческие области, так и другие земли Османской империи. Греческие торгово-ремесленные колонии укрепились во многих городах Балканского полуострова и других европейских стран. Много таких колоний существовало и в русских городах — Киеве, Москве, Нежине. Греки издавна занимались посреднической торговлей, однако в XVII в. росла торговля сельскохозяйственными продуктами и ремесленными изделиями, производимыми в самой Греции. На островах быстро развивалось кораблестроение.

Зарождение буржуазных элементов в Греции явилось основой возникновения в более позднее время греческого освободительного движения, ставившего своей задачей духовное возрождение греческого народа и воссоздание независимого государства.

Освободительное движение балканских народов

Борьба балканских народов против чужеземного гнета не прекращалась во все время турецкого господства. Движения гайдуков в Болгарии и Сербии, клефтов в Греции были наиболее распространенной формой ее выражения. Османский гнет, притеснения и преследования со стороны турецких властей и феодалов, безысходная нужда — таковы были причины, заставлявшие многих крестьян и горожан уходить в отряды гайдуков или клефтов. Эти отряды, иногда насчитывавшие несколько сот человек, действовали организованно. Они поддерживали тесные связи с окрестным населением, получали от него помощь.

Освободительное движение на Балканах расширилось во второй половине XVI и в XVII в. Первые массовые восстания этого времени ставили своей целью освобождение от ига завоевателей. Они вспыхивали обычно во время войн, которые вели против Турции европейские государства.

Планы борьбы с Османской империей, изгнания турок из Европы строились на протяжении всего XVI в. Но для их осуществления европейским государствам необходимо было объединить свои силы,

действовать против турок согласованно. Противниками Турции были итальянские государства, римская курия и Испания, государства Центральной Европы. Но все они старались лишь отразить турецкий натиск на свои собственные владения. В то же время Франция, Англия, Голландия стремились укреплять торговые связи с Османской империей и предпочитали не портить с ней отношений. Боясь усиления Австрии, Франция в противовес габсбургскому государству открыто поддерживала Турцию, заключив с ней в 1536 г. договор. К соглашению с Турцией стремилась и Англия. Россия в это время еще не могла приступить к активной борьбе с Турцией и ограничивалась обороной своих земель от набегов крымских татар.

Во второй половине XVI в., когда появились первые признаки упадка Османской империи, противники Турции стали оказывать более действенный отпор ее агрессии. В 1566 г. хорватские войска нанесли поражение турецким армиям в битве у Сигета в Венгрии, а в 1571 г., во время войны с «христианской лигой», в которую входили Венеция, Испания и Мальта, турецкие корабли были уничтожены испанским флотом в сражении у Лепанто (около берегов Греции). К венецианским войскам, действовавшим в Албании, присоединились горцы Дукагини и Химары. Однако из-за несогласия среди союзников коалиция вскоре распалась.

Военные неудачи не приостановили турецкой агрессии в Европе. В 1593 г. султан объявил войну Австрии.

Вынужденные воевать с Турцией, не имея союзников, Габсбурги при поддержке римского папы вели агитацию в турецких владениях, пытаясь склонить к выступлению против турок трансильванского князя, господарей Молдавии и Валахии, а также сербов, болгар и другие балканские народы. Такие восстания отвлекли бы турецкие силы от фронта военных действий с австрийцами, облегчили бы последним ведение войны. Расчеты на восстания в турецком тылу оправдались. Уже в 1594 г. поднялись на борьбу сербы в Банате. Вожди этого движения надеялись на военную помощь австрийцев и трансильванского князя, но так и не получили ее. Несмотря на неудачу этого восстания и его жестокое подавление, в 1595—1598 гг. в Сербии, Болгарии, Черногории, Герцеговине, Албании вспыхнули новые антитурецкие восстания.

Эти локальные выступления против турецкого господства возглавлялись племенными вождями, кнезами, воеводами. Активное участие в освободительном движении принимало православное духовенство во главе с печским патриархом Йованом. Выступавшие за освобождение от власти турок надеялись прежде всего на военную помощь со стороны государств, враждебных Турции, — Германской империи, Испании, Папского государства. Через дубровчан, балканских эмигрантов в Италии и католических миссионеров были установлены связи с иностранными дворами, заинтересованными в борьбе с Турцией. Последние не скупились на обещания оказать помощь готовившимся восстаниям. Однако ни одно из антитурецких выступлений на Балканах не было поддержано извне, не вышло за рамки отдельных районов или областей.

Освободительное движение на Балканах не прекратилось и в начале XVII в. В 1601 г. возник план освобождения от власти Турции Албании. Но из-за отказа венецианцев прийти на помощь албанцам восстание, вспыхнувшее в некоторых приморских районах, не распространилось на внутренние области.

После окончания в 1606 г. австро-турецкой войны возникла угроза войны между Турцией и Испанией. Это вновь вызвало оживление освободительного движения в западной части Балканского полуострова. Стали создаваться проекты освобождения Балкан от власти турок с помощью Испании и итальянских государств. Но вовлеченная в другие международные проблемы Испания вскоре оказалась вынужденной воздержаться от вступления в войну с Османской империей. Во втором десятилетии XVII в. ввиду напряженной внешнеполитической обстановки, связанной с началом Тридцатилетней войны, освободительное движение на Балканах ослабло.

В XVI — первой половине XVII в. Россия еще не могла непосредственно поддерживать балканские народы в их борьбе против турецкого ига. Однако русское правительство не порывало связей с балканским православным духовенством, оказывало поддержку православным церквам и монастырям, что способствовало росту популярности Русского государства среди народов Балканского полуострова. Рост могущества России в XVI—XVII вв. усиливал надежду, что именно от русского народа придет помощь в освобождении от ига завоевателей.

Глава 35

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В. ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

§ 1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В XVI В.

Характер международных отношений в XVI в.

Разложение феодализма и зарождение капитализма, великие географические открытия и основание первых колониальных империй — все это отразилось на характере международных отношений и значительно их изменило. Стала отходить в прошлое феодальная основа войн и конфликтов между отдельными странами — стремление к захвату земель как основы для эксплуатации дворянами феодально зависимого крестьянства и отчасти городов. На первый план в XVI в. выступает борьба за овладение морскими путями, рынками сбыта и сырья в самой Европе, на Ближнем Востоке, в Индии и на вновь открытых материках, борьба за монопольную эксплуатацию колоний.

Не менее характерно и то, что в XVI в. столкновения между отдельными странами начали перерастать в общеевропейские конфликты. Создавалось нечто вроде коалиций: одной группе стран противостояла другая. В обеих группах ядро составляли крупные государства, между которыми уже длительное время существовали непримиримые противоречия. К ним примыкали те или другие средние и мелкие страны и области, заинтересованные в определенном исходе борьбы между главными силами. В зависимости от хода этой борьбы они, как правило, вступали в союз с той из стран, которая оказывалась в данный момент в неблагоприятном положении, с целью поддержать ее и не допустить чрезмерного усиления ее врага. Постоянные колебания средних и мелких государств между двумя лагерями способствовали тому, что в Европе начала создаваться «система равновесия», не допускавшая гегемонии какой-либо одной крупной державы.

Развитие капитализма в масштабах целых стран сопровождалось постепенным формированием наций, ростом значения национальных интересов отдельных народов. К началу XVI в. многие страны — Англия, Франция, Испания, Португалия, Дания, Швеция — уже достигли значительных успехов в своем национальном развитии. Во второй половине XVI в. в огне нидерландской буржуазной революции родилось новое национальное государство — республика Соединенных провинций. Но процесс складывания национальных государств

был еще далек от своего завершения. Границы отдельных стран не везде были четко определены (например, границы Франции и Испании, Франции и Германии, Дании и Германии, Англии и Шотландии и т. д.), и пограничные области являлись объектом ожесточенной борьбы. Еще не отстоялась экономическая, языковая и культурная общность внутри самих национальных государств, и их отдельные части могли временно отторгаться. Некоторые пограничные области разных государств с родственным по языку и культуре населением продолжали сохранять свою политическую самостоятельность (например, герцогства Лотарингия и Савойя по отношению к Франции).

В Италии и Германии формирование национальных государств шло очень медленно из-за начавшегося там с середины XVI в. экономического упадка и внутриполитических конфликтов. Политическая раздробленность сделала их объектом территориальных захватов со стороны могущественных соседей.

Развитию экономически и политически сплоченных национальных государств во многом мешал средневековый династический принцип, в силу которого путем брака или наследования под властью одного государя могли оказаться страны и области, различные во всех отношениях и разобщенные территориально. Наиболее ярким примером является империя Карла V Габсбурга, объединившая такие разнородные комплексы, как Испания с ее владениями в Новом Свете, Неаполитанское королевство, Нидерланды и Священная Римская империя. Стремление составных частей таких конгломератов обрести национальную независимость имело глубокие исторические корни, а в XVI в. приобрело еще и социально-классовое обоснование, как, например, в борьбе капиталистически развитых Нидерландов против владычества реакционно-феодальной Испании.

Большую опасность для многих стран Западной Европы несло с собой усиление в XVI в. Оттоманской империи, которая утвердилась на Балканах, овладела всем Ближним Востоком и Северным побережьем Африки и продвигалась в Дунайские области. Однако острота противоречий между странами Западной Европы была настолько велика, что все попытки организации общеевропейского союза для борьбы с турками потерпели провал. Европейские государи или боролись с султаном (Карл V в 1529 г. и в 1535 г. — неудачная экспедиция в Тунис; Филипп II в союзе с некоторыми мелкими странами в 1560 г. и в 1571 г. — победа при Лепанто), или заключали с ним соглашения и мирные договоры (Франциск I в 1536 г.; Венеция в 1540 г.).

Наиболее крупными международными столкновениями в первой половине XVI в. были так называемые итальянские войны, а во второй половине — Нидерландская революция и борьба на море между Англией и Испанией.

Итальянские войны

Итальянские войны (1494—1559) были начаты Францией, но в дальнейшем в них оказались втянутыми почти все страны Западной Европы, и военные действия развернулись также за пределами Апеннинского полуострова. Завоевательная политика Франции диктовалась стремлением фран-

цузского дворянства к захвату земель на юге Италии, а французского купечества — к овладению транзитными пунктами на морских путях в Левант. Планы захвата итальянских земель вынашивались давно. В XIII в. Анжуйская династия (боковая ветвь французского королевского дома) захватила Неаполь и Сицилию, но постепенно была вытеснена оттуда испанцами. С середины XV в. во всем Неаполитанском королевстве утвердилась власть боковой линии династии Арагона. После смерти неаполитанского короля в 1494 г. французский король Карл VII заявил о своих притязаниях на «Анжуйское наследство» и явился в Италию во главе большой армии, снабженной лучшей в ту пору артиллерией. Не встретив серьезного сопротивления со стороны враждовавших между собой государей Северной и Средней Италии (часть их них вступила с ним в союз, стремясь достигнуть своих целей в борьбе с соседями), Карл VIII проследовал через весь полуостров и захватил Неаполь.

Однако французских сил оказалось недостаточно для реального подчинения всей территории Неаполитанского королевства. Морские коммуникации с Францией не были налажены, а войска «Венецианской лиги», в состав которой вошли почти все итальянские государи, испуганные успехами Франции, перерезали пути по суше. Лигу поддержали и другие противники Франции — император Максимилиан I и король Испании Фердинанд Арагонский. Французская армия едва избежала полного разгрома и была вынуждена покинуть Италию.

Преемник Карла VIII Людовик XII предпринял в 1499 г. новый поход в Италию, подготовив его союзными договорами с папой, Венецией, Фердинандом Арагонским, а затем и с императором. Овладев Миланским герцогством, французская армия в 1501 г. вторглась в Неаполитанское королевство, но снова была вынуждена его оставить. В 1504 г. Людовик отказался от своих притязаний на Неаполь. На Севере Италии борьба продолжалась с переменным успехом; в 1512 г. французы были вытеснены и из Милана.

При Франциске I борьба вступила в новую фазу. В это время начала складываться держава будущего императора Карла V Габсбурга. От отца он унаследовал Нидерланды и графство Бургундское (Франш-Конте), от матери — Испанию (с ее американскими владениями) и Неаполитанское королевство. Франция почти на всем протяжении своих сухопутных границ соприкасалась с владениями Карла, который (в качестве наследника бургундских герцогов) стремился к отторжению от Франции ее восточных областей, входивших в IX—X вв. в Бургундское королевство. Защищая свою территорию от притязаний Карла V и стремясь воссоединить находившиеся под его властью французские земли (Франш-Конте, Артуа и др.), Франциск I и Генрих II решали прогрессивную национальную задачу. В Италии Франция намеревалась овладеть северо-западной частью страны и особенно Миланом, имевшим исключительно важное стратегическое значение как узел коммуникаций между южноитальянскими и испанскими владениями Карла и подвластными ему Нидерландами и Германией. Позиции императора ослаблялись и возросшим значением Швейцарии, через которую шел путь из Милана на север.

В 1515 г. Франциск I разбил при Мариньяно швейцарских наемников миланского герцога Сфорца и занял Милан. В 1519 г. он выставил свою кандидатуру на императорский престол, но курфюрсты, щедро одаренные Карлом, избрали последнего.

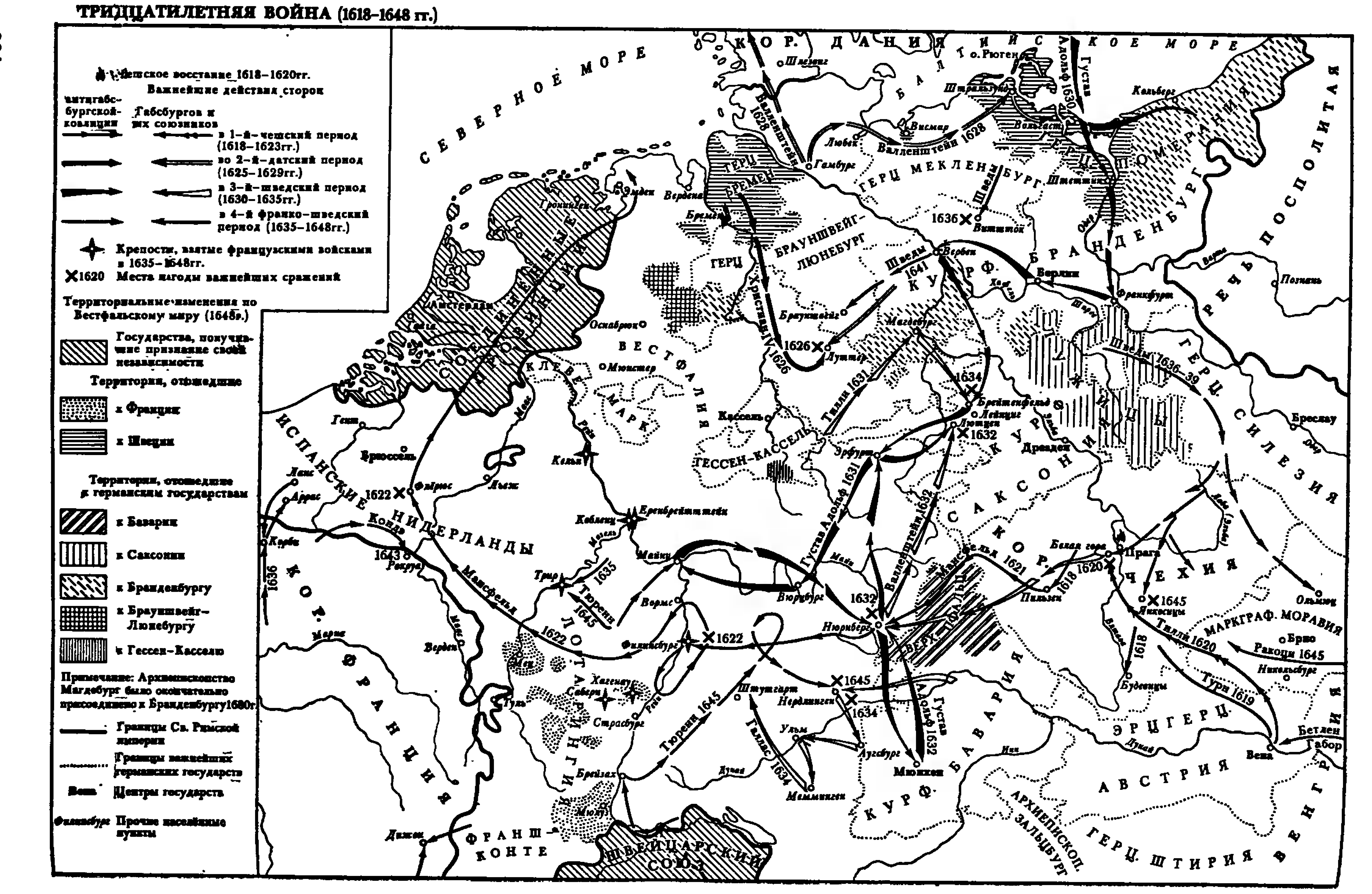
Главным содержанием международных отношений вплоть до 1555 г. стала борьба Франции с императором. Во время четырех войн между Франциском I и Карлом V (1521—1525; 1528—1529; 1536—1538; 1542—1544) военные действия велись в Северной Италии (из-за Милана), на восточных границах Франции (из-за Артуа, Фландрии, Бургундии и Прованса) и в Пиренеях (из-за Наварры и Руссильона). Вместе с тем Франция воевала с Англией, захватившей Булонь (чтобы упрочить свое владение портом Кале), помогала Шотландии в ее борьбе с Англией, а также врагам императора: немецким князьям и Дании.

Очень тяжелым было положение Франции после поражения при Павии в 1525 г., когда Франциск I попал в плен и вынужден был подписать унизительный Мадридский договор. Но в 1536—1538 гг. французы добились значительных успехов: они заняли все владения герцога Савойского (Пьемонт, Савойю и области на северо-западных склонах Альп), утвердились в Турине и не давали Карлу расширять свою власть в Италии, тем более что после страшного разгрома Рима в 1527 г. немецкими ландскнехтами папы по большей части поддерживали Францию, а мелкие итальянские государства находились под ее влиянием. Франциску I помог договор, который он заключил в 1536 г. с султаном; турецкая армия не раз отвлекала силы Карла V своими наступательными операциями.

На последнем этапе войны (1551—1555) Карла V с преемником Франциска I Генрихом II большое значение приобрела борьба императора с немецкими князьями. Вступив с ними в союз, Генрих II вторгся в Германию и воспользовался победой князей в 1552 г. для захвата важных в стратегическом отношении лотарингских городов — Туля, Меца и Вердена. Исход этой кампании в значительной мере определил решение Карла V отречься от престола, что означало распад империи Габсбургов. Однако в войне с испанским королем Филиппом II, унаследовавшим Нидерланды и итальянские владения, Генрих II потерпел поражение. В 1557 г. испанская армия под руководством герцога Савойского (чьи земли были отняты в 1536 г. Франциском I) вторглась из Южных Нидерландов во Францию и угрожала Парижу. При Сен-Кантене французы были разбиты и коннетабль (главнокомандующий) Монморанси взят в плен. Последняя победа французов — отвоевание в 1558 г. Кале у союзников Филиппа II, англичан, — уже не могла исправить положение. Мир, заключенный в 1559 г. в Като-Камбрези, знаменовал собой конец французской экспансии в Италии. Франция вернула герцогу Савойскому его владения, а Генуе — завоеванную в 1553 г. Корсику.

Однако мир не означал возрождения политической независимости итальянских государств. Испанцы остались в Милане и в Неаполитанском королевстве, фактически подчинив себе почти весь полуостров. Франция сохранила за собой Кале (находившийся с 1347 г.

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА (1618–1648 гг.)

в руках англичан) и овладела важными пунктами в Лотарингии, что создало условия для ее последующего завоевания.

Международные отношения во второй половине XVI в.

Распад империи Карла V, казалось, смягчил остроту международных противоречий в Западной Европе. Поглощенная внутренней борьбой Германия не участвовала в войнах Филиппа II; Франция также вступила в полосу длительной и ожесточенной междоусобицы. Ее противоречия с Испанией временно отступили на задний план. Они проявились лишь в поддержке Филиппом II Католической лиги, в попытках гугенотов помочь восставшим Нидерландам и в испанской интервенции 90-х годов XVI в. в северные области Франции. Почти все усилия Филиппа II были направлены на борьбу с восставшими Нидерландами, а также на колониально-морское соперничество с Англией. Исход этой борьбы был предрешен тем, что ресурсы феодальной Испании (даже в сочетании со средствами, извлекавшимися из колоний и Италии) были недостаточны для победы над отложившимися провинциями Нидерландов и Англией, вступившими на путь капиталистического развития. Это обусловило поражение Филиппа II в Нидерландах, гибель «Великой Армады» и потерю монополии в Атлантике.

К концу XVI в. обозначилась новая расстановка сил на международной арене. Поражение турецкого флота при Лепанто в 1571 г., а также напряженная борьба с иранским государством Сефевидов отвлекали Турецкую империю от активного участия в европейских делах. Ослабевшая Испания еще удерживала завоеванные колонии, но буржуазная республика Соединенных провинций уже создавала свою колониальную империю. Англия готовилась вступить на этот же путь. Началась эпоха торговых войн. Во Франции победил абсолютизм и и вновь встала задача воссоединения французских областей на восточной границе. Назревало новое столкновение с Габсбургами, ареной которого лишь частично должна была стать Северная Италия (снова из-за Милана). Главный узел международных противоречий передвигался в германские земли.

§ 2. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В. ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Обострение международных противоречий в Европе в начале XVII в.

Определившиеся уже в XVI в. противоречия между складывавшимися в Европе национальными государствами и противостоявшими им универсалистскими монархиями в начале XVII в. проявились весьма резко. Как турецкая империя, так и в еще большей степени австрийские и испанские Габсбурги оставались в первые десятилетия XVII в. грозной силой, враждебной консолидировавшимся в Европе национальным государствам.

Несмотря на соперничество между австрийскими и испанскими Габсбургами в Италии и в Южной Германии, угроза их совместных действий представлялась реальной уже в начале XVII в. Габсбурги

рассчитывали при этом на поддержку со стороны реакционных сил ряда европейских стран. Для укрепления своих позиций они стремились использовать наступившую в Германии после поражения Великой Крестьянской войны политическую реакцию, контрреформацию и влияние проникавшего всюду Ордена иезуитов. Разрабатывались различные династические комбинации для полного слияния обеих ветвей Габсбургского дома. Испанское правительство надеялось, что благодаря победе католической реакции в Германии будут созданы благоприятные условия для возвращения под власть Испании буржуазной республики Соединенных провинций.

Возникшая угроза совместных испано-австрийских действий на Рейне вызвала большое беспокойство Франции. Католические правители Франции, поддерживая немецких протестантских князей, стремились к тому, чтобы в Германии не прекращалась внутренняя борьба между протестантскими и католическими князьями. Усиление испанских и австрийских Габсбургов и победа католической реакции в Германии были не в интересах католической Франции; Франция не могла примириться с утвердившимся с середины XVI в. господством Испании в Северной Италии, являвшейся связующим звеном между владениями австрийских и испанских Габсбургов. Она поддерживала княжеский партикуляризм в Германской империи и шла на сближение с Оттоманской империей не только с целью предотвратить свою изоляцию намечавшейся коалицией испанских и австрийских Габсбургов, но и для достижения определенных корыстных целей. Заключенный еще в XVI в. договор с Оттоманской империей, предоставлявший Франции ряд торговых привилегий и носивший также характер военного соглашения, был подтвержден в начале XVII в. и оставался орудием французской политики.

Агрессивные планы испанских Габсбургов в Нидерландах, их попытки подчинить своему контролю земли по Нижнему Рейну вызывали тревогу и в Англии, правительство которой стремилось к сохранению и упрочению своего положения на северных морских торговых путях. Англия не желала также усиления других стран Северной Европы, боровшихся за расширение своего влияния на северных морских путях. Но английское правительство стремилось не допустить и полной победы противников Габсбургов на континенте. Англия соперничала с Францией на средиземноморских путях, ведущих на Восток. Вслед за Францией Англия вступила в переговоры с Турцией и добилась для своих судов права входа в турецкие порты под собственным флагом. Кроме того, правящие круги Англии опасались возможности победы католической реакции и в то же время не могли допустить торжества протестантизма, так как революционная оппозиция в Англии выступала под знаменем кальвинизма.

Решительными противниками Габсбургов на севере Европы выступали Дания и Швеция. Дания стремилась занять место Ганзы в посреднической торговле между странами Северного и Балтийского морей и помешать Габсбургам выйти на побережье Северного моря. Датский король, бывший одновременно герцогом Гольштинским (т. е. одним из немецких князей), выступал против утверждения господ-

ства Габсбургов в Северной Германии. Не желала этого и Швеция, соперничавшая с Данией на северных морских путях и проводившая захватническую политику в бассейне Балтики. Итак, все государства в той или иной степени втягивались в нарождавшийся конфликт, который должен был принять общеевропейский характер.

Позиция России, выступавшей как крупная сила на востоке Европы, имела немалое значение для каждого из двух лагерей, готовящихся к войне. Основной задачей своей внешней политики русское правительство считало ликвидацию последствий польской интервенции. Поскольку Польша рассматривалась Габсбургами как аванпост на востоке Европы, то победа испано-австрийской агрессии побудила бы Польшу к дальнейшим агрессивным действиям против русских земель. Другая цель русской внешней политики заключалась в борьбе с Швецией за Прибалтику, но она отступала на второй план по сравнению с задачей ликвидации угрозы австро-польской агрессии.

Активизация борьбы двух лагерей. События в Чехии и их значение

Со второго десятилетия XVII в. узловым пунктом противоречий в Европе стала Германия. Объединенные силы испанских и австрийских Габсбургов готовились двинуться с территории Западной Германии к Нидерландам и к побережью Северного моря. Каждый из враждующих лагерей старался привлечь на свою сторону как можно больше немецких князей: Габсбурги — католических, а державы антигабсбургского направления — протестантских. С возникновением в 1608—1609 гг. в Германии Протестантской унии и Католической лиги (см. гл. 25) подготовка обоих лагерей к открытой войне вступила в решающую стадию. Лишь противоречия внутри наметившихся коалиций задерживали начало войны. Глава Католической лиги Максимилиан Баварский, не желая усиления Габсбургов медлил с открытием военных действий. Не было еще полной договоренности между Испанией и Австрией. Франция, вступившая в соглашение с протестантскими немецкими князьями, не хотела вместе с тем их полной победы. Одновременно немецкие протестанты стремились к сближению с противниками Габсбургов — с Венецианской республикой, швейцарскими кантонами, Англией и республикой Соединенных провинций, с которой Протестантская уния заключила в 1613 г. оборонительный союз.

Особый интерес немецкие протестанты проявляли к Чехии (включенной в 1526 г. в состав Габсбургской державы и затем лишенной обещанных ей прав и привилегий), в которой протестантское и национально-освободительное движение приняло характер активной политической оппозиции. Максимилиан II (1564—1576) вынужден был подписать, а Рудольф II (1576—1612) подтвердить «Грамоту величества», содержащую ряд религиозных уступок чешским протестантам. В 1611 г. в Праге были созданы чешские вооруженные силы под командованием протестанта графа Турна. Успехи протестантов в Чехии вызвали в 1614—1615 гг. ответные действия Католической лиги и иезуитов. Их ставленник Фердинанд Штирийский, добившийся при помощи папы признания его наследником престола в Австрии, Чехии и Венгрии, открыто стал нарушать все гарантиро-

ванные «Грамотой величества» права чехов, преследовал протестантов и сторонников политической независимости Чехии, в частности и графа Турна. В Праге сторонниками Габсбургов было сформировано правительство из десяти «лейтенантов» («заместителей»).

Протестантские депутаты чешского сейма потребовали прекращения нарушений «Грамоты величества». После грубого отклонения этого требования императором Матвеем (1612—1619) в мае 1618 г. возмущение в Праге достигло крайних пределов. Вооруженные толпы обсуждали на улицах правительственные мероприятия и энергично требовали их отмены. «Лейтенанты» и их сторонники из католической знати были вынуждены вступить в переговоры с представителями чешского сейма. Однако собравшаяся 23 мая вооруженная толпа расправилась с предателями по старому чешскому обычаю, выбросив из окна здания сейма двух «лейтенантов» — Мартиница и Славату (акт «дефенестрации»).

Первый (чешско-пфальцский) этап Тридцатилетней войны (1618—1624)

События в Чехии, разыгравшиеся вслед за актом «дефенестрации», означали, по существу, политический отрыв Чехии от Австрии. Правительство из 30 директоров, назначенное чешским сеймом вместо свергнутых «лейтенантов», вступило в переговоры с моравским ландтагом о восстановлении государственного единства Чехии и Моравии и образовании вместе с Силезией, Верхней и Нижней Лужицами федерации по образцу республики Соединенных провинций. В Моравии эта идея встретила поддержку; чешское войско заняло крупнейшие моравские города. Из Чехии были изгнаны иезуиты, а Фердинанд был объявлен низложенным, т. е. лишенным чешской короны.

Не подлежало сомнению, что эти действия нового чешского правительства приведут к вооруженному столкновению не только с Австрией, но и с Католической лигой и всеми силами габсбургско-католического лагеря, которые поспешили консолидироваться: были заключены соглашения между императором Фердинандом II (1619—1637) и главой Католической лиги Максимилианом Баварским, между австрийскими и испанскими Габсбургами. Польский король Сигизмунд III обещал помочь Фердинанду. Силам католической коалиции могло бы противостоять в Чехии только широкое общенародное восстание. Однако чешские дворяне, возглавившие в 1618 г. сопротивление Габсбургам, предпочли союз с немецкой Протестантской унией. Чешский сейм избрал главу унии Фридриха Пфальцского королем Чехии. Вербовка наемников была поручена полководцу унии — графу Мансфельду.

Тем временем руководителям Католической лиги удалось сговориться с главой Протестантской унии о ведении военных операций только на территории Чехии. В самой Германии по этому сговору сохранялся статус-кво. Таким образом, католики, располагавшие численно превосходящими и лучше организованными вооруженными силами, получили возможность направить их, не рискуя своими позициями в Германии, против Чехии, предоставленной руководству чужеземного, непопулярного в стране короля Фридриха Пфальцского.

Результатом была трагическая для чешского народа развязка — разгром габсбургско-католической армией чешских военных сил в битве у Белой Горы близ Праги 8 ноября 1620 г. Чехия была полностью подчинена Габсбургам. Вся ее территория, так же как и Моравия, Силезия, Верхняя и Нижняя Лужицы, была занята войсками Фердинанда II. В Чехии начались расправы и казни, сопровождавшиеся массовыми конфискациями, в результате чего большая часть имуществ казненных и бежавших из страны чехов-протестантов перешла к чешским и австрийским католикам. Из Чехии были изгнаны протестанты всех направлений и запрещено всякое богослужение, кроме католического.

Битва при Белой Горе изменила соотношение сил в Центральной Европе. За покорением Чехии и связанных с ней земель и за подавлением чешского протестантизма последовало усиление католической реакции в Германии и Австрии. Хозяйничавшие в Чехии и проходившие через Австрию войска Максимилиана Баварского грабили крестьян, и без того разоренных вымогательствами поднявшей голову феодальной реакции. Ответом были крестьянские восстания в Чехии и Верхней Австрии (1621), которые свидетельствовали о таившихся в народе грозных силах сопротивления. Однако эти разрозненные местные восстания были жесточайшим образом подавлены войсками габсбургского полководца Валленштейна.

В обстановке успехов католического лагеря стали вновь выявляться противоречия внутри него. Кроме того, Франция, Англия и и их союзники не хотели допустить установления гегемонии Габсбургов в Европе. Возобновление борьбы и ее расширение стали неизбежными.

Второй (датский) период войны (1625—1629)

Усиление позиций Габсбургов особенно встревожило Англию, республику Соединенных провинций и Данию, которые увидели в победе габсбургско-католических сил непосредственную угрозу своим интересам. В 1625 г. эти государства объединились. Датский король Кристиан IV при финансовой помощи Англии и Голландии набрал армию, начавшую военные действия против войск полководца Католической лиги Тилли. Антигабсбургская коалиция рассчитывала на поддержку немецких протестантских князей, а также на помощь Франции. И действительно, Франция, политику которой с 1624 г. направлял кардинал Ришелье, проявила большую заинтересованность в борьбе против Габсбургов и развила в этом направлении весьма энергичную дипломатическую деятельность. Но на прямое военное вмешательство Ришелье не решался, считая, что в интересах Франции следует пока сохранить равновесие протестантских и католических княжеств в Германии. Агенты Ришелье вели тайные переговоры с мелкими немецкими князьями, что содействовало усугублению разлада в габсбургском лагере.

Для борьбы с Данией Фердинанд II нуждался в собственной армии, не связанной с командованием Католической лиги, однако он не располагал необходимыми для этого средствами. Альбрехт Валленштейн предложил Фердинанду создать такую армию без каких-либо

расходов с его стороны. «Система» Валленштейна заключалась в том, что армия сама должна себя содержать, что ей должно быть предоставлено неограниченное «право» грабить население. Приняв предложение Валленштейна, Фердинанд выделил ему ряд округов в Чехии и в Юго-Западной Германии, которые вскоре были опустошены. Грабежи не только покрывали расходы на содержание армии, но и обогащали самого Валленштейна и его офицеров. По мере продвижения на север для борьбы с датским войском армия Валленштейна все более усиливалась за счет присоединявшихся к ней жадных до грабежа банд наемников.

Военные действия 1627—1628 гг. принесли победы Габсбургам. Неудача постигла их лишь при осаде Штральзунда, в обороне которого участвовали и шведы. Протестантские немецкие князья, на помощь которых Кристиан IV рассчитывал, оказались ненадежными союзниками. Из Северной Германии Валленштейн намеревался продолжать продвижение в Данию и Скандинавию, но от этого ему и Фердинанду II пришлось отказаться под угрозой выступления против Габсбургов Франции и всех стран Северной Европы. Чрезмерное усиление Австрии, опирающейся на валленштейновскую армию, было невыгодно и Католической лиге; поэтому Максимилиан Баварский продолжал поддерживать тайные связи с Ришелье.

Весной 1629 г. был заключен мир в Любеке. Дания отказалась от дальнейшего вмешательства в дела Германии. Однако Фердинанд II позаботился о сохранении Северной Германии в качестве плацдарма для последующей агрессии, подарив Валленштейну герцогство Мекленбургское. Сразу после Любекского мира император издал «Реституционный эдикт» (6 марта 1629 г.) об отнятии у протестантов и возвращении католикам всех секуляризованных после 1552 г. церковных земельных владений. Восстановлены были привилегии и юрисдикция епископов.

Любекский мир не был прочным, поскольку с утверждением Габсбургов в Северной Германии не могли мириться Франция, Англия и Швеция. Победа Габсбургов была также не в интересах России, готовившейся к войне с Польшей за Смоленск. Русское правительство не считало для себя возможным активное вмешательство в европейский конфликт, но с самого его начала Россия поддерживала страны антигабсбургского лагеря, особенно Швецию. Непрочность победы австрийских Габсбургов и Католической лиги обусловливалась и противоречиями между ними: руководители Католической лиги были недовольны возвышением Валленштейна и независимым от Лиги положением императора. Под их давлением Фердинанд был вынужден дать Валленштейну отставку (1630).

Третий (шведский) период войны (1630—1635)

После заключения Любекского мира и подчинения части Северной Германии Габсбурги стремились к установлению контроля над Скандинавией и торговлей на северных морских путях. Тем самым они угрожали республике Соединенных провинций и Швеции, затрагивали экономические и политические интересы Англии, Франции и России. Летом 1630 г. Швеция начала военные дей-

ствия в Померании против габсбургских войск — наемной армии Валленштейна. Шведский король Густав-Адольф выставил войско, состоявшее в основном из лично свободных крестьян — держателей государственных земель, обязанных военной службой. Он рассчитывал, что такая армия, хотя и посланная за пределы своей страны, но отстаивающая ее интересы, должна обладать лучшими боевыми и моральными качествами, чем наемники Габсбургов и Католической лиги. Шведская армия была снабжена усовершенствованной полевой артиллерией, что делало ее более подвижной в наступательных действиях.

Сложнее для Густава-Адольфа оказалась дипломатическая сторона подготовки кампании и подбор союзников. Формально ими стали крупнейшие лютеранские князья — курфюрсты Бранденбургский и Саксонский. Но Густав-Адольф стремился объединить всех немецких протестантских князей на почве их общей заинтересованности в борьбе против реституционного эдикта, вступив в союз с кальвинистскими городами Юго-Западной Германии. Противоречия, существовавшие между лютеранами и кальвинистами, явились причиной двойственной позиции лютеранских князей и прежде всего Бранденбургского и Саксонского курфюрстов. Опасаясь, что полная победа шведского короля приведет к ослаблению их собственных политических позиций в Германии, курфюрсты вступили в тайные связи с Фердинандом II и с перешедшим на его службу бывшим командующим войсками Католической лиги Тилли. Они стали чинить препятствия войскам Густава-Адольфа, замедляя их продвижение через свои владения и надеясь, что, используя противоречия между Габсбургами и Католической лигой, они усилят свою роль в империи и отменят реституционный эдикт в своих владениях. Даже тогда, когда войска Фердинанда вторглись в Саксонию и подвергли ее грабежу, помощь шведам со стороны протестантских саксонских войск была малоэффективной. В сражении при Брейтенфельде (под Лейпцигом) 17 сентября 1631 г. Густав-Адольф нанес Тилли решающее поражение. Победили шведы, так как саксонские войска были рассеяны в самом начале сражения, а сам курфюрст бежал.

После победы при Брейтенфельде Густав-Адольф направил командовавшего саксонскими войсками Арнима в Чехию, Моравию и Силезию, чтобы создать угрозу этим владениям Габсбургов. Другой задачей Арнима было воспрепятствовать Валленштейну, вновь назначенному в 1635 г. императором Фердинандом командующим имперской армией, в формировании армии. Но прибыв к месту назначения, Арним не только не противодействовал Валленштейну, но стал тайно сотрудничать с ним.

Густав-Адольф рассчитывал если не на военную помощь Франции, то на ее финансовую и дипломатическую поддержку. Однако Ришелье, оказывая Швеции денежную помощь и поощряя ее выступление, одновременно сковывал действия Густава-Адольфа своей двойной дипломатией, тайными переговорами с Максимилианом Баварским и с духовными князьями империи. Ришелье не хотел полной победы ни Швеции, ни немецких протестантов.

Перед началом военных действий Швеция заключила в 1629 г. перемирие с Польшей: ей было необходимо обеспечить тылы своих войск в Северной Германии, а Польша пошла на перемирие из-за нависавшей угрозы войны с Россией. Чтобы ускорить русско-польскую войну, Густав-Адольф обещал России в случае начала ею военных действий против Польши поддержать ее на западе. Россия же должна была поставлять Швеции хлеб на льготных условиях. Однако, когда в 1632 г. Россия начала военные действия против Польши, обязательство активно участвовать в этой войне не было выполнено Густавом-Адольфом, так как он опасался усиления Русского государства.

Еще до своего вступления в войну Густав-Адольф стремился расширить антигабсбургскую коалицию путем включения в нее враждебной Габсбургам Турции. Турция враждовала и с Польшей, с которой также имела общие границы. В 1629—1632 гг. к турецкому султану направлялись послы Швеции и Франции для того, чтобы склонить его к захвату польских земель как плацдарма для дальнейшего наступления на Германию с востока. Предприняты были дипломатические шаги с целью установления контакта с трансильванским князем Бетленом Габором, а затем и с его преемником Ракоци I, выступавшими против Габсбургов.

Однако все эти попытки остались безрезультатными. Занятая войной с Ираном Турция не могла решиться на войну с сильными европейскими государствами. Кроме того, антигабсбургской коалиции не удалось преодолеть противоречия между Россией и Турцией.

Перед победившей при Брейтенфельде шведской армией стояла задача дальнейшего развития наступательных действий в Германии. Однако Густаву-Адольфу пришлось столкнуться с новой валленштейновской армией еще до того, как он смог обеспечить себя надежной поддержкой. К тому же план создания угрозы владениям Габсбургов был сорван из-за вероломной тактики протестантских князей, особенно курфюрста Саксонского. От похода в Австрию Густав-Адольф отказался и вследствие того, что Австрия, как и Верхняя Швабия и Чехия, были охвачены крупными крестьянскими восстаниями.

Тем временем Валленштейн направился в Саксонию. Вслед за ним в ноябре 1632 г. туда двинулся Густав-Адольф. В битве под Люценом шведская армия одержала победу и заставила Валленштейна бежать со своей армией в Чехию, но в этой битве погиб Густав-Адольф. После его гибели политику Швеции направлял канцлер граф Оксеншерне, находившийся под сильным влиянием Ришелье. В 1633 г. велись переговоры Франции и Швеции с Валленштейном. Поскольку последний не всегда информировал императора о ходе этих переговоров, то Фердинанд заподозрил, что Валленштейн имеет какие-то особые планы, и решил от него избавиться. В феврале 1634 г. Валленштейн был убит.

После гибели Валленштейна объединенные императорские и испанские войска вели бои со шведами на территории между Дунаем и Майном. В сентябре 1634 г. шведам, покинутым своими саксонскими «союзниками», было нанесено тяжелое поражение в битве при Нёрдлингене, вслед за чем победившие императорские и испанские

войска начали опустошительный поход по территориям протестантских князей в Западной Германии. Среди немецких протестантских князей началось движение за примирение с императором. Теперь, наконец, Франция решила вмешаться в войну и возглавить антигабсбургскую коалицию.

Четвертый (франко-шведский) период войны (1635—1648)

После Нёрдлингенской битвы и последовавшими за ней событиями соотношение сил воюющих сторон стало меняться в пользу Габсбургов. В 1635 г. Саксонский курфюрст заключил в Праге с императором мир, к которому затем присоединились и другие протестантские князья. По условиям этого мира император сделал немецким князьям ряд уступок, важнейшая из которых заключалась в отказе от проведения реституционного эдикта в Саксонии и в тех немецких княжествах, которые присоединятся к Пражскому миру. Саксонский курфюрст получил и некоторые территории, причем в перешедшей к нему части Силезии, как и в других своих землях, он имел право ввести протестантизм. Пражский мир 1635 г. продемонстрировал новую тактику Габсбургов, рассчитанную на отрыв немецких протестантских князей от Швеции и Франции. Перспектива усиления Габсбургов в Германии побудила Францию в том же 1635 г. возобновить свой союз с Швецией и открыто вступить в войну. К франко-шведскому союзу вскоре присоединились республика Соединенных провинций, Савойя и Венеция. Перевес сил антигабсбургской коалиции становился очевидным.

В последнем, самом длительном периоде Тридцатилетней войны было сравнительно мало крупных сражений, преобладали бои местного значения, шедшие с переменным успехом.

В 1640—1645 гг. определилось господствующее положение шведов в Северной Германии и французов на Рейне и в Южных Нидерландах. Талантливый шведский полководец Торстентсон одержал крупную победу над императорскими войсками во втором сражении при Брейтенфельде 2 ноября 1642 г. Шведы заняли также ряд пунктов в Силезии и в Моравии. В Южных Нидерландах французские войска под командованием принца Конде одержали верх над испанцами и нанесли им в 1643 г. поражение при Рокруа. Осложняющим моментом в ходе военных действий было то, что Швеция, стремившаяся к господству на Балтийском море, вступила в 1643 г. в войну с Данией, продолжавшуюся около двух лет (1643—1645). Франция, испытавшая в эти годы некоторые военные затруднения в Юго-Западной Германии, была заинтересована в прекращении шведско-датской войны и освобождении сил Швеции для борьбы с Габсбургами. Поэтому Мазарини, преемник умершего в 1642 г. Ришелье, содействовал заключению мира между Данией и Швецией, по которому последняя, получив острова Эзель и Готланд, укрепила свои позиции на Балтийском море.

После мира с Данией шведская армия стремительно направилась на юг; в марте 1645 г. она нанесла решительное поражение императорским войскам при Янкове в Южной Чехии и проникла в австрийские земли, расположенные севернее Дуная. В дальнейшем перед

шведской армией стояла задача форсировать Дунай и создать вместе с французскими войсками угрозу Чехии, Австрии и Западной Венгрии. Но эти операции задержались не только из-за сопротивления императорских войск, но и в значительной степени из-за тактики Мазарини, который, продолжая политику Ришелье, не хотел допустить победы шведов, равно как и торжества их протестантских союзников в Германии. Мазарини вступил в переговоры с Максимилианом Баварским и заключил с ним сепаратный мир, что задержало вторжение шведских войск в Чехию.

Сепаратный мир между Францией и Максимилианом Баварским соблюдался, однако, недолго. Шведская армия после возобновления союза Швеции с Саксонией вновь развернула наступательные операции в Чехии, продвигаясь к стенам Праги, и в Верхней Австрии. Энергичное сопротивление шведам оказало население чешских городов, особенно Праги, где шведы были задержаны длительными и упорными боями. К концу Тридцатилетней войны чехи убедились, что как австро-испанская, так и шведско-французская армии занимаются преимущественно грабежом населения. В Чехии развернулась партизанская война, усилившаяся также во многих районах Германии, опустошенных «своими» и чужими армиями.

После тяжелых поражений и возникшей угрозы захвата Вены император Фердинанд III (1637—1657) вынужден был осенью 1648 г. принять продиктованные ему тяжелые условия мира. На решение обеих сторон положить конец войне оказали также влияние усилившаяся на территории военных действий партизанская война, направленная против грабительских армий обеих сторон, поступившие вести об успехах Английской буржуазной революции и внутренние события во Франции, связанные с Фрондой.

Вестфальский мир

Условия мира, которым закончилась Тридцатилетняя война, изложены в мирных договорах, подписанных в 1648 г. в двух городах Вестфалии — в Оснабрюке (договор между Швецией и ее немецко-протестантскими союзниками, с одной стороны, и императором — с другой) и в Мюнстере (между императором и Францией). Вестфальский мир представлял собой сделку Франции и Швеции с немецкими князьями, которые руководствовались исключительно интересами своих обособленных владений. Как и ход войны, он показал слабость Германии, раздробленной политически и разделенной религиозной борьбой на два лагеря.

По Вестфальскому миру Швеция получила всю Западную Померанию с островом Рюгеном, а в Восточной Померании — город Штеттин (Шецин) и ряд других пунктов. К Швеции перешли остров Волин, Померанский залив со всеми прибрежными городами, архиепископства Бременское и Верденское на Везере в качестве «имперского лена» и город Висмар. Под контролем Швеции оказались, таким образом, все устья судоходных рек Северной Германии. Швеция добилась господства на Балтийском море и стала одним из сильнейших государств Европы. Франция получила Эльзас (с оговоркой, что Страсбург и некоторые другие города Эльзаса формально остаются в составе империи), подтверждение своих прав на занятые еще в

1552 г. три епископства в Лотарингии с городами Мец, Туль и Верден. Территории некоторых германских княжеств увеличились за счет присоединения к ним ряда мелких владений. Особенно округлил свои владения курфюрст Бранденбургский, получивший Восточную Померанию.

Вестфальский мир официально закрепил политическую раздробленность Германии. За немецкими князьями было признано право заключать союзы между собой и с иностранными государствами, вести самостоятельную внешнюю политику. Оговорка о том, что княжеские союзы не должны быть направлены «против императора и империи», была только декларацией. Формальными оставались имперские связи вообще. Вестфальским миром было санкционировано также положение, что империя является союзом государств, связанных только личностью выборного императора и рейхстагами, решения которых не имели обязательного характера.

Вестфальский мир юридически санкционировал выход из состава империи республики Соединенных провинций, получившей международное признание своего государственного суверенитета.

Тридцатилетняя война показала, что в фокусе международных противоречий, вызванных процессом формирования национальных европейских государств и разграничения их территорий, оказалась Германская империя с ее универсалистскими претензиями и формальными связями. В этих условиях результатом общеевропейского кризиса было политическое унижение Германии. Вместе с тем Тридцатилетняя война, которая велась главным образом на территории империи, явилась новым звеном в длинной цепи бедствий немецкого народа, особенно широких масс крестьянства. «На протяжении жизни целого поколения, — писал Энгельс, — по всей Германии хозяйничала самая разнузданная солдатня, какую только знает история. Повсюду налагались контрибуции, совершались грабежи, поджоги, насилия и убийства... Опустошение и обезлюдение были безграничны. Когда наступил мир, Германия оказалась поверженной — беспомощной, растоптанной, растерзанной, истекающей кровью; и в самом бедственном положении был опять-таки крестьянин» [1].

После провала попытки испано-австрийских Габсбургов создать мировую «христианскую империю», ведущую роль в международных отношениях в Европе со второй половины XVII в. стали играть централизованные государства, развившиеся на национальной основе (Франция, Швеция, Россия). Австрия стала развиваться в рамках ее наследственных земель как одно из европейских многонациональных государств. Уменьшилось влияние Оттоманской империи в Европе: ее военное и политическое могущество падало.

Испания не участвовавшая в заключении Вестфальского мира, продолжала воевать с Францией. По Пиренейскому миру 1659 г. Франция расширила свои границы на юге за счет Руссильона, на северо-востоке — за счет провинции Испанских Нидерландов Артуа, на востоке к ней перешла часть Лотарингии.

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 341.

Глава 36

РАЗВИТИЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В XVI И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Начало новой эры в изучении природы

Первые шаги в изучении человеком материального мира были сделаны еще в глубокой древности. Уже в первых классовых обществах Древнего Востока был накоплен определенный запас знаний о тех явлениях природы, с которыми сталкивались люди в своей практической деятельности. В более развитых обществах древнего мира (в особенности в Древней Греции, эллинистических странах, Древнем Риме) и в передовых в культурном отношении странах эпохи средневековья происходило дальнейшее развитие элементов научных знаний, ознаменовавшееся в отдельных случаях замечательными достижениями. Некоторые из этих достижений уже явственно обнаружили познавательную мощь человеческого разума, во всем своем объеме и силе проявившуюся позже, на более высокой ступени развития общества. Примером таких замечательных для своего времени научных достижений могут служить геометрия Эвклида, математические исследования и статика Архимеда, астрономические работы Гиппарха и Птолемея, алгебра арабов и т. д.

Однако вплоть до середины второго тысячелетия новой эры общий уровень развития науки даже в самых развитых тогда странах был еще очень низок. Круг изучаемых явлений материального мира ограничивался тем, что было доступно непосредственному наблюдению. Знания даже об этом ограниченном круге явлений были в большинстве случаев разрозненны и поверхностны. Например, не были известны законы движения материальных тел, и даже передовые для своего времени умы не имели никакого представления о тех законах, под влиянием которых летит камень, брошенный рукой человека, или стрела, выпущенная из лука. Еще не было полностью осознано решающее значение опыта в изучении материального мира, научного же эксперимента практически вообще не существовало. Отдельные правильные наблюдения порой самым причудливым образом переплетались с произвольными умозрениями, догадками и даже грубыми суевериями.

Переворот в развитии естествознания в XVI—XVII вв. и его причины

В XVI—XVII вв. в развитии естествознания происходит коренной перелом. В странах Западной Европы в упорной борьбе с феодально-церковным мировоззрением и схоластикой, все еще продолжавшими господствовать несмотря на общий культурный подъем в XII—XV вв., начинают вырабатываться новые методы изучения материального мира и делаются от-

крытия, заложившие фундамент для последующего развития естествознания. Возникает то движение научной мысли, которое, непрерывно продолжаясь и расширяясь в последующие столетия, привело к великим достижениям науки в наши дни.

Этот перелом в развитии науки был определенным образом связан с теми глубокими социальными сдвигами, которые в XVI—XVII вв. происходили в передовых странах Западной Европы. Закономерности развития общества очень сложны, и нелегко проследить те нити, которые связывали переворот в науке с переменами в других сферах общественной жизни. Однако можно все же указать на важнейшие из исторических событий, способствовавших развитию естествознания в это время. Наступление новой эры в изучении природы прежде всего было непосредственно связано с развитием производительных сил и материальной культуры вообще. Развитие производства (вместе с развитием техники в целом) способствовало научному прогрессу, так как давало огромный запас новых фактов для наблюдений и делало очевидной важность, а иногда уже и практическую необходимость решения некоторых теоретических вопросов.

Применение в отдельных отраслях промышленности простейших механизмов, развитие строительной техники, появление глубоких шахт, требовавших специальных приспособлений для откачивания воды и поднятия грузов, все более широкое применение артиллерии, приводившее к накоплению наблюдений о траекториях полета ядра и толкавшее мысль к изучению общих законов движения материальных тел, — все это расширяло круг доступных для изучения явлений из области механики и стимулировало разработку этого важнейшего раздела физики. Создание более сложных гидротехнических сооружений способствовало изучению гидростатистики и гидродинамики; дальние морские плавания содействовали развитию астрономии (для целей навигации); применение компаса влекло за собой исследование явлений магнетизма; успехи в металлургии, красильном деле, медицине (открытие новых лечебных средств) приводили к накоплению знаний по химии и т. д.

Вместе с тем подъем материального производства вооружил ученых новыми орудиями и средствами для ведения научной работы. Совершенствование ремесленной техники подготовило изобретение в XVI—XVII вв. многих инструментов и приборов. Были созданы микроскоп и телескоп, открывшие новый мир неведомых до тех пор явлений, появились термометр, ртутный барометр, гидрометр. Громадную роль сыграло изобретение книгопечатания (середина XV в.). Замена пергамента гораздо более дешевым писчим материалом (бумагой) привела к подлинной революции в области распространения научных знаний.

В XVI—XVII вв. в передовых странах Западной Европы все большую роль начинает играть формирующийся класс буржуазии, заинтересованный в решении практических вопросов производства и техники, в изучении природы. Развивается и широко распространяется новая культура эпохи Возрождения. Представители этой новой куль-

туры — гуманисты вели настойчивую борьбу со средневековой схоластикой и присущими ей пороками: с воспитываемой со школьной скамьи привычкой полагаться не на собственные силы и наблюдения, а на авторитет, не подвергаемый критической проверке разумом, с непониманием значения опыта, стремлением согласовать науку с теологией; гуманисты отвергали также тенденции подменять изучение явлений реальной действительности бесплодными умозрениями, рассуждениями о том, к какой категории схоластической философии эти явления должны быть отнесены. Таким образом, в то самое время, как развитие производства давало новый материал для изучения процессов, происходящих в природе, и ставило новые естественно-научные проблемы, складывались благоприятные социальные условия для развития научной мысли: вырос интерес к изучению природы, и одновременно с этим ученые постепенно освобождались от сковывавших их приемов схоластического мышления.

Значительную роль в развитии науки сыграло также то, что в результате энергичной деятельности гуманистов ученые несравненно лучше познакомились с произведениями античных писателей, с трудами великих ученых античного мира (Эвклида, Архимеда, Аполлония и др.), которые ранее были известны лишь частично и оставались во многом непонятными. Характерно, что ученые часто совмещали занятия естествознанием с гуманистической деятельностью.

Развитию естествознания способствовали также великие географические открытия. Они впервые на опыте доказали, что Земля имеет шарообразную форму, привели к ознакомлению с огромным количеством новых фактов по астрономии, ботанике, зоологии, оказали революционизирующее влияние на научную мысль вообще, так как выявили, сколь неполны, а подчас и прямо ошибочны были знания ученых-схоластов, как много старых мнений должно быть отвергнуто и заменено новыми.

Отмечая связь зарождения современного естествознания с коренными переменами в общественной жизни, Ф. Энгельс писал: «Современное естествознание, — единственное, о котором может идти речь как о науке, в противоположность гениальным догадкам греков и спорадическим, не имеющим между собой связи исследованиям арабов,—начинается с той грандиозной эпохи, когда бюргерство сломило мощь феодализма, когда на заднем плане борьбы между горожанами и феодальным дворянством показалось мятежное крестьянство, а за ним революционные предшественники современного пролетариата, уже с красным знаменем в руках и с коммунизмом на устах, — с той эпохи, которая создала в Европе крупные монархии, сломила духовную диктатуру папы, воскресила греческую древность и вместе с ней вызвала к жизни высочайшее развитие искусства в новое время, которая разбила границы старого orbis и впервые, собственно говоря, открыла Землю.

Это была величайшая из революций, какие до тех пор пережила Земля. И естествознание, развивавшееся в атмосфере этой революции, было насквозь революционным, шло рука об руку с пробуждаю-

щейся новой философией великих итальянцев, посылая своих мучеников на костры и в темницы»[1].

Первые признаки назревавшего в науке переворота обнаруживаются уже около середины XV в., когда появляются работы, в которых подвергались критике некоторые традиционные представления схоластической философии о природе и делались попытки более самостоятельной разработки отдельных научных вопросов (таковы труды Николая Кузанского, 1401—1464). Однако решающий перелом в развитии наук о природе происходит лишь в XVI столетии, и сказывается он прежде всего в астрономии.

Развитие астрономии

Вплоть до XVI в. в Западной Европе, а также в наиболее развитых для того времени странах Востока господствовала геоцентрическая теория, созданная еще в античную эпоху. Считалось, что в центре Вселенной, имеющей форму сферы, находится неподвижная Земля, и вокруг нее в определенной последовательности обращаются Луна, Солнце, планеты, звездное небо. Основные положения этой системы были сформулированы еще во времена Аристотеля, а ее подробная математическая разработка дана позже Гиппархом (II в. до н. э.) и Птолемеем (II в. н. э.). Для объяснения движения небесных тел с точки зрения геоцентрической системы ученым приходилось прибегать к очень сложным и искусственным геометрическим построениям, но и с их помощью было трудно составить достаточно точные таблицы движения планет.

Однако для того, чтобы отказаться от геоцентрической системы, нужно было усомниться в правильности, казалось бы, бесспорных свидетельств наших чувств о движении небесных тел и неподвижности Земли. Кроме того, для этого нужно было критически отнестись к некоторым традиционным физическим воззрениям, тоже сложившимся еще в античном мире и препятствовавшим допущению мысли о движении Земли, и — что еще более важно — поставить под сомнение авторитет католической церкви. Католическая церковь признала существовавшую уже много веков геоцентрическую систему и включила ее в защищаемый ею взгляд на мироздание. Основная мысль геоцентрической системы о центральном положении Земли могла быть легко согласована с библейским преданием, с представлением о Земле как особо важном месте во всей Вселенной, где происходили описываемые в Библии события.

В XVI в. в обстановке общего научного подъема, в эпоху, когда особенно остро стала ощущаться потребность в составлении точных астрономических таблиц, создались наконец условия для критики старых астрономических воззрений и замены их новыми. Человеком, сделавшим решительный шаг в этом направлении и отвергнувшим геоцентрическую теорию, был польский ученый Николай Коперник.

Коперник (1473—1543) родился в городе Торун. В 1491—1495 гг. он учился в Краковском университете, продолжал образование в Ита-

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 508.

лии, где изучал самые различные науки — каноническое право, древние языки, медицину, математику, астрономию. Избранный каноником собора во Фрауэнбурге (ныне Фромборк), Коперник возвратился в 1503 г. на родину где до конца жизни выполнял административно-хозяйственные обязанности каноника и занимался врачебной практикой. Но главным занятием была для него астрономия.

Трудности, возникающие при объяснении движения небесных тел с точки зрения геоцентрической системы, очевидно, вызвали у Коперника сомнения в ее правильности. Он сделал попытку преодолеть эти трудности при помощи ранее высказанного некоторыми учеными предположения о движении самой Земли и обращении ее вместе с другими планетами вокруг неподвижного Солнца (гелиоцентрическая система) и убедился в преимуществах этой теории. Все последующие годы своей жизни он посвятил подробной разработке своих взглядов, изложенных в его знаменитом труде «О вращениях небесных сфер» («De revolutionibus orbium coelestium»). В течение многих лет Коперник не решался его опубликовать, опасаясь открыто выступить против господствовавших воззрений: книга вышла в свет только в 1543 г., и первый печатный ее экземпляр, по преданию, был получен автором в день его смерти.

Значение работы Коперника в истории науки огромно. Хотя гелиоцентрическая теория зародилась еще в античном мире, однако тогда она представляла собой всего лишь догадку, лишенную должного обоснования и отвергаемую подавляющим большинством ученых. Поэтому Коперник фактически впервые подробно развил и обосновал взгляд на строение Солнечной системы, согласно которому Земля, как и все планеты, обращается вокруг Солнца и вместе с тем вращается вокруг собственной оси. Он освободил науку от многовекового заблуждения; его учение дало толчок дальнейшему развитию научной мысли.

Утверждение и развитие гелиоцентрической системы Коперника происходило в ожесточенной борьбе со старыми воззрениями. Уже Лютер, ссылаясь на Библию, отвергал учение Коперника. Примеру Лютера следовали и другие протестантские богословы. Особенно враждебную позицию по отношению к взглядам Коперника заняла католическая церковь. Когда учение Коперника стало овладевать умами, католическая церковь начала преследовать его сторонников. Первой жертвой преследований стал итальянский мыслитель Джордано Бруно (1548—1600).

Джордано Бруно, развивая положение Коперника, что Земля не является центром мира и находится в движении, создал поразительную для своего времени по смелости мысли картину мироздания. Он утверждал, что мир бесконечен и наполнен бесчисленным множеством небесных тел, состоящих из единой по своей природе материальной субстанции. Солнце является всего лишь одной из звезд. Эти звезды-солнца имеют обращающиеся вокруг них планеты, сходные с Землей. Иначе говоря, Земля — это всего лишь одно из множества небесных тел, движущихся в бесконечном и не имеющем центра пространстве.

Мысли Джордано Бруно, являющиеся гениальным предвосхищением выводов науки последующих столетий, означали отрицание признанных католической церковью взглядов на мироздание. Джордано Бруно был обвинен в ереси и подвергнут заточению, но никакие страдания и пытки не могли заставить его отречься от своих взглядов. После восьми лет заключения он был сожжен на костре в Риме.

В борьбе с католической церковью протекала деятельность и великого итальянского астронома и физика Галилея, более полно обосновавшего гелиоцентрическую систему Коперника. Галилео Галилей родился в Пизе в 1564 г. В 1589 г. он стал профессором математики в Пизанском университете, в 1592 г. — в Падуанском, а в 1610 г. уже прославленным ученым возвратился во Флоренцию, где получил место «первого философа и математика» при дворе великого герцога Тосканского.

Астрономические открытия Галилея связаны с применением подзорной трубы, самостоятельно сконструированной им на основании известия о ее изобретении в Голландии. При ее помощи Галилею удалось увидеть громадное количество невидимых прежде звезд, горы на поверхности Луны, обнаружить четыре спутника Юпитера, фазы Венеры, пятна на Солнце. Результаты своих первых открытий (фазы Венеры и солнечные пятна были открыты немного позднее) Галилей опубликовал в 1610 г. в небольшой книжке «Звездный вестник», произведшей на современников огромное впечатление: открытия Галилея сравнивали с открытием Америки.

Наблюдения Галилея показали несостоятельность некоторых распространенных ранее астрономических и физических представлений, препятствовавших признанию системы Коперника. Сходство Луны с Землей (например, горы на ее поверхности) опровергало господствовавшее до тех пор мнение о коренном отличии небесных тел от Земли, мешавшее принять мысль Коперника, что Земля является планетой. Спутники Юпитера доказывали необоснованность одного из основных возражений против теории о движении Земли вокруг Солнца (возражение основывалось на том, что вокруг нее обращается другое небесное тело — Луна), ибо, как оказалось, Юпитер имел даже четыре «луны», хотя сам совершал такое же круговое движение, какое, согласно Копернику, совершала и Земля. Фазы Венеры ясно указывали на ее движение вокруг Солнца.

После этих открытий учение Коперника стало распространяться гораздо быстрее; Галилей и его многочисленные последователи умело использовали их для опровержения геоцентрической теории. Католическая церковь попыталась пресечь распространение взглядов Коперника. В 1616 г. мысль о Солнце как центре мира и о движении Земли была признана еретической, а сочинение Коперника внесено в список запрещенных книг. Однако Галилей продолжал собирать доказательства правильности системы Коперника. В 1632 г. он опубликовал книгу «Диалог о двух главнейших системах мира» (Птолемеевой и Коперниковой), где собрал и в блестящей форме изложил все существовавшие тогда доводы в пользу гелиоцентрической теории, использовав при этом открытые им законы механики. Памятуя

о запрете учения Коперника, Галилей рассматривал его как одну из возможных гипотез, но содержание книги не оставляло сомнения в том, на каких позициях он в действительности стоял.

Книга нанесла решающий удар геоцентрической теории. Однако чем убедительнее были аргументы, приводимые Галилеем, тем большую ненависть вызывал он у сторонников старых воззрений. В 1633 г. Галилей предстал перед судом инквизиции в Риме. Несмотря на отречение, вырванное у него угрозой сурового наказания, он был признан виновным в том, что поддерживал доктрины, ложные и противные Священному писанию, и осужден на тюремное заключение, замененное позднее ссылкой. До самой смерти в 1642 г. Галилей оставался под надзором инквизиции и был лишен права печатать свои труды. Но он продолжал научную работу; в 1638 г. ему удалось напечатать в Голландии книгу «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящихся к механике и местному движению», в которой были подведены итоги его многолетних исследований по механике.

Другим ученым, сыгравшим крупную роль в развитии гелиоцентрической теории, был немецкий астроном Иоганн Кеплер (1571—1630). Кеплер учился в Тюбингенском университете, затем жил в Граце, Праге (где получил должность придворного математика при дворе Рудольфа II), Линце. Кеплер переезжал с места на место из-за религиозных преследований (он был протестантом) и материальной нужды. В 1615 г. мать Кеплера была обвинена в колдовстве, и ему с большим трудом удалось добиться прекращения ее дела. Умер Кеплер в Регенсбурге, куда прибыл в тщетной надежде получить жалованье, не выплаченное ему из императорской казны. Несмотря на обрушившиеся на него несчастья, Кеплер с удивительным упорством продолжал занятия астрономией, главной целью которых было выяснение законов обращения планет вокруг Солнца. Интересно отметить, что, хотя Кеплер неоднократно высказывал скептическое отношение к астрологии, он все же не освободился от ее влияния, делал на основе наблюдений над положением небесных тел предсказания и составлял гороскопы (известны гороскопы, составленные им для Валленштейна).

Заслуга Кеплера перед наукой состоит в том, что он выяснил истинные формы планетных орбит и установил факт неравномерности движения планет. Заложив фундамент гелиоцентрической системы, Коперник продолжал придерживаться некоторых господствовавших в его время неправильных представлений. В частности, он считал, следуя за Аристотелем, что в сфере небесных явлений существует наиболее «совершенное» круговое и равномерное движение. Поэтому он ошибочно полагал, что движение планет также слагается из круговых движений. Для согласования этого взгляда с данными астрономических наблюдений он принужден был отчасти сохранить искусственные геометрические построения системы Птолемея.

Кеплер некоторое время был помощником датского астронома Тихо Браге (1546—1601), проведшего в Праге последние годы жизни. Тихо Браге славился искусством производить точные астрономи-

ческие наблюдения. Оставленные им данные о движении планет отличались необычной для того времени полнотой и точностью. Изучая наблюдения Тихо Браге над движением Марса, Кеплер после многих лет упорной работы пришел к выводу, что планеты движутся по эллипсам, в одном из фокусов которых находится Солнце (первый закон Кеплера), и что скорость движения планет увеличивается с приближением к Солнцу (второй закон, согласно которому радиусы-векторы, связывающие планету с Солнцем, в равные промежутки времени описывают равные площади).

Кеплер опубликовал свои открытия в 1609 г. под названием «Новая астрономия, или Небесная физика, изложенная в исследованиях о движении звезды Марс». В работе «Гармония Мира» (1619) он сформулировал третий закон, устанавливающий связь между периодами обращения планет и их расстояниями от Солнца. Открытые Кеплером законы позволили составить значительно более точные таблицы движения планет. Эти таблицы были изданы Кеплером в 1627 г. и названы в честь императора Рудольфа «Рудольфовы таблицы».

После работ Галилея и Кеплера научное превосходство гелиоцентрической системы стало настолько очевидным, что со второй половины XVII в. астрономы, стоявшие на уровне научных требований своего времени, в большинстве случаев уже признавали ее правильность, хотя обычно излагали как одну из возможных гипотез наравне с системой Птолемея.

Развитие физики

В развитии физики перелом наступил позже, чем в астрономии. В XVI в. происходила своеобразная подготовка к созданию новой физики. В связи с гуманистическим движением и пересмотром господствовавших ранее взглядов некоторые мыслители предприняли попытки создать новые натурфилософские концепции, в которых были подвергнуты критике различные аспекты аристотелевской физики, усвоенной средневековой схоластикой.

Одновременно началась основанная на самостоятельных наблюдениях разработка отдельных вопросов физики. Значительные успехи были достигнуты в статике и гидростатике. Благодаря более полному ознакомлению с трудами античных ученых были освоены достижения Архимеда в области статики и появились новые важные открытия. Наиболее крупным исследованием была работа «Принципы равновесия», принадлежавшая перу голландца Стевина (1548—1620), удачно совмещавшего в одном лице ученого-теоретика и инженера-практика (он был военным инженером и главным инспектором гидротехнических сооружений в Голландии). Стевин сформулировал важнейшие теоремы гидростатики, в частности, он знал о так называемом гидростатическом парадоксе, который объясняет действие гидравлического пресса. Стевину приписывается также изобретение парусной повозки, приводимой в движение силой ветра.

Итальянский ученый Николо Тарталья (1500—1557) изучал под влиянием потребностей баллистики траекторию брошенного тела. Тарталья установил, что наибольшая дальность полета достигается

при угле вылета в 45°. Английский ученый Вильям Гильберт (1540—1603) в работе «О магните» на основе тщательных наблюдений и экспериментов дал подробное описание свойств магнита, а также всех известных в то время электрических явлений.

Много новых идей в области физики высказал Леонардо да Винчи, однако его записки не были опубликованы и остались неизвестны современникам.

В первой половине XVII в. происходит уже полный переворот в развитии физики. Этот переворот был связан с деятельностью Галилея, который решительно встал на путь создания науки, основанной на опыте и на применении точных математических методов при анализе и обобщении данных опыта. Новый дух, внесенный в науку Галилеем и другими учеными, виден на примере исследования вопроса о свободном падении тел. До Галилея преобладало ошибочное мнение Аристотеля, что скорость падения тел пропорциональна их весу. Галилей подверг пересмотру этот традиционный взгляд и выдвинул тезис, что скорость свободно падающего тела не зависит от веса. По рассказу биографа Галилея, для проверки правильности своих взглядов он сбрасывал шары различного веса с высокой башни. Затем, применяя, поскольку это можно было сделать на той стадии развития математики, точные математические методы для анализа процесса движений материальных тел, Галилей вывел уравнение равномерно ускоренного движения, изложил, хотя и не сформулировал в окончательном виде, закон инерции и принцип независимости действия сил, уточнил (или, правильнее, впервые создал) научные представления о скорости и ускорении, определил траекторию брошенного тела, начал изучение колебания маятника и т. д. Он всегда стремился проверять свои выводы, сопоставляя их с наблюдениями, производил возможные эксперименты. Например, для проверки найденного им закона равномерно ускоренного движения Галилей скатывал бронзовые шарики по специально устроенному желобу, измеряя время, за которое они проходили различные расстояния (из-за отсутствия точных часов он измерял время скатывания шарика количеством воды, вытекающей через отверстие в дне сосуда). Эти труды Галилея явились основой для последующего развития кинематики и динамики.

Вклад в начатую Галилеем огромную работу по выяснению подлинных законов движения материальных тел внес и французский ученый Рене Декарт, сформулировавший, в частности, в более общем виде закон инерции (1644).

Зарождение и укрепление новых принципов научного исследования знаменовало начало бурного развития физики. Помимо механики начинают быстро развиваться и другие ее разделы. Важные открытия были сделаны в физике жидких и газообразных тел. Французский математик и физик Блез Паскаль (1623—1662), известный также как философ и писатель, успешно продолжил разработку вопросов гидростатики и в общем виде сформулировал названный его именем закон о передаче давления в жидкостях. Ученик Галилея Торичелли (1608—1647) изучал атмосферное давление и создал ртутный барометр, получив в запаянной трубке пустое пространство над ртутью (торичел-

лиева пустота). Он отверг старое учение о «боязни пустоты» и утверждал, что ртуть в столбике барометра поддерживается именно атмосферным давлением. Правильность этого мнения экспериментально доказал Паскаль, организовав серию опытов с барометром, устанавливавшимся на различных уровнях горного склона. Немецкий инженер и бургомистр Магдебурга Отто фон Герике (1602—1686) изобрел воздушный насос и поставил эффектный эксперимент, также подтвердивший существование атмосферного давления и обнаруживший всю его силу (при помощи так называемых магдебургских полушарий). Английский физик и химик Роберт Бойль (1627—1691) и французский ученый Мариотт (1620—1684) открыли независимо друг от друга названный их именами закон о соотношении объема газа с оказываемым на него давлением. Быстро развивалась также и оптика, чему способствовала работа по созданию и совершенствованию появившихся в это время оптических приборов (зрительная труба, телескоп, микроскоп), требовавшая изучения законов распространения и преломления световых лучей; важную роль в развитии оптики сыграли труды Кеплера («Диоптрика») и Декарта.

Развитие математики

Подъем научной мысли и потребность развивающейся науки, особенно астрономии и механики, в более совершенных методах математического исследования привели к быстрому развитию математики.

Еще ученые Древней Греции и особенно средневекового Востока были знакомы с элементами алгебры, умели, например, решать уравнения первой и второй степени. В XVI в. новые открытия в этой области следовали одно за другим. Итальянские математики, в том числе Тарталья и Кардано (1501—1576), разработали способ решения уравнения третьей степени (формула Кардано). Один из учеников Кардано открыл способ решения уравнений четвертой степени. Для сложных вычислений (особенно в астрономии) были изобретены логарифмы. Первые таблицы логарифмов (Непера) появились в 1614 г.

Вырабатывалась система математических символов для записи алгебраических выражений и производства алгебраических действий. До XV в. буквы употреблялись в алгебре далеко не всегда и лишь для обозначения искомых неизвестных величин, алгебраические же действия записывались посредством слов при помощи громоздких фраз. Уравнения составлялись и решались только с определенными числовыми коэффициентами. С XV в. и до середине XVII в. во всеобщее употребление входят определенные знаки для записи алгебраических действий (знаки сложения, вычитания, возведения в степень и т. д.), вводятся буквенные обозначения не только для неизвестных, но и для всех других величин. Благодаря последнему нововведению, связанному с именем французского математика Виета (1540—1603), впервые стало возможным в общей форме ставить и решать алгебраические задачи, появились алгебраические формулы. Алгебраическая символика получила дальнейшее развитие в трудах Декарта, который придал ей почти современный вид; в частности, он ввел принятые теперь знаки для обозначения неизвестных величин (последние буквы латинского алфавита — x, y, z). Одновременно с алгеброй

развивалась тригонометрия, которая из подсобной дисциплины астрономии превратилась в особый раздел математической науки.

В это же время зарождаются некоторые совершенно новые разделы математики. Декарт и французский математик Ферма создали аналитическую геометрию, установив путем метода координат связь между геометрией и алгеброй. Математики первой половины XVII в. — Ферма, Кавальери, Паскаль, Декарт, Кеплер и другие разработали отдельные вопросы анализа бесконечно малых величин, подготовив почву для создания во второй половине столетия дифференциального и интегрального исчисления (И. Ньютон и Г. В. Лейбниц).

Возникновение новых отраслей математики имело огромное принципиальное значение. Началось изучение переменных величин и функциональной зависимости между ними. Вырабатываются математические методы, впервые позволившие подвергнуть точному анализу процессы движения в природе, явления материального мира в их изменениях и диалектических связях. Возникновение новых математических дисциплин было одним из необходимых условий последующих успехов в изучении природы.

Развитие других отраслей естествознания

Развитие химии, геологии, географии, ботаники, зоологии и т. д. сводилось главным образом к накоплению и описанию новых фактов. Однако в этом отношении были достигнуты значительные успехи. Была преодолена традиция черпать фактический материал, идеи и концепции из сочинений античных авторов. Основное внимание стало уделяться непосредственному и самостоятельному изучению природы.

В химии были открыты неизвестные ранее вещества, изучались их свойства, чему способствовали развитие красильного дела, некоторых химических производств, медицины (все шире использовавшей различные химические соединения в лечебных целях), горного дела и металлургии, а также все еще продолжавшая процветать алхимия. Хотя алхимики ставили перед собой фантастические цели, однако в процессе многочисленных и упорно повторяемых опытов они часто эмпирическим путем приходили к выяснению химических свойств многих веществ.

Возрос запас знаний по геологии и минералогии. Крупнейшие работы в этой области принадлежат немецкому ученому Георгу Бауэру (1494—1555), более известному под латинизированным именем Агриколы. Они чрезвычайно интересны для истории горного дела.

В результате великих географических открытий произошло расширение географических знаний. К середине XVII в. были в основном установлены общие очертания материков на большей части земного шара. Неизученными оставались труднодоступные Арктика и Антарктика, частично район Австралии. Были получены новые данные о морских течениях, ветрах, климатических явлениях, в частности о неизвестном ранее европейцам климате экваториального пояса и т. д. Развивались связанные с географией специальные дисциплины. Разрабатывались научные основы картографии и создавались более точ-

ные карты. Большие заслуги в развитии картографии принадлежат Герхардту Кремеру (1512—1594), вошедшему в историю науки под латинизированным именем Меркатора (родился во Фландрии, с 1552 г. жил в Германии). Он создал одну из основных картографических проекций, названную его именем.

В области ботаники и зоологии появились многотомные, снабженные зарисовками описания растений и животных, например «История животных» швейцарского ученого-филолога, библиографа и натуралиста Конрада Геснера (1516—1565). Были организованы ботанические сады, сначала в Италии, затем и в других странах Западной Европы. Впервые появились гербарии, научные музеи; предпринимались попытки классификации растений на основе определенных признаков.

Значительные успехи были достигнуты в изучении человеческого организма, происходит пересмотр взглядов, господствовавших в античной и средневековой медицине. Швейцарский химик (и алхимик), биолог и врач Филипп Теофраст фон Гогенгейм, принявший латинизированное имя Парацельс (1493—1541), пытался создать новую теорию о природе человеческого организма и методах лечения болезней. Систематически производились тщательные анатомические вскрытия, знаменовавшие зарождение научной анатомии. Провозвестником новых идей был Везалий (1514—1564), родившийся в Брюсселе, но сделавший свои основные открытия в Италии, где он опубликовал труд «О строении человеческого тела». Теория кровообращения — фундамент для последующего развития физиологии человека и животных, — подготовленная работами испанского ученого Мигеля Сервета (из-за его религиозных взглядов казнен в 1553 г. в кальвинистской Женеве), была разработана английским врачом Вильямом Гарвеем (1578—1658).

Изобретение микроскопа позволило исследовать невидимые невооруженным глазом детали строения растений и живых организмов. Голландец Левенгук (1632—1723) открыл микроорганизмы. Началось изучение при помощи микроскопа строения живой ткани.

Связь развития естествознания с новой философией

Развитие науки происходило в тесной связи с развитием новой философии. Борьбой против средневековой схоластики представители передовой философской мысли устраняли препятствие на пути дальнейшего развития науки и способствовали выработке более правильных общих теоретических представлений о природе. Наибольшую роль сыграли два философа — Фрэнсис Бэкон и упоминавшийся выше математик и физик француз Рене Декарт.

Фрэнсис Бэкон (1561—1626) родился в Лондоне и учился в Кембриджском университете, затем жил в Париже. Вернувшись на родину, он сделал блестящую карьеру — стал при Якове I лордом-канцлером королевства и получил титул барона Веруламского. Но в 1621 г. был обвинен в служебных злоупотреблениях и лишен всех должностей. Позднее король помиловал Бэкона, но к активной политической деятельности он не возвратился.

Совмещая, как и многие ученые того времени, практическую деятельность с научными занятиями, Бэкон разработал новый, прогрессивный для своей эпохи эмпирический метод изучения природы. Он утверждал, что истинное знание должно основываться на опыте. Ученый обязан прежде всего произвести точные наблюдения, установить свойства материальных тел, а затем путем обобщения этих наблюдений (индукции) делать общие выводы. При этом Бэкон уделяет особое внимание критике тех предвзятых точек зрения и предрассудков, которые препятствуют проведению точных наблюдений и мешают делать из них правильные выводы. Несмотря на односторонность эмпирико-индуктивного метода Бэкона и слишком упрощенный подход к его конкретной разработке, призыв к опыту, к проверке опытом теоретических выводов несомненно способствовал выработке правильного научного подхода к изучению материального мира.

Значение Бэкона удачно охарактеризовал Герцен. Он писал, что в лице Бэкона «явился человек, который сказал своим современникам: «Посмотрите вниз: посмотрите на эту природу, от которой вы силитесь улететь куда-то; сойдите с башни, на которую взобрались и откуда ничего не видать; подойдите поближе к миру явлений — изучите его» [1].

Следует, однако, отметить, что, пропагандируя новые методы изучения природы, Бэкон в некоторых вопросах не дошел до понимания достижений науки своего времени, в частности, он был противником системы Коперника.

Рене Декарт (1596—1650) (латинизированное имя — Картезий, откуда название его философской системы — картезианство), сын провинциального дворянина, учился в иезуитской школе, где все было пропитано духом схоластики, что вызвало у Декарта разочарование в официальной науке. Окончив школу, он (по его словам) «оставил книжные занятия и решил искать только ту науку, которую мог обрести в самом себе или же в великой книге мира». Декарт провел несколько лет в Париже, служил в иностранных армиях, путешествовал по странам Европы. Наблюдая жизнь, полную борьбы новых сил с дряхлеющим феодальным миром, изучая достижения передовой научной мысли (особенно математику, которой он увлекался со школьной скамьи), Декарт, как и Бэкон, пришел к выводу, что схоластическая наука должна быть заменена новой наукой, построенной на иных основах. В 1629 г. Декарт уехал в Голландию, где вне гнетущего контроля со стороны католической церкви надеялся найти благоприятные условия для научной деятельности. В Голландии были опубликованы его главные труды — «Рассуждение о методе» (1637) и «Начала философии» (1644). Но протестантские теологи ополчились против Декарта, и ему пришлось уехать в Швецию, где он умер.

Философская система Декарта отлична от системы Бэкона и явилась отправным пунктом развития другого течения в философии — рационализма.

---

[1] *Герцен А. И.* Избранные философские произведения, т. I. М., 1948, с. 254.

Согласно рационалистической теории познания, источником истинного знания является разум, который в самом себе находит критерий для установления истины. Образцом для всех наук должна быть выбрана математика с ее строгими логическими доказательствами. Применяя столь же ясные, как математические доказательства, методы мышления, можно, по мнению Декарта, прийти к познанию истины. Этот рационалистический метод познания, на создание которого бесспорно оказали влияние успехи математики, был совершенно несовместимым с духом средневековой схоластики и расчищал путь для дальнейшего развития научных знаний.

Еще большую роль в истории естествознания сыграла натурфилософия Декарта. Хотя в философской системе Декарта были значительные элементы идеализма (он признавал существование бога), взгляды его на природу носили практически материалистический характер. Декарт предпринял грандиозную по широте замысла попытку создать цельную и единую в своих основах механико-материалистическую концепцию мира. Согласно его учению, весь мир состоит из частиц материи, главным свойством которых является протяженность. Эти частицы, единые по своей природе и различающиеся лишь по величине и форме, находятся в движении, подчиненном механическим законам. Все явления природы Декарт объяснял этим движением материи. Небесные тела — звезды, Солнце, планеты, кометы — были образованы вихреобразным движением материи; обращение планет вокруг Солнца также является результатом вихревого движения особых мельчайших частиц материи. Магнетизм, теплота, свет, приливы и отливы — результат движения различного рода частиц. Декарт сделал попытку чисто механическим способом объяснить процессы, происходящие в живых организмах, представляющих, по его мнению, своего рода машины или автоматы (в человеке с этим своеобразным живым механизмом, т. е. телом, соединена нематериальная духовная субстанция — душа). Такой механико-материалистический взгляд на природу представлял, несмотря на его недостатки, значительный шаг вперед по сравнению со схоластикой. Идеи картезианской физики, получившие в середине XVII в. широкое распространение, стали мощным орудием борьбы против старых воззрений на природу.

Итоги развития естествознания к середине XVII в.

К середине XVII в. были достигнуты большие успехи в развитии нового естествознания. Передовые ученые полностью осознали решающее значение опыта в изучении материального мира. Причем дело не ограничивалось лишь пассивным созерцанием явлений природы; начинают производиться научные эксперименты в полном значении этого слова; эксперименты производили и Галилей, и Торичелли, и Гильберт, и Паскаль, и другие ученые. Для точного описания, анализа и обобщения наблюдений над природой успешно применяется математика. Складывается новый, более правильный общий взгляд на природу, а именно — убеждение, что в природе все подчинено строгим закономерностям, которые могут быть познаны человеческим разумом. Такое представление, свойствен-

ное Декарту и последующим философам-рационалистам (хотя они неправильно отвечали на вопрос о путях познания человеком законов материального мира), практически разделялось Галилеем, Кеплером и другими зачинателями нового естествознания независимо от различий в их общих воззрениях.

Для эпохи быстро растущего применения математики характерно представление, что закономерности, действующие в природе, могут быть выражены при помощи точных математических соотношений. Галилей сравнивал Вселенную с открытой для всех книгой, для понимания которой необходимо изучить язык, на котором она написана: «написана же она языком математическим, и знаки ее суть треугольники, круги и другие математические фигуры». Утверждение идеи о господстве в природе строгой закономерности подводило прочный фундамент под формировавшееся новое естествознание.

В процессе полного обновления наук о природе были успешно решены многие проблемы, имевшие жизненно важное значение для дальнейшего прогресса естествознания. Особенно велики были успехи астрономии и механики. Развитие этих научных дисциплин уже вплотную подошло к завершению работы по созданию основ теоретической механики земных и небесных тел, выполненной в конце XVII в. Исааком Ньютоном.

Рождение нового естествознания было сложным процессом, протекавшим в упорной борьбе со старыми взглядами. Нельзя забывать, что, несмотря на социальные сдвиги, происшедшие в XVI — первой половине XVII в. в странах Западной Европы, в это время еще сохранялись основы старых общественных порядков и были широко распространены представления, плохо совместимые или даже совсем несовместимые с научным взглядом на природу, на цели и методы ее изучения. Несмотря на критику гуманистов, во многих университетах продолжала господствовать схоластика. Там же, где сохранялась схоластика, удерживалась и уже отжившая свой век перипатетическая (аристотелевская) натурфилософия. Как и прежде, повсеместно были распространены грубые предрассудки, даже усилился религиозный фанатизм; время создания новой науки было вместе с тем временем Варфоломеевской ночи. Широкое распространение приняло преследование «колдунов» и «ведьм». По всей Западной Европе в тюремных застенках и на костре гибли ни в чем не повинные люди, обвиненные в сношениях с нечистой силой. Вышедшая в 1487 г. книга «Молот ведьм», в которой подробно указывались меры борьбы с «колдунами» и «ведьмами», до середины XVII в. была переиздана более 20 раз!

Развивавшееся в таких условиях естествознание лишь постепенно и ценой огромных усилий освобождалось от ошибочных мнений, освященных традицией заблуждений и предрассудков. Ученые, твердо ставшие на путь обновления науки, еще очень часто недостаточно четко представляли себе грань между возможным и невозможным, реальным и фантастическим. Занятия астрономией нередко сочетались с занятиями астрологией, предсказывавшей судьбу людей и земные события на основе расположения небесных светил. Еще не стала

ясна неосуществимость целей, преследовавшихся алхимией, и многие ученые продолжали производить химические опыты в надежде найти особую субстанцию (философский камень — Magisterium, materia prima), при помощи которой можно было бы превращать простые металлы в золото, излечивать от всех болезней, возвращать молодость и т. д. Фактически материалистические взгляды на природу нередко причудливо переплетались с представлением о действии в ней одушевленных начал или же об одушевленности материи, иногда с верой в существование мистических сил и даже с занятиями магией.

В XVII в. эти трудности постепенно преодолеваются, и процесс формирования нового естестознания с его специфическими особенностями в основном заканчивается. Значение этого события, рассматриваемого с точки зрения его исторических последствий, было очень велико. Новое естествознание XVII в. уже окончательно порвало со средневековой схоластикой, встало на путь опытного знания и свободного научного исследования. Его возникновение означало, что наступила заря новой эры в истории человечества, эры целеустремленного изучения материального мира, которое в дальнейшем, в XIX и особенно в XX в., открыло перед человеком неведомые дотоле возможности в деле овладения силами природы. От Галилея и Кеплера тянутся нити непосредственной научной преемственности к естествознанию наших дней.

Однако значение переворота в науке XVI и XVII вв. не исчерпывается только подготовкой грядущих успехов в научном познании мира. Зародившиеся в это время новое естествознание с его более совершенными и эффективными методами изучения природы, с непрерывно и быстро возрастающим запасом знаний начинает играть заметную роль в общественной жизни своей эпохи. Хотя эра широкого применения науки в общественном производстве наступила значительно позже, однако и в это время некоторые научные достижения используются в практических целях, способствуя прогрессу промышленности, транспорта и всей материальной культуры в целом. Так, например, успехи мореплавания XV—XVII вв. в немалой степени объясняются изобретением более совершенных инструментов для наблюдения с палубы корабля за небесными светилами (с целью определения географических координат местоположения корабля), появлением более точных астрономических таблиц, прогрессом картографии и т. д.

Вместе с тем распространение новых научных взглядов на природу становится одним из основных средств борьбы передовых сил общества против идеологии отживавшего феодализма с ее суевериями и предрассудками. В следующем XVIII в. в период подготовки Великой французской революции научное естествознание станет в руках философов-просветителей могучим орудием борьбы со взглядами, освящавшими и санкционировавшими старый общественный порядок.

ХРОНОЛОГИЯ

1450	— «Вечная» уния Норвегии с Данией
1451—1506	— Христофор Колумб
1452—1519	— Леонардо да Винчи
1456	— Открытие португальцами островов Зеленого мыса
ок. 1467—1536	— Эразм Роттердамский, гуманист
1471—1528	— Альбрехт Дюрер, выдающийся немецкий художник
1473—1543	— Николай Коперник
1475—1564	— Микеланджело Буонарроти
1478—1479	— Новое завоевание Албании турками
1478—1535	— Томас Мор, английский гуманист
1483—1520	— Рафаэль Санти
1485—1603	— Династия Тюдоров в Англии
1485—1509	— Генрих VII Тюдор, английский король
1488—1523	— Ульрих фон Гуттен, немецкий гуманист
1492—1498	— Открытие Америки Христофором Колумбом
1493, 1502	— Заговоры тайного крестьянского союза «Башмака» в Германии
1494	— Договор в Тордесильясе между Испанией и Португалией о разделе внеевропейских территорий
Ок. 1494—1553	— Франсуа Рабле, французский гуманист
1494—1559	— Итальянские войны
1497—1499	— Экспедиция Васко да Гама. Открытие морского пути в Индию
1498—1515	— Людовик XII, французский король
1500	— Открытие Бразилии португальцем Кабралем
1509	— «Похвала глупости» Эразма Роттердамского
1509—1547	— Генрих VIII, английский король
1511	— Захват Малакки португальцами
1511—1553	— Мигель Сервет — испанский гуманист и ученый
1513—1523	— Кристиан II, король Дании и Швеции
1514	— Крестьянское восстание в Венгрии под руководством Дьерди Дожи
1515—1547	— Франциск I, французский король
1515	— Битва при Мариньяно. Захват Франциском I Милана
1516	— Болонский конкордат Франциска I с римским папой
1516	— «Утопия» Томаса Мора
1516—1556	— Карл I, испанский король (с 1519 по 1556 г. — германский император Карл V)
1517, октябрь	— Выступление Лютера с 95 тезисами. Начало Реформации в Германии
1518—1531	— Деятельность Цвингли в Цюрихе
1519—1521	— Экспедиция Фердинанда Кортеса, завершившаяся завоеванием Мексики
1519—1522	— Народные восстания в Валенсии
1519—1522	— Первое кругосветное путешествие Магеллана
1520	— «Стокгольмская кровавая баня»

1520—1521	— Восстание городских коммун («комунерос») в Кастилии
1521	— Вормсский рейхстаг в Германии; принятие эдикта против Лютера
1521—1524	— Восстание на острове Майорка
1522	— Рыцарское восстание в Германии
1523	— Расторжение Кальмарской унии между Швецией и Данией. Восстановление независимости Швеции
1523—1560	— Густав I Ваза, шведский король
1524—1525	— Крестьянская война в Германии
1525	— Битва при Павии; победа войск императора Карла V над французской армией Франциска I. Мадридский мир
1525, 27 мая	— Казнь Томаса Мюнцера
1526	— Битва при Мохаче. Разгром чешско-венгерского войска турками; потеря Венгрией независимости
1526—1527	— Крестьянское восстание в Венгрии (между Тиссой и Марошем) под предводительством Иована Черни
1527—1539	— Реформация в Швеции
1529	— Мир в Камбрэ между Испанией и Францией
1530	— Аугсбургский сейм. «Аугсбургское исповедание веры»
1531	— Образование Шмалькальденского союза протестантских князей
1531	— Битва при Каппеле, гибель Цвингли (род. в 1484 г.)
1531	— Начало завоевания Перу испанской экспедицией Писарро
1532	— Присоединение герцогства Бретани к Франции. Завершение объединения страны
1533—1535	— Народное движение под руководством анабаптистов в Голландии
1534	— «Акт о супрематии» (верховенстве короля над церковью) в Англии
1534—1535	— Анабаптистская коммуна в Мюнстере
1534—1536	— Гражданская война в Дании («Графская распря»)
1536	— Реформация в Дании
1536—1564	— Деятельность Кальвина в Женеве
1539—1540	— Восстание в Генте (Нидерланды)
1539—1544	— Стачки типографских подмастерьев во Франции
1540	— Официальное утверждение папой Ордена иезуитов
1541	— Захват Буды турками. Раздел Венгрии между турками и австрийскими Габсбургами
1541	— Принятие английским королем Генрихом VIII титула короля Ирландии
1545—1563	— Тридентский собор (заседал с перерывами)
1546—1548 1552—1555	— Шмалькальденские войны в Германии между протестантскими князьями и католическими князьями во главе с императором
1547—1616	— Мигель Сервантес де Сааведра
1548—1600	— Джордано Бруно
1549	— Крестьянское восстание под руководством Роберта Кета в Англии
1553—1558	— Мария Тюдор, английская королева
1555	— Аугсбургский религиозный мир
1555—1598	— Филипп II, испанский король
1556—1564	— Фердинанд I, германский император
1558—1603	— Елизавета Тюдор, английская королева
1559	— Мир в Като-Камбрези между Испанией и Францией
1559—1588	— Фредерик II, датский король
1560	— Амбуазский заговор во Франции
1560—1574	— Карл IX, французский король

1560—1598	— Гражданские войны во Франции
1561—1626	— Фрэнсис Бэкон, английский ученый и философ
1562—1635	— Лопе де Вега, испанский драматург
1563—1570	— Семилетняя война Дании с Швецией
1564—1576	— Максимилиан II, германский император
1564—1616	— Уильям Шекспир
1564—1642	— Галилео Галилей
1566	— Иконоборческое восстание в Нидерландах. Начало буржуазной революции
1568—1571	— Восстание морисков в Испании
1568—1639	— Томазо Кампанелла, итальянский философ-утопист
1571	— Битва при Лепанто. Победа объединенных морских сил Испании и Венеции над турецким флотом
1571—1574	— Иоан Вода Лютый, молдавский господарь
1571—1630	— Иоганн Кеплер, немецкий астроном
1572, 1 апреля	— Захват «гёзами» Бриля и начало восстания на севере Нидерландов
1572, ночь на 24 августа	— Варфоломеевская ночь, массовые убийства гугенотов в Париже
1576	— Образование гугенотской Конфедерации и Католической лиги во Франции
1576	— Восстание на юге Нидерландов. «Гентское умиротворение»
1576—1612	— Рудольф II Габсбург, германский император
1577—1640	— Петер Пауль Рубенс, фламандский художник
1578—1579	— Крестьянские восстания во Фландрии
1579	— Утрехтская уния северных провинций Нидерландов
1579	— Арраская уния южных провинций Нидерландов
1581	— Присоединение Португалии к Испании
1581, 26 июля	— Низложение Филиппа II в Нидерландах
1588—1648	— Кристиан IV, король Дании
1584	— Убийство Вильгельма Оранского, статхаудера Соединенных провинций
1585, 17 августа	— Падение Антверпена. Поражение революции и освободительной войны во Фландрии и Брабанте
1585	— Крестьянская война в Арагоне
1585	— Образование Парижской лиги
1585—1625	— Мориц Нассауский, статхаудер Соединенных провинций
1587	— Казнь Марии Стюарт, шотландской королевы
1587—1632	— Сигизмунд III Ваза, король Польши и Швеции (с 1592 по 1599 г.)
1588	— Восстание в Париже
1588	— Поход и гибель «Непобедимой Армады»
1589	— Убийство Генриха III. Прекращение династии Валуа во Франции
1589—1610	— Генрих IV, французский король. Начало династии Бурбонов
1591—1606	— Австро-турецкая война
1592—1594	— Восстание «кроканов» во Франции
1594—1603	— Народное восстание в Ирландии против английского господства
1595	— Тявзинский мир Швеции с Россией. Потеря Россией Нарвы
1595	— Восстание подмастерьев и городской бедноты в Лондоне
1595—1597	— Крестьянское восстание в Австрии
1596—1597	— Крестьянское восстание в Финляндии («Война дубинок»)
1596—1650	— Рене Декарт, французский ученый и философ
1598	— Нантский эдикт Генриха IV

1599—1660	— Диего Веласкес, испанский художник
1600	— Основание английской Ост-Индской компании
1602	— Основание голландской Ост-Индской компании
1606—1669	— Рембрандт Харменс ван Рейн, великий голландский художник
1607	— Основание английской колонии в Виргинии (Северная Америка)
1609	— Изгнание морисков из Испании
1609—1617	— Шведская интервенция в Россию
1609	— Перемирие Испании с Соединенными провинциями
1610—1643	— Людовик XIII, французский король
1611—1632	— Густав II Адольф, шведский король
1614	— Генеральные штаты во Франции
1617	— Столбовский мир Швеции с Россией
1618—1620	— Восстание в Чехии против Габсбургов
1618—1648	— Тридцатилетняя война в Европе
1619—1637	— Фердинанд II Габсбург, германский император
1620, 8 ноября	— Битва при Белой Горе, разгром чешских военных сил войсками Габсбургов
1621—1625	— Захват шведами Лифляндии с Ригой
1624	— Крестьянское движение в Керси (Франция)
1624—1642	— Правление кардинала Ришелье во Франции
1627—1628	— Осада Ларошели
1629	— «Эдикт милости» во Франции
1629, 6 марта	— «Реституционный эдикт» Фердинанда II Габсбурга. Возврат католической церкви секуляризованных земель
1631	— Битва при Брейтенфельде (под Лейпцигом). Победа шведов над императорскими войсками
1631—1632	— Крестьянское восстание в Северо-Восточной Венгрии
1632	— Битва при Люцене. Победа шведской армии; смерть Густава II Адольфа
1632	— Восстание в Бискайе (Испания)
1634	— Поражение шведов в битве при Нердингене
1635	— Вступление Франции на стороне Швеции в Тридцатилетнюю войну
1635	— Пражский мир
1636—1637	— Крестьянское восстание в Юго-Западной Франции
1637—1657	— Фердинанд III, германский император
1639	— Восстание «босоногих» в Нормандии
1640	— Отделение Португалии от Испании
1640—1652	— Восстание в Каталонии
1642	— Открытие голландским мореплавателем Абелем Тасманом земли Ван-Димена (ныне Тасмания)
1643—1645	— Датско-шведская война
1643—1727	— Исаак Ньютон
1645, март	— Битва при Янкове (Южная Чехия). Разгром императорских войск шведской армией
1647—1648	— Вооруженное восстание против испанского гнета в Сицилии и Неаполе
1648	— Вестфальский мир
1659	— Пиренейский мир Франции с Испанией
1665	— Признание Испанией независимости Португалии

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники и литература ко всему тому

Труды основоположников марксизма-ленинизма

Маркс К. Британское владычество в Индии.— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч. т. 9, с. 130—132.

Маркс К. Капитал, т. I. — *К. Маркс.* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, с. 125—134, 348—381; 725—773; Капитал, т. III. Соч., т. 25, ч. I, с. 355—370, т. 25, ч. II, с. 142—162, 344—380.

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, с. 423—457.

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Немецкая идеология. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, с. 49—62, 182—183.

Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, с. 294—320.

Энгельс Ф. Диалектика природы. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, с. 343—363, 495—499.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, с. 286—291, 310—317.

Энгельс Ф. Марка. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 327—345.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, с. 83, 171—177.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, с. 157—159, 285—392.

Источники

Хрестоматия по истории средних веков. Под ред. *Н. П. Грацианского* и *С. Д. Сказкина,* т. III. М., 1950.

Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время. Под ред. *В. П. Волгина.* М. — Л., 1929.

Хрестоматия по западноевропейской литературе. Литература семнадцатого века. Сост. *Б. И. Пуришев.* М., 1949.

Хрестоматия по западноевропейской литературе. Эпоха Возрождения. Сост. *Б. И. Пуришев.* М., 1947.

Исследования. Пособия

Алпатов М. В. Всеобщая история искусств, т. II. М. — Л., 1949.

Барг М. А. Проблемы социальной истории. М., 1973.

Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. — М.—Л., 1964.

Гутнова Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX в. — 1917 г.). М., 1974.

Европейские поэты Возрождения. М., 1974 (б-ка всемирной литературы, серия 1-я).

История дипломатии, т. I. Под. ред. *В. А. Зорина, В. С. Семенова. С. Д. Сказкина, В. М. Хвостова,* изд. 2-е, М., 1959.

Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. ЛГУ, 1955.

К главе 23

Возникновение капиталистических отношений в странах Западной Европы

Основоположники марксизма-ленинизма

Маркс К. Морализирующая критика и критизирующая мораль. — *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, с. 297—314.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 46, с. 500.

Маркс К. Капиталистическое производство как производство прибавочной стоимости. — Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), с. 91—113.

Энгельс Ф. Из рукописного наследства. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, с. 406—416.

Энгельс Ф. К жилищному вопросу. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, 253—254.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, с. 354—357.

Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. — Полн. собр. соч., т. 17, с. 71—73.

Ленин В. И. Государство и революция. — Полн. собр. соч., т. 33, с. 5—16.

Ленин В. И. Карл Маркс. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 60—73.

Ленин В. И. Кустарная перепись 1894—1895 гг. в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности. — Полн. собр. соч., т. 2, с. 385—403.

Ленин В. И. Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России. — Полн. собр. соч., т. 7, с. 111—116.

Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 64—84.

Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках. — Полн. собр. соч., т. 1, с. 67—122.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 125—140.

Исследования. Пособия

Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. II—III. М., 1900—1903 гг. Дискуссия о переходе от феодализма к капитализму — см. статьи:

Барг М. А. О так называемом кризисе феодализма в XIV—XV вв. — «Вопросы истории», 1960, № 8.

Косминский Е. А. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики. — Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. Сб. статей. М., 1963.

Корхов Ю. А. Дискуссия о переходе от феодализма к капитализму. — Сб.: Средние века, вып. XV, 1959.

Чистозвонов А. Н. Пересмотр концепции кризисов XIV—XV и XVII вв. в бельгийской и нидерландской историографии.— «Вопросы истории», 1970, № 11.

Сапрыкин Ю. М. Основные проблемы истории феодального общества в трудах В. И. Ленина. М., 1970.

Сказкин С. Д. Проблема абсолютизма в Западной Европе (время и условия его возникновения). Сб. статей. М., 1957, с. 5—18.

Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. Материалы научной сессии. М., 1969.

Цейтлин Е. А. Очерки истории текстильной промышленности. М. — Л., 1940.

Чистозвонов А. Н. О стадиально-региональном изучении буржуазных революций XVI—XVIII вв. в Европе. — «Новая и новейшая история», 1973, № 2.

К главе 24

Великие географические открытия
Основоположники марксизма-ленинизма
(см. общий раздел)

Источники

Диаз Берналь. Записки солдата Берналя Диаза, т. 1—2. Л., 1924—1925.

Открытие великой реки Амазонок. Хроники и документы XVI века о путешествиях Франсиско де Орельяны. Перев. с исп. М., 1963.

Пигафетта Антонио. Путешествие Магеллана. Перев. с итал. М., 1950.

Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. Перев. с исп. М., 1961.

Шумовский Т. А. Три неизвестпые (стихотворные) лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да Гамы, в уникальной рукописи Института востоковедеиия АН СССР. М. — Л., 1957.

Исследования. Пособия

Кунин К. И. Васко да Гама. М., изд. 2-е, 1947.

Кунин К. И. Магеллан. М., 1940.

Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М., 1957.

Свет Я. М. По следам путешественников и мореплавателей Востока. Очерки. М., 1955.

Томсон Дж. О. История древней географии. Перев. с англ. М., 1953.

Хеннинг Р. Неведомые земли. Перев. с нем., т. I—IV. М., 1961—1963.

Харт Г. Морской путь в Индию. Рассказ о плаваниях и подвигах португальских мореходов, а также о жизни и времени дона Васко да Гамы, адмирала, вице-короля Индии и графа Видигейры. Перев. с англ. М., 1954.

К главе 25

Германия в XVI и в начале XVII в.

Основоположники марксизма-ленинизма

Маркс К. Письмо Фердинанду Лассалю от 19 апреля 1859 г. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 29, с. 482—485.

Энгельс Ф. Диалектика природы. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, с. 345—363.

Энгельс Ф. Заметки о Германии. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, с. 571—575.

Энгельс Ф. Из рукописного наследства. К «Крестьянской войне».—*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, с. 417—418.

Энгельс Ф. К истории прусского крестьянства. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, с. 246—257.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, с. 345—437.

Источники

Крестьянские движения в Германии перед Реформацией. Сборник документов. Саратов, 1961.

Фон Гуттен Ульрих. Диалоги. Публицистика. Письма. Сост. и перев. с латин. Т. П. Маркиша. М., 1959.

Исследования. Пособия

Володарский В. М. Гуманистические воззрения Ульриха фон Гуттена. — Сб.: Средние века, вып. 24, 1963.

Володарский В. М. Социально-политические взгляды Ульриха фон Гуттена — Сб.: Средние века, вып. 26, 1964.

Кедиц А. К истории народного движения в Мюльхаузене (Тюрингия) в 1523—1575 гг. — Сб.: Средние века, вып. XXI и XXII, 1962.
Пуришев Б. И. Очерки немецкой литературы XV—XVII вв. М., 1955.
Смирин М. М. Народная Реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война. М., 1955.
Смирин М. М. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952.
Смирин М. М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV—XVI вв.). М., 1969.
Смирин М. М. Передовые идеи народной Реформации. — Сб.: Средние века, вып. 39. М., 1975.
Циммерман В. История Крестьянской войны в Германии (по летописям и рассказам очевидцев). Перев. с нем., т. I—II. М., 1937.
Штекли А. Томас Мюнцер. М., 1961.

К главе 26

Реформация в Швейцарии. Феодальная реакция и контрреформация в Европе

Основоположники марксизма-ленинизма

Энгельс Ф. Гражданская война в Швейцарии. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, с. 349—356.

Источники

Инфессура С. и *Бурхард И.* Дневники. Документы по истории папства XV—XVI вв. М., 1939.

Исследования. Пособия

Виппер Р. Ю. Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. М., 1894.
Ван Мюйден. История швейцарского народа. Перев. с франц., т. II, СПб., 1900.
Лозинский С. Г. История папства, т. I. М., 1961.
Михневич Д. Е. Очерки по истории католической реакции (иезуиты). М., 1955.
Шейман М. М. Папство. М., 1961.

К главе 27

Испания в XVI и первой половине XVII в

Основоположники марксизма-ленинизма

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Армада. — *К. Маркс* и *Ф. Энегльс.* Соч., т. 14, с. 172—173.
Маркс К. Революционная Испания. Очерк I. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 10, с. 425—433.

Источники
(см. общий раздел)

Исследования. Пособия

Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. Перев. с исп. М., 1951.
Кудрявцев А. Е. Испания в средние века. Л., 1937.
Литаврина Э. Д. Испанский экономист Томас Меркадо о причинах и сущности «революции цен». — Сб.: Европа в средние века. М., 1972.

Литаврина Э. Д. Испания в эпоху великих географических открытий.— Сб. Бартоломе Лафкасас. М., 1966.
Лозинский С. Г. Инквизиция в Испании. СПб., 1914.

К главе 28

Нидерландская буржуазная революция. Республика соединенных провинций в первой половине XVII в.

Основоположники марксизма-ленинизма

Маркс К. Буржуазия и контрреволюция. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, с. 114.
Маркс К. и *Энгельс Ф.* Статьи из «Новой рейнской газеты». — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, с. 114.
Энгельс Ф. Армия. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 14, с. 5—50.

Источники

Форстен Г. В. Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях, вып. I, СПб., 1889.

Исследования. Пособия

Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI--XVII веках. Перев. с нем. М., 1949.
Мотылев В. Е. Экономическое развитие Нидерландов в XVI—XVIII вв. Лекции по курсу «История народного хозяйства зарубежных стран». М., 1957.
Мотлей Д. История нидерландской революции и основания республики Соединенных провинций. Перев. с англ., т. I—III. СПб., 1865—1871.
Пиренн А. Нидерландская революция. Перев. с франц. М., 1937.
Чистозвонов А. Н. Гентское восстание 1539—1540 гг. М., 1957.
Чистозвонов А. Н. Нидерландская буржуазная революция XVI века. М., 1958.
Чистозвонов А. Н. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI в. М., 1964.
Чистозвонов А. Н. Роль кальвинизма в нидерландской буржуазной революции XVI в. — Сб.: Средние века, вып. 32. М., 1971.
Чистозвонов А. Н. Судьбы раннего капитализма в республике Соединенных провинций. — «Вопросы истории», 1972, № 4.

К главе 29

Италия в XVI и первой половине XVII в.

Основоположники марксизма-ленинизма

Маркс К. Письмо Энгельсу от 25 сентября 1857 г. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 29, с. 153—155.

Источники

Бруно Джордано. Диалоги. Перев. с итал. М., 1949.
Галилей Галилео. Избранные труды, т. I—II. М., 1964.
Гвиччардини Ф. Сочинения. М. — Л., 1934.
Джордано Бруно перед судом инквизиции (краткое изложение следственного дела Джордано Бруно). — Вопросы религии и атеизма, вып. 6. М., 1958.
Кампанелла Томазо. Город Солнца. Перев. с латин. М., 1954.
Макиавелли Никколо. Государь и рассуждения на первые три книги Тита Ливия. Перев. с итал. СПб., 1869.

Исследования. Пособия

Галилей Галилео. 1564—1642. — Сборник, посвященный 300-летней годовщине со дня смерти Галилео Галилея. М. — Л., 1943.

Горфункель А. Х. Джордано Бруно. М., 1973.

Виппер Б. Р. Борьба течений в итальянском искусстве XVI века (1520—1590). — К проблеме кризиса итальянского гуманизма. М., 1956.

Виллари П. Джироламо. Савонарола и его время. Перев. с итал. т. I—II. М., 1913.

История Италии. т. I, М., 1970.

Пинский Л. К. Реализм эпохи Возрождения. М., 1961.

Ролова А. Д. Экономическое положение трудящихся масс Флоренции во второй половине XVI и в начале XVII в. Рига, 1974.

Рутенбург В. И. Великий итальянский атеист Ваннини. М., 1959.

Рутенбург В. И. Италия и Европа накануне нового времени (очерки), Л., 1974.

Рутенбург В. И. Титаны Возрождения. Л., 1976.

Самаркин В. В. К вопросу о формировании политических взглядов Франческо Гвиччардини. — «Вестник Московского университета», 1960, серия 9, историч. науки, № 5.

Сказкин С. Д. К вопросу о методологии истории возрождения и гуманизма. — Сб.: Средние века, вып. XI, 1958.

Штекли А. Кампанелла. М., 1960.

К главе 30

Англия в XVI в.

Основоположники марксизма-ленинизма

Маркс К. Теории прибавочной стоимости. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, с. 256—257.

Маркс К. Рецензия — Гизо «Почему удалась английская революция». *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, с. 222.

Энгельс Ф. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу». — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, с. 644.

Неопубликованное письмо Фридриха Энгельса к Женни Лонге. 24 февраля 1881 г. — Сб.: Средние века, вып. XIX, 1961.

Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг. — Полн. собр. соч., т. 16, с. 215—216, 252.

Источники

Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М., 1962.

Мор Т. Утопия. Утопический роман XVI—XVII вв. Библиотека всемирной литературы. М., 1971.

Исследования. Пособия

Аникст А. Шекспир. М., 1964.

Осипова Т. С. Освободительная борьба ирландского народа против английской колонизации (вторая половина XVI — начало XVII в.). М., 1962.

Сапрыкин Ю. М. Английская колонизация Ирландии в XVI — начале XVII века. М., 1958.

Сапрыкин Ю. М. Социально-политические взгляды английского крестьянства в XVI—XVII вв. М., 1972.

Семенов В. Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. Из истории обезземеления крестьян в Англии. М. — Л., 1949.

Тревельян Д. М. Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. Перев. с англ. М., 1959.

Штокмар В. В. Очерки по истории Англии XVI в. Л., 1957.

Штокмар В. В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л., 1962.

Яброва М. М. Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов, 1966.

К главе 31

Франция в XVI — первой половине XVII в.

Основоположники марксизма-ленинизма

Маркс К. Письмо Н. Ф. Даниэльсону от 10 апреля 1879 г. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма. М., 1953, с. 317—322.
Маркс К. Письмо Энгельсу от 27 июля 1854 г. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 28, с. 319—324.

Источники

Д'Обинье Агриппа. Трагические поэмы. Мемуары. М., 1949.
Внутренняя политика французского абсолютизма. Под ред. *А. Д. Люблинской.* М. — Л., 1966.
Документы по истории гражданской войны во Франции 1561—1563 гг. Под. ред. *А. Д. Люблинской.* М. — Л., 1962.
Документы по истории внешней политики Франции 1547—1548 гг. Под ред. *А. Д. Люблинской.* М. — Л., 1963.
Документы по истории Франции середины XVI в. Публикация Т. П. Вороновой и Е. Г. Гурари под ред. *А. Д. Люблинской.* — Сб.: Средние века, вып. XII, 1958; вып. XIII, 1958; вып. XIV, 1959; вып. XV, 1959; вып. XIX, 1961.

Исследования. Пособия

История Франции, т. 1. М., 1972.
Лозинский А. А. Генеральный совет Лиги (из истории Католической лиги во Франции 1594—1596 гг.) — Сб.: Средние века, вып. 33, 34. М., 1971.
Люблинская А. Д. Франция в начале XVII века (1610—1620). Л., 1959.
Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М. — Л., 1965.
Лучицкий И. Гугенотская аристократия и буржуазия на юге после Варфоломеевской ночи. СПб., 1870.
Лучицкий И. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции, ч. I. Киев, 1871.
Молдавская М. А. «Большой мятеж» 1529 г. в Лионе (из истории классовой борьбы во Франции). — Сб.: Средние века, вып. 35. М., 1972.

К главе 32

Скандинавские страны в XVI — первой половине XVII в.

Основоположники марксизма-ленинизма

Энгельс Ф. Армия. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 14, с. 32—33.
Энгельс Ф. Письма к П. Эрнсту 3 июня 1890 г. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма. М., 1953, с. 418—420.

Источники

Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сб. документов. М.—Л., 1960.
Форстен Г. В. Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях, вып. 1—2. СПб., 1889—1893.

Исследования. Пособия

Андерссон И. История Швеции. Перев. с швед. М., 1951.
Анохин Г. И. Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971.
Гуревич А. Я. Основные этапы социально-экономической истории норвежского крестьянства в XIII—XVII вв. — Сб.: Средние века, вып. XVI. М., 1959.

Евсеев В. Я. Крестьянское восстание «дубинная война» и финское народное творчество. — Скандинавский сборник, III. Таллин, 1957.
История Швеции. М., 1974.
Кан А. С. Социально-экономическая характеристика шведской деревни первой половины XVII в. — Сб.: Средние века, вып. IX. М., 1957.
Королюк В. Д. Ливонская война. М., 1954.
Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648), т. I—II. СПб., 1893—1894.

К главе 33

Венгрия, Трансильвания, Молдавия и Валахия в XVI — первой половине XVII в.

Основоположники марксизма-ленинизма

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Борьба в Венгрии. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, с. 175—186.
Маркс К. Восстание в Мадриде. Австро-турецкий договор. Молдавия и Валахия. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 10, с. 307.

Исследования. Пособия

История Венгрии, т. I. М., 1971.
Грекул Ф. А. Аграрные отношения в Молдавии в XVI — первой половине XVII в. Кишинев, 1961.
История Молдавии, т. I. Кишинев, 1951.
История Румынии. М., 1950.
Пристер Е. Краткая история Австрии. Сокращ. перев. с нем. М., 1952.
Сопко Т. М. Венгерское законодательство XVI в. о закрепощении крестьян. — «Вестник Московского университета», 1963, серия IX, История, № 6.

К главе 34

Балканские народы под властью Турции в XVI — первой половине XVII в.

Основоположники марксизма-ленинизма

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Восстание в Мадриде. Австро-турецкий договор. Молдавия и Валахия. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 10, с. 307—308.

Исследования. Пособия

Арш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д. Краткая история Албании. М., 1965.
Довтян И. С. Борьба сербского народа против турецкого ига. (XV—XIX вв.). М., 1958.
История Болгарии, т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М. — Л., 1954.
История Румынии. Сокращ. перев. с румынск. под ред. *М. Роллера.* М., 1968.
Новачев А. Д. История Турции, т. I. Л., 1963.
Русев Е. М. Развитие феодально-крепостнических отношений в Молдавии в XVI—XVII вв. Борьба молдавского народа за свержение турецкого ига. — В кн.: Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII вв. Кишинев, 1950.

К главе 35

Международные отношения в XVI — первой половине XVII в. Тридцатилетняя война

Основоположники марксизма-ленинизма

Энгельс Ф. Армия. — *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 14, с. 5—50.

Энгельс Ф. Артиллерия. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 14, с. 199—204.

Энгельс Ф. Кавалерия. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 14, с. 305—306.

Энгельс Ф. Пехота. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 14, с. 363—370.

Энгельс Ф. Положение в Германии. Письмо первое. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, с. 559—565.

Источники
(см. общий раздел)

Исследования. Пособия

Алексеев В. М. Тридцатилетняя война. Л., 1961.

Грох М. К вопросу об экономических отношениях стран Восточной и Западной Европы в переломный период Тридцатилетней войны. — Сб.: Средние века, вып. 24. М., 1963.

Полишенский Й. «Чешский вопрос» и политические взаимоотношения Западной и Восточной Европы в первый период Тридцатилетней войны. — Сб.: Средние века, вып. 24. М., 1963.

Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. Перев. с нем. М., 1941.

Шинделарж Б. Вестфальский мирный конгресс 1643—1648 гг. и Чешский вопрос. — Сб.: Средние века, вып. 28, 29. М., 1965, 1966.

К главе 36

Развитие естествознания в Западной Европе в XVI и первой половине XVII в.

Основоположники марксизма-ленинизма
(см. общий раздел)

Источники

Бэкон Ф. Сочинения. Под ред. *А. Л. Субботина.* т. I—II. М., 1971—1972.

Везалий А. О строении человеческого тела. Перев. с латин. т. I—II, М., 1950—1954.

Галилей Галилео. Избранные труды. Перев. с латин. и итальян., т. I—II. М., 1964.

Декарт Ренэ. Избранные произведения. Перев. с франц. и латин., М., 1950.

Декарт Ренэ. Рассуждение о методе. Перев. с латин. М., 1913.

Исследования. Пособия

Асмус В. Ф. Декарт. М., 1956.

Баев К. Л. Создатели новой астрономии. Коперник, Бруно, Кеплер, Галилей. М., 1955.

Белый Ю. А. Иоганн Кеплер. М., 1971.

Даннеман Ф. История естествознания. Перев. с нем., т. I—II. М. — Л., 1932—1934.

Реввин Г. И. Николай Коперник (1473—1543). М., 1949.

Цейтен И. Г. История математики в XVI и XVII веках. М. — Л., 1938.

Штекли А. Э. Галилей. М., 1972.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

в двух томах

Под общей редакцией

С. Д. СКАЗКИНА

Редактор А. С. Янкова
Художественный редактор
Т. А. Коленкова
Художник В. В. Гарбузов
Технический редактор Т. Д. Гарина
Корректор М. М. Сапожникова

ИБ № 597

А—02414. Сдано в набор 15/XI—76 г. Подп. к печати 3/Х—77 г. Формат 60×90[1]/16. Бумага тип. № 1. Объем 21 п. л.+0,25 п. л. форз. Усл. печ. л. 21,25. Уч.-изд. л. 22,79+0,36 форз. Изд. № Ист—162. Тираж 50 000 экз. Зак. № 892. Цена 1 р. 10 к.

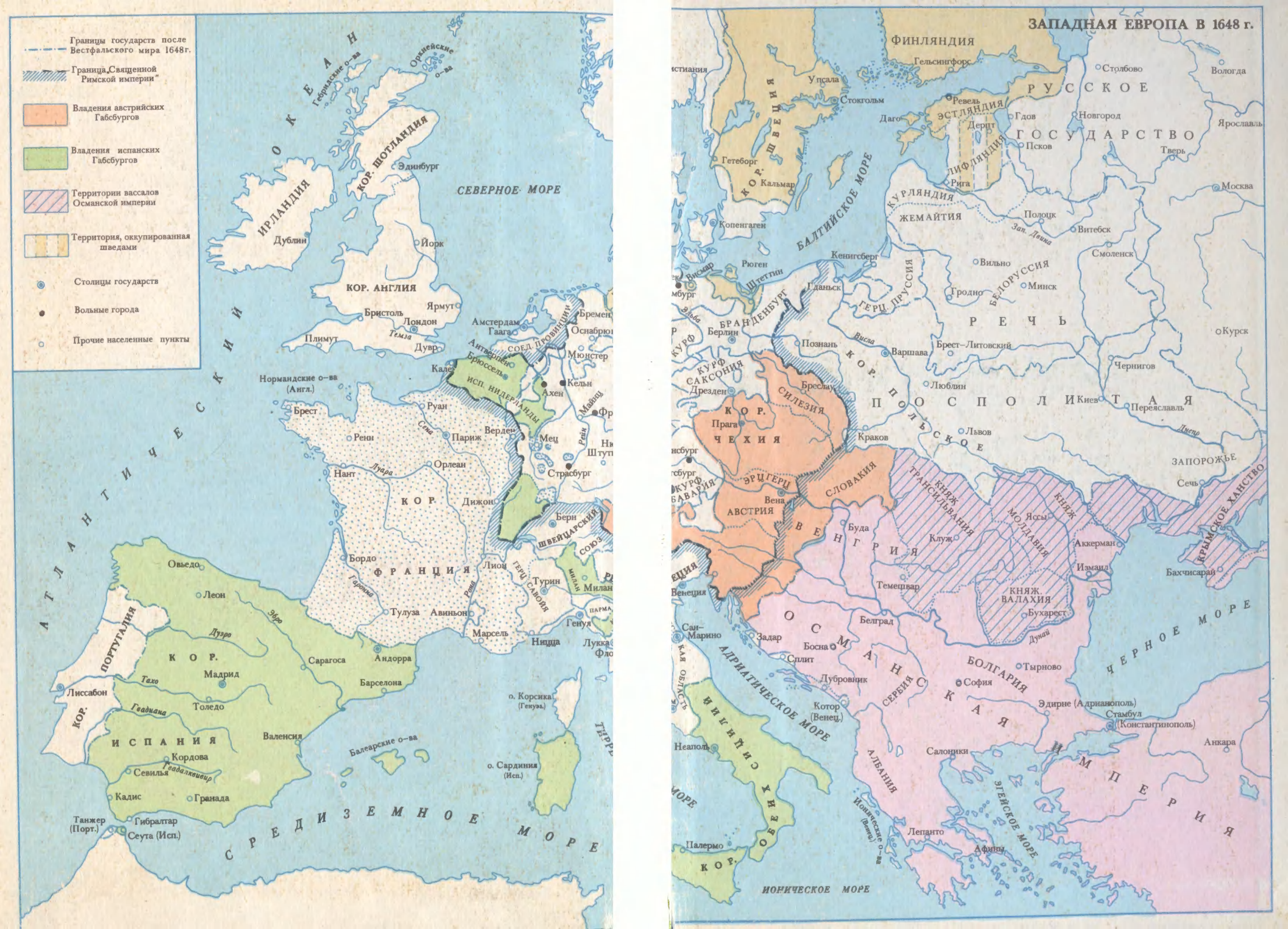
План выпуска литературы издательства «Высшая школа» (вузы и техникумы) на 1977 г. Позиция № 13

Издательство «Высшая школа»
Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ
С КОНЦА XV в. ДО СЕРЕДИНЫ XVII в.
о. Шпицберген
Баренц 1596г.
Новая Земля
Баффин 1616г.
ГРЕНЛАНДИЯ
ИСЛАНДИЯ
Виллоуби и Ченслер 1552г.
Архангельск
Гудсон 1610–1611гг.
Берген
Тверь
Москва
Копенгаген
Смоленск
Лондон
Бристоль
Плимут
Амстердам
Антверпен
Париж
Сен-Мало
Венеция
Генуя
Дунай
Астрахань
Каботы 1497г.
Картье 1535г.
Картье 1536г.
Кабот 1498г.
СЕВЕРНАЯ
АМЕРИКА
Новый Амстердам (Нью-Йорк)
Миссисипи
Дрейк 1578г.
Азорские о-ва
Мадрид
Лиссабон
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
о-ва Мадейра (Порт.)
Канарские о-ва (Исп.)
в Испанию
Колумб 1492.
Колумб 1493г.
Колумб 1502г.
Колумб 1498г.
о-ва Зелёного Мыса
Багамские о-ва
о. Куба
Кортес 1524г.
Мехико
Панама
Бальбоа 1513г.
Америго Веспуччи 1499–1500гг.
Амазонка
ЮЖНАЯ
АМЕРИКА
Лима
Куско
Рио-де-Жанейро
Сантьяго
Парана
Буэнос-Айрес
Магеллан 1520г.
Магеллан 1521г.
Дрейк 1579г.
Огненная Земля
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
ТИХИЙ ОКЕАН
АФРИКА
Нигер
Конго
Замбези
Дрейк 1580г.
Диас 1486–1487гг.
Возвращение спутников Магеллана 1522г.
Васко да Гама 1497г.
м. Доброй Надежды
ЕВРОПА
АЗИЯ
Обь
Енисей
Лена
Охотск
Амур
Пекин
Киото
Инд
Ормуз
Дели
АРАВИЯ
ИНДИЯ
Маскат
Диу
Бомбей
Гоа
Мадрас
Альбукерк
Каликут
Коломбо
о. Цейлон
Васко да Гама 1498г. (с арабскими лоцманами)
ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН
о. Мадагаскар
Тасман 1642г.
Макао
Португальцы 1542г.
Португальцы 1516г.
о. Тайвань
Филиппинские о-ва
о. Суматра
о. Борнео
Молуккские о-ва
о. Ява
о. Новая Гвинея
Дрейк 1579г.
Торрес 1606г.
Тасман 1644г.
Тасман 1642г.
АВСТРАЛИЯ
Возвращение спутников Магеллана 1522г.
Дрейк 1580г.
о. Тасмания
Новая Зеландия
Тасман 1642г.
Владения крупнейших колониальных держав в середине XVII в.
Португалия
Франция
Испания
Англия
Соединенные провинции (Голландия)
Первое и второе плавания Х. Колумба к островам „Антилия“, „Бразилия“
Открытие морского пути в Индию вокруг Африки Васко да Гамой
Третье и четвертое плавания Х. Колумба в поисках западного пути в Индию
Открытие западного пути в Индию и первое кругосветное плавание
Плавания в поисках северо-западного пути в Индию
Плавания в поисках северо-восточного пути в Индию
Плавания Тасмана в поисках Южного материка и открытие Австралии
Прочие важнейшие пути поисков земель
1521 Места и даты гибели Ф. Магеллана, В. Баренца и Г. Гудсона
Важнейшие торговые пути до открытия морского пути в Индию вокруг Африки
Линии разделов мира между Испанией и Португалией по договорам в Тордесильясе 1494г. и Сарагосе 1529г.
Границы государств даны на 1648г.
Примечание: Цвет маршрутов западноевропейских путешествий указывает государственную принадлежность Португалии Испании Франции Англии Голландии

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В 1648 г.
Границы государств после Вестфальского мира 1648г.
Граница „Священной Римской империи"
Владения австрийских Габсбургов
Владения испанских Габсбургов
Территории вассалов Османской империи
Территория, оккупированная шведами
Столицы государств
Вольные города
Прочие населенные пункты
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
ИОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
ИРЛАНДИЯ
КОР. ШОТЛАНДИЯ
КОР. АНГЛИЯ
ФРАНЦИЯ
КОР. ИСПАНИЯ
КОР. ПОРТУГАЛИЯ
СОЕД. ПРОВИНЦИИ
ИСП. НИДЕРЛАНДЫ
ШВЕЙЦАРСКИЙ СОЮЗ
ГЕРЦ. САВОЙЯ
КОР. ШВЕЦИЯ
ФИНЛЯНДИЯ
ЭСТЛЯНДИЯ
ЛИФЛЯНДИЯ
КУРЛЯНДИЯ
ЖЕМАЙТИЯ
РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО
РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ
КОР. ПОЛЬСКОЕ
БЕЛОРУССИЯ
ГЕРЦ. ПРУССИЯ
БРАНДЕНБУРГ
КУРФ. САКСОНИЯ
КУРФ. БАВАРИЯ
КОР. ЧЕХИЯ
СИЛЕЗИЯ
ЭРЦГЕРЦ. АВСТРИЯ
СЛОВАКИЯ
ВЕНГРИЯ
КНЯЖ. ТРАНСИЛЬВАНИЯ
КНЯЖ. МОЛДАВИЯ
КНЯЖ. ВАЛАХИЯ
ЗАПОРОЖЬЕ
КРЫМСКОЕ ХАНСТВО
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
БОЛГАРИЯ
СЕРБИЯ
АЛБАНИЯ
КОР. ОБЕИХ СИЦИЛИЙ
Гебридские о-ва
Оркнейские о-ва
Эдинбург
Дублин
Йорк
Ярмут
Бристоль
Лондон
Темза
Плимут
Дувр
Амстердам
Гаага
Антверпен
Брюссель
Кале
Нормандские о-ва (Англ.)
Брест
Руан
Сена
Париж
Верден
Мец
Ахен
Кельн
Мюнстер
Бремен
Оснабрюк
Майнц
Рейн
Страсбург
Ренн
Нант
Луара
Орлеан
Дижон
Берн
Бордо
Гаронна
Лион
Рона
Турин
Милан
Тулуза
Авиньон
Марсель
Ницца
Генуя
Парма
Лукка
Овьедо
Леон
Эбро
Дуэро
Сарагоса
Андорра
Мадрид
Тахо
Барселона
Лиссабон
Толедо
Гвадиана
Валенсия
Кордова
Севилья
Гвадалквивир
Кадис
Гранада
Гибралтар
Танжер (Порт.)
Сеута (Исп.)
Балеарские о-ва
о. Корсика (Генуэз.)
о. Сардиния (Исп.)
Упсала
Стокгольм
Гельсингфорс
Ревель
Даго
Дерпт
Рига
Гетеборг
Кальмар
Копенгаген
Рюген
Висмар
Штеттин
Кенигсберг
Гданьск
Берлин
Эльба
Познань
Висла
Варшава
Дрезден
Бреслау
Прага
Краков
Вена
Буда
Столбово
Вологда
Гдов
Новгород
Ярославль
Псков
Тверь
Москва
Полоцк
Зап. Двина
Витебск
Смоленск
Вильно
Гродно
Минск
Брест–Литовский
Курск
Чернигов
Люблин
Киев
Переяславль
Днепр
Львов
Сечь
Ясcы
Клуж
Аккерман
Измаил
Бахчисарай
Темешвар
Бухарест
Дунай
Белград
Задар
Босна
Сплит
Дубровник
Котор (Венец.)
Тырново
София
Эдирне (Адрианополь)
Стамбул (Константинополь)
Анкара
Салоники
Лепанто
Афины
Ионические о-ва (Венец.)
Сан-Марино
Венеция
Неаполь
Палермо